ANNALES

DE L'INSTITUT KONDAKOV

(SEMINARIUM KONDAKOVIANUM)

X

MÉLANGES A. A. VASILIEV

PRAHA 1938

АННАЛЫ

ИНСТИТУТА

ИМЕНИ Н. П. КОНДАКОВА

X

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ВЪ ЧЕСТЬ
А. А. ВАСИЛЬЕВА

ПРАГА 1938

À Alexandre A. Vasiliev

à l'occasion

de son LXX anniversaire

Александру Александровичу

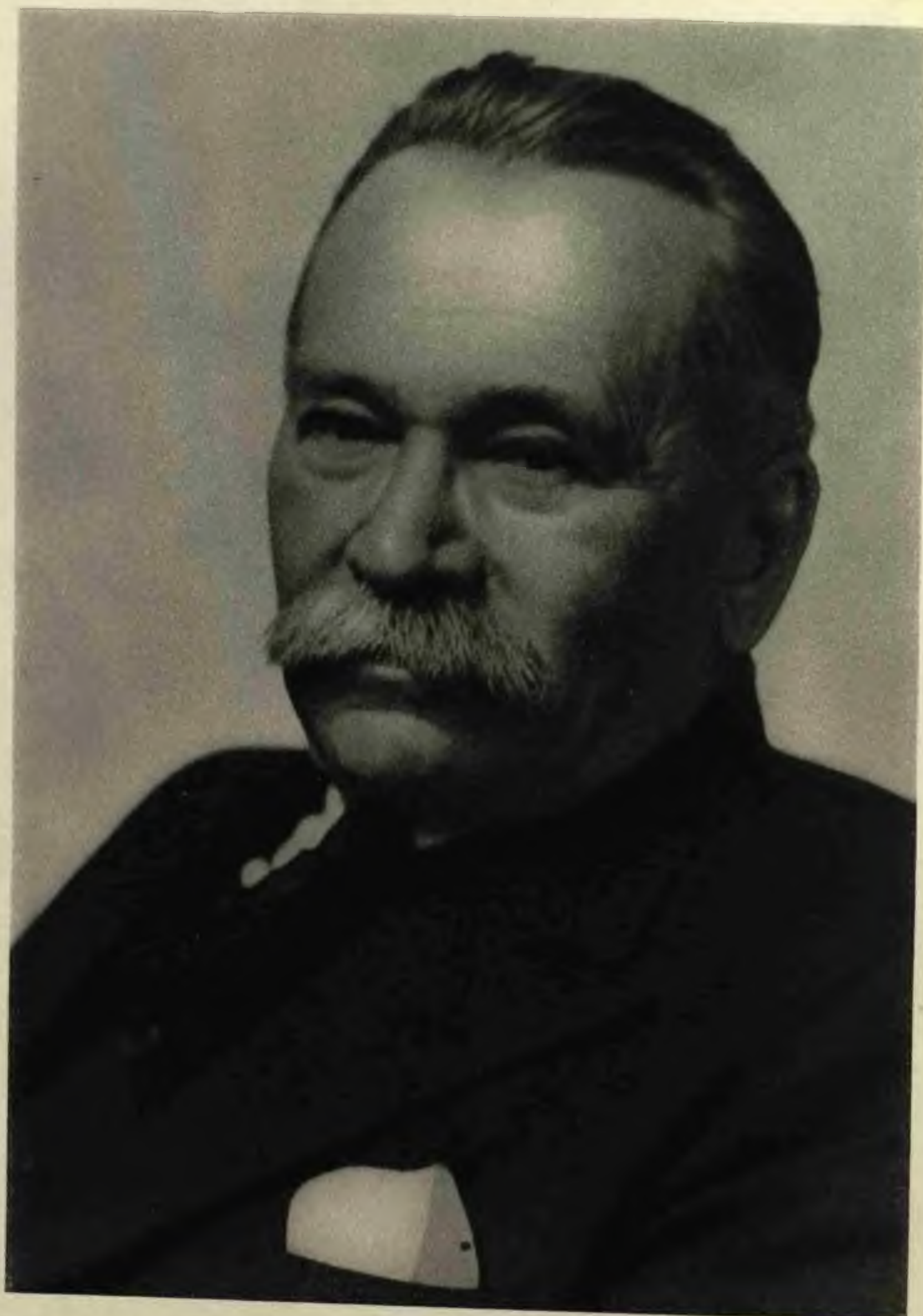
Васильеву

къ его семидесятилѣтiю

Типографія „Политика“

Прага

Тиражъ 430 экз.

А. А. ВАСИЛЬЕВЪ

(Къ семидесятилѣтію его)

(Родился 22 сентября 1867 года)

1.

Александръ Александровичъ Васильевъ стоитъ во главѣ византиновѣдовъ нашего времени, поддерживая славныя традиціи русской исторической науки.

Перу его принадлежитъ рядъ цѣнныхъ монографій и статей, содержащихъ тщательное и кропотливое изслѣдованіе отдѣльныхъ проблемъ византиновѣдѣнія, а также и лучшій общій курсъ исторіи Византіи, появившійся сперва на русскомъ языкѣ, затѣмъ, въ дополненномъ и переработанномъ видѣ, по-англійски и, наконецъ, въ новой переработкѣ, — по-французски.

Знаніе арабскаго языка помогло Александру Александровичу изучить исторію и культуру Византіи на значительно болѣе широкомъ фундаментѣ, чѣмъ тотъ, на которомъ строили обычно другіе, хотя бы тоже первостепенные, византологи, изъ которыхъ не всѣ владѣли и славянскими языками.

Въ настоящее время, приближаясь къ своему семидесятилѣтію, А. А. Васильевъ находится еще въ расцвѣтѣ своихъ творческихъ силъ. Къ вопросу о возрастѣ своемъ Александръ Александровичъ относится съ нѣкоторымъ юмористическимъ недоумѣніемъ. 20 ноября 1936 года А. А. написалъ автору настоящаго очерка слѣдующія строки:

„Ваше письмо съ оповѣщеніемъ, что въ будущемъ году исполняется семидесятилѣтіе моей земной жизни, было для меня совершенной неожиданностью. Никогда не повѣрю, что въ будущемъ году мнѣ будетъ 70 лѣтъ. Въ какихъ нибудь старыхъ словаряхъ, вѣроятно, дается годъ моего рожденія, что-нибудь вродѣ 1867 г.; но я почти увѣренъ, что здѣсь кроется какая-нибудь арифметическая неточность. Ну, да въ концѣ концовъ, если Вамъ хочется дать мнѣ 70 лѣтъ, ‚годы маститаго ученаго', пусть будетъ такъ."

2.

Александръ Александровичъ родился 22 сентября 1867 года въ С.-Петербургѣ. Отецъ его Александръ Степановичъ Васильевъ — майоръ, позднѣе подполковникъ арміи, — былъ начальникомъ крѣпостной команды Петропавловской крѣпости, гдѣ Александръ Александровичъ и провелъ первые годы своего дѣтства.

Въ 1877 году Александръ Степановичъ былъ назначенъ въ г. Вязьму, Смоленской губерніи, организовать одинъ изъ батальоновъ для дѣйствующей противъ турокъ арміи. Въ 1877—79 гг. Александръ Степановичъ былъ воинскимъ начальникомъ въ г. Сычевкѣ, Смоленской губерніи. Умеръ онъ въ 1880 г. въ С.-Петербургѣ.

Мать Александра Александровича — Ольга Александровна — происходила изъ купеческой семьи Челпановыхъ. Челпановы имѣли магазинъ военныхъ вещей въ Гостинномъ Дворѣ въ С.-Петербургѣ. Братъ Ольги Александровны былъ одно время предсѣдателемъ Спб. Купеческой Управы. Ольга Александровна скончалась въ 1912 году.

Въ 1880 году Ал. Ал-чъ поступилъ во второй классъ Спб. I классической гимназіи. Учился Ал. Ал-чъ блестяще и вплоть до окончанія гимназіи былъ первымъ ученикомъ въ классѣ. Кончилъ гимназію (въ 1887 году) съ золотой медалью. Во второмъ классѣ учитель латинскаго языка ставилъ Ал. Ал-чу даже въ четвертныхъ отмѣткахъ 5+ Труднѣе давалась Ал. Ал-чу лишь математика, которую преподавалъ извѣстный педагогъ Верещагинъ. Все же Ал. Ал-чъ получалъ „четверки" и „пятерки" и по математикѣ, хотя, по собственному его мнѣнію, и незаслуженно. Со второго класса гимназіи Ал. Ал-чъ началъ вести на латинскомъ языкѣ дневникъ. Этимъ способомъ обезпечивалась тайна записей отъ постороннихъ взоровъ — а записи касались часто сердечныхъ увлеченій юнаго гимназиста. Въ первой тетрадкѣ дневника латынь Ал. Ал.-ча еще очень хромала. Во второй тетрадкѣ латынь была уже нѣсколько лучше.

Изъ своихъ гимназическихъ товарищей Ал. Ал-чъ на всю жизнь сохранилъ дружбу съ В. Н. Златарскимъ.[1]

Въ числѣ учителей Ал. Ал-ча въ гимназіи, кромѣ упомянутаго уже Верещагина, былъ хорошій преподаватель исторіи — Алексѣй Алексѣевичъ Кондратьевъ. Нѣкоторые изъ преподавателей древнихъ и новыхъ языковъ плохо говорили порусски и гимназисты надъ ними потѣшались.

Еще до поступленія въ гимназію Ал. Ал-чъ началъ увлекаться музыкой. Первая опера, на представленіи которой былъ Ал. Ал-чъ, — „Рогнѣда" Сѣрова. На это представленіе повелъ его отецъ. Уже гимназистомъ Ал. Ал.-чъ былъ на первомъ представленіи „Снѣгурочки" Римскаго-Корсакова въ Маріинскомъ театрѣ (1882). Былъ Ал. Ал-чъ и на первомъ представленіи „Евгенія Онѣгина" на императорской сценѣ (1884) и видѣлъ тогда въ первый разъ П. И. Чайковскаго, присутствовавшаго на этомъ спектаклѣ. Будучи гимназистомъ Ал. Ал-чъ уже довольно бойко игралъ на рояли. Съ III класса гимназіи началъ онъ писать оперу „Бояринъ Орша", составляя либретто по Лермонтову съ собственными дополненіями.

Въ старшихъ классахъ гимназіи Ал. Ал-чъ началъ играть на рояли оперы для своихъ родныхъ и друзей. Составлялось расписаніе на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Въ назначенный день Ал. Ал-чъ садился за рояль въ 7 часовъ вечера и игралъ всю оперу сплошь. Оперные вечера Ал. Ал-ча продолжались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и послѣ окончанія имъ гимназіи. Сперва Ал. Ал-чъ игралъ итальянскія оперы и Глинку („Жизнь за Царя" и „Русланъ и Людмила"). Позднѣе

[1]) См. воспоминанія Ал. Ал-ча о Златарскомъ въ VIII томѣ Seminarium Kondakovianum, стр. 280—2.

очень увлекся Чайковскимъ; „Евгенія Онѣгина“ игралъ на своихъ вечерахъ около 100 разъ.

Страсть къ музыкѣ осталась у Ал. Ал-ча на всю жизнь. Позже онъ занимался музыкой очень серьезно и на занятія музыкой посвятилъ массу времени. По его собственнымъ словамъ, музыку онъ, вѣроятно, любилъ и любитъ больше, чѣмъ науку.

По окончаніи первой гимназіи (1887) Ал. Ал-чъ поступилъ на I-й курсъ историко-филологическаго факультета СПб Университета, но уже черезъ двѣ недѣли перешелъ на I курсъ восточнаго факультета по арабскому отдѣленію и началъ заниматься арабскимъ языкомъ у барона В. Р. Розена, а во второмъ полугодіи также персидскимъ у В. А. Жуковскаго.

О византійской исторіи Ал. Ал-чъ въ это время еще не думалъ и вообще опредѣленныхъ научныхъ интересовъ у него еще не было. Арабскій языкъ его привлекалъ своей экзотичностью, было настроеніе — уйти отъ жизни, погрузиться въ какой-то особый міръ. Мелькали также и мысли о дипломатической службѣ — въ Египтѣ и вообще на ближнемъ Востокѣ.

Въ концѣ перваго года своего студенчества Ал. Ал-чъ рѣшилъ, однако, перейти обратно на историко-филологическій факультетъ. Арабскій и персидскій языки онъ продолжалъ изучать въ качествѣ вольнослушателя.

Согласно плану занятій на историко-филологическомъ факультетѣ Спб. университета первые два курса были посвящены общей подготовкѣ. Съ третьяго курса начиналась специализація — нужно было выбрать одно изъ четырехъ отдѣленій: 1) классическое, 2) историческое, 3) словесное или 4) романо-германское.

Весною 1890 года Ал. Ал-чъ приближался къ окончанію II курса историко-филологическаго факультета и ему предстояло сдѣлать выборъ между отдѣленіями на будущій годъ. Сперва онъ думалъ пойти на классическое отдѣленіе и заняться греческой литературой подъ руководствомъ П. В. Никитина.

Неожиданное обстоятельство заставило Ал. Ал-ча перемѣнить планы. Въ эту весну былъ балъ у тюрколога В. Д. Смирнова. Въ перерывѣ между танцами Ал. Ал-чъ встрѣтился на балу со своимъ профессоромъ арабскаго языка, барономъ В. Р. Розеномъ. Розенъ спросилъ Васильева, на чемъ онъ хочетъ специализироваться. Васильевъ предположительно упомянулъ о классическомъ отдѣленіи. Розенъ подумалъ и сказалъ: „Отчего бы вамъ не пойти на историческое отдѣленіе съ тѣмъ, чтобы специализироваться по исторіи Византіи. Вы знаете и греческій и арабскій — это прочный фундаментъ. Сходите отъ моего имени къ В. Г. Васильевскому, посовѣтуйтесь съ нимъ.“

Черезъ нѣсколько дней Ал. Ал-чъ отправился къ В. Г. Васильевскому, жившему въ скромной квартиркѣ на Васильевскомъ Островѣ. Ал. Ал-чъ разсказалъ Васильевскому о совѣтѣ Розена. Васильевскій спросилъ Ал. Ал-ча:

— А что Вы читали по Византіи?

— Ничего.

— Можете ли Вы начать заниматься Византіей этимъ лѣтомъ? Что Вы дѣлаете лѣтомъ?

— Ѣду за границу.

— Ну, поѣзжайте, только возьмите Гиббона и прочтите за лѣто.

Гиббона Ал. Ал-чъ за лѣто прочелъ и съ осени началъ серьезно заниматься византійской исторіей подъ руководствомъ Васильевскаго. На IV курсѣ Ал. Ал-чъ написалъ сочиненіе о царствованіи Анастасія I, за которое получилъ по отзыву Васильевскаго золотую медаль.

Кромѣ Васильевскаго, Ал. Ал-чъ находился въ постоянномъ научномъ общеніи съ барономъ Розеномъ и съ П. В. Никитинымъ. Никитинъ былъ мало доступенъ и почти ни съ кѣмъ не былъ близокъ. У А. Ал-ча установились однако прочныя дружескія отношенія съ нимъ, продолжавшіяся до самой смерти Никитина.

Изъ молодыхъ профессоровъ того времени Ал. Ал-чъ слушалъ лекціи С. Ф. Платонова. Платоновъ началъ преподавать въ университетѣ, когда Ал. Ал-чъ былъ на II курсѣ. Ал. Ал-чъ вспоминаетъ, какъ деканъ, И. В. Помяловскій, совѣтовалъ студентамъ записаться на лекціи Платонова: „Талантливый молодой человѣкъ!“

Составъ студентовъ историко-филологическаго факультета въ годы ученія Ал. Ал-ча былъ блестящій. Вмѣстѣ съ Ал. Ал-чемъ въ семинаріи Васильевскаго работали А. Е. Прѣсняковъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, И. И. Лаппо — позднѣе специализировавшіеся на русской исторіи; Э. Д. Гриммъ (всеобщая исторія), Б. М. Меліоранскій (исторія церкви), В. Н. Златарскій (исторія Византіи).

На восточномъ факультетѣ товарищами Ал. Ал-ча были П. М. Меліоранскій и В. В. Бартольдъ. Товарищами по курсу Ал. Ал-ча были также М. И. Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ, С. В. Рождественскій. Ростовцевъ и Ал. Ал-чъ были на разныхъ отдѣленіяхъ, но къ концу курса сблизились и на банкетѣ при окончаніи курса перешли на ты.

И въ студенческіе свои годы, какъ и до и послѣ университета, Ал. Ал-чъ много вниманія отдавалъ музыкѣ. Одновременно съ поступленіемъ (вторичнымъ) на историко-филологическій факультетъ Ал. Ал-чъ поступилъ на I курсъ консерваторіи. Въ консерваторіи былъ одинъ годъ. Занимался главнымъ образомъ у Соловьева (автора „Корделіи“) — изучалъ музыкальныя формы. Однажды Ал. Ал-чу пришлось экзаменоваться у Антона Рубинштейна (который въ то время былъ директоромъ Консерваторіи) — тотъ заставилъ его гаммы пѣть.

Съ Чайковскимъ Ал. Ал-чъ лично не былъ знакомъ, но видѣлъ его довольно часто; первый разъ, какъ было уже сказано, когда Ал. Ал-чъ былъ еще гимназистомъ. Былъ Ал. Ал-чъ и на первомъ представленіи „Чародѣйки“, когда дирижировалъ самъ Чайковскій (1887). Съ Глазуновымъ Ал. Ал-чъ познакомился нѣсколько позже.

3.

По окончаніи университета (1892) Ал. Ал-чъ получилъ мѣсто преподавателя латинскаго языка въ той же Первой С.-Петербургской гимназіи, въ которой самъ учился. Нѣкоторые прежніе его учителя (напр. историкъ Кондратьевъ) оказались теперь его коллегами.

Какъ съ коллегами, такъ и съ учениками у Ал. Ал-ча установились прекрасныя отношенія. Ученики любили его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, побаивались, какъ препо-

давателя. Въ результатѣ — учились хорошо. При опредѣленіи на преподавательское мѣсто Ал. Ал-чъ получилъ сначала II классъ — 6 часовъ въ недѣлю. Потомъ число уроковъ его увеличилось до 24 часовъ въ недѣлю.

При такомъ числѣ уроковъ и при увлеченіи музыкою на научную работу у Ал. Ал-ча оставалось мало времени, и возлагавшій на него большія надежды В. Г. Васильевскій началъ сильно безпокоиться. Въ 1893 г. однако появился (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія) первый печатный трудъ Ал. Ал-ча — рецензія на изданное въ 1892 г. И. Помяловскимъ „Житіе Ѳеодора, архіепископа Эдесскаго".

Черезъ годъ послѣ этого сталъ выходить „Византійскій Временникъ", къ участію въ редакціи котораго В. Г. Васильевскій всячески старался привлечь Ал. Ал-ча. Въ I томѣ „Византійскаго Временника" (1894) появилась извѣстная статья Ал. Ал-ча „Происхожденіе Императора Юстиніана".

Врядъ ли, однако, Ал. Ал-чъ смогъ бы продолжать научно работать, если бы продолжалась безъ перерыва его служба какъ преподавателя гимназіи. Но въ 1895 г., когда Ал. Ал-чъ однажды обѣдалъ у Никитиныхъ, П. В. убѣдилъ его подать прошеніе о заграничной командировкѣ для научно-изслѣдовательской работы и подготовки къ профессорскому званію.

П. В. Никитинъ былъ въ это время ректоромъ С.-Петербургскаго Университета, что обезпечило благопріятное рѣшеніе вопроса.

Заграничная командировка была дана А. Ал-чу на три года (съ жалованіемъ 100 рублей въ мѣсяцъ), но Ал. Ал-чъ выѣхалъ за границу ранѣе начала офиціальнаго срока командировки и первые полгода путешествовалъ на свои средства (лишь съ небольшой субсидіей отъ министерства). Всего, такимъ образомъ, Ал. Ал-чъ провелъ за границею, съ перерывами, три съ половиною года (1897—1900).

Первый годъ своей заграничной поѣздки Ал. Ал-чъ провелъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Въ Парижѣ Ал. Ал-чъ занимался арабскимъ и турецкимъ языками въ Ecole des langues orientales vivantes у Дарамбура (Darembourg); эѳіопскимъ языкомъ у Алеви (Halévy) въ Сорбоннѣ. Подъ руководствомъ этого послѣдняго Ал. Ал-чъ изучалъ орхонскія (турецкія) надписи и химьяритскія надписи Южной Аравіи. Съ Алеви Ал. Ал-чъ близко сошелся. Былъ Ал. Ал-чъ на первомъ съѣздѣ византологовъ, который открывалъ Альфредъ Рамбо (Rambaud), бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія. Изъ Парижа Ал. Ал-чъ поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ писалъ свою магистерскую диссертацію („Политическія отношенія Византіи и Арабовъ за время Аморійской династіи"). Ал. Ал-чъ предполагалъ остаться въ Лондонѣ на болѣе долгій срокъ, но В. Г. Васильевскій въ своихъ письмахъ настаивалъ, чтобы Ал. Ал-чъ поѣхалъ въ Вѣну для занятій съ Иречкомъ (K. Jireček). Ал. Ал-чъ уступилъ, поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и пробылъ лѣтній семестръ 1898 года. Лекціи Иречка Ал. Ал-ч слушалъ, но, по его словамъ, онѣ не особенно много ему дали.

Съ Иречкомъ Ал. Ал-чъ встрѣчался и по вечерамъ въ одной изъ вѣнскихъ пивныхъ (Bier-Halle). Сходилось туда обыкновенно нѣсколько человѣкъ — кромѣ Иречка и Ал. Ал-ча часто приходилъ Ягичъ и Д. Н. Вергунъ. Позже подъѣхалъ изъ Петербурга В. И. Ламанскій.

Изъ Вѣны Ал. Ал-чъ ѣздилъ въ Прагу на чествованіе памяти Палацкаго по случаю столѣтія со дня рожденія. Чествованіе прошло очень торжественно. Изъ Россіи на это чествованіе пріѣзжалъ генералъ Комаровъ съ привѣтомъ „отъ двухсотмилліоннаго русскаго народа".

Съ чествованія памяти Палацкаго Ал. Ал-чъ вернулся въ Вѣну, откуда черезъ Парижъ проѣхалъ опять въ Лондонъ и въ концѣ перваго года командировки пріѣхалъ на три недѣли въ С.-Петербургъ для сдачи въ печать рукописи своей магистерской диссертаціи.

Второй годъ своей командировки (1899) Ал. Ал-чъ провелъ на Ближнемъ Востокѣ. Штабъ-квартирой его въ это время былъ Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ. Тамъ въ первый разъ Ал. Ал-чъ встрѣтился съ Ѳ. И. Успенскимъ (директоромъ Института). Близкихъ отношеній между ними, однако, не установилось. Зато Ал. Ал-чъ подружился съ секретаремъ Института Б. В. Фармаковскимъ и другими работниками Института.

Завязывая новыя отношенія, Ал. Ал-чъ этою весною потерялъ стараго своего друга и учителя — В. Г. Васильевскаго. Васильевскій хворалъ уже давно. Весною 1899 г. онъ поѣхалъ для поправленія здоровья въ Италію, но болѣзнь осложнилась, и онъ умеръ 13 мая 1899 г. во Флоренціи (гдѣ и былъ похороненъ). Смерть его была тяжелымъ ударомъ для Ал. Ал-ча. Между прочимъ, послѣднее письмо отъ Васильевскаго Ал. Ал-чъ получилъ, когда уже изъ телеграммъ зналъ, что его нѣтъ въ живыхъ.

Этою же весною Ал. Ал-чъ ѣздилъ въ Аѳины и по островамъ Эгейскаго моря съ извѣстнымъ нѣмецкимъ ученымъ Дерпфельдомъ (Dörpfeld). Лѣтомъ Ал. Ал-чъ рѣшилъ ѣхать въ Малую Азію, чтобы посѣтить развалины Ассара — византійскаго Аморія. Ал. Ал-чъ въ это время правилъ корректуру своей магистерской диссертаціи, посвященной періоду Аморійской династіи, почему и заинтересовался развалинами Ассара. Тутъ какъ разъ пріѣхалъ въ Константинополь М. И. Ростовцевъ, только что защитившій свою магистерскую диссертацію, и друзья рѣшили ѣхать вмѣстѣ.[2] Развалины оказались мало интересными.

Осенью 1899 года Ал. Ал-чъ провелъ вмѣстѣ съ Б. В. Фармаковскимъ около шести недѣль на раскопкахъ въ глубинѣ тогда еще турецкой Македоніи, въ Патолѣ, около Битоля. Результаты этихъ раскопокъ опубликованы въ „Извѣстіяхъ" Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Третій годъ командировки (1900) Ал. Ал-чъ провелъ въ Европѣ, сперва въ Берлинѣ (гдѣ работалъ надъ арабскими рукописями), затѣмъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Въ Лондонѣ Ал. Ал-чъ закончилъ, — еще до защиты магистерской, — докторскую диссертацію, которая представляла собою продолженіе магистерской („Политическія отношенія Византіи и Арабовъ за время Македонской династіи").

---

[2]) Описаніе этой поѣздки см. въ моемъ очеркѣ біографіи М. И. Ростовцева (Seminarium Kondakovianum) IV, 241—242.

4.[3]

Въ 1901 году Ал. Ал-чъ защитилъ свою магистерскую диссертацію („Византія и Арабы", т. I), а въ 1902 г. — докторскую („Византія и Арабы", т. II).[4]

Въ 1902 же году Ал. Ал-чъ ѣздилъ на Синай для ознакомленія съ рукописями „Всемірной Исторіи" Агапія Манбиджскаго, арабскаго христіанскаго историка X вѣка. Агапій Манбиджскій оставался совершенно до этого неизвѣстенъ востоковѣдамъ. Вниманіе Ал. Ал-ча на него обратилъ баронъ Розенъ. Ал. Ал-чъ снялъ копіи съ двухъ рукописей Агапія въ Синайскомъ монастырѣ, которыя вмѣстѣ съ Флорентійской (переписанной Ал. Ал-чемъ въ 1903 году) и Оксфордской рукописями легли въ основу позднѣйшаго изданія Ал. Ал-чемъ Всемірной Исторіи Агапія (въ Patrologia Orientalis).

Въ 1901 году — по окончаніи своей большой заграничной командировки Ал. Ал-чъ былъ назначенъ опять преподавателемъ С.-Петербургской Первой Гимназіи, но на этотъ разъ преподавалъ не древніе языки, а исторію. Мѣсто преподавателя исторіи освободилось за внезапной смертью А. А. Кондратьева. Одновременно Ал. Ал-чъ читалъ лекціи по исторіи Византіи въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента.

Въ 1904 году Ал. Ал-чъ былъ избранъ на кафедру новой исторіи въ Юрьевскомъ Университетѣ и былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ этого университета. Одновременно онъ былъ избранъ также преподавателемъ средневѣковой исторіи въ Женскомъ Педагогическомъ Институтѣ въ СПБ. Чтобы совмѣстить эти двѣ должности Ал. Ал-чу приходилось два раза въ мѣсяцъ ѣздить изъ Юрьева въ С.-Петербургъ.

Такое положеніе продолжалось до 1912 года, когда Ал. Ал-чъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ и деканомъ СПБ Женскаго Педагогическаго Института, послѣ чего онъ отказался отъ кафедры въ Юрьевѣ. Взамѣнъ онъ опять сталъ читать лекціи въ СПБ Университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента.

Лекціи Ал. Ал-ча и въ Юрьевѣ и въ С.-Петербургѣ пользовались большой популярностью среди студентовъ и курсистокъ. Со многими изъ своихъ прежнихъ слушателей и слушательницъ у Ал. Ал-ча остались и позже хорошія отношенія. Изъ учениковъ и ученицъ Ал. Ал-ча, спеціализировавшихся по исторіи Византіи, могутъ быть упомянуты М. А. Андреева, А. Ф. Вишнякова, Е. Ч. Скржинская, F. von Steinmann; А. П. Смирновъ, П. А. Яковенко (послѣдніе двое уже покойные).

Въ юрьевскій и послѣдующій с.-петербургскій періоды своей жизни Ал. Ал-чъ снова сталъ усиленно заниматься музыкой, которую передъ тѣмъ нѣсколько

[3]) Какъ читатель замѣтитъ, начиная съ этого параграфа изложеніе настоящаго очерка становится болѣе краткимъ. Позволяю себѣ выразить надежду, что Ал. Ал-чъ какъ-нибудь въ близкомъ будущемъ опубликуетъ болѣе полныя свои воспоминанія, которыя должны представить значительный интересъ для всѣхъ интересующихся исторіей русскаго общества и русской науки, не говоря уже о византологахъ.

[4]) Издана была только первая часть II тома.

запустилъ. Ал. Ал-чъ занялся теперь музыкой подъ руководствомъ профессора Консерваторіи Калафати. Къ этому времени относится большинство собственныхъ композицій Ал. Ал-ча. Изъ нихъ была издана тема съ варіаціями (тема и 11 варіацій) для фортепіано, а также три романса: „Колыбельная пѣсня" (слова Лермонтова), „Въ уютномъ уголкѣ" (слова Апухтина) и „Гаданье", для двухъ голосовъ (слова Апухтина). Въ рукописи у Ал. Ал-ча имѣется полный струнный квартетъ (изъ 4 частей) и соната для фортепіано (также изъ 4 частей).

Въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ Ал. Ал-чъ каждый годъ ѣздилъ за границу. Въ 1905 г. онъ былъ въ Алжирѣ на международномъ конгрессѣ оріенталистовъ; въ 1906 г. поѣхалъ въ качествѣ представителя СПБ. Университета, Юрьевскаго Университета и Женскаго Педагогическаго Института въ Австралію на юбилейныя торжества по случаю 50-лѣтія Мельбурнскаго университета. 1 (14) марта 1906 г. Ал. Ал-чъ покинулъ Марсель на пароходѣ „Нера" компаніи „Messageries Maritimes" и черезъ Портъ-Саидъ, Аденъ, Бомбей, Коломбо, Фримантль (въ Зап. Австраліи) прибылъ въ Аделаиду 5 (18) апрѣля, откуда уже по желѣзной дорогѣ направился въ Мельбурнъ. На торжествахъ большое вниманіе было удѣлено встрѣчѣ Ал. Ал-ча съ японскимъ делегатомъ, профессоромъ Ишикава — тогда еще свѣжи были воспоминанія о русско-японской войнѣ 1904—1905 гг. Ал. Ал-чъ въ началѣ своей рѣчи коснулся тяжелаго кризиса, переживавшагося Россіей, который однако не уничтожилъ въ ней науку. Опредѣливъ науку, какъ эмблему мира, Ал. Ал-чъ „протянулъ на нейтральной почвѣ Викторіи, на этомъ праздникѣ мирной науки, руку дружбы своему японскому коллегѣ". Послѣ этого профессоръ Ишикава появился на эстрадѣ и дѣйствительно подошелъ къ Ал. Ал-чу и пожалъ ему руку. Этотъ инцидентъ произвелъ громадное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, которые въ продолженіе минутъ пяти своими одобрительными криками не давали Ал. Ал-чу продолжать рѣчь.[5]

Въ 1910 г. Ал. Ал-чъ принималъ участіе въ работахъ XVII международнаго конгресса американистовъ въ Буэносъ-Айресѣ. Въ 1912 г. Ал. Ал-чъ ѣздилъ въ Грецію на Международный Археологическій Конгрессъ въ Аѳинахъ.[6]

Лѣтомъ 1914 года Ал. Ал-чъ былъ въ Парижѣ, гдѣ его и застало объявленіе войны. Съ большимъ трудомъ онъ вернулся въ С.-Петербургъ кружнымъ путемъ черезъ Англію, Норвегію, Швецію и Финляндію.

5.

Все время міровой войны и первые годы революціи и совѣтскаго строя Ал. Ал-чъ провелъ въ Петроградѣ, состоя деканомъ и профессоромъ Женскаго Педагогическаго Института до самого его закрытія (1922).

Въ 1917 году Ал. Ал-чъ былъ избранъ профессоромъ Петроградскаго Университета, а въ 1919 г. — членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ.

Въ 1918 г. въ Петроградѣ была образована Академія Исторіи Матеріальной

[5]) Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія, новая серія, часть 8 (1907), стр. 40.
[6]) Ср. опять Seminarium Kondakovianum, IV, 243.

Культуры, членомъ которой Ал. Ал-чъ немедленно былъ избранъ. Одно время (1920—1922) онъ состоялъ и ея предсѣдателемъ.

Будучи въ теченіе всей своей жизни чуждъ политическихъ страстей и держась въ сторонѣ отъ политики, Ал. Ал-чъ остался въ сторонѣ отъ нея и послѣ революціи, сосредоточивая свои силы (помимо музыки) на научныхъ занятіяхъ.

Ввиду трудныхъ условій для научной работы въ Петроградѣ послѣ революціи — въ особенности для историка, Ал. Ал-чъ въ 1925 году рѣшилъ принять приглашеніе Висконсинскаго въ Соединенныхъ Штатахъ Университета (въ г. Мадисонъ — Madison, Wisconsin) читать въ теченіе одного года общій курсъ древней исторіи и выѣхалъ для этого въ Соединенные Штаты.

Послѣ перваго года преподаванія въ Висконсинскомъ университетѣ Ал. Ал-чъ получилъ тамъ каѳедру и остался въ Мадисонѣ до настоящаго времени. Въ 1935/36 учебномъ году, получивъ годовой отпускъ отъ Висконсинскаго Университета, Ал. Ал-чъ читалъ лекціи въ Колумбійскомъ Университетѣ (Columbia University) въ городѣ Нью-Йоркѣ. Изъ американскихъ учениковъ Ал. Ал-ча могутъ быть указаны John S. Schneider, Miss Hazel Ramsay и Peter Charanis, работающій въ настоящее время въ Брюсселѣ.

Въ теченіе лѣтнихъ вакацій за послѣдніе годы Ал. Ал-чъ много путешествовалъ по Сѣверной и Центральной Америкѣ, побывалъ и на Аляскѣ, и въ Мексикѣ, и въ Калифорніи. Ѣздилъ онъ и въ Европу. Въ 1934 году Ал. Ал-чъ участвовалъ въ работахъ IV Византологическаго Съѣзда въ Софіи.

Въ томъ же 1934 году Ал. Ал-чъ былъ избранъ въ члены Югославской Академіи Наукъ, а въ 1936 г. — въ члены (fellow) Американской Академіи Средневѣковья (Mediaeval Academy of America). Съ 1936 г. Ал. Ал-чъ состоитъ предсѣдателемъ Института имени Н. П. Кондакова.

6.

Списокъ ученыхъ трудовъ А. А. Васильева помѣщается въ приложеніи къ настоящему очерку. Характеристика А. А. Васильева, какъ ученаго, не входитъ въ рамки очерка. Нѣсколько краткихъ словъ о его ученой дѣятельности все же можетъ быть сказано.

Главный интересъ Ал. Ал-ча направленъ на политическую исторію Византіи и то, что принято называть „фактической исторіей". Въ этомъ отношеніи онъ не послѣдовалъ за представителями старшаго поколѣнія русскихъ византологовъ — своимъ учителемъ В. Г. Васильевскимъ и Ѳ. И. Успенскимъ, піонерами разработки соціальной исторіи Византіи.

Въ другихъ отношеніяхъ школа В. Г. Васильевскаго наложила замѣтную печать на научное творчество Ал. Ал-ча. Точность критическихъ методовъ, исчерпывающее знаніе библіографіи предмета, внимательное изученіе рукописей, — все это Ал. Ал-чъ не только усвоилъ отъ Васильевскаго, но въ извѣстномъ смыслѣ пошелъ и дальше своего учителя.

Къ изслѣдованію, на первый взглядъ хотя бы и незначительнаго вопроса, Ал. Ал-чъ

подходитъ съ различныхъ сторонъ, разсматривая широкій кругъ источниковъ: источники рукописные, источники матеріальные (монеты и печати); источники языковые и литературные — современные и позднѣйшие; историко-географическіе данные. Не довольствуясь матеріалами по исторіи собственно Византіи, Ал. Ал-чъ широко привлекаетъ источники по исторіи сосѣднихъ странъ и народовъ, въ чемъ ему помогаетъ его блестящее знаніе языковъ — западныхъ и восточныхъ, новыхъ и древнихъ.

Благодаря такому широкому подходу къ „фактической" исторіи многіе, казалось бы, прежде уже извѣстные для византиновѣда факты освѣщаются съ новой и иногда неожиданной точки зрѣнія. Каждый мелкій „фактъ", изученный Ал. Ал-чемъ, становится звеномъ въ неразрывной исторической цѣпи, получаетъ немаловажную значимость.

Изъ детальнаго кропотливаго изученія отдѣльныхъ моментовъ „фактической" исторіи складываются постепенно картины и мозаики крупнаго масштаба. Таковы прежде всего два тома „Византіи и Арабовъ". Написаніемъ ихъ кончается первый циклъ ученой дѣятельности Ал. Ал-ча. „Византія и Арабы" — трудъ первостепеннаго значенія для византійской исторіи IX—X вѣковъ. Ни одинъ историкъ Византіи этой и смежныхъ эпохъ безъ труда Васильева шагу не можетъ ступить. И однако же трудъ Васильева на Западѣ былъ долгое время почти неизвѣстенъ. „Rossica non leguntur". Только въ 1934 г. I томъ „Византіи и Арабовъ" появился во французскомъ переводѣ.

Въ дальнѣйшемъ, работа Ал. Ал-ча идетъ по двумъ направленіямъ. Съ одной стороны Ал. Ал-чъ подготовляетъ общій курсъ по исторіи Византіи, съ другой стороны углубляется въ арабскія рукописи. Это второе направленіе приводитъ Ал. Ал-ча къ изданію и переводу Агапія Манбиджскаго (1910—1915) и (совмѣстно съ И. Ю. Крачковскимъ) Яхъи Антіохійскаго (1928—1932).[7] То и другое — капитальный вкладъ какъ въ арабистику, такъ и въ византиновѣдѣніе.

Что касается общаго курса по исторіи Византіи, то первый томъ его вышелъ по-русски въ 1917 году. Въ 1923—1925 гг. изданъ былъ тремя отдѣльными выпусками II томъ. Неблагопріятныя политическія обстоятельства — россійская революціонная разруха — казалось подрывала возможность широкаго распространенія этого новаго труда Ал. Ал-ча. Но, благодаря переѣзду въ Америку, Ал. Ал-чу удалось издать свой курсъ въ переработанномъ видѣ на англійскомъ языкѣ (въ 1927—28 годахъ), а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣдовало и французское изданіе, вновь дополненное и переработанное (1932). Такимъ образомъ трудъ Васильева сдѣлался достояніемъ всего ученаго міра.

Въ курсѣ своемъ А. А. Васильевъ значительно расширяетъ обычныя рамки своихъ работъ. Курсъ обнимаетъ не только политическую исторію, но также и экономическую и культурную, давая цѣнныя свѣдѣнія по исторіи не только событій, но также учрежденій и идей.

Въ своемъ предисловіи къ французскому изданію курса А. А. Васильева зна-

[7]) Въ ноябрѣ 1936 г. А. А. Васильевъ и И. Ю. Крачковскій закончили подготовку къ печати текста и французскій переводъ послѣдней части Яхъи; рукопись уже передана издателямъ Patrologia Orientalis въ Парижѣ.

менитый французскій византинологъ Шарль Диль, говоря о крупныхъ заслугахъ этого труда, обращаетъ, между прочимъ, вниманіе читателя на первую главу книги Ал. Ал-ча, содержащую блестящій очеркъ развитія науки византиновѣдѣнія какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи отъ Дюканжа до нашихъ дней.

Далѣе, Диль особо отмѣчаетъ главы второго тома труда Ал. Ал-ча, посвященныя Никейской имперіи и эпохѣ Палеологовъ. „Для прочихъ періодовъ исторіи Византіи — говоритъ Диль — у Васильева были надежные руководители; но для Византіи XIII, XIV и XV столѣтій, столь неполно еще изученныхъ, задача была гораздо болѣе сложная и трудная. Внося порядокъ, точность и ясность въ изложеніе этой эпохи, исторія Васильева оказываетъ великую услугу наукѣ.“

Помимо подготовки англійскаго и французскаго изданій своего общаго курса, Ал. Ал-чъ за послѣдніе годы переработалъ и дополнилъ свои очерки о готахъ въ Крыму, часть которыхъ первоначально была напечатана въ „Извѣстіяхъ“ Академіи исторіи матеріальной культуры. Получилась совсѣмъ новая и цѣнная книга. Вышла она въ 1936 г. по-англійски въ изданіи Mediaeval Academy of America („The Goths in the Crimea“).

Другая цѣнная монографія А. А. Васильева изъ работъ его послѣдняго времени — это большая статья объ основаніи Трапезундской имперіи (въ американскомъ журналѣ „Speculum“, томъ XI, за 1936 годъ).

По исторіи Трапезундской имперіи Ал. Ал-чемъ собранъ громадный матераілъ, надъ которымъ Ал. Ал-чъ продолжаетъ работать. Одновременно Ал. Ал-чъ работаетъ и надъ нѣкоторыми другими проблемами византиновѣдѣнія. Будемъ надѣяться, что Ал. Ал-чъ порадуетъ ученый міръ еще не однимъ своимъ трудомъ.

Г. Вернадскій.

25 февраля 1937.
Yale University,
New Haven, Conn., USA.

СПИСОКЪ ТРУДОВЪ А. А. ВАСИЛЬЕВА

BIBLIOGRAPHIE DE A. A. VASILIEV

(СОСТАВИЛЪ Г. А. СТАРИЦКІЙ)

1893

1. (Рец.) И. Помяловскій. Житіе иже во святыхъ отца нашего Θеодора, архіепископа Эдесскаго.
Журн. М-ва Нар. Пр., часть 286, 201—203.

1894

2. О славянскомъ происхожденіи Юстиніана.
Византійскій Временникъ, I, 469—492.

1896

3. О греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ.
Виз. Врем., III, 582—633.

1897

4. (Некр.) Павелъ Каллигасъ.
Виз. Врем. IV, 313—314.
5. (Некр.) Никифоръ Калогерасъ.
Виз. Врем., IV, 314.

1898

6. Греческій текстъ житія сорока двухъ аморійскихъ мучениковъ по рукописи Парижской Національной библіотеки № 1534.
Извѣстія Академіи Наукъ, VIII серія, т. III, № 3.
7. Славяне въ Греціи.
Виз. Врем., V, 404—438, 626—670.
8. (Рец.) Ch. Diehl. L'Afrique byzantine.
Виз. Врем., V, 220—227.
9. (Рец.) G. Schlumberger. L'Epopée byzantine à la fin du dixième siècle. I.
Виз. Врем. V, 494—508.

1899

10. Византійско-арабскія отношенія въ царствованіе императора Михаила III (842—867).
Журн. Мин. Нар. Пр., ч. 324, 1—55.
11. (Рец.) Ad. Stoll. Der Geschichtschreiber Friedrich Wilken.
Виз. Врем., VI, 147—152.
12. (Рец.) G. Rauschen. Jahrbücher der christlichen Kirche unter dem Kaiser Theodosius dem Großen.
Виз. Врем., VI, 152—156.
13. Византія и арабы при императорѣ Θеофилѣ.
Виз. Врем., VI, 380—447.
14. (Рец.) K. Krumbacher. Studien zu Romanos.
Виз. Врем., VI, 468—475.

1900

15. (Рец.) R. Röhricht. Geschichte des Königreich Jerusalem.
Виз. Врем., VII, 152—155.

16. (Рец.) R. Röhricht. Regesta regni Hierosolimitani.
Виз. Врем., VII, 152—155.
17. (Рец.) H. Gelzer. Sextus Julius Africanus und die byzantinische Chronographie.
Виз. Врем., VII, 726—732.
18. Житіе св. Филарета Милостиваго.
Извѣстія Русс. Арх. Инст. в Константинополѣ, V, 1, 49—86.

1901

19. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время Аморійской династіи (магистерская диссертація).
Записки Истор.-филолог. факультета СПБ Университета, часть XLVI.
20. (Рец.) E. Gerland. Das Archiv der Herzoge von Kandia.
Виз. Врем., VIII, 143—152.
21. Время жизни Романа Сладкопѣвца.
Виз. Врем., VIII, 435—478.
22. (Рец.) Al. von Millingen. Byzantine Constantinople.
Виз. Врем., VIII, 568—572.

1902

23. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время Македонской династіи (867—959) (докторская диссертація).
Записки Истор.-филолог. факульт. СПБ Унив.-та, часть LXVI.

1903

24. (Рец.) P. Bourier. Ueber die Quellen der ersten vierzehn Bücher des Joannes Malalas.
Виз. Врем., X, 190—193.
25. (Рец.) H. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung.
Виз. Врем., X, 194—203.
26. (Рец.) G. Schlumberger. L'Epopée byzantine à la fin du dixième siècle. II.
Виз. Врем., X, 532—535.

1904

27. Поѣздка на Синай в 1902 году.
Сообщенія Имп. Прав. Палест. Об-ва, т. XV, вып. 3.
28. (Рец.) A. Heisenberg. Analecta.
Виз. Врем., XI, 115—118.
29. Агапій Манбиджскій, христіанскій историкъ X вѣка.
Виз. Врем., XI, 574—598.
30. (Рец.) K. Krumbacher. Romanos und Kyriakos.
Виз. Врем., XI, 619—620.
31. (Рец.) Fr. Westberg. Die Fragmente des Toparcha Goticus.
Виз. Врем., XI, 620—622.

1905

32. Резюме доклада А. А. Васильева объ Агапіи Манбиджскомъ на Международномъ съѣздѣ оріенталистовъ.
Revue Africaine, N[os] 258—59, 337—338.
33. Арабскій синаксарь о болгарскомъ походѣ императора Никифора I.
Сборникъ въ честь В. И. Ламанскаго, 361—362, СПБ.
34. (Рец.) Б. А. Панченко. Крестьянская собственность въ Византіи.
Журн. Мин. Нар. Пр., ч. 359, 444—454.

1906

35. Происхожденіе Императора Василія Македонянина.
Виз. Врем., XII, 148—165.
36. (Рец.) F. Chalandon. Essai sur le règne d'Alexis I Comnène.
Виз. Врем., XII, 266—270.
37. (Рец.) Ch. Diehl. Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle.
Виз. Врем., XII, 270—272.
38. (Некр.) Альфредъ Рамбо.
Виз. Врем., XII, 577—579.

1907

39. Замѣтки о нѣкоторыхъ греческихъ рукописяхъ житій святыхъ на Синаѣ.
Виз. Врем., XIV, 276—333.

40. Житіе св. Григентія, епископа Омиритскаго.
Виз. Врем., XIV, 23—67.

41. 50-лѣтній юбилей Мельбурнскаго Университета.
Журн. Мин. Нар. Пр., новая серія, часть 8, 29—46.

42. (Некр.) Генрихъ Гельцеръ.
Виз. Врем., XIV, 210—214.

43. (Некр.) Баронъ В. Ѳ. Розенъ.
Виз. Врем., XIV, 483—492.

44. (Рец.) A. J. Butler. The Arab conquest of Egypt and the last thirty years of the Roman domination.
Журн. Мин. Нар. Пр., н. с. ч. 9, 208—212.

45. (Рец.) G. Schlumberger. L'Epopée byzantine à la fin du dixième siècle, III.
Виз. Врем., XIV, 390—393.

46. (Рец.) Ed. Pears. The Destruction of the Greek Empire and the Story of the Capture of Constantinople by the Turks.
Виз. Врем., XIV, 393—397.

47. (Рец.) A. Wächter. Der Verfall des Griechentums in Kleinasien im XIV. Jahrhundert.
Виз. Врем., XIV, 397—398.

1908

48. (Рец.) Д. Петрушевскій. Очерки по исторіи средневѣковаго общества и государства.
Журн. Мин. Нар. Просв., н. с. ч. 17, 180—185.

1909

49. (Рец.) П. Яковенко. Къ исторіи иммунитета въ Византіи.
Журн. Мин. Нар. Пр., н. с. ч. 20, 430—436.

1910

50. Kitab al'Unvan, Histoire universelle, écrite par Agapius (Mahboub) de Mendbij, éditée et traduite en français par A. Vasiliev.
Patrologia orientalis, V, 557—692; VII, 457—592. См. №№ 54 и 67.

51. Семнадцатый международный конгрессъ американистовъ въ Буэносъ-Айресѣ съ 16/3 по 21/8 мая 1910 года.
Журн. Мин. Нар. Пр. н., с. ч. 30, 19—35.

52. (Некр.) К. Крумбахеръ.
Журн. Мин. Нар. Пр. н., с. ч. 25, 88—101.

53. (Рец.) Н. Адонцъ. Арменія въ эпоху Юстиніана.
Журн. Мин. Нар. Пр., н. с. ч. 25, 412—418.

1911

54. Kitab al'Unvan, Histoire universelle, écrite par Agapius (Mahboub) de Mendbij, éditée et traduite en français par A. Vasiliev.
Patrologia orientalis, VIII, 397—550. Ср. №№ 50 и 67.

55. (Рец.) Ю. Кулаковскій. Исторія Византіи, т. I.
Журн. Мин. Нар. Пр., н. с. ч. 35, 337—351.

1912

56. Путешествіе византійскаго императора Мануила II Палеолога по Западной Европѣ.
Журн. Мин. Нар. Пр. н., с. ч. 39, 41—78 и 260—304.

1913

57. Карлъ Великій и Харун-ар-Рашидъ.
Виз. Врем., XX, 63—116.

58. Арабская версія житія св. Іоанна Дамаскина.
СПБ., 22 стр. 8°.

59. Мавзолей, какъ одно изъ чудесъ свѣта у Агапія Манбиджскаго.
Христіанскій Востокъ, 2, 152—154.

60. (Рец.) J. B. Bury. A History of the Eastern Roman Empire from the fall of Irene to the Accession of Basil I (A. D. 802—867).
Byzantinische Zeitschrift, XXII, 501-503.

1914

61. Ласкарь Кананъ, византійскій путешественникъ XV вѣка по Сѣверной Европѣ и въ Исландію.
Сборникъ Харьковскаго Истор.-филолог. Об-ва въ честь проф. В. П. Бузескула, 397—402.

62. Передача Андреемъ Палеологомъ своихъ правъ на Византію французскому королю Карлу VIII.
Сборникъ въ честь Н. Карѣева, Петроградъ, 273—279.

63. (Рец.) Ferdinand Chalandon. Les Comnènes. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles. II. Jean II Comnène (1118—1143) et Manuel I Comnène (1143—1180). Paris, 1912.
Виз. Врем., XXI, отд. II, 1—3.

64. (Рец.) Ѳ. И. Успенскій, Исторія Византійской Имперіи, т. I, СПб., XIV + 872 стр.
Вѣстникъ Европы, Сорокъ девятый годъ, февраль, СПб., 389—395.

1915

65. Учебникъ исторіи Среднихъ Вѣковъ.
Москва, изд. Сытина, 223 стр., 8°. (Нѣсколько изданій.)

66. Курсъ исторіи Среднихъ Вѣковъ. Средневѣковая культура.
Москва, изд. Сытина, 207 стр., 8°.

67. Kitab al'Unvan, Histoire universelle, écrite par Agapius (Mahboub) de Mendbij, éditée et traduite en français par A. Vasiliev.
Patrologia orientalis, XI, 142—272. Ср. №№ 50 и 54.

68. (Рец.) Ѳ. И. Успенскій. Исторія Византійской Имперіи, т. I.
Журн. Мин. Нар. Пр., н. с. ч. 55, 227—241.

1917

69. Лекціи по исторіи Византіи, томъ I. Время до эпохи Крестовыхъ Походовъ (до 1081 года).
Петроградъ, VIII + 355 стр., 8°.

1921

70. Готы в Крыму, ч. I. Ранняя пора христианства и эпоха переселения народов.
Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры, I, 247—344.

1922

71. Описание Византийских гирь и эксагиев, хранящихся в Академии.
Известия Росс. Академии Истории Матер. Культуры, II, 237—240.

1923

72. Византия и Крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081—1185) и Ангелов (1185—1204). История Византии.
Петербург, „Academia", 120 стр., 8°.

73. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204—1261). История Византии.
Петроград, „Academia", 76 стр., 8°.

1924

74. (Совмѣстно съ И. Ю. Крачковскимъ) Histoire de Yahya-ibn-Saïd d'Antioche, continuateur de Saïd-ibn-Bitriq, éditée et traduite en français par...
Patrologia orientalis, XVIII, 5, 136 стр., 8°. Ср. № 100.

1925

75. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). История Византии.
Ленинград, „Academia", 143 стр. 8°.

1926

76. La guerre de Cent Ans et Jeanne d'Arc dans la tradition Byzantine.
Byzantion, III, 241—250.

77. (Рец.) C. Chapman. Michel Paléologue-restaurateur de l'Empire Byzantin. Paris, 1926.
Revue de l'Orient Chrétien, V (XXV), 1925—26, 220—221.

1927

78. Готы в Крыму, ч. II.
Известия Акад. Истории Матер. Культуры, V, 179—282.

79. (Рец.) Joseph Kulischer. Russische Wirtschaftsgeschichte. I. Jena, 1925.
Amer. Hist. Review, XXXII, 1927, 306—308.

80. Byzantine studies in Russia (Paper for American Historic. Association, XII, 1925).
Americ. Histor. Review, XXXII, 539—545.

81. (Рец.) Elnett. History of origin and social development of family life in Russia.
Amer. Histor. Review, XXXII, 911.

82. Das genaue Datum der Schlacht von Myriokephalon.
Byz. Zeitschr. XXVII, 288—290.

83. (Рец.) A. Andréadès, Ἱστορία τῆς ἑλληνικῆς δημοσίας οἰκονομίας ἀπὸ τῶν ἡρωϊκῶν χρόνων μέχρι τῆς συστάσεως τοῦ ἑλληνικοῦ βασιλείου (= Σύστημα Δημοσίας Οἰκονομικῆς, τ. Α′, Μ. Β′). Athènes, 1918.
Byz.-Neugriechische Jahrbücher, V, 1926—1927, 442—444.

1928

84. History of the Byzantine Empire. Translated from Russian. V. I.
University of Wisconsin. Studies in the Social Science and History, № 13, 457 pp.

85. (Рец.) Marius Canard. Les expéditions des Arabes contre Constantinople dans l'histoire et dans la légende.
Byzant. Zeitschrift, XXVIII, 142—143.

86. (Рец.) В. Н. Златарски. История на българската държава прѣзъ срѣднитѣ вѣкове. Т. I. Първо българско царство, ч. 2. Отъ славѣнизацията на държавата до падането на първото царство.
Byzant. Zeitschrift, XXVIII, 407—411.

1929

87. History of the Byzantine Empire. Translated from Russian. V. II.
University of Wisconsin. Studies in the Social Sciences and History, № 14, 502 pp.

88. Manuel Comnenus and Henry Plantagenet.
Byzant. Zeitschrift, XXIX, 233—244.

89. (Рец.) S. Stein, Geschichte der spätrömischen Reiches. I. Vienn 1928.
Amer. Hist. Review, XXXV, 1929, 90—91.

1930

90. Zur Geschichte von Trapezunt unter Justinian dem Großen.
Byzant. Zeitschrift, XXX, 381—386.

91. La Russie primitive et Byzance.
L'art Byzantin chez les Slaves. Premier recueil dédié à la mémoire de Th. Ouspensky, p. 9—12. Paris.

92. Alexis I Comnenus.
Menschen die Geschichte machten. II, 36—40.

93. Quelques remarques sur les voyageurs du moyen âge à Constantinople.
Etudes sur l'Histoire et sur l'art de Byzance. Mélanges Charles Diehl, I, 293—298.

1931

94. Il viaggio dell' Imperatore Bizantino Giovanni V Paleologo in Italia (1369—1371) e l'unione di Roma del 1369.
Studi Bizantini e neoellenici, III, 151-193.

1932

95. Histoire de l'Empire Byzantin (traduite du Russe par P. Brodin et A. Bourgina).
2 vv. Paris. IX, 498; 482, 30 таблицъ, 6 картъ. 8°.

96. Economic relations between Byzantium and old Russia.
Journ. of Econom. and Business History, V, IV, 2, 314—334.

97. Was old Russia a vassal state of Byzantium?
Speculum, VII, 350—360.

98. Harun-ibn-Yahya and his description of Constantinople.
Seminarium Kondakovianum, V, 149-164.

99. Pero Tafur, a Spanish traveller of the fifteenth century and his visit to Constantinople, Trebizond and Italy.
Byzantion, VII, 75—122.

100. (Совмѣстно съ И. Ю. Крачковскимъ) Histoire de Yahya-ibn-Saïd d'Antioche, continuateur de Saïd-ibn-Bitriq, éditée et traduite en français par...
Patrologia orientalis, XXIII. См. № 74.

101. (Рец.) F. W. Buckler. Harunu'l Rashid and Charles the Great.
Amer. Histor. Review, XXXVII, 583—584.

1933

102. Justin I (518—527) and Abyssinia.
Byzant. Zeitschrift, XXXIII, 67—77.

103. On the question of Byzantine feudalism.
Byzantion, VIII, 584—604.

104. Notes on the History of Trebizond in the seventh century.
Εἰς μνήμην Σ. Λαμπρoῦ, 29—34. Ἐν Ἀθήναις.

1934

105. (Рец.) G. Mickwitz. Geld und Wirtschaft.
Class. Phil., XXIX, 259—261.

106. (Рец.) W. Hartke. De saeculi quarti exeuntis historiarum scriptoribus quaestiones. Lipsiae, 1932.
Class. Phil., XXIX, 173.

107. (Рец.) M. Spinka, A History of Christianity in the Balkans. Chicago 1933.
The Journal of Religion, XIV, 213.

1935

108. Byzance et les Arabes. I.
L'Institut de philologie et d'histoire orientales, Bruxelles, XV, 451 стр., 8°.

109. Jörg of Nuremberg, a writer contemporary with the fall of Constantinople (1453).
Byzantion, X, 205—209.

110. A note on Pero Tafur.
Byzantion, X, 65—66.

1936

111. Foundation of the Empire of Trebizond.
Speculum, XI, 1—37.

112. Expositio totius mundi. An anonymous geographic treatise of the fourth century A. D.
Seminarium Kondakovianum, VIII, 1-39.

113. Памяти В. Н. Златарскаго.
Seminarium Kondakovianum, VIII, 280—282.

114. The Goths in the Crimea.
Cambridge, Mass, VII, 292 pp. 8°.

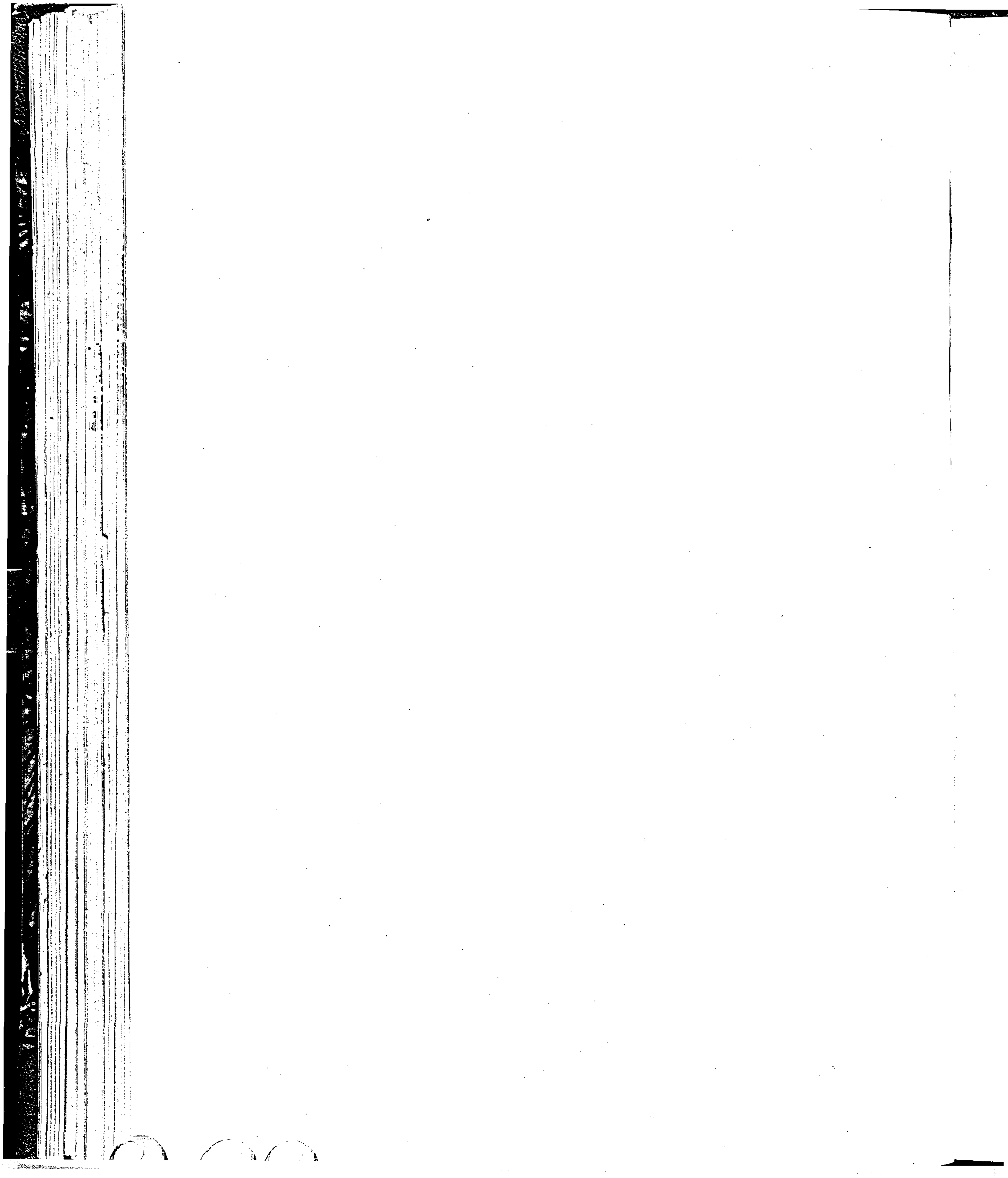
1937

115. Предисловіе къ книгѣ кн. Н. Андрониковой-Тумановой "Anton Chekhov; the voice of twilight Russia".
Columbia Univers. Press, New York.

116. (Рец.) G. Millet and D. Talbot Rice. Byzantine painting at Trebizond. London 1936.
Classical Weekly, Vol. 30, № 21, 238.

117. The opening stages of the Anglo-Saxon immigration to Byzantium in the eleventh century.
Annales de l'Institut Kondakov, IX.

118—121. Библіографическія статьи въ Encyclopaedia of Social Sciences: Finslay, George; Fallmerneyer; Vasilievsky, V. G.; Uspensky, Th. I.

JOHANNES VI. KANTAKUZENOS ALS DYNASTISCHER LEGITIMIST

In Ἑλληνικά 9 (1936) 207 ff. habe ich unter anderem über zwei Chrysobulloi Logoi des Kaisers Johannes VI. Kantakuzenos vom 14. Juli 1351 gehandelt, von denen sich der eine als eine Fälschung erwies, während der andere nach meinen Feststellungen auf grund der inneren wie der äußeren Merkmale als zweifellos echt zu gelten hätte.[1] Indessen könnte gegen die letztere Behauptung ein ernster Einwand erhoben werden. Der Kaiser beruft sich nämlich in seinem Privileg für das Iberonkloster auf dem Athos auf ein Prostagma seines „verstorbenen kaiserlichen Großvaters".[2] Nun ist leicht festzustellen, daß sich unter den Vorfahren des Johannes Kantakuzenos, des ersten Sprossen der Kantakuzenenfamilie auf dem Kaiserthron, kein Kaiser befunden hat, welcher in der Lage gewesen wäre für das Iberonkloster ein Prostagma auszustellen.

Liegt hier nun die Spur einer Fälschung vor, durch welche sich der sonst geschickte Fälscher schließlich dennoch verrät? Nein, das Gegenteil ist der Fall. Der Passus, von dem wir sprechen, wird sich vielmehr bei näherer Untersuchung geradezu im Sinne einer lectio ardua den übrigen Echtheitsmerkmalen zugesellen. Es wird sich nämlich zunächst einmal zeigen, daß Johannes Kantakuzenos seinen Vorgänger und Freund, den Kaiser Andronikos III., auch anderwärts als seinen „Bruder" und weiterhin auch andere Mitglieder des Kaiserhauses der Palaiologen als Verwandte verschiedenen Grades bezeichnet hat, auf welche die jeweils angewendeten Verwandtschaftsbezeichnungen im Sinne einer natürlichen Verwandtschaft in keiner Weise zutreffen. Der Nachweis ist zunächst aus den Urkunden zu erwarten, wo es seit langer Zeit Sitte war, das Verwandtschaftsverhältnis des Ausstellers zum Aussteller einer Vorurkunde ausdrücklich zu bezeichnen. Haben wir nun leider auch nur ganz wenige Texte aus der Kanzlei des Johannes Kantakuzenos und noch weniger Originale, welche die Sicherheit der Lesung ganz zweifelsfrei verbürgen, so reicht ihre Zahl doch hin um unsere Behauptung zu erhärten. Prüfen wir zunächst ein unbestreitbar echtes Original, den Chrysobullos Logos des Kaisers Johannes Kantakuzenos für das Megaspelaionkloster auf der Peloponnes v. J. 1348.[3] Der Kaiser spricht da, indem er die früheren Gerechtsame des Klosters bestätigt, von χρυσόβουλλα καὶ προστάγματα τοῦ τε αὐθέντου

---

[1]) A. a. O. 214.

[2]) M. I. Gedeon, *Πατριαρχικαὶ Ἐφημερίδες ἐκ τῆς ἡμετέρας ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας 1500—1912. Μέρος α΄:* 1500—1660. Athen 1936, S. 48, 10.

[3]) Gedruckt zuletzt bei C. E. Zachariae v. Lingenthal, *Ius Graecoromanum*, Neuausgabe von I. D. Zepos und P. I. Zepos, Athen 1930 ff. (weiterhin zitiert: Zepi, *IGR*) I, Coll. V, n. 51: S. 593, 20.

μου τοῦ πάππου τῆς βασιλείας μου καὶ τοῦ θειοτάτου μου δεσπότου καὶ βασιλέως τοῦ ἀδελφοῦ τῆς βασιλείας μου τῶν ἀοιδίμων καὶ μακαριτῶν. Hier wird also zweifellos Andronikos III. als der Bruder und dessen Großvater Andronikos II. als der Großvater des Ausstellers bezeichnet.[4] Diese merkwürdige Bezeichnungsweise wird jedoch noch durch einen weiteren Chrysobullos Logos bestätigt, der nun zwar nicht im Original erhalten, aber vom Kaiser selbst im Wortlaut in seine Denkwürdigkeiten aufgenommen worden ist.[5] Es ist jene Urkunde, welche er, im Bürgerkriege mit Johannes V. Palaiologos stehend, im Jahre 1342 den Thessaliern ausgestellt hat: τῷ μέντοι πρὸ ἡμῶν δεσπότῃ τε καὶ βασιλεῖ τῷ θειοτάτῳ καὶ γενναίῳ μοι ἀδελφῷ... προστεθέντες ἡμεῖς... συγκινδυνεῦσαι ἐκείνῳ καλῶς ἑλόμενοι... Auch hier weist die Kennzeichnung des ἀδελφὸς βασιλεύς als des großen und in keiner Gefahr preisgegebenen Freundes mit aller Deutlichkeit auf Andronikos III. Und blättern wir endlich weiter in den eigenhändig aufgezeichneten Erinnerungen des Kaisers, so stoßen wir bei der Schilderung seiner Erhebung zum Kaiser in Didymoteichos (1341) auf folgende Stelle:[6] „am Tage nach der Feier der Erhebung legten Johannes Kantakuzenos und seine Gattin Eirene die goldgestickten Kleider ab und dafür weiße Kleider an, was bei den Kaisern das Zeichen der Trauer ist. Der Kaiser machte auch den Anwesenden den Grund dieses Kleiderwechsels kund: wie er am vorausgegangenen Tage des festlichen Anlasses wegen jene Prunkgewänder getragen, so sei es nun, nachdem das Fest vorüber sei, nötig, wiederum des Todes des Bruders und Kaisers zu gedenken"; auch hier wiederum die nicht mißzuverstehende Bezeichnung des Andronikos III. als „Bruder".

Diese Verwandtschaftsbezeichnung beschränkt sich aber nun nicht auf die Inanspruchnahme des Kaisers Andronikos als Bruder, sondern erstreckt sich offensichtlich auf die ganze Palaiologenfamilie,[7] sodaß damit erwiesen wird, daß die Bezeichnung nicht etwa nur in Bezug auf einen persönlichen Freund in einem vagen metaphorischen Sinne gebraucht wird. So haben wir oben schon gesehen, daß — dem natürlichen Generationenverhältnis des „Bruders" Andronikos III. entsprechend — auch Andronikos II. als „Großvater" bezeichnet wird. Es läßt sich aber des weiteren feststellen, daß Johannes Kantakuzenos auch in dem nur lateinisch erhaltenen Privileg

Das Original habe ich bei meinem Besuche des Klosters im Jahre 1928 gesehen, untersucht und beschrieben; es ist ein zweifellos echtes Original. Ob das Stück, welches unter einem Glasrahmen aufbewahrt wurde und eine Wand der Bibliothek des Klosters zierte, aus dem großen Brande des vergangenen Jahres gerettet werden konnte, ist mir nicht bekannt.

[4]) Ein anderes Verhältnis ist schwer denkbar; denn wäre, was an sich kaum anzunehmen ist, mit dem „Bruder" etwa Johannes V. gemeint (der freilich zu dieser Zeit auch nicht als verstorben bezeichnet werden könnte), so müßte sich die Erwähnung des „verstorbenen Großvaters" auf Michael IX. (gest. 1320) beziehen. Dies kann deshalb nicht angenommen werden, weil Michael IX. (als Mitkaiser) nur solche Chrysobulloi Logoi ausstellen konnte, welche Vorurkunden seines Vaters, des Hauptkaisers Andronikos II., bestätigten; dieser müßte also als der Hauptaussteller zum mindesten neben Michael IX. in unserer Urkunde genannt sein. Der weitere Verlauf unserer Untersuchung wird zeigen, daß es sich in der Tat bei dem „Großvater" um Andronikos II., nicht um Michael IX. handelt.

[5]) Kantakuz. *Hist.* III, 53: II, 312, 15 ff.; hier besonders: 315, 6 Bonn.

[6]) Kantakuz. *Hist.* III, 27: II, 167, 12 Bonn.

[7]) Die wirkliche, natürliche Verwandtschaft des Johannes Kantakuzenos mit den Palaiologen bestand darin, daß seine Mutter Theodora Palaiologine eine Tante des Andronikos III. war: Kantak *Hist.* I, 25: I, 125, 16 Bonn. — Vgl. Nachtrag S. 30.

für die Venezianer v. J. 1351 von den „proavi imperii mei“ spricht, welche Privilegien für Genua ausgestellt hätten,[8] und von der „domina imperatrix Romanorum, soror imperii mei“, mit welcher niemand anders als Anna von Savoyen, die Gattin des Kaisers Andronikos III. und Mutter Johannes' V., gemeint sein kann.[9] Im letzteren Falle müßte „soror“, wenn man von dem wirklich bestehenden natürlichen Verwandtschaftsverhältnis nach der Verheiratung des Johannes V. mit der Tochter des Johannes Kantakuzenos (Helene) ausgehen wollte, an die Stelle von συμπένθερος getreten sein. Und endlich: in einem (unedierten) Chrysobullos Logos für das Athoskloster Docheiariu vom 22. September 1355 bezeichnet Johannes V., der Schwiegersohn des Johannes Kantakuzenos, seinen Schwiegervater als πατὴρ τῆς βασιλείας μου ὁ βασιλεὺς ὁ Καντακουζηνός.[10]

Auf welcher Grundlage konnte sich nun Johannes Kantakuzenos zunächst als „Bruder“ des Andronikos III., sodann in verschiedener Ausdrucksweise auch als Verwandter anderer Mitglieder der regierenden Palaiologendynastie bezeichnen? Auf der Grundlage der natürlichen Verwandtschaft nicht, denn dazu stimmt keiner der gebrauchten Ausdrücke.[11] Man muß vielmehr an die Herstellung einer geistlichen Verwandtschaft denken. So könnte man zunächst vermuten, daß Johannes Kantakuzenos etwa von Michael IX., dem Vater des Andronikos III., adoptiert worden wäre; indessen schweigen davon nicht nur alle erzählenden Quellen, sondern auch alle Urkunden, und es ist unwahrscheinlich, daß eine solche Tatsache weder von Kantakuzenos selbst in seinen Erinnerungen noch von Gregoras erwähnt worden wäre. Sodann käme die Möglichkeit in Betracht, daß Andronikos III. den Kantakuzenos durch einen Akt der Blutsbrüderschaft (ἀδελφοποιΐα) zu seinem geistlichen Bruder gemacht hätte,[12] was in Anbetracht der von Kantakuzenos in seinen Erinne-

[8]) *Tabularium Veneto-Levantinum* II, ed. R. Predelli und G. M. Thomas, Venedig 1899, S. 4, 12.

[9]) Ebenda 4, 35. Die eigene Gattin des Kantakuzenos war Eirene, Tochter des Andronikos Asanes.

[10]) Original im Kloster Docheiariu auf dem Athos, von mir eingesehen und aufgenommen. Die Urkunde, nach inneren und äußeren Merkmalen zweifelsfrei echt, hat das Incipit: Οὐδὲν οὕτως ἴδιον πέφυκεν εἶναι... Chr. Ktenas hat Epeteris Hetaireias Byz. Spudon 4 (1927) zwei andere Urkunden des gleichen Klosters mit dem gleichen Incipit und dem gleichen Datum herausgegeben (a. a. O., n. 6 und 7: S. 295 ff. bzw. 298 ff.), welche jedoch zweifelsfrei Fälschungen sind; sie enthalten bezeichnenderweise gerade unsere Stelle nicht, da sie dem Fälscher schon unverständlich gewesen sein mag.

[11]) Vgl. oben Anm. 7.

[12]) Diese Sitte hat es in Griechenland während des ganzen Mittelalters, sodann vor allen in der Türkenzeit gegeben und sie ist dort heute noch nicht ausgestorben. Man nannte und nennt sie ἀδελφοποιΐα (vgl. St. Kyriakides, Artikel *Ἀδελφοποιΐα* in der Μεγ. Ἑλλην. Ἐγκυκλοπαιδεία 1 [1926] 569 ff. mit zahlreicher Literatur). Kirche und Staat haben diese Verbrüderung wiederholt verboten (vgl. C. E. Zachariae v. Lingenthal, *Gesch. d. griech.-röm. Rechtes*, 3. Aufl. 1892, S. 118 f. und die Erotapokriseis des Niketas von Thessalonike [ca. 12. Jh.], ed. A. Pavlov, Vizant. Vremennik 2 [1895], n. 14: S. 384; K. Amantos, *Ἐπιτίμιον κατὰ τῆς ἀδελφοποιΐας*, Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζ. Σπουδῶν 4 [1927] 280—284), aber schließlich hat die Kirche vorgezogen die nicht auszurottende gefährliche Sitte unter ihre Obhut zu bringen. Wir besitzen ein ausführliche Liturgie der ἀδελφοποιΐα, wobei die beiden sich Verbrüdernden unter Auflegung ihrer Hände auf ein Evangelienbuch vom Priester eingesegnet werden (Goar, *Euchologion*, Paris 1647, S. 898 ff. mit der Bemerkung, daß die Zeremonie zwar durch geistliches und weltliches Gesetz verboten sei, daß sie der Zusammensteller der Gebetesammlung aber dennoch gedruckt habe, weil sie auch in anderen Büchern zu finden sei: d. h. man brauchte diesen Gebetstext). In der Tat wissen wir auch von einer ganzen Reihe von Kaisern, daß sie nicht nur die von Kirche und Staat

rungen bis zum Überdruß betonten,[13] im übrigen von Gregoras bestätigten besonders engen Freundschaft sehr wohl im Bereiche der Möglichkeit läge. Indessen kann auch dieses nicht der Fall gewesen sein; denn Kantakuzenos, der sein Recht auf die Vormundschaft des unmündigen Sohnes Andronikos' III. wiederholt auf jene enge Freundschaft gründet,[14] der auch wiederholt versichert, daß Andronikos ihm das Mitkaisertum angetragen, ja, durch Anlegung der kaiserlichen Kleidung nahezu aufgedrängt habe,[15] und der sich nicht genug tun kann in der Anführung von drastischen Beispielen für die unübertreffliche Innigkeit seiner Freundschaft mit Andronikos III.,[16] erwähnt

erlaubten Adoptionen (υἱοθεσίαι: z. B. Zenon-Theoderich; Justinian-Atalarich; Maurikios-Chosroes; Justinos-Tzathos; Alexios-Gottfried von Bouillon; Belege bei A. Gasquet, *L'empire byzantin et la monarchie franque*, Paris 1888, S. 156, beachte dazu aber die Anm. 18 unten!), sondern auch derartige Verbrüderungen vorgenommen haben. So hatte Justinian I. den Geldverwalter beim Bau der H. Sophia, den Magistros Strategios, angeblich zum Bruder angenommen (*Patria Cpoleos*, ed. Preger 84, 2; 89, 11), Kaiser Konstans (641—668) den Patrikios Severos (ebenda 251, 18); die reiche Witwe Danielis schlug, als ihr von einem Mönche sein zukünftiger Aufstieg geweissagt worden war, dem durchreisenden späteren Kaiser Michael, einem jungen und stattlichen Manne, eine ἀδελφοποιΐα mit ihrem Sohne Johannes vor, die auch wirklich zustande kam, freilich dem πνευματικὸς ἀδελφός später nur die verhältnismäßig bescheidene Würde eines Protospatharios eingetragen zu haben scheint (Skyl.-Kedren II, 192, 12; 296, 23); der Kaiser Romanos Diogenes hatte nach Anna Komnene X, 3: II, 14, 8 Bonn. den Nikephoros Bryennios zu seinem Bruder machen wollen. Vielleicht liegt eine ἀδελφοποιΐα auch bei dem Verhältnis des Kaisers Johannes Dukas Vatatzes zu seinem μεσάζων καὶ οἰκονόμος τῶν κοινῶν Demetrios Tornikes vor, wobei bemerkenswert ist, daß ihn der Kaiser nicht nur ἀδελφός, sondern αὐτάδελφος nannte (wiederholt in den Urkunden; vgl. meine Bemerkung Byz. Zeitschr. 27, 1927, 303, Anm. 1). V. Laurent sucht Échos d'Orient 33 (1934) 19, Anm. 4 dieses auffallende Verhältnis dadurch zu erklären, daß Johannes Dukas Vatatzes und Demetrios Tornikes vielleicht eine gemeinsame Mutter (eine Komnenenprinzessin) gehabt hätten, welche zuerst mit dem Vater des einen und sodann mit dem Vater des anderen von beiden verheiratet gewesen sei. Dies ist aber nicht nur an sich ziemlich unwahrscheinlich (weil kompliziert), sondern auch deshalb, weil man dann erwarten müßte, daß Vatatzes, der für den Wert eines guten Kaisernamens viel Verständnis hatte (vgl. unten S. 28), sich dann sicherlich des Komnenennamens ebenso wie des Dukasnamens bedient hätte (wie es jedenfalls Tornikes hinsichtlich des Komnenennamens tat), sodann aber auch wegen des Wortlautes der darauf bezüglichen Bemerkung des Georgios Akropolites 49:90, 21 Heis., Demetrios Tornikes (Komnenos) sei von Vatatzes außerordentlich „geliebt und geehrt worden, denn er nenne ihn in seinen Briefen Bruder"; so kann man sich nicht ausdrücken, wenn ein wirkliches Bruderverhältnis bestand, wenngleich ich zugebe, daß diese Ausdrucksweise auch der Deutung auf eine formelle ἀδελφοποιΐα ungünstig ist (vgl. unten Anm. 18 Anf.). Die Vermutung Laurents wird aber durch einen zeitlich nahe daranliegenden Parallelfall noch unwahrscheinlicher gemacht. Auch Theodoros Laskaris nämlich, des Vatatzes Schwiegervater und Vorgänger, nennt einmal einen nicht näher bezeichneten Alexios Komnenos, der nach meinen Ausführungen Byz. Zeitschr. 27, 1927, 315, A. 1 nicht mit dem Kaiser Alexios III. identisch sein kann, seinen περιπόθητος αὐτάδελφος (Mikl.-Müller, *Acta et diplom.* 4, 217, 24); auch hier könnte freilich u. U. rein titulare Bezeichnung in Frage kommen. — Wie schon Ducange in einer aufschlußreichen Bemerkung festgestellt hat (die Stelle am bequemsten bei Gasquet a. a. O.), ergaben sich aus dem Abschluß einer solchen geistigen Brüderschaft niemals irgendwelche Erb- oder Nachfolgerechte (vgl. auch Zachariae a. a. O.).

[13]) Vgl. z. B. die besonders überschwängliche Stelle Kantak. *Hist.* I, 2: I, 19 Bonn.

[14]) Z. B. Kantak. II, 40: I, 558, 19; III, 24: II, 150, 14: III, 25: II, 157, 12; dazu Gregor. XII, 3, 5: 582/3.

[15]) Ebenda II, 9: I, 365, 1; 368/9; III, 14: 94, II, 4; dazu wiederum Gregoras XII, 2, 3: 578, 7 (als Äußerung des Gegners Apokaukos) und XII, 3, 1: 580, 7 sowie XII, 3, 3: 582, 4 (als Äußerung des Kantakuzenos).

[16]) An zahlreichen Stellen; so erwähnt Kantak. *Hist.* II, 9: I, 369, 17 z. B., er habe im Bette des Kaisers schlafen dürfen, was nicht einmal dem gekrönten Sohne eines Kaisers erlaubt gewesen sei.

doch nirgends eines solchen Aktes, obgleich die Schilderung der Vertrautheit des Verhältnisses zwischen den beiden alle Merkmale aufweist und offenbar auch aufweisen soll, welche man von einer wirklich abgeschlossenen ἀδελφοποιΐα erwartete.

So bleibt, wenn wir beachten, daß Kantakuzenos die Bezeichnung eines „Bruders" Andronikos' III. offensichtlich erst nach seiner Erhebung zum Kaiser i. J. 1341 angenommen hat (und zwar unmittelbar nach dieser Erhebung; vgl. Anm. 6), nur eine Erklärung übrig: durch seine Erhebung zum Kaiser, welche ja nach allgemeiner Meinung nutu divino geschah, sah er nach göttlichem Ratschlusse[17] jenes Band besiegelt, welches zu Lebzeiten des Andronikos trotz der tatsächlich vorhandenen Voraussetzungen niemals zustandegekommen war; nach dem unerwartet frühen Tode des Freundes hatte Gott nun ihn, das alter ego jenes unvergeßlichen Mannes, dazu ausersehen, wie dessen Bruder darüber zu wachen, daß das Reich unter der Herrschaft einer Frau und eines unmündigen Kindes nicht Schaden leide. Für die Vorstellung, daß ein Fürst durch seine Erhebung als „Bruder" in die „Familie der Könige" eintrete, dürften überdies zur Zeit des Kantakuzenos auch ganz allgemein die Wege geebnet gewesen sein.[18] Die Ausweitung dieses fiktiven Verwandtschaftsverhält-

[17]) Der göttliche Wille, daß gerade Kantakuzenos und kein anderer wegen der besonderen Verbundenheit mit Andronikos III. der Vormund von dessen Kindern sein und so die Geschicke des Reiches lenken solle, wird vielfach von Kantakuzenos betont; am nachdrücklichsten *Hist.* III, 56: II, 340, 1 ff., wo der Metropolit dies den verzagenden Bürgern von Diymoteichos auseinandersetzt und sich dabei auf eine persönliche Erscheinung Gottes beruft, von dem er auch einen persönlichen Ausspruch zitieren kann: 342, 8.

[18]) Dafür haben wir im Bereiche des Ostens für das 14. Jh. mindestens 2 Beispiele. Stefan Dušan nennt in einem Chrysobullos Logos v. J. 1346 für das Athoskloster Zographu (*Actes de Zographou*, éd. Regel-Kurtz-Korablev [1907] n. 32, 10: S. 88 = Soloviev-Mošin, *Griech. Urk. serb. Herrscher* [1936] n. 9, 12: S. 66) den Zaren Ivan Aleksander von Bulgarien, den Bruder seiner Frau, αὐτάδελφος, ebenso wie der Zar Symeon Uroš (Siniša), der Bruder Stefan Dušans, sich in einem Chrysobullos Logos für das St. Georgskloster in Zablanteia vom August 1359 als ἀδελφός des verstorbenen Nikephoros Dukas (d. h. des Despoten Nikephoros Dukas Orsini) bezeichnet, während er nach der natürlichen Verwandtschaft durch die Heirat mit dessen Schwester Thomais dessen Schwager war (vgl. Soloviev-Mošin a. a. O. n. 31, 37: S. 220).

Die Sitte der Bezeichnung hoher und nahestehender Personen als „Bruder" oder auch als „Sohn-Vater" geht zeitlich weit zurück und dürfte auf dem politischen Gebiete zunächst nichts als eine metaphorische Steigerung des vom römischen Senate verliehenen Titels eines „amicus populi Romani" und der Ausdruck des höchsten Vertrauens in die Treue und Ergebenheit des mit diesem Titel Beliehenen gewesen sein (vgl. die φίλοι der byz. Zeit). In frühbyzantinischer Zeit auch als Anrede für hohe Staatsbeamte („parens", „frater") verwendet (sind die Anm. 12 g. Ende angeführten Fälle des Demetrios Tornikes und des Alexios Angelos Reminiszenzen an diese freilich in der Zwischenzeit wohl längst verschwundenen Gebräuche?), erscheint der Titel schon in frühbyzantin. Zeit häufig, sodann später aber ausschließlich im auswärtigen Verkehr des Reiches. So ist er die konventionelle gegenseitige Bezeichnung des byzantinischen Kaisers und des Perserkönigs in der Zeit vom 4.—7. Jh. (vgl. R. Helm, *Untersuchungen über den auswärtigen diplomatischen Verkehr des röm. Reiches im Zeitalter der Spätantike*, Arch. f. Urkf. 12 [1932] 385, Anm. 3), aber auch im Verkehr mit einigen Germanenkönigen (vgl. ebenda 386, A. 12—16 und 24), unter denen er dem Frankenkönig, später dem deutschen König sowie den Herzogen von Bayern und Sachsen und dem König von Italien zu verbleiben scheint (vgl. zu der ganzen Frage am ausführlichsten Otto Meyer, *Εἰς τὸν ῥῆγα Σαζωνίας*, Brackmannfestschrift, 1931, 133 ff. und meine Bem. Byz. Zeitschr. 31, 1931, 439 ff.). Während im Laufe des 6. Jh. sich in der Gradbezeichnung gewisse Schwankungen bemerkbar machen (vgl. Meyer, a. a. O. 132, A. 3), scheint jedenfalls seit Karl dem Großen, der offenbar auf grund seines Kaisertums (so Meyer 135) die Gradbe-

nisses zu einem lebenden Herrscher-„Kollegen“ auf eine geistige Verwandschaft mit einem verstorbenen und vor allem auch mit den übrigen Mitgliedern des regierenden Hauses scheint freilich noch auf einer besonderen, zwar auf dem konstruierten Bruderverhältnis zu Andronikos III. aufbauenden, aber ganz konkreten Abma-

zeichnung „geistlicher Bruder“ (statt „Sohn“) für die fränkischen Könige und ihre deutschen Nachfolger endgültig durchgesetzt hat (vgl. jedoch den Kaiserbrief aus St. Denis, der zweifellos an einen Frankenfürsten, vielleicht Bernhard von Italien, gerichtet ist, und wo ich in der Ausgabe von C. Brandi, Arch. f. Urkf. 1 [1908] S. 13, Z. 17 lese: ἐν Χρι]στῷ ἡμῶν τέκνῳ ...), die Bezeichnung „Bruder“ in mittelbyzantinischer Zeit insbesondere im Verkehr mit den deutschen Königen durch Übereinkunft fest und stehend geworden zu sein, da sie auch dann gebraucht wird, wenn wenig freundliche Briefe gewechselt werden (vgl. Meyer a. a. O. mit der Stelle de caerim. 689, 11; dazu Alexios I. an Heinrich IV. v. J. 1081 [Kaiserreg. 1068]: Anna Komn. III, 10: I, 174 B.; Manuel I. an Konrad III. v. J. 1142 [Kaiserreg. 1322]: Otto Fris. Gesta I, 25: 40, 3 Schulausg.; Manuel I. an Wibald v. J. 1151 [Kaiserreg. 1382]: Jaffé, *Bibl. rer. german.* I, 454, 33 [vgl. ebenda I, 648 unten; 549, 13]; Manuel I. an Friedrich I. v. J. 1153 [Kaiserreg. 1392]: Jaffé a. a. O. I, 561, 24). Die Könige von Frankreich erfreuen sich des Titels durchaus nicht mit der gleichen Regelmäßigkeit; während Ludwig VII. in einem Briefe Manuels I. an ihn v. J. 1164 [Jahrzahl so richtig gegen Kaiserreg. 1445: Bouquet 16, 82] als „consanguineus“ und König Karl IV. in einem Briefe des Kaisers Andronikos II. an ihn vom Jahre 1327 [vgl. meine *Fascimiles byz. Kaiserurk.*, 1931, n. 10] als „frater“ bezeichnet wird, fehlt diese Liebenswürdigkeit in dem Briefe Manuels I. an Ludwig VII. v. J. 1146 (Kaiserreg. 1349), bei dem die Formeln doch sonst vorzüglich erhalten sind (Bouquet 16, S. 9/10). Der König von England wird, soviel ich sehe, überhaupt nicht als „Bruder“ (oder „Sohn“) bezeichnet, wenigstens nicht in dem wiederum hinsichtlich des Formelhaften gut erhaltenen Briefe Manuels I. an König Heinrich II. v. J. 1176 (Kaiserreg. 1524: Bouquet 16, 652/4). Diese Feststellung gewinnt an Bedeutung, wenn man die Beobachtung danebenhält, daß in dem Schreiben des Kaisers Isaak Angelos an Balduin Guercio v. J. 1188 (Kaiserreg. 1582: Mikl.-Müller, *Acta* 3, 2, 5) zwar der deutsche König (und Kaiser) als εὐγενέστατος ἀδελφός bezeichnet wird, nicht aber die neben ihm genannten Könige von England und Frankreich, wie der letztere auch in dem Schreiben Manuels I. an Papst Eugen III. v. J. 1146 (Kaiserreg. 1348: Neos Hellenomn. 11 [1914], S. 112 unten) dieser Auszeichnung nicht gewürdigt wird. Ähnlich wird auch der Normannenkönig Boemund in dem Briefe an ihn v. J. 1097 (Kaiserreg. 1297: Migne *PL* 155, 499 f.) als „filius“ bezeichnet, während diese Benennung in anderen erhaltenen Urkunden an Normannenfürsten fehlt (z. B. im Vertrage vom Jahre 1108: Kaiserreg. 1243). Es ist bereits richtig bemerkt worden (von G. Ostrogorskij, Seminarium Kondakov. 8 [1936] 50 f.), daß in dem Adressenverzeichnis des Zeremonienbuches (II, 48: 686 ff.) die christlichen Herrscher von Armenien (de caerim. 687, 3; zur Probe aufs Exempel vgl. den Brief an Ašot III. v. J. 975 [Kaiserreg. 750]: Vizant. Vremenn. 10, S. 93), von Alanien (de caerim. 688, 7) und Bulgarien (de caerim. 690, 11) mit der Bezeichnung „geistliches Kind“ in deutlicher Abstufung von den nichtchristlichen Herrschern einerseits (diese zum Teil φίλοι, z. T. ohne besondere Bezeichnung) und den oben genannten deutschen Fürsten (mit der höheren Bezeichnung „Bruder“) abgehoben sind, während der Papst seit ältester Zeit und durch die ganze byzant. Epoche hindurch (auch in den Zeiten des Schismas) von den byzantinischen Kaisern mit dem Praedikate „geistlicher Vater“ geehrt wird (vgl. de caerim. II, 47: 680, 17 und II, 48: 686, 9 u. 689, 4 sowie einen beliebigen späteren Brief an den Papst, etwa Kaiserreg. Nn. 2028 und 2073 von Michael VIII. und Andronikos II. [1277]); von der Kurie scheint die Sitte alsdann auf die westlichen Höfe übertragen worden zu sein, wobei es mir zweifelhaft bleibt, ob mit O. Meyer a. a. O. nach Eichmann damit die Ausbildung eines öffentlich-rechtlichen Verhältnisses gekennzeichnet werden sollte; letzteres ist jedenfalls im Osten schon angesichts der erheblichen Schwankungen in der Titelgebung nicht der Fall, wozu ich noch die folgende Beobachtung fügen möchte: nach de caerim. 681, 13 und 681, 5 hätte im 10. Jh. zwischen dem Herrscher von Bulgarien und dem byzantinischen Kaiser das geistliche Verhältnis „Enkel-Großvater“ und nach dem „Aufrücken“ der Bulgaren zur „Sohnschaft“, d. h. nach dem Generationenwechsel Romanos-Konstantin, das Verhältnis „Sohn (Kind)-Vater“ bestanden (de caerim. 682, 12; 690, 11). Nun nennen aber zwei Briefe

chung aus dem Jahre 1347 zu beruhen,[19] von der uns die Schilderung des Kantakuzenos in seinen Erinnerungen gerade noch einen Reflex bewahrt hat. Es heißt dort, es sei in den Kapitulationen mit der Regentin Anna und ihrem Sohne Johannes V. bei der Einnahme von Konstantinopel (1347) durch Kantakuzenos u. a. vereinbart worden, daß Johannes V. und Johannes VI. „sich gegenseitig ein Wohlwollen beweisen sollten, wie es Vätern und Söhnen gegenseitig zukommt".[20] So erklärt sich denn auch die eigenartige Bezeichnung des Kantakuzenos als „Vater" des Johannes V. (vgl. oben) und die Bezeichnung der Anna von Savoyen, deren effektives Kaisertum zu dieser Zeit dadurch eine Bestätigung findet,[21] als „Schwester". Indem aber Kantaku-

des byzantinischen Kaisers Romanos I. vom Jahre 925 (Kaiserreg. 606 u. 607: Δελτίον 1, 1883, 664/5 und öfter; sodann 2, 1884, 46, 25 und öfter) den Bulgarenzaren Symeon wiederholt „geistlichen Bruder" (vgl. zu der schwierigen Frage auch St. Runciman, *Roman. Lecap.* 100, A. 1). — Nach diesen Zusammenstellungen, die bei weitem keinen Anspruch auf Vollständigkeit erheben, aber zu eingehenden Behandlung dieser wohl recht ergiebigen Frage anregen möchten, geht doch wohl soviel mit Klarheit hervor: 1. Die Bezeichnung mit einem Grade der geistlichen Verwandtschaft beschränkt sich seit der mittelbyzantinischen Zeit fast ausschließlich auf gekrönte Häupter und zwar auf christliche (vgl. zur Kontrolle für die nichtchristlichen z. B. Kaiserreg. 633 an Ar-Radi von Bagdad v. J. 938); 2. die Anwendung überhaupt und die Anwendung der Grade scheint auf besonderer Übereinkunft zu beruhen, ist aber weder in Hinsicht auf die Anwendung überhaupt noch auf die Gradbezeichnung obligatorisch; sie ist teils nach Ländern konventionell (so werden Konrad III. und Friedrich I. gleichmäßig als „fratres" bezeichnet), teils scheint sie sich an die Generationenfolge anzulehnen (so vielleicht in Bulgarien); 3. die geistlichen Verwandschaftsbezeichnungen stehen entweder für sich allein oder gehen neben den Bezeichnungen der natürlichen Verwandtschaft einher; zum Beweise vgl. folgende zwei Fälle aus dem östlichen Gebiet: *a)* Johannes V. Palaiologos bezeichnet den Zaren Ivan Aleksander von Bulgarien in einer Urkunde für Zographu v. J. 1351 (*Actes* n. 40, 10 [bei der er wegen der Verwandtschaftsbezeichnung zu Alexios und Johannes zweifelsfrei der Aussteller ist; vgl. *Actes du Pantokrator*, éd. Petit, 1903, n. 2 v. J. 1357 und ebenda Einleit. VII f.]) als ἀδελφὸς καὶ συμπένθερος, was in wörtlichem Sinne nebeneinander nicht möglich wäre (Johannes V. ist nach den natürlichen Verwandtschaftsverhältnissen der Bruder der Schwiegertochter des Ivan Aleksander (Maria), wie er diesen denn auch sonst zutreffend als θεῖος καὶ συμπένθερος bezeichnet: z. B. *Actes de Zographou* n. 31, 21: S. 72 v. J. 1342; vgl. *Εἰς μνήμην Σπ. Λάμπρου* [1935] S. 26); *b)* Michael IX. (er ist nach n. 52 der Aussteller) nennt in *Actes de Chilandar* éd. Petit-Korablev, 1911, n. 51, 50 den Serbenkral Stefan Uroš, den Gatten seiner Schwester Simonis, seinen περιπόθητος ἀδελφὸς καὶ γαμβρός, wobei das erste die geistliche, das zweite die natürliche Verwandtschaftsbezeichnung ist; 4. die Sitte der gegenseitigen Bezeichnung der Fürsten als „Bruder" hat sich, wohl über die Kurie, im Mittelalter weit verbreitet (vgl. Ducange in den Anmerk. zu Anna Komn.: II, 488 Bonn.) und ragt in die Neuzeit herein. Der auch heute noch übliche zeremonielle Bruderkuß sich begegnender Monarchen dürfte ein Überrest dieses Bewußtseins der Zugehörigkeit zur „Familie der Könige" sein.

[19]) Man könnte geneigt sein den Grund des Eintritts der geistlichen Verwandtschaft in der Zeremonie der Krönung zu suchen, welche seit Basileios-Photios mit einer Salbung verbunden war und deren sakramentaler Charakter gerade im 14. Jh. stark hervortritt (vgl. Sickel, Byz. Zeitschr. 7, 1898, 550, Anm. 84, der auch die mit der Salbung verbundene Einreihung des neugekrönten Kaisers in den Klerus hervorhebt, sowie die ausführliche Schilderung der Krönungs- und Salbungszeremonie durch Kantakuzenos selbst: *Hist.* I, 41: I, 196, 12 ff.); indessen nennt Kantakuzenos, wie wir gesehen haben, den Andronikos III. schon unmittelbar nach seiner Erhebung zum Kaiser und lange vor der Krönung, auch urkundlich, seinen „Bruder".

[20]) Kantak. *Hist.* III, 100: II, 614, 16. Vgl. Nachtrag S. 30.

[21]) Dies ergibt sich, wie aus manchen anderen Umständen, so auch daraus, daß Anna bei der Kaisererhebung des Kantakuzenos in Didymoteichos (1341) vor Johannes V. und vor Kantakuzenos akklamiert wird: Kantak. *Hist.* III, 27: II, 166, 12.

zenos so als „Bruder“ des Andronikos gewissermaßen an seine Stelle tritt, ist auch Andronikos II. sein „Großvater“ und die früheren Kaiser sind seine „Ahnen“ (vgl. oben S. 20 f.).

Immerhin bleibt dieses Vorgehen, wenn es im oströmischen Reiche auch gegenüber auswärtigen Fürsten durch Jahrhunderte geübt und auch außerhalb des byzantinischen Gebietes gerade zu jener Zeit wiederholt unter lebenden Herrscherkollegen angewendet worden ist, in seiner Anwendung innerhalb der byzantinischen Kaiserfamilie einzigartig und legt uns die Frage nach dem Beweggrund vor. Und da scheint uns nur eine Erklärung möglich zu sein: das Bestreben des Kantakuzenos, sich in Ermangelung einer hinreichend nahen natürlichen Verwandtschaft zum Palaiologenhause[22] auf diesem ungewöhnlichen Wege in die regierende Dynastie einzugliedern, erklärt sich aus der Notwendigkeit für den homo novus, für sein Kaisertum neben der staatsrechtlichen auch jene Legitimität der Familie zu erreichen, welche das byzantinische Volk von seinen Kaisern spätestens seit dem 9. Jh. zu fordern pflegte.[23] Dieses dynastische Gefühl der Byzantiner, das nicht im byzantinischen Staatsrecht seine Wurzel hat, sondern von außen in das byzantinische Volk hineingetragen wurde und in dem selbstverständlichen dynastischen Streben der einzelnen Kaiser seine Stütze fand, ist, soviel ich weiss, niemals im Zusammenhange behandelt worden und ich muß mich im Rahmen dieser Abhandlung ebenfalls mit einer skizzenhaften Zusammenfassung begnügen, wobei ich auf die zahlreichen dynastischen Unruhen im byzantinischen Reiche[24] gerade nur hinweisen kann und mich im wesentlichen auf die urkundliche Evidenz dieser Erscheinung beschränke. Allbekannt ist es, daß der Emporkömmling Basileios I. sich einen auf die Arsakiden (und auf Konstantin d. Gr.) zurückgehenden Stammbaum zurechtmachen ließ und sein Enkel, Nachfolger und Biograph Konstantinos Porphyrogennetos wenigstens auf den ersten Teil dieses Nachweises zu Nutz und Frommen der Dynastie großen Nachdruck legte.[25] Die makedonische Dynastie hat sich in der Tat so hohes Ansehen zu verschaffen gewußt, daß sie nicht nur $1^1/_2$ Jahrhunderte im Mannesstamm bestehen, sondern daß sie auch noch eine ganze Reihe von Kaisern des 11. Jh. (Romanos III. Argyros, Michael IV. Paphlagon, Michael V. Kalaphates, Konstantin IX. Monomachos) ihre Legitimität auf die Verheiratung mit einem der beiden letzten weiblichen Sprösslinge des Hauses stützen lassen und eine wiederholte Frauenherrschaft von weiblichen Mitgliedern der Dynastie aushalten konnte (Zoe, Zoe und Theodora, Theodora). Sogar eine Designation (Michael VI.) durch den letzten weiblichen Sproß (Theodora) wird vom Volke geduldet. Freilich erheben sich gegen diesen Eindringling alsbald die Anhänger der Militärpartei, welche sich ihr Recht auf die Kaiserkürung nicht für die Dauer nehmen lassen wollen, und setzen — seit zwei

[22]) Er hätte hier auf u. U. auf grund der überaus starken Fassungskraft des Begriffes vor 1341 höchstens die nichtssagende Bezeichnung θεῖος verwenden können.

[23]) Vgl. G. Ostrogorskij bei E. Kornemann, *Doppelprinzipat* (1930) 168.

[24]) Man denke nur etwa an die Zurückführung der Theodora im Jahre 1054 oder an die zahlreichen Umsturzversuche, welche von angeblich noch vorhandenen Mitgliedern gestürzter Dynastien in Szene gesetzt wurden.

[25]) Theoph. Contin., Basil. 2: 212, 18 Bonn.

Jahrhunderten zum ersten Mal — einen durch einen glänzenden Stammbaum anscheinend nicht ausgezeichneten General auf den Thron: Isaak Komnenos (1057), von dem auch nicht bekannt ist, daß er versucht hätte seine Volkstümlichkeit durch den Nachweis kaiserlicher oder besonders alter Abkunft zu stärken. Die Erhebung seines Nachfolgers, Konstantins X. Dukas, konnte schon wiederum durch Designation[26] erfolgen, doch hielt es der neue Herscher für gut wiederum, wie einst Basileios I., auf die angebliche Abstammung seines Geschlechtes, der Dukas, von Konstantin d. Gr. hinzuweisen.[27] Dieser Hinweis war stark genug, um dem byzantinischen Volke nochmals die Regierung der Witwe eines Kaisers (Eudokia) erträglich erscheinen zu lassen, ja, nochmals das Kaisertum eines homo novus (Romanos Diogenes) an ihrer Seite hinzunehmen. Als dieser freilich nach der katastrophalen Niederlage bei Mantzikert (1071) in die Hände des Feindes gefallen war, war es der legitimistischen Partei in Konstantinopel ein leichtes nunmehr die unselige Frau zu verbannen und den Thron Konstantins d. Gr. wiederum mit einem echten Dukas (Michael VII.) zu besetzen.[28] Schon dessen durch Usurpation auf den Thron gelangter Nachfolger Nikephoros Botaneiates, bedarf wiederum der Berufung auf das Alter seines Geschlechtes: sein Herold, der Geschichtschreiber Attaleiates, zeigt uns unter Aufwand bedeutender Beredsamkeit und erheiternder Phantasie, daß sein Liebling ein Nachkomme der altrömischen Familie der Fabier,[29] außerdem aber auch ein Sproß aus dem Hause der Phokaden sei, das in Nikephoros Phokas, dem siegreichen Kaiser des 10. Jh., der ruhmreichen byzantinischen Geschichte schon einen weithinberühmten Herrscher gestellt habe und ebenfalls auf Konstantin d. Gr. zurückgeführt werden könne.[30] Demgegenüber konnte sich dessen Nachfolger, Alexios I. Komnenos, der seit langem wieder eine länger regierende Dynastie zu gründen vermochte, auf die doppelte Verwandtschaft mit dem als Kaiser bewährten Isaak Komnenos sowie mit dem auf Konstantin d. Gr. zurückgehenden Kaiserhause der Dukas berufen.[31] Die ihm folgenden vier Kaiser hatten hinsichtlich ihrer Legitimität die offenkundige natürliche Abstammung von Alexios I. Komnenos für sich. Der nächste Einbruch erfolgte erst durch Isaak Angelos, der zwar, wie die zahlreichen Lobreden auf ihn beweisen, in Anbetracht der Niederkämpfung des „Tyrannen Andronikos Komnenos"[32] auf Betonung seiner Verwandtschaft mit dem Komnenenhause[33] im Innern des Landes verzichten zu können glaubte, sie aber im auswärtigen Verkehr gelegentlich doch hervorhob.[34] Isaak wurde

---

[26]) Attaleiates 69, 10 Bonn.

[27]) Nikephor. Bryenn., *Comm. praef.:* 13, 10 Bonn.; die Konstruktion scheint schon damals entstanden zu sein.

[28]) Attal. 169, 8 B.: τὴν πατρῴαν βασιλείαν ψήφῳ θεοῦ εἰς ἑαυτὸν ἀνεκτήσατο.

[29]) Attal. 220, 15.

[30]) Attal. 217, 16.

[31]) Nikeph. Bryenn., *praef.*: 13, 1 ff. B., eine für die Erforschung des Legitimitätsgedankens bei den Byzantinern überhaupt sehr ergiebige Stelle. Vgl. dazu G. Buckler, *Anna Comnena* (1929) 29 ff.

[32]) Vgl. das Chrysobull für Genua v. J. 1192: ὁ τύραννος ἐκεῖνος Ἀνδρόνικος: Mikl.-Müller, *Acta* 3, 26, 24; 27, 9 und öfter.

[33]) Er war der Enkel des Konstantinos Angelos, des Gatten der Theodora Komnene, Tochter Alexios I. Komnenos; vgl. den Stammbaum bei Buckler a. a. O.; A. A. Vasiliev, *Hist. de l'empire. byz.* II, 83.

[34]) So nennt er im Chrysobull für Pisa v. J. 1192 (Mikl.-Müller, *Acta* 3, 16, 3) und in dem für Genua

gestürzt durch seinen Bruder Alexios III., der umgekehrt seine Legitimität durch Preisgabe des Angeloinamens betonen zu müssen glaubt[35] und sich auch in den Urkunden zum ersten Mal des Komnenennamens zum Erweise seiner kaiserlichen Abkunft bedient,[36] hierin beispielgebend für alle folgenden Kaiser; auch er nennt in auswärtigen Urkunden den Kaiser Manuel I. „patruus"[37] und Alexios I. „proavus",[38] freilich auch gelegentlich den von ihm geblendeten und eingekerkerten Isaak Angelos „dilectissimus frater".[39] Alexios V. legitimiert sich wiederum durch den klingenden Beinamen der Dukas und sodann der Retter des Reiches, Theodoros I. Laskaris, der erste Kaiser von Nikaia, durch den Beinamen Komnenos, den er vor seinen eigentlichen Familiennamen stellt (als Gatte der Anna, Tochter seines Gegenkaisers Alexios III., Witwe des Isaak Komnenos).[40] Johannes Dukas Vatatzes ist zwar durch die Verheiratung mit Eirene, der Tochter des Theodoros I., familienmäßig hinreichend legitimiert, versäumt jedoch nicht seine vornehme (aus den Quellen für uns nicht nachweisbare) Abkunft darüber hinaus durch Führung des Dukasnamens zu unterstreichen. Der letzte Usurpator, welchen die byzantinische Geschichte vor unserem Johannes Kantakuzenos kennt, ist sodann Michael VIII. Palaiologos. Obgleich ihm vermutlich die Wiedereinnahme Konstantinopels (1261) die Popularität eines wahren „neuen Konstantin" gesichert hätte, hält er es doch für gut seine verwandtschaftliche Verbindung mit nicht weniger als drei alten Kaiserfamilien, die er schon 1259 nach seiner Erhebung in seiner Urkundenunterschrift betont hatte, auch später hervorzuheben: er nennt sich „Komnenos Dukas Angelos Palaiologos" auf grund tatsächlicher verwandtschaftlicher Beziehungen zu diesen Familien.[41] Bezeichnenderweise behielt auch sein Sohn diese Beinamen

---

dess. Jahres (Mikl.-Müller, *Acta* 3, 32, 31) den Kaiser Manuel I. seinen περιπόθητος θεῖος und in ersterem (M.-M. 3, 16, 2) den Kaiser Alexios I. seinen πρόπαππος.

[35]) Niketas Chon., *Alex.* III., c. 3: 685, 8.

[36]) Vgl. meine *Facsimiles byz. Kaiserurk.*, 1931, Sp. 31.

[37]) Im Chrysobull für Venedig v. J. 1198 (Kaiserreg. 1647): Zepi *IGR* I, 474, 40 u. 475, 7.

[38]) Ebenda 474, 38.

[39]) Ebenda 469, 29.

[40]) Urk. für Venedig v. J. 1219 (Kaiserreg. 1703): Zepi *IGR* I, 481, 8; 482 unten. — Bekanntlich stützten die Kaiser des neuen trapezuntischen Reiches ihre Legitimität auf den Komnenennamen, die Despoten und späteren Kaiser von Epeiros die ihre auf den Namen der Angeloi, was jeweils in der urkundlichen Namenformulierung auffällig hervortritt; so verstehe ich z. B. die hinsichtlich der trapezuntischen Kaiser von A. A. Vasiliev in Speculum 11 (1936) 32 und Anm. 6 herangezogene Stelle aus der Antwort des Kaisers Johannes von Trapezunt an Michael VIII. (Pachymeres, Mich. VI, 34: I, 520, 11 Bonn.). Darauf, daß die kaiserlichen Familiennamen wie Laskaris bei den östlichen Nachbarnvölkern der Byzantiner geradezu zu Appellativen (wie Caesar-Kaiser usw.) geworden sind, habe ich schon Byz. Zeitschr. 32 (1932) 411/2 und 36 (1936) 223 hingewiesen.

[41]) Über die Abstammung Michaels VIII. von den Komnenen und den Dukas sehr ausführlich und tief eindringend V. Laurent, Byzantion 8 (1933) 130 ff.; Michael bezeichnet in der Tat im Vertrag von Nymphaion (Kaiserreg. 1890: Zepi *IGR* I, 491 Mitte) den Kaiser Iohannes Komnenos als „agnatus" und anderwärts (Zepi *IGR* I, 657, 26) den Theodoros Laskaris I. sowie (Zepi *IGR* I, 657, 37) den Johannes Dukas Vatatzes als θεῖοι. Welch großen Wert der Usurpator Michael Palaiologos auf diese Abstammung legte, ist u. a. auch aus seiner Selbstbiographie zu erkennen; vgl. Laurent a. a. O. 130 f. — Der Beiname Angelos kam ihm zu, weil seine Großmutter mütterlicherseits, Eirene, die Gattin des Alexios Palaiologos, eine Angeline gewesen war; vgl. die Stammtafel bei Laurent a. a. O. 136 und C. Chapman, *Michel Paléol.* (1926) 179.

während seiner Alleinherrschaft bis etwa zum Jahre 1315 bei,[42] um sich dann, da er das Ansehen der Dynastie hinreichend gefestigt glaubte, wie später alle seine Nachfolger bis zum Ende des Reiches, mit dem Beinamen Palaiologos zu begnügen.

Wie aus dieser notgedrungen kurzen und, wie nochmals betont sei, keineswegs erschöpfenden Übersicht hervorgeht, sind alle Herrscher seit dem 9. Jh. (mit Ausnahme vielleicht des Isaak Komnenos) dem Bedürfnisse des Volkes nach einer Legitimierung des Herrschers durch vornehme, womöglich kaiserliche Abkunft mittels Aufstellung mehr oder weniger stichhaltiger Stammbäume und, in späterer Zeit, auch durch die Betonung ihrer Verwandtschaftsverhältnisse in der urkundlichen Namensunterschrift nachgekommen. Alle diese Mittel standen unserem Johannes VI. Kantakuzenos nicht zur Verfügung, oder er glaubte doch seine besondere Stellung als Hauptkaiser vor dem legitimen Erben Johannes V. durch ein Verwandtschaftsverhältnis höheren Grades stärken zu müssen als der Hinweis auf seine Mutter aus dem Hause des Palaiologengeschlechtes zu bewirken imstande gewesen wäre.[43] Er hat diese letztere Möglichkeit in einem so hohen Grade unbenutzt gelassen, daß er es verschmäht hat den Palaiologennamen, der ihm von seiner Mutter her ebensogut zugestanden hätte, wie andere klingende Namen einer ganzen Reihe seiner Vorgänger, jemals zu führen. Seine Urkunden bezeugen trotzdem, daß er die von ihm hergestellte Konstruktion einer geistlichen Verwandschaft mit dem regierenden Hause ernst genug nahm,[44] um sich nach seiner Erhebung zum Kaiser als Mitglied dieser Familie zu fühlen, eine ganz einzigartige, aber wie ich glaube, in der mystischen Denkweise des Johannes Kantakuzenos tief begründete „οἰκονομία".

Ἔρρωσο, περιπόθητε καὶ θειότατε συνάδελφε, ἔτη πολλά.

F. Dölger.

München.

---

[42]) Vgl. meine Beobachtung Byz. Zeitschr. 34 (1934) 126, Anm. 1.

[43]) Die idealistische Gesinnung und die unbedingte Loyalität des Johannes Kantakuzenos, welche er zum Schaden des Staates in seinem Kampfe gegen Anna von Savoyen und Apokaukos viel zu lange bewahrt hat, ergeben sich aus seinen eigenen Schriften und aus den Bemerkungen des ihm nicht freundlich gesinnten Gregoras meines Erachtens mit aller Deutlichkeit; ich kann so das unfreundliche Bild, welches von diesem Kaiser V. Parisot, *Cantacuzène, homme d'État et historien,* Paris 1845, entworfen hat, wenigstens in diesem Punkte nicht als treffend anerkennen. Der Kaiser verdiente endlich eine neue Monographie, schon auf grund des inzwischen zugewachsenen Quellenmaterials.

[44]) Wie sehr man damals abgeneigt war einen Emporkömmling auf dem Throne zu dulden, zeigen z. B. die sehr abschätzigen Bemerkungen, welche Kantak. *Hist.* I, 23: I, 117, 24 und übereinstimmend Gregoras XII, 2, 2: 577, 5 ff. von Apokaukos, und zwar gerade im Zusammenhang mit dessen Bemühungen um die Kaiserkrone, gemacht haben.

NACHTRAG:

zur Seite 20, Anmerk. 7:

Daß freilich diese Theodora, wie J. C. Filitti, *Notice sur les Cantacuzène du XIe au XVIIe siècles*, Bukarest 1936, S. 5, will, mit jener Theodora (Theodosia) Palaiologina identisch wäre, welche wir als Tochter der Maria (Martha) Tarchaniotissa und Nichte des Kaisers Michael VIII. kennen, ist unmöglich. Diese letztere Theodora war zuerst zwangsweise mit Basileios Kaballarios (Pachym. *Mich.* I, 13: I, 34, 8), sodann offenbar nach Scheidung mit ihrem vorherigen Bräutigam Balanidiotes (vgl. Pachym. *Mich.* IV, 18 und 19: I, 293, 13 und 296, 6) verheiratet, jedenfalls war sie bereits im Jahre 1266 von dem letzteren Witwe und Nonne mit dem Namen Theodosia. Da wir anderseits wissen, daß Johannes VI. Kantakuzenos spätestens 1296 (aber auch kaum viel früher) geboren ist (da sein Vater nach Filittis zutreffender Bemerkung 30-jährig spätestens i. J. 1295 gefallen ist und dieses Geburtsdatum des Kaisers auch mit anderen Angaben übereinstimmt: ἡλικιώτης des K. Andronikos III., welcher 1296/7 geboren sein muß [Gregoras X, 1: I, 474, 11 und Kantak. I, 40: I, 194, 12]), so kann die Nonne Theodora-Theodosia v. J. 1266 schwerlich die Gattin des nicht vor 1260 und spätestens 1265 geborenen Vaters des Kaisers Johannes VI. gewesen sein. Es handelt sich zweifellos um eine andere Theodora des damals schon vielfach mit anderen Familien verschwägerten Palaiologenhauses, in dem der Name Theodora ja besonders häufig ist; sie in die Genealogie des Palaiologenhauses genau einzureihen, dürfte schwierig sein. Johannes VI. scheint (entgegen der unbelegten Meinung Filittis a. a. O., 5) den Palaiologennamen niemals geführt, ja absichtlich vermieden zu haben; vgl. das Gedicht des Manuel Philes, ed. Miller, app. n. IX: II, 355, 22: Ἰωάννης... πορφυρόβλαστος Κομνηνὸς αὐτοκράτωρ.

zur Seite 25:

Deutlichere Anspielungen auf diese Vorgänge des J. 1347 enthält jene Rede des Kaisers Johannes V., welche Gregoras XXVII, 33—54 (III, 155 ff. Bonn.) ihn an seine im Jahre 1352 zur Vermittlung mit Johannes VI. und dessen Sohn Matthaios herbeigeeilte Schwiegermutter Eirene Kantakuzene halten läßt. Johannes V. legt hier dar, daß nicht er die Eide des Jahres 1347 gebrochen habe, sondern Johannes Kantakuzenos, welcher damals geschworen habe, der „gemeinsame Vater“ (des Johannes V. und seiner eigenen Kinder) zu sein (156, 3), aber nun, wie die Geschichte von manchen „Vätern und ihren Söhnen“ berichte, zu den Waffen gegriffen habe (156, 20). Er selbst sei es nicht, der die „Satzungen der *Adoption*“ (υἱοθεσία) übertrete, sondern derjenige, welcher geschworen habe, „sein Vater“ (vgl. auch 166, 10) „und der Schützer seines Lebens zu sein“ (157, 2). In demselben Abschnitt nennt Johannes V. auch die Eirene seine „Mutter“ (155, 1) und Matthaios seinen „Bruder“ (155, 9; 167, 2). Man erkennt, daß im Jahre 1347 im Zusammenhang mit dem Vertrage ein mit feierlichen Eiden beschworenes Verwandtschaftsverhältnis zwischen Johannes Kantakuzenos und der Palaiologenfamilie hergestellt worden war.

UN INVENTAIRE DE DOCUMENTS BYZANTINS DE CHILANDAR

Les archives du monastère serbe de Chilandar, au Mont-Athos, sont assez bien connues, grâce aux publications du p. Louis Petit et de m-r B. Korablev, mais elles ne sont pas encore complètement épuisées. On peut y trouver encore maints documents slaves inconnus ou publiés en partie, ce que nous avons déjà quelques fois éprouvé. Il paraît que toutes les chartes grecques de Chilandar sont épuisées par l'édition de L. Petit.[1] Mais voici que m-r R. Grujić eut la chance de trouver deux vieilles traductions slaves de documents byzantins disparus: l'un est un γράμμα παραδόσεως de 1227, l'autre — un chrysobulle d'Andronic II de l'an 1308.[2] L'année dernière, nous avons eu la bonne fortune de copier un document curieux: c'est un inventaire, de toutes les chartes de Chilandar, rédigé en langue serbe dans les premières années du XIVe siècle. Ce document est conservé en deux exemplaires: l'un est sur papier (N° 103 du catalogue des actes serbe) — il nous semble être plus ancien d'après son orthographe; l'autre est sur parchemin (N° 102) — c'est probablement une copie de la moitié du XIVe siècle. Les différences sont insignifiantes.

† Ӕ се глава хрꙋсоволомь с(ве)тих ц(а)рь ѡт зачела хиландарьска,[3] и ѡправданиѥмь и повелѣмь ц(а)рскимь,[4] и прочих кефалий ѡправданиѥмь, и тькминамь хрꙋсовольскимь и кꙋпеницамь и всѣмь прочимь. Хрꙋсовола двaa велиꙗ кира Ӕлеѯи ц(а)ра и с тьк'минами; велиѥго ц(а)ра Палеѡлога два хрꙋсовола съ печат'ми, Калоꙗнꙗ цара Батаца хрꙋсоволь сь печатию; кирь Ӕньдроника цара хрꙋсоволь сь печатию прѣдрьжещь ѡ всемь; кирь Ӕлѣѯи цара хрꙋсоволь небраньнь пꙋти въ Срьбию; трети хрꙋсоволь Палеѡлога цара[5] за Градаць сь печатию; деспота кирь-Димитра[6] хрꙋсоволь сь сребрьною[7] печатию; дрꙋге тькмине старих хрꙋсоволь двоѥгꙋбачне; ипом'нистикь светогорьски кь царꙋ кир' Ӕлѣѯѣ за Хилан'дарь; двѣ ѡризмѣ цара кирь Ӕндроника ѡ свободах метохиꙗмь; сꙋдьбина протосиньгритова сь[8] ѡриз'момь царевѣмь ѡ Милеѥ с Катопегꙗни; двѣ повели цара Палеѡлога, и третиꙗ кирь Ӕн'дроника цара, и агномиꙗстова за населениѥ Лꙋжьца; повелѣ[9] царева кѥсторꙋ и прѣданиѥ кѥсторово за зем'лꙋ Лꙋжьчькꙋ; двѣ повели царевѣ и двѣ кефалинсцѣ ѡ парицѣхь

[1]) *Actes de l'Athos*, publiés par le Vizantiski Vremennik, t. XVII (1911); cité: *Actes*.

[2]) Р. Грујић, *Три хиландарске повеље*. Зборник за историју Јужне Србије, кн. I. Скопље 1936, p. 4 et 24; le chrysobulle avait été édité en partie par B. Korablev, Viz. Vrem. t. XIX (1915), p. 415 (N° 15).

[3]) N° 102: Хиландара, [4]) царскымь, [5]) deest: цара, [6]) Дмитра, [7]) сребрьномь, [8]) и сь, [9]) повелꙗ.

кои сȣ ѡтбѣгли[10] ѡт метохии; повелѣ[11] царева за Клевьтакевике[12] и за Фȣкȣи; агномиастова повелѣ царева за четири члов(ѣ)ке [кои сȣ][13] свободне коих ѥ царь даль[14]; царево ѡризмо пȣтно; протосиньгритова книга[15] за корабль да не забавлѣю[16] нигдѣ; и пакь три повеле цареве свобода метохиꙗмь; повелѣ[17] царева за харамȣ; повелѣ[17] царева за гȣм'ньщинȣ[18]; повелѣ[17] царева за Парьцале, и дрȣга книга за Парьцале старога доместига; Девлицинова книга за Ꙗнѣ[19] на Стрȣмѣ; велиѥга коноставла книга према хрȣсоволȣ ѡ свободѣ, ѡ митатѣ, ѡ кастроктисии; прокатименова[20] Равалинова книга противȣ хрȣсоволȣ за харамȣ и за гȣм'ньщинȣ[18]; кирь Димитра[21] деспота повелѣ[17] за виноград Каракальски; Порфирогенитова[22] книга за манастир[23]; двѣ повели царевѣ и третиꙗ Пазȣдинова за Рȣдавьске меге[24] с Лаврани[25]; периѡрь Солȣньске келиѥ[26] ȣ град(ȣ) и деспотова повелѣ[17] и третиꙗ книга за виноград Мелидоньски[27]; Порьфирогенитова[28] книга за Филомата †. Периѡрь манастирьски[29] ѡколо манастира; книга Спарьтинова за Лȣжьць[30]; за Трипотамь прахьтикь[31]; периѡрь Светого Геѡргиꙗ више[32] манастира; агномиꙗстова книга за кастроктисию; Спартиновѣх с(и)новь книга за Лȣжьць[30]; деспота кирь Д'митра хрȣсоволь и с печатию; книга деспотова за Лꙋжьць; двѣ книзѣ стари периѡрь Стрȣмьски[33]; Палеѡлога цара ѡризмо ѡ свободахь метохиꙗмь; сѣвастократорова книга за Лȣжьць[30]; каниклеꙗ[34] старога свобода метохиꙗмь[35]; периѡрь Лȣжьчьки[36]; книьа Камьбанова за Лȣжьць[30]; протостраторова за Лȣжьць[30]; дрȣги периѡрь[37] Рȣдавски[38] с Лаврани[39]; книга светогор'ска за Скорьпѣю, и двѣ повели и патриар'шьска книга; прахтикь Цимбѣѡвь; периѡрь Рȣдавьски сь Ѯеропотамланы,[40] и дроꙋга книга Караан'дова[41] прѣдание ѡ томь, и третиꙗ Филаретова ȣтврьждение ѡ томь; цара Палеѡлога ѡризмо ѡ свободѣ метохиꙗмь[42]; книга Равалинова свобода метохѡамь,[42] а дрȣга[43] Камица Ком'нена,[44] а третиꙗ Катакȣзина Комнена[45] книга коноставлова стара[46]; книга Филаретова за Прѣвлач'ски[47] кипȣрь сь Изографлани[48]; книга[49] калогера Глигориꙗ[50] ȣ Солȣнѣ за виноградь; периѡрь Зижьски[51] с Хромицомь; книга Триѯинова за Зигь[52] с Катопег'ани,[53] и дрȣга[43] протосингритова, и царева повелꙗ ѡ томь, и свѣдочьбо протово сь игȣмени; книга Ѯеропотамьска за виноград Ѥришьски[54]; дрȣга Ѯеропотамьска за нивье на Прѣвлацѣ; кѥсторова книга за метохию; протостраторова книга за метохие; логоѳета Метритопȣла книга за Стрȣмьскȣ зем'лȣ[55] и ѡризмо царево; сȣдьбина[56] протосиньгритова на срьбьско[57] изведено.[58]

† А се кȣпенице: Ликоматова и Сидерова книга за нивие' на[59] Прѣвлацѣ; дрȣга Кириꙗка Мелисина; книга Ѯеропотамьска за нивȣ на Прѣвлацѣ; Иѡана Милоне книга за нивȣ на Прѣвлацѣ; Геѡргиꙗ Котрȣлѣ[60] книга за нивȣ на Прѣвлацѣ †.

Книжиѥ[61] Савине келиѥ[62]; типикь срьбьски[63] и грьчьски[64]; хрȣсовола два[65] царева, ѥдинь за пирьгь а дрȣгии за Хȣлиꙗрȣ; и книга за Багрь.

---

10) ѡтбѣгноꙋли, 11) повелꙗ, 12) Клевьтакиѥвикиѥ, 13) cancell. in N° 103; deest in N° 102 14) даль царь, 15) in N° 103, errore: книгавии, 16) N° 102: забавлꙗю, 17) повелꙗ, 18) гоꙋмьнщиноꙋ, 19) Ꙗнꙗ, 20) прокаѳименова, 21) Д'митра, 22) Порфирогиѥнитова, 23) манастирь, 24) Роꙋдав'ске мегиѥ, 25) Лавраны, 26) киѥлиѥ, 27) Мелидон'скы, 28) Порфирогиѥнитова, 29) манастир'скы, 30) Лоꙋж'ць, 31) практикь, 32) выше, 33) Строꙋмьскы, 34) каниклиꙗ, 35) метохиамь, 36) Лȣж'чьскы 37) дроꙋпириѡрь, 38) Рȣдавскы, 39) Лавраны, 40) Ѯеропотамлꙗны, 41) Караан'динова, 42) метохиамь, 43) дроꙋгаа, 44) Камицова Ком'нѣна, 45) Камнѣна Катакоꙋзина и, 46) стараа, 47) Прѣвлач'скы, 48) Изографланы, 49) книга за виноградь, 50) Глигорина, 51) Зиж'скы, 52) Жигь, 53) Ватопегꙗны, 54) Ѥриш'скы, 55) землю, 56) сꙋдбина, 57) срьп'ско, 58) изведена, 59) нивьѥ оꙋ, 60) Котрȣлꙗ, 61) книжье, 62) киѥлиѥ, 63) срьп'ски, 64) грьч'ски, 65) деаа.

Cet inventaire précieux démontre que le monastère de Chilandar possédait au commencement du XIVe siècle une grande quantité de documents juridiques. Essayons de les spécifier et de les identifier.

Nos 1—2 „Deux grands chrysobulles du tsar Alexis.“ Ce sont sans doute les deux chrysobulles délivrés en 1198 et en 1199 par l'empereur Alexis Ange, dont le premier accorde à Etienne Némania et à son fils Sava la permission de construire un monastère serbe, et l'autre accorde à Sava le couvent abandonné de Zygos et le droit d'avoir un bateau au service de Chilandar. (*Actes* V, Nos 4 et 5.) Les deux chrysobulles ne nous sont connus maintenant que par ces copies postérieures, dont les originaux sont perdus.

Nos 3—4. „Deux chrysobulles du grand tsar Paléologue, avec bulles.“ Ces actes auraient dû être délivrés par l'empereur Michel VIII Paléologue, vu que son fils Andronic II est toujours appelé dans cet inventaire „tsar Andronic“ tout court. Justement deux χρυσόβουλλα σιγίλλια de Michel VIII nous sont conservés: l'un est de l'an 1271, l'autre de l'an 1277 (*Actes*, Nos 7 et 8, ce sont des actes originaux, mais les bulles ont disparu). Mais nous pensons que l'inventaire parlait d'abord des chrysobulles confirmatoires; l'acte No 8 (1277) confirmant l'indépendance de Chilandar vis-à-vis du protos, peut entrer seul dans cette catégorie. Probablement Michel VIII avait délivré un chrysobulle général pour Chilandar après 1261, qui disparut plus tard.

No 5. „Un chrysobulle du tsar Kalojan Vatatz avec bulle.“ Il dut être délivré par l'empereur Jean Ducas Vatatzès après la prise de Thessalonique (entre le mois de décembre 1246 et 1254). Ce chrysobulle disparut depuis longtemps; il confirmait sans doute les immunités du monastère.

No 6. „Un chrysobulle du tsar kyr-Andronic avec bulle, parlant de tout.“ Ce peut être le chrysobulle d'Andronic II, confirmant tous les biens et les immunités de Chilandar, daté du mois de janvier 1299, qui est bien conservé aux archives avec sa bulle d'or (*Actes*, No 13).

No 7. „Un chrysobulle du tsar kyr-Alexis ne défendant pas le voyage en Serbie.“ Ce document curieux, qui devait dater de 1198—1203, disparut sans traces. Il contenait la permission d'Alexis Ange aux moines de Chilandar d'aller quêter dans leur pays natal.

No 8. „Un trosième chrysobulle du tsar Paléologue pour Gradaz, avec bulle.“ Il se rapporte au village de Καστρίν (= Gradьсь). C'est sans doute le χρυσόβουλλον σιγίλλιον de Michel VIII, avril 1271, sanctionnant la donation de ce village à Chilandar par le despote Jean Paléologue (*Actes* No 7).

No 9. „Un chrysobulle du despote kyr-Dimitri, avec une bulle en argent.“ Un acte pareil n'est plus à trouver aujourd'hui. Nous avons pensé d'abord au despote Démétrios Paléologue, fils d'Andronic II, qui avait résidé à Thessalonique en 1310—1320. Mais ce prince, dont quelques modestes παρακελεύσεις nous sont conservés, n'aurait pas eu le droit de délivrer des chrysobulles. D'ailleurs nous verrons que l'inventaire fut rédigé entre 1304—1307, quand Démétrios n'était pas encore en fonctions.

Nous pensons donc que c'est un chrysobulle disparu du despote presque indépendant de Thessalonique, du jeune Démétrios Ange Comnène d'Epire (fils de l'„empereur de Salonique“ Théodore) qui gouvernait dans ces régions entre 1244 et le mois de de décembre 1246 (v. Acropolite, pp. 75—88). La mention curieuse d'un „chrysobulle à bulle d'argent“, qui contredit en fait à la notion du chrysobulle, nous rappelle juste-

ment les coutumes de la chancellerie des despotes de l'Epire. Par exemple, le despote Michel Comnène Doukas délivra aux Ragusains un ἀργυρόβουλλον πρόσταγμα (en 1236 ou 1206?), en confirmant un autre „prostagme à bulle d'argent" de son père[66].

Nos 1a — 9a. „Autres copies doubles des vieux chrysobulles." Ce sont sans doute ces doublets de chrysobulles, qu'on se procurait dans cette époque,comme garantie contre la perte d'un original. Ces copies (quelquefois des „copies authentiques") sont à trouver même à présent dans les archives de Chilandar. Par exemple le chrysobulle fondemental de 1198 est conservé en deux copies (*Actes* N° 4, note), celui de 1199 — en trois exemplaires (*Actes* N° 5).

Après cette liste de chrysobulles, l'inventaire énumère des documents de moindre solennité.

N° 10. „Un hypomnistikon de la Sainte Montagne (adressé) au tsar Alexis pour Chilandar." C'est l'acte de 1198, par lequel les supérieurs des couvents de l'Athos demandent à l'empereur Alexis Ange de délivrer un chrysobulle, permettant à Etienne Némania de restaurer Chilandar et d'y installer un monastère serbe. Il se trouve à présent aux archives, mais ce n'est plus qu'une copie du XIIIe siècle (*Actes* N° 3).

Nos 11 et 12. „Deux horismoi du tsar kyr-Andronic sur les franchises des métoches." Ce seraient deux ordonnances d'Andronic II (éditées entre 1282 et 1307), confirmant les immunités des biens de Chilandar. Nous ne les trouvons plus.

Nos 13—14. „Un verdict du protosingrite avec un horismos du tsar pour Miléa contre les Vatopédiens." Ces deux documents ne se trouvent plus aux archives. Ils devaient concerner un litige à propos du terrain Miléa (τοποθεσία τῶν Μηλεῶν) qui avait été cédé aux Serbes en 1198 par le couvent de Vatopédi (*Actes* Nos 3—5). Il est difficile de dire qui sont l'empereur et le πρωτοασηκρῆτις en question,[67] mais nous pensons que ces documents se rapportaient aux débuts de l'histoire de Chilandar, puisque le nom de Miléa disparaît après 1199.

Nos 15—18. „Deux ordonnances du tsar Paléologue, et une troisième du tsar kyr-Andronic, et une de l'agnomniaste pour la population de Lužac". Il y avait donc quatre documents qui concernaient les paysans du village Lozikion (Λοζίκιον = Лѫжьць): deux horismoi de Michel VIII, un horismos d'Andronic II et un ordre d'un adnoumiaste. Tous ces documents sont perdus.

La mention d'un ordre τοῦ μεγάλου ἀδνουμιαστοῦ κῦρ Μανουὴλ τοῦ Βατραχωνίτου est faite dans un sigillion impérial (vers 1300, *Actes* N° 14.).

Nos 19 et 20. „Une ordonnance du tsar au kvéstor et l'acte de cession de la terre de Lužac par le kvéstor." Ces deux actes ne se trouvent plus aux archives. Il s'agissait d'un παραδοτικὸν γράμμα d'un certain questeur[68] (κυαίστωρ), cédant au monastère la terre de Lozikion d'après une ordonnance impériale (κατὰ τὸν ὁρισμὸν τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως). Quelques actes pareils furent édités dans les Actes (Nos 34, 36, 37, 38, 39), mails ils datent de 1317 et 1318, tandis que le village de Lozikion avait été obtenu

[66]) Mikl-Müller, Acta Graeca III, 58.

[67]) Sur le proto-a-secretis, v. Stein, *Untersuchungen* dans *Mitt. Osm. G.* II (1925), 37.

[68]) Quaestor, Codin. 40; M.-M. VI, 119; Stein, 41. Le quésteur pourrait être Nicéfore Choumno, qui fonctonnait en 1286 en remettant au mon. de Zographou 400 mesures de terre dans le même village de Lozikion (*Zogr.* p. 27).

par Chilandar beaucoup plus tôt. Ce qui est intéressant, c'est que l'ordonnance relative du basileus au fonctionnaire se trouvait aussi aux archives du monastère, tandis que maintenant il n'y en a presque pas (seulement le N° 46 en relation avec le N° 47 de 1319).

N°s 21—24. „*Deux ordonnances du tsar et deux du képhalé concernant les pariki qui se sont enfui de la métochie.*" Ces actes disparus concernaient des paysans (πάροικοι), qui avaient quitté les biens du monastère; ils pourraient être bien intéressants.

N° 25. „*Une ordonnance du tsar sur les Klevtakevići et Foukouï*". Il est difficile de préciser s'il s'agit de villages aux noms patronymiques ou de familles de paysans. Klevtakevići veut dire autant que „fils, descendants de Klephtakis". Ce nom, comme celui de Phoukouï (?), ne se rencontre plus dans les documents conservés.

N° 26. „*Une ordonnance du tsar à l'agnomiaste sur les quatre hommes libres donnés par le tsar.*" Cet acte disparu concernant quatre ἀπελεύθεροι devenus sujets du monastère, mentionne un adnoumiaste, qui peut être le μεγάλος ἀδνουμιαστής Manuel Batrachonite, mentionné vers la fin du XIIIe siècle (*Actes* N° 14). L'ordonnance devrait être un ὁρισμὸς, comme l'étaient ordinairement les actes adressés par l'empereur à ses fonctionnaires.

N° 27. „*Un horismos du tsar pour voyage.*" Cet acte disparu devrait être un laisser-passer général pour aller en Serbie, en connexion avec le chrysobulle disparu d'Alexis Ange (v. notre N° 7); il pourrait dater du temps de cet empereur.

N° 28. „*Un écrit du protosingrite pour le bateau qu'on ne le moleste nulle part.*" Cet écrit disparu pourrait aussi être du temps d'Alexis Ange, puisque les franchises du bateau de Chilandar sont mentionnées dans son chrysobulle de 1199 (*Actes* N° 5). Comme nous l'avons dit à propos de notre N° 13, le proto-a-secrétis en question pourrait être un fonctionnaire du temps d'Alexis III.

N°s 29—31. „*Encore trois ordonnances impériales (donnant) liberté aux métochies.*" Il est impossible de préciser, de qui devraient émaner ces ordonnances confirmant les immunités des biens de Chilandar. C'étaient probablement des prostagmata, ne portant point la signature de l'empereur; c'est pourquoi les moines de Chilandar eux-mêmes ne précisèrent pas les auteurs de ces actes.

N° 32. „*Une ordonnance du tsar sur la harama.*" Cet acte disparu serait bien intéressant, car il fait mention de l'impôt харама = χάραγμα; il pourrait peut-être nous renseigner sur cet impôt connu justement au XIIIe siècle.[69]

N° 33. „*Une ordonannce du tsar sur la goumenština.*" Encore un acte disparu, qui s'occupait spécialement d'un autre impôt de ce temps. Le mot „gumenština" se trouve encore dans un seul chrysobulle d'Etienne Douchan, délivré en 1345 à un monastère à Ochrida: „да имь нѣсть ни гȣменьщине ни митата ни поноса ни градозиданиꙗ",[70] ce qu'on pourrait traduire „ἀτάραχα... ἀπὸ σιταρκίας, μιτάτου, ἀγγαρείας, καστροκτισίας". C'était donc un acte impérial affranchissant les biens de Chilandar de la σιταρκία.[71])

---

[69]) G. Rouillard, *Recueil Lambros*, p. 375.

[70]) A. Solovjev, *Одабрани споменици*, p. 129.

[71]) Гумно veut dire *aire, grenier*. La *gumenština* est donc un impôt sur le blé battu, ce qui correspond à la *sitarkia*. Il est connu qu'on s'affranchissait difficilement de cet impôt, v. *M. M. IV, 46;* V, 13; *Zograph.* N° XXIV.

N°s 34 et 35. „Une ordonnance du tsar pour Parzalé et une autre du vieux domestikos pour Parzalé.“ La terre de Partzalas (τὸπος λεγομένος Παρτζαλᾶς) est mentionnée en 1323, comme objet de différend entre Chilandar et Xéropotamo. Le litige fut tranché en faveur de Chilandar d'après le témoignage des anciens du village de Partzalas (τῶν γερόντων χωρίου τοῦ Παρτζαλᾶ). Dans ce litige le représentant de Chilandar présenta à l'évêque un prostagme de l'empereur adressé au sévaste Apelmené, un écrit du dernier, ainsi qu'un verdict du duc Philarète (*Actes* N° 88). Mais il nous semble difficile d'identifier ces documents conservés[72] avec les N^os de notre inventaire. Un δομέστικος τῶν θεμάτων Constantin Makrénos fonctionne comme ἀπογραφεύς sous Andronic III dans ces parages (Viz. Vrem. X, N° 1, pp. 67, 70) vers 1323; mais nous pensons que le „vieux domestikos“ devrait signifier une personne du commencement du XIIIe siècle, peut-être un μέγας δομέστικος,[73] quand cette terre de Partzalas avait été donnée pour, la première fois à Chilandar.[74]

N° 36. „L'écrit de Devlitzinos pour Iania sur le Strymon.“ La terre (ou village) de Iania (ѩнѩ) nous est inconnue; elle ne se trouve pas dans le chrysobulle serbe de 1348 très détaillé. Peut-être portait-elle un nom grec tout à fait autre.

Le nom de Devlitzinos nous est connu. Il se trouve dans la même forme slave (ѡдь проние Девельцина Манонла) dans le fameux praktikon slave de Chilandar de 1312, traduit du grec.[75] C'est le prénom d'une famille d'archontes grecs, dont un membre Φιλίππος Δεβλυτζηνός est mentionné en 1326 (Zogr. p. 53), et un autre membre Θεόδωρος Δελβιτζηνός était fonctionnaire impérial en 1339 (*Actes* N° 130). Peut-être le Devlitzénos en question qui donna une terre sur le Strymon à Chilandar, pourrait être identifié avec ce Manuel Devlitzénos qui avait un fief (πρόνοια) à Gradatz dans la contrée de Strymon, dont une partie passa en possession de Chilandar, d'après le praktikon cité; mais il pourrait être aussi un ancêtre de ce Manuel.

N° 37. „Un écrit du grand connétable d'après le chrysobulle sur la liberté, le mitaton et la kastroktisie“. Il est impossible de dire qui est ce grand connétable qui donna cet ordre. L'office du μέγας κονοστάυλος est connu depuis le XIe siècle.[76]

N° 38. „Un écrit du prokathémenos Ravalinos d'après le chrysobulle sur le charagma et la gumenština“. Nous ne connaissons pas ce prokathémenos Ravalinos. Il est possible que c'était un προκαθήμενος τῶν σεκρέτων, qui s'occupait sous les derniers Comnènes „mit der Judikatur der Finanzsachen“ et qui délivra un écrit, spécifiant les immunités accordées dans le grand chrysobulle de 1199. On peut se rappeler aussi, que des προκαθήμενοι provinciaux sont à trouver en 1317 à Drama et en 1323 à Salonique (Actes N°s 34 et 88), mais ils sont occupés d'autres fonctions.[77]

[72]) Ces documents ne sont plus conservés; une mention de Roudava est faite dans le chrysobulle de 1299 (*Actes* N° 13).

[73]) Sur les différends δομέστικοι v. Stein, 40, 45, 50—52.

[74]) Dans le grand chrysobulle confirmatoire de l'an 1348 le tsar Douchan confirme entre autres, le métochion Roudava et de Partzalas (мѣтохь Рѹдава и Парцаливо). Šafarik, *Památky*, 2, p. 101.

[75]) Th. Uspenski, *Матеріалы для исторіи землевладѣнія*, Od. 1883, pp. 18—33. L. Stojanović dans *Споменик* III, p. 40.

[76]) Théoph. 246; Acrop. I, 134 (sous Jean Vatatzès). Il est connu que Michel VIII Paléologue avait été grand connétable avant de se faire empereur. Stein, 54.

[77]) Stein, 34; cf. M. M. IV, 9, 38 et VI, 122.

Nº 39. „Une ordonnance du despote kyr-Démétrios pour la vigne de Karakala“. Le vignoble de Karakala (ἀμπέλιον ἐπιλεγόμενον τοῦ Καράκαλα) est mentionné dans le chrysobulle confirmatoire de 1299 comme une des plus anciennes possessions de Chilandar,[78] immédiatement après la terre de Méléa. Il fut donc donné (ou confirmé) par une prostagme (повелиа) du despote Démétrios de Salonique, en 1244—1246.

Nº 40. „Un écrit du Porphyrogénète pour le monastère“. Il serait intéressant d'identifier ce Porphyrogénète qui est vraisemblablement membre d'une famille impériale du XIIIe siècle. Mais son acte est nommé книга (écrit, acte) tout court; c'est un terme qui est usité avec beaucoup de conséquence pour les actes des personnes privées, tandis que les actes des basileis et des despotes portent le nom de повелиа (ordonnances), s'ils ne sont pas spécifiés comme chrysobulles, prostagmes ou horismoi. Aucun Porphyrogénète n'est à trouver dans les actes de l'Athos édités jusqu'aujourd'hui.

Nos 41—43. „Deux ordonnances impériales et une troisième de Pazoudinos sur les limites de Roudava avec les Lavriotes.“ Le nom du fonctionnaire Παζουδινός se trouve dans un acte de 1304 (ou 1289?), conservé en deux copies à Chilandar (Actes Nº 19). Par cet acte, Pazoudinos fait restituer au monastère serbe (τῶν Σέρβων) des terrains à Roudava (εἰς τὰ Ῥούδαβα) usurpés par les moines de Lavra. C'est donc justement l'acte nommé dans notre inventaire. Les deux ordonnances impériales à ce sujet ont disparu; l'une d'elles est mentionnée dans l'acte même (Ἐπεὶ γάρ ὡρίσθην παρὰ τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως διὰ θείου καὶ προσκυνητοῦ μοι προστάγματος...). C'est donc un acte du mois d'août 1304, qui nous donne un terminus post quem pour notre inventaire.

Nos 44—46. „Un périorismos du kellion à Salonique et une ordonnance du despote et un troisième écrit sur la vigne de Mélidon.“ Ces trois documents ne nous sont pas conservés. Le nom de Mélidon est complètement inconnu; mais dans le chrysobulle de 1299, énumérant les vieilles possessions du monastère, nous trouvons un μετόχιον à Salonique nommé St Georges, et des vignobles hors de la ville achetés par le monastère.[79] Ce sont sans doute les biens mentionnés dans notre inventaire: le kellion (de St Georges), confirmé par le despote (Démétrios?), et le vignoble de Mélidon.

Nº 47. „Un écrit du Porphyrogénète pour Philomatès.“ Nous avons déjà dit à propos du Nº 40 qu'il est difficile d'identifier ce Porphyrogénète. Peut-être est-ce un des fils d'Andronic II? Un certain archonte Andronic ὁ Φιλομμάτης se trouve comme témoin dans un acte d'arrangement conclu par des archontes de Salonique avec les moines de Chilandar en 1328 (Actes Nº 117, p. 246); ce prénom pouvait bien exister au XIIIe siècle.

Nº 48. „Un périor du monastère, autour du monastère.“ Cet acte de délimitation (périor = περιορίσμος) des biens du monastère de Chilandar n'est pas non plus conservé. Il est connu que le monastère ne possède actuellement qu'un faux chrysobulle de Douchan en langue slave du 26 avril 1348, délimitant les propriétés de Chilandar, traduit en grec en 1614 (v. Actes Nº 137, pp. 287—292). Mais nous savons qu'un vieux „perio-

---

78) *Actes* Nº 13, l. 52. Il faut le distinguer du monastère τοῦ Καρακάλου, Καρακάλλου (*Actes* Nos 77, 128, 136, 151, 152).

79) *Actes* Nº 13, t. 77—80.

rismos" grec existait; nous avons eu la chance d'en trouver une ancienne version serbe.[80] Cet acte doit dater de 1198, parce que les signatures des supérieurs du Mont-Athos y sont presque toutes les mêmes, que celles de l'acte connu, adressé à l'empereur en 1198 (Actes N° 3). Cette traduction serbe ne mentionne que les limites des propriétés sur le Mont-Athos même, „autour du monastère". Il est évident que cette traduction fut faite d'après notre document N° 48.

N° 49. „Un écrit de Spartinos pour Lužac." Cet acte manque aussi aux archives, mais nous pouvons le dater avec assez d'assurance. Nous trouvons dans l'édition de L. Petit un acte par lequel les trois fils du sébaste Démétrios Sparténos (appelé David comme moine) cédèrent à Chilandar leur bien (τὸν χρυσοβουλλάτον ἡμῶν χωρίον) dont leur père avait déjà cédé trois zeugaria au même monastère (Actes N° 6.). Ce Sparténos est une personne connue: c'était un archonte de Salonique, qui fut avec Kambanos chef de la conjuration contre le despote Démétrios et qui ouvrit les portes de Salonique à Jean Vatatzès en décembre 1246. Acropolite nous raconte une anecdote édifiante sur le faux serment de Sparténos,[81] fait pour déjouer son souverain. Cela n'empêcha pas le parjure de devenir moine avant sa mort et de faire en vrai chrétien un legs au monastère. Cet acte devrait donc être daté: entre 1247 et 1265.

N° 50. „Un praktikon pour Tripotamos". La terre de Tripotamos ne se trouve pas nommée dans les actes de Chilandar édités. Mais nous trouvons près de Hierisso εἰς τὸ Τριπόταμον μετόχιον dans les actes de Xénophon (Виз. Вр. X, pp. 39, 46, 56, 63), ὀροκόπιον τοῦ Τριποτάμου (ib. p. 57). Il peut être que ce métoche, qui appartenait à Chilandar au XIIIe siècle, passa ensuite dans les mains des Xénophites.

N° 51. „Un périor de St Georges en haut du monastère." St Georges n'est pas nommé dans les actes de propriété de Chilandar qui nous sont conservés en langue grecque. Mais la traduction serbe du périorismos disparu de 1198 (voir N° 48) nous mentionne une église St Georges comme propriété du monastère serbe (entre Chilandar et Esphigménon). L'acte N° 51 devait aussi dater de 1198 à peu près.

N° 52. „Un écrit de l'agnomiaste pour la kastroktisie." Nous avons déjà parlé du „grand adnoumiaste" à propos des N°s 18 et 26. Cet acte spécial à propos de la kastroktisie serait bien intéressant; il pouvait confirmer la libération de cet impôt ou aussi bien le définir dans des cas spéciaux.

N° 53. „Un écrit des fils de Sparténos pour Lužac." Cet acte est heureusement conservé. C'est l'écrit des trois fils de Sparténos cédant une terre à Lozikion, du mois de septembre 1265, que nous avons déjà mentionné plus haut (Actes N° 6, original sur parchemin).

N° 54. „Un chrysobulle du despote kyr-Démétrios avec bulle." Ce devait être encore un diplôme du despote de Salonique, délivré entre 1244 et 1246 (cf. nos N°s 9 et 44).

N° 55. „Un écrit du despote pour Lužac." Par ce prostagme le despote Démétrios aurait pu confirmer un don de son archonte Sparténos à Lozikion, cet acte devrait donc se rapporter aux mêmes années 1244—46 (confr. notre N° 49).

N°s 56 et 57. „Deux vieux écrits-périors du Strymon." Ces vieux écrits contenaient des délimitations de terrains dans la contrée du Strymon. Une chance heureuse nous

---

[80]) Actes serbes N° 101; cet acte manque dans l'édition de Korablev, *Виз. Врем.* XIX (1914). Nous le publions comme supplément N° 1 à cet article.

[81]) Acropol. ed. Bonn., pp. 87—88.

a conservé un de ces periorismoi dans une ancienne version serbe. Cette traduction se trouve entre les chartes serbes de Chilandar et contient l'acte de cession du village Munzeni sur le Strymon, fait en 1227 par le dikaios Mandouka sur l'ordre de kyr-Andronic Comnène Doukas Pétralithe.[81a] Cet acte porte une note slave du XIVe siècle „Périor de Strouma du vieux Pétralithe". Il est donc évident qu'un de ces „vieux périors du Strymon" était justement cet acte de 1227, de l'époque de Théodore d'Epire, siégeant à Salonique. L'autre acte devrait être de la même époque.

N° 58. „Un horismos du tsar Paléologue sur les franchises des métochies." Ce horismos de Michel VIII disparut aussi; nous ne trouvons aux archives que deux „χρυσόβουλλα σιγίλλια" de cet empereur de 1271 et de 1277 à propos du village de Gradac = Kastrion (Actes N° 7 et 8).

N° 59. „Un écrit du sébastokrator pour Lužac." Les archives de Zographou contiennent un acte du sébastokrator Constantin Tornikès, gouverneur de Salonique, du mois d'août 1267. Cet acte est signé: „ὁ δοῦλος... ὁ σεβαστοκράτωρ" tout court. L'acte suivant (septembre 1267) mentionne le sébastokrator Constantin Tornikès comme ci-devant gouverneur de Salonique. Nous pouvons donc penser que le même gouverneur donna aussi un écrit en faveur de Chilandar qu'on devrait dater: avant le mois de septembre 1267.

N° 60. „La liberté des métochies, par le vieux kanikleios." Il est difficile d'identifier l'auteur de cet acte. La fonction du „ἐπὶ τοῦ κανικλείου" est connue à partir du IXe siècle jusqu'au XIVe, quand elle fut confiée au célèbre Nicéphore Choumnos. La dénomination „vieux kanikleios" (cf. le „vieux Pétralithe" de 1227) doit signifier qu'il s'agissait d'un fonctionnaire des temps anciens, des premiers lustres du monastère serbe. Nous pouvons penser que c'était une ordonnance de ce „Kabinettsminister", écrite encore sous Alexis III Ange (entre 1198 et 1203) pour spécifier les franchises de Chilandar, garanties par le chrysobulle fondamental. On pourrait donc penser à Constantin Mésopotamite ou à Théodore Irenikos.[82] Mais il n'est pas exclu que cet acte appartenait à un ministre des despotes d'Epire (avant 1246).

N° 61. „Un périor de Lužac." Cet acte devrait être un périorismos de la terre si souvent nommée de Lozikion; il a dû être écrit lors de la première acquisition de cette propriété de Sparténos (entre 1244 et 1246).

N° 62. „Un écrit de Kambanos sur Lužac." Cet acte disparu nous a conservé le nom d'un autre conspirateur contre le despote Démétrios en 1246, de l'ami de Sparténos. Il est intéressant que les deux archontes donnèrent des terrains dans le même village de Lozikion. Peut-être étaient-ils non seulement amis, mais parents, et la propriété de Lozikion fut-elle divisée entre eux comme héritage. Cet acte de donation doit être aussi daté par la première moitié du XIIIe siècle.

N° 63. „Un écrit du protostrator sur Lužac." Nous ne savons rien qui était ce πρωτοστράτωρ (chef de cavalerie, Stein 53—54) et pourquoi donna-t-il aussi un document sur Lužac. Etait-il aussi copropriétaire de ce village ou peut-être écrivit-il un acte administratif comme fonctionnaire du souverain?

81a) Éd. par Grujić, op. c. p. 4—5; voir notre supplément N° 2.

82) Stein, p. 39; cf. Nicet. Acom. 648, 652; M.M. VI, 139, cf. Dölgers *Regesten* III, N° 1685.

N° 64. „Un autre périor de Roudava contre les Lavriotes.“ Une délimitation du terrain de Roudava, usurpé par les Lavriotes, fut faite en 1304 (ou 1289) par le fonctionnaire Pazoudinos (notre N° 43); cet acte est conservé dans les archives. Nous voyons maintenant qu'il y avait encore une délimitation, faite dans le même procès contre les Lavriotes, probablement plus ancienne.

N°s 65—68. „Un écrit des Athoniens sur Skorpios et deux ordonnances et un écrit du patriarche.“ L'ancien monastère de Skorpios était voisin de Chilandar (il est mentionné en 1009 et 1198, Actes N°s 1 et 3); il fut obligé de lui céder le terrain de Chrémétissa (Kroumitza) d'après un acte du conseil central de l'Athos, du 31 août 1288.[83] Cet acte se trouve maintenant aux archives de Chilandar (Actes N° 10): c'est probablement l'écrit N° 65 de notre inventaire. Les autres actes relatifs au même différend sont perdus.[84]

N° 69. „Un praktikon de Tzimbée.“ Il est impossible de dire qui est ce Tzimbée (Цимбѣи), est-ce un fonctionnaire qui écrivit ce praktikon? Ce nom barbare est inconnu, quoique nous en trouvont quelques semblables: un paysan Τζίμπλης près de Serrès dans un chrysobulle de 1306 (Actes N° 23), un fonctionnaire Τζιμπέλης en 1710 (Actes N° 168).

N° 70. „Une délimitation (périor) de Roudava avec les Xéropotamites, et un autre écrit de Karaandas — tradition du même objet, et un troisième écrit de Philarétos — confirmation du même. Nous avons déjà parlé du terrain de Roudava à propos de nos N°s 41—43 et 64. Ce terrain était l'objet de litige avec les Lavriotes, mais il était aussi contesté par les Xéropotamites, comme nous le voyons de l'acte de Pazoudinos de 1304 (Actes N° 19). Nous voyons qu'y avait encore trois documents perdus, concernant ce dernier litige, un γράμμα παραδοτικὸν d'un certain Karaandas (ce nom tartare nous est inconnu) et un acte confirmatoire de Philarète. Un δικαίωμα δουκὸς τοῦ Φιλαρέτου sur ce sujet est mentionné dans un acte de l'évêque de Hierisso du mois de janvier 1323 (Actes N° 88), mais ce verdict[85] dut être délivré beaucoup plus tôt, avant 1304.

N° 73. „Un horismos du tsar Paléologue sur la liberté des métochies.“ Encore une ordonnance perdue de l'empereur Michel VIII (cf. nos N°s 3, 4 et 8).

N°s 74—76. „Un écrit de Ravalinos — liberté aux métochies, un autre de Camytzas Comnène, un troisième de Cantacuzène Comnène.“ Voici trois actes administratifs disparus, qui confirmaient les franchises des métochies. Le premier fut délivré par le prokathêménos Rabalinos (cf. notre N° 38), le second par un certain Camytzas Comnène (cette famille alliée aux Comnènes fut connue dès la seconde moitié du XIIe siècle).[86] L'auteur du troisième acte aurait pu être Jean Comnène Cantacuzène, connu en 1244—1249.[24]

N° 77. „Un ancien écrit du conostable.“ Un écrit disparu du grand connétable fut mentionné comme N° 37; voici encore un document disparu de la même personne (?) qui doit dater de la première moitié du XIIIe siècle, d'après l'épithète: „ancien écrit“.

[83]) Les archives de Chil. possèdent encore un acte du conseil central daté du mois de novembre 1279 et tranchant le même différend (*Actes* N° 9).

[84]) En 1326 le mon. de Skorpion a été acheté par Chilandar, ce qui est confirmé par un chrysobulle d'Andronic III (*Actes* N° 111); mais ce chrysobulle ne peut nullement être une des ordonnances mentionnées.

[85]) Cf. Stein, 24.

[86]) Le protostrator Manuel Camytzes, ἐξαδελφὸς de l'emp. Isaac Ange, fut captivé par les Bulgares en 1195 (Acrop. 22; Nic. Chon. 502, 526, 679 etc.): Jean Camytzes fut élevé à la dignité de grand hétériarche en 12. (Acrop. 41, 43).

[24]) Dölger, *Regesten,* N° 1783.

N° 78. „Un écrit de Philarète sur le kipour de Prévlaka, contre les Zographites.“ Quel est ce jardin (κηπούριον) à Prévlaka qui fut objet de litige avec Zographou? Le périorismos de 1300 (?) nous dit qu'une terre de Chilandar à Proaulaka était voisine de celle de Zographou (Actes N° 18), mais nous ne connaissons aucun document sur le litige en question, qui eut lieu probablement avant 1300.

N° 79. „Un écrit du moine Grégoire à Salonique, pour la vigne.“ Des vignes à Salonique, appartenant à Chilandar, furent déjà confirmées par le chrysobulle d'Andronic II de 1299 (Actes N° 13); le moine Grégoire nous est inconnu. Cet écrit était probablement un acte de donation.

N° 80. „Un périor de Zygos avec Hromitza.“ Le couvent abandonné de Zygos fut accordé à Chilandar par l'empereur Alexis III, dans son chrysobulle de 1199 (Actes N° 5). Les deux monastères τοῦ Ζυγοῦ καὶ τῆς Χρεμιτζαίνης sont mentionnés dans l'acte de 1279 (Actes N° 9). On voit que Chilandar possédait un acte de délimitation (périorismos) de cette propriété.

N°s 81—84. „Un écrit de Trixinos sur Zygos contre les Vatopédiens, et un autre du protosingrite, et une ordonnance impériale sur le même sujet, et un acte du prote avec les igoumènes.“ D'après ces quatre documents nous voyons que la propriété de Zygos avait été objet de litige contre les Vatopédiens, qui fut enfin tranché en faveur de Chilandar. L'acte du prote sur Zygos (N° 84) est probablement celui de 1279—1284, conservé aux archives (Actes N° 9). Les trois autres sont perdus.

N° 85. „Un écrit de Xéropotamou sur la vigne à Hierisso.“ Cet écrit aurait du être un acte de vente ou de cession de cette vigne par les moines de Xéropotamou. Cet acte aurait dû aussi appartenir au XIIIe siècle, parce que le chrysobulle confirmatoire d'Andronic II de 1299 confirme déjà à Chilandar μετόχιον εἰς τὸν Προαύλακα πλησίον τοῦ Ἱερισσοῦ... μετὰ τῶν ἐν αὐτῷ ἀμπελώνων καὶ τῶν ἐξ ἀγορασίας περιελθόντων αὐτοῖς χωραφίων. (Actes N° 13.) Il est probable qu'une de ces vignes avait été achetée aux Xéropotamites.

N° 86. „Un autre écrit de Xéropotamou pour le champ à Prévlaka.“ Encore un acte de cession d'un terrain à Proaulaka, fait par les Xéropotamites au XIIIe siècle. Il disparut comme le N° précédent.

N° 87. „Un écrit du quésteur sur les métochies.“ Nous avons déjà parlé du quésteur à propos du N° 19. Il est probable que ce fût Nicéphore Choumnos, qui fonctionnait en 1286 comme κοιαίστωρ (Zogr. pp. 27—29) à Salonique.

No 88. „Un écrit du protostrator sur les métochies.“ Un protostrator fut mentionné dans le N° 63, auquel nous renvoyons le lecteur.

N°s 89—90. „Un écrit du logothète Métritopoulos sur la terre à Strouma, et un horismos du tsar.“ Le chrysobulle de 1299 confirme à Chilandar le village de Mountziani περὶ τὸν Στρυμμόνα et près de celui-ci (πλησίον δὲ τούτου) une terre de 700 muids, donnée au monastère par le logothète de la course feu Métritopoulos.[87] C'était donc l'acte de cette cession, faite avant 1299, et l'ordonnance confirmatoire impériale, qui se trouvaient aux archives; ils ont disparus aujourd'hui.

---

[87]) προσκυρωθεῖσαν... παρὰ τοῦ λογοθέτου τοῦ δρόμου τοῦ Μετρητοπούλου ἐκείνου, εἶτα δωρηθεῖσαν πρὸς αὐτὴν καὶ διὰ προστάγματος. (*Actes* N° 13, v. 75—77.)

№ 91. „Un verdict du protosingrite traduit en serbe.“ C'était sans doute une traduction de l'acte N° 13 sur la propriété de Miléa, qui se rapportait aux débuts de l'histoire de Chilandar.

№s 92—93. „Actes de vente: un écrit de Likomate et de Sidère pour les champs à Prévlaka. Un autre de Kyriakos Mélissène.“ Le titre: actes de vente précède les N°s 92—96, qui se rapportent tous à des terrains à Prévlaka; nous tâcherons de les spécifier chacun à part. Quoique les archives de Chilandar conservent un grand nombre d'actes de vente édités (à partir de 1307, Actes N° 24), nous n'y trouvons aucun écrit des personnes nommées. Il est clair que c'étaient des vieux actes du XIIIe siècle, perdus plus tard. Un paysan Γεώργιος Λυκομμάτης se trouve comme témoin sur un acte de 1267 (Zogr. N° 7, p. 21); les praktikoi de Zographou mentionnent une terre ἐκ προσενέξεως τοῦ Λυκομμάτι (ib. pp. 117 et 125). Un paysan Στέφανος Σιδερᾶς se trouve aussi dans les actes des Zographou (ib. N° V, v. 36). Le prénom de Mélissène appartenait non seulement aux seigneurs célèbres de Thessalie, mais aussi à d'humbles paysans: un praktikon de Xénophou (1320 ou 1305?) mentionne une petite vigne εἰς τῆς Γαλεάγραν πλησίον τοῦ Μελισσηνοῦ Κυριακοῦ.[88]

№s 94—96. „Un écrit de Xéropotamou pour le champ à Prévlaka; un écrit de Jean Milone pour le champ à Prévlaka; un écrit de Georges Kotroule pour le champ à Prévlaka.“ Encore trois actes de vente de terrains à Proaulaka; c'étaient sans doute les titres de possession de ces terrains achetés avant 1299, que nous avons mentionnés dans notre N° 85 (cf. Actes N° 13). Le nom de famille Μυλωνᾶς se répète dans les actes de Zographou de ce temps: on y trouve des colons Michel, Démétrios Mylonas dans la même contrée (Zogr. N°s VII, LII, LIII, LIV). Nous n'avons pas trouvé le prénom Kotroulès (?) dans les autres actes de l'Athos.

№s 97—98. „Livres du kellion de St Sava: le typikon en serbe et en grec.“ C'est le typikon célèbre du fondateur du monachisme serbe, écrit en 1199 pour son kellion à Karyès. Son texte original serbe, sur un grand parchemin en forme de chrysobulle, est conservé jusqu'à nos jours.[89] La mention d'une traduction grecque du XIIIe siècle est très intéressante; car à présent nous ne connaissons cette traduction que dans des copies du XVIIIe et XIXe siècles.[90]

№s 99—100. „Deux chrysobulles impériaux: un pour le pyrgos et un autre pour Uliara.“ Aucun chrysobulle impérial permettant la construction d'un donjon, ne nous est conservé. Il n'est pas facile de dire, à quelle date il se rapportait. Un beau donjon, qui porte le nom de Chrousia (Χρυσεία, Actes N° 101), se trouve encore presque intact, sur le chemin de Chilandar à la rive. Il fut construit pour défendre le monastère contre les corsaires, par le roi serbe Etienne Uroš Milutin, qui le dit lui-même dans son chrysobulle de 1302 (ou plutôt 1300, d'après l'indiction XIII).[91] Mais nous savons aussi, que

[88]) Виз. Врем. X, прил. № 1, p. 59; un colon Mélissénos se trouve sur l'île de Lemnos en 1355. Actes de Philothée. Виз. Врем. XX, p. 30.

[89]) Ed. par l'archim. Léonide (Kaveline), *Истор. описанiе царской лавры Хиландара*, Москва, 1868, стр. 133—136; Љ. Стојановић, *Споменик* III, 163—164; В. Ћоровић, *Списи светог Саве*, Б. 1928, p. 5—13.

[90]) E. Meyer, *Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster*, Leipzig, 184, s. 184—187.

[91]) Le chrysobulle serbe (Miklosich, Mon. serb. 66) porte une date: ind. XIII, an 6810, qui n'est pas correcte; cf. R. Grujić. *Гусари на Светој Гори и хиландарски пирг Хрусија*, Гласник Ск. Н. Др. XIV (1935), p. 5.

son père Etienne Uroš I (1243—76) construisit un autre pyrgos (dit de la Transfiguration), qui était habité en 1263 par un écrivain serbe, le moine Théodose.[92] Il est donc bien probable que le chrysobulle permettant l'érection d'un pyrgos devait dater du temps d'Etienne Uroš (entre 1242 et 1263), et pourrait être donné par Jean Vatatzès ou par Michel Paléologue. L'autre chrysobulle pour Uliara doit dater des premières années de Chilandar. Le terrain de Хоулиара, Оулиара, ayant appartenu au petit monastère de St Démétrios τοῦ Κοχλιαρᾶ,[93] fut acheté par Saint Sava lui-même, comme nous le savons de son acte faussement daté par 1193 (Actes N° 2). Cet acte, qui est conservé dans deux copies grecques et dans une traduction serbe, est évidemment mal daté et interpolé; mais nous pensons qu'il se rapporte à un fait authentique. Les données de notre inventaire confirment cette supposition. Il existait même un chrysobulle impérial (d'Alexis III?) confirmant cette acquisition du terrain d'Ouliara pour le monastère de Chilandar.

N° 101. „Un écrit sur Vagre.“ Il est impossible d'identifier quel est ce terrain de Vagros (= Βάγρος?); nous n'avons trouvé un nom semblable ni dans les actes grecs ni dans les actes slaves du Mont-Athos. Peut-être fut-ce une des premières acquisitions de Chilandar, qui changea son nom dans les actes postérieurs conservés.

Tâchons maintenant de dater cet inventaire.

Nous voyons qu'il contenait les actes de Chilandar de 1009, 1198, 1199, 1265, 1271, 1277, 1279, 1288, 1299, 1300, 1304, édités maintenant comme N°s 1, 3—10, 13, 16—19.[94] Le dernier acte édité qui se trouve dans notre inventaire, est celui de Pazoudinos daté du mois d'août 1304. Les N°s 20—23 de l'édition (sept. 1304 — mars 1306) ne se rapportent pas directement à Chilandar, mais au monastère St Nicolas à Serrès etc. C'est pourquoi ils ne se trouvent pas dans notre inventaire. Mais voici le N° 24 de l'édition: un certain Lébounès (Λεβούνης) vend à Chilandar un terrain sur le Strymon, en avril 1307. Cet acte n'est pas à trouver dans notre inventaire. Au mois d'octobre 1313 Andronic II délivra un chrysobulle à Chilandar, en lui accordant le terrain de Coutzi sur le Strymon (Actes N° 26). Le terrain du Coutzi s'appelait Коучево en serbe; nous ne trouvons aucun chrysobulle pour Kučevo dans l'inventaire. De même on n'y trouve point les actes nombreux de 1314, 1316, 1317 et 1318, conservés aux archives et édités comme Nos 28—40. Nous pouvons donc affirmer que le terminus post quem pour notre inventaire est le mois d'août 1304, et le terminus ante quem — le mois d'avril 1307.

On peut donc dater l'inventaire en question comme provenant des années 1304—1307.

*

[92]) Љ. Стојановић, *Записи* I, N° 20; cf. Grujić, o. c. p. 4.

[93]) Ce monastère existait en 1198 et en 1279, comme l'attestent les signatures de ses igoumènes (*Actes* Nos 3 et 9).

[94]) Il est significatif que l'acte de St Sava pour Uljari (*Actes* N° 2) soi-disant de 1193, ne se trouve pas dans notre inventaire. C'est un argument de plus pour croire que cet acte est un faux postérieur. Les actes édités comme Nos 11—12, 14—15 et 20—23 ne se trouvent pas dans notre inventaire, parce que ce sont des documents pour des biens privés, où Chilandar n'est pas mentionné. Ils se rapportent à des propriétés, qui ne furent acquises que postérieurement (au XIVe s.) par Chilandar.

Nous voyons que le monastère de Chilandar fit pendant le premier siècle de son existence une belle collection d'actes juridiques byzantins. Il en possédait presque une centaine, dont un tiers tombe sur les actes des souverains. Il y avait: trois chrysobulles d'Alexis Ange (Nos 1, 2 et 7), deux chrysobulles du despote Démétrios de Salonique (Nos 9 et 54), un chrysobulle de Jean Vatatzès (No 5), trois chrysobulles de Michel VIII Paléologue (Nos 3, 4, 8) et quatre horismoi du même empereur (Nos 15, 16, 58, 73); un chrysobulle d'Andronic II (No 6) et trois horismoi du même (Nos 11, 12, 17). Outre ces 17 actes bien fixés, il y avait encore deux chrysobulles impériaux pour Karéa (Nos 99 et 100), dix-huit ordonnances impériales (Nos 13, 19, 21, 22, 25, 26, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 41, 42, 66, 67, 83, 90) et trois ordonnances d'un despote (Nos 39, 45, 55), dont les auteurs ne sont pas nommés. Nous pensons que la plupart de ces actes impériaux appartenait à Andronic II, et ceux du despote — au même Démétrios de Salonique. Voici donc une collection de 40 chrysobulles, prostagmes et horismoi, que Chilandar possédait vers 1304. Maintenant nous ne trouvons dans ses archives que cinq chrysobulles originaux (de 1271, 1277, 1299, et 1300, *Actes* Nos 7, 8, 13, 16, 17) et des copies des chrysobulles disparus de 1198 et 1199 (*Actes* Nos 4 et 5). Trente-trois actes des souverains ont disparu complètement.

En passant aux actes des fonctionnaires, nous voyons que les pertes sont encore plus considérables. Il y en avait 58; maintenant nous ne trouvons de toute cette quantité que des copies des actes disparus de 1009 et de 1198 (Nos 65 et 10 = *Actes* Nos 1 et 3), trois actes originaux de 1265, 1279(?) et 1288 (Nos 53, 84 et 65 = *Actes* Nos 6, 9 et 10), deux copies de l'acte de 1304 (No 43 = *Actes* No 19) et deux traductions slaves des actes de 1198 et de 1227 (Nos 48 et 56). Cinquante actes ont disparu sans laisser aucune trace.

Voici donc le bilan de notre analyse. Les archives de Chilandar sont tenues pour les mieux conservées aux Mont-Athos. Elles possèdent une grande quantité de documents dont quelques-uns sont de toute première valeur.[95] On pourrait penser que Chilandar avait gardé toutes ses chartes à partir de 1198.

Et maintenant nous voyons que sur 98 documents grecs qu'il possédait vers 1304, le monastère n'a conservé que 15 (dont 8 originaux, 5 copies et 2 traductions). Quatre-vingt trois documents, qui pourraient nous édifier sur l'activité surprenante des chancelleries byzantines, ont disparu pour toujours.[96]

---

[95]) L. Petit dit à propos des actes grecs de Chilandar: „Chrysobulles impériaux, procès verbaux des recenseurs, actes d'achat ou de vente, jugements émanant du for ecclésiastique ou civil, simples billets administratifs, tous les actes en un mot de la chancellerie byzantine à ses divers degrés, sont représentés dans notre recueil par quelques échantillons qui permettront, grâce à leur état d'exceptionnelle conservation, de se faire une idée suffisamment précise des procédés suivis à Byzance dans les diverses branches de l'administration civile" (*Acte*, Préf. I). Ces archives ont conservés 142 actes du XIVe siècle (*Actes*, Nos 19—160).

[96]) „Einer geringer Anzahl von Originalen und Kopien steht eine Fülle von verlorenen Urkunden gegenüber." F. Dölger, *Regesten* I, p. VI.

SUPPLÉMENTS

№ 1. Délimitation de la propriété de Chilandar, de l'an 1198 (?)

† А се меге цр̑кве Хиланьдарьске. ѿ приморита до Армира право. и по ни...ти. и ѿ кр̑та брьдо право до цр̑кве ст҃го Гeѡргита ꙋ ливадѣ[1]. и ѿ[тꙋ ꙋ вино]гра̑ Свименьскыи. и ѿ виногра̑ право пꙋтемь до Θелев'ка. и ѿ ...... крестꙋ сь дꙋбомь[2]. и ѿтꙋ брьдо пакь више Стефаница право к н......еже Хрисиѡстомице. и ѿтꙋ право по брьдꙋ до Ковачева гꙋмна. и ѿтꙋ на п.... и кр̑ть близь дрѣва. и ѿтꙋ в' лꙋстрꙋ право кь принꙋ[3]. ꙋ Мѡдромь камении. ꙋ Селавъ[4]. къ д... блю̑ кь врьтꙋ Свименьскѡмꙋ. кь Зломꙋ потокꙋ[5]. и ѿтꙋ к' кр̑тꙋ. и ѿтꙋ право на прѣ̑ль. доньдѣ же се трькали камень кь Свименꙋ[6]. и Злыи потокь до врьха. сьзаде цр̑кве Цаиновe[7]. и ѿтꙋ ꙋзь брьдо до Калоса.

А по̑пись ст҃огорьць. чрьн̑рызь[ць] Герасимь проть ст҃ые горы[8]. Неѡфить иеромона̑ игꙋмень Свименьскыи[9]. Маѳтеѡ еромона̑ игꙋмень Дохиар'скыи[10]. Досиѳе чьрн̑ризьць игꙋмень Ѯеропотамьски[11]. Дороѳеѡве цр̑кве игꙋмень Григориі[12]. ꙋ Гомаѳина Григориі чрьнорыз'ць[13]. ꙋ Ѯенофона Козма еромона̑[14]. Лꙋка мни̑ игꙋмень Бликсидьски[15]. Калиıага игꙋмень мни̑ Θеѡдꙋль[16]. Домотьскыи игꙋмень Калин'нык еромона̑[17]. Θеѡ̑рить игꙋмень ꙋ Аристодꙋлѣ[18]. Климо игꙋмень ꙋ Плацѣ[19]. Филадрьского манастира Диѡнимь еромона̑ епитирит̑[20]. ѿ ст҃ого Петра цр'кве Герасимь мних[21]. Ни-

---

1) cf. ἀγρὸν ἐπιλεγόμενον τοῦ ἁγίου Γεωργίου dans le chrysobulle de 1299 (Actes Nº 13): и подь црьковь св. Геѡргіа на солнища (καὶ ὑπὸ τὴν ἐκκλησίαν τοῦ ἁγίου Γεωργίου εἰς τὴν ἁλικήν) dans le faux chrys. de 1348 (Actes № 137).

2) и тамо вьдрꙋзнсмо крьсть вь дꙋбѣ (αὐτοῦ ἐπήξαμεν σταυρὸν ἐν δρυΐ) a. 1348.

3) καὶ ἀνέρχεται τὴν ῥάχιν διὰ τῶν πρίνων καὶ τῆς λούστρας dans l'acte de 1322 (Actes Nº 77); идьть хрндѡмь на прїнмь н на лꙋстрꙋ (εἰς πρίημον καὶ λούσταν) a. 1348.

4) καὶ τῶν πετρῶν καὶ τῆς σελάδος dans l'acte de 1322 (Actes Nº 77).

5) Κακὸς Ρύαξ dans l'acte de 1322 (Actes Nº 77).

6) како се камн валıа кь Свигменоу (πῶς κυλίεται εἰς τοῦ Ἐσφιγμένου) a. 1348.

7) сьзадн црькве Цанновѣ (κατόπιν τῆς ἐκκλησίας τοῦ Τζαϊβάνου) a. 1348.

8) cf. ὁ εὐτελὴς μοναχὸς Γεράσιμος καὶ πρῶτος τοῦ ἁγίου ὄρους (Actes Nº 3).

9) ὁ εὐτελὴς Νεόφυτος ἱερομόναχος καὶ καθηγούμενος τῆς μονῆς τοῦ Ἐσφιγμένου (ib.).

10) ὁ εὐτελὴς Ματθαῖος ἱερομόναχος καὶ καθηγούμενος τῆς μονῆς τοῦ Δοχειαρίου (ib.).

11) ὁ τῆς τοῦ Ξηροποτάμου σεβασμίας μονῆς καθηγούμενος Δοσίθεος μοναχός.

12) ὁ τῆς τοῦ Δωροθέου σεβ. μονῆς προεστὼς μοναχὸς Γρηγόριος ὑπέγραψα.

13) ὁ τῆς τοῦ Γομάτου μονῆς προεστὼς Γρηγόριος μοναχὸς ὑπ.

14) ὁ τῆς τοῦ Ξενοφῶντος μονῆς σεβ. προεστὼς Κοσμᾶς ἱερομόναχος ὑπ.

15) σίγνον μοναχοῦ Λουκᾶ καὶ καθηγουμένου τῆς μονῆς τοῦ Βλιτζιδῆ.

16) ὁ τῆς Καλῆς Ἄγρας ἡγούμενος μοναχὸς Θεοδόσιος ὑπ.

17) ὁ τῆς τοῦ Δομετίου σεβ. μονῆς προεστὼς Καλλίνικος ἱερομόναχος ὑπ.

18) ὁ μοναχὸς Θεοδώρητος καὶ ἡγούμενος τοῦ Ἀριστοδούλου ὑπ.

19) ὁ εὐτελὴς μοναχὸς Κλήμης καὶ καθηγούμενος τῆς μονῆς τοῦ Πλακᾶ ὑπ.

20) ὁ τῆς τοῦ Φιλαδέλφου μονῆς προεστὼς Διονύσιος ἱερομόναχος καὶ ἐπιτηρητὴς τῆς Μέσης.

21) ὁ τῆς τοῦ κυροῦ Πέτρου μονῆς προεστὼς μοναχὸς Γεράσιμος.

кодимь мни̑ игȣмень манастира Калич'скагѡ[22] . игȣмень Ѕкорпиискы Герасимь[23]. Θеѡ̂сиѥ игȣмень ма̑стира Прȣ̑ра[24] . Кoзма ѥромона̑ игȣмень ȣ Петал҄ѣ[25] . Калиник ѥромѿ игȣмень ȣ Кинопака[26] . Θеѡ̂сиѥ игȣмень ȣ Кохлиꙗри[27] . Иѡсифь игȣмень ȣ ст҃го про̑рка Илиѥ[28] . мни̑ Иларига игȣмень Неакета[29] . Θеѡ̂рить ѥромонахь игȣмень ст҃ыхь Ӕпль[30] .:.

(Archives de Chilandar, actes serbes N° 101; inédit.)

№ 2. Le dikaios Mandouka, sur l'ordre d'Andronic Comnène Doukas Pétraliphe, cède au monastère de Chilandar la propriété de Mounziani, le 11 avril 1227.

сȣро̂никь		сȣ	родь	сȣро̂	никь	сȣро̂	никь	сȣро̂ игȣ	никь мень
Ми ко	халь вачь	ни Мир	кь ко	Ди	нать	попь	Ела та:	ѿ Хȣ	динь
сȣр	одь	сȣр	одь	сȣро̂	никь	сȣ кь	родьни Ӕнь ди	сȣр кь	одьни Ӕни
ник ѡдор син	ь Θе ь Прȣ овь	ник ко	ь Кли та	Хр дȣ	исто ль	ıак ск	она Мо а:	на рь	рь Θод :

† Ӕко ми пов҄ѣле прѣвелики Комнинь кирь Ӕньдроникь Дȣка Петралифа г҃на ми с҃таго, да подамь вь манастирь Хиланьдарь д҃ше ради дарь ро̂ителиѥ ихь, им҄ѣюще и ѡбла̂юще ѿь села Кȣц҄ѣва[31] ѥксалимо зем̑ю селище Мȣньзени,[32] и сȣмежь̑ници томȣ манастирȣ Хиланьдарȣ. да за то призвас'мо селꙗни добр҄ѣхь лю̂еи и тȣместьци того села Кȣц҄ѣва, того м҄ѣста сȣро̂ьници: Михалꙗ Ковача, Мирька, Динать, попа Елатȣ, тако̂же и ѿ̂ь села Ѥмьнȣхова[33]: Θеѡ̂ора Прȣсина,[34] Кликотȣ, Христодȣла, Днинара Θеѡ̂ора, и игȣмена ѿь Хȣдина[35] Θеѡфана, и диꙗкона Попа-Мосха, како то и гор҄ѣ

[22]) ὁ μοναχὸς Νικόδημος καὶ καθηγούμενος τῆς μονῆς τοῦ Καλετζῆ ὑπ.
[23]) ὁ εὐτ. ἱερομ. καὶ καθηγούμενος τῆς μονῆς τοῦ Σκορπίου Γεράσιμος ὑπ.
[24]) σίγνον Θεοδοσίου μον. καὶ καθηγουμένου τῆς μονῆς ὑπ. τοῦ Τροχαλᾶ.
[25]) ὁ εὐτ. Κοσμᾶς ἱερομόναχος καὶ καθηγούμενος τῆς μονῆς τοῦ Πολίτου ὑπ.
[26]) ὁ εὐτ. ἱερομ. Καλλίνικος καὶ καθηγούμενος τῆς μονῆς τοῦ Κυνόποδος.
[27]) ὁ εὐτ. ἱερομ. Θεοδόσιος καὶ καθηγούμενος τῆς μονῆς τοῦ Κοχλιαρᾶ.
[28]) ὁ εὐτ. ἱερομ. Λουκᾶς (sic) καὶ ἡγούμενος τῆς μονῆς τοῦ ἁγίου προφήτου Ἡλιοὺ ὑπ.
[29]) ὁ ταπεινὸς μοναχὸς Ἱλαρίων καὶ καθηγ. τῆς μονῆς τοῦ Νεακίτου ὑπ.
[30]) ὁ εὐτ. ἱερομόναχος Θεοδώρητος καὶ καθηγ. τῆς μονῆς τῶν Ἁγίων Ἀποστόλων.
[31]) cf. τὸ περὶ τὸν Στρυμμόνα χωρίον τοῦ Κούτζη, chrys. de 1313 (*Actes* № 26).
[32]) cf. ἕτερον μετόχιον περὶ τὸν Στρυμμόνα, καλούμενον Μούντζιανιν, 1299 (ib. № 13).
[33]) cf. χωρίον τοῦ Εὐνούχου, cédé en 1318 à Chilandar (ib. № 38).
[34]) cf. Δημήτριος καὶ Λιβέρης ὁ Προυσήνος en 1318 (ib. № 38).
[35]) cf. τὴν ὁδὸν ἀπὸ τῶν Χουδηνῶν εἰς τοῦ Ευνούχου ἀπάγουσαν (ib. № 38).

записаше бѣлегь рȣкописаньние ихь, крьсть на ȣтврьждение и свѣдочьбȣ за прѣдани ѥ ради манастирȣ Хиланьдарȣ д҃ше ради дарь. да за то прѣдавамь игȣменȣ Никодимȣ ть зем҃лю безь никоѥго говора и всеи брати Хиланьдарьскои, ѡбрѣтающе се ȣ томь манастири.

Село Мȣньзени: дрьжи ѿь краѥ блатьска дари до пȣта и до блатища, и дари до панигира где стои Бсѣхь С҃тихь ⁛ сȣмежьници зем҃ли тои метохии Мȣньзеньскои ⁛ И дрȣга нива горѣ надь пȣтемь при сȣходолѣ иде по стране надь пада, дари надь метохию. и дрȣга нива горѣ надь пȣтемь ц҃ревѣмь. и ȣ сȣмежи сȣходола навалать се на странȣ Хоматовȣнѥ. и сȣмежь тога метохиѥ Хиландара дрȣга нива назадь Хамокладовȣнѥ, и ȣ сȣмежи дрȣмȣ ц҃ревȣ дари вь ѥзеро. и дрȣга нива ȣ сȣмежди дрȣмȣ, ѥзерȣ и брьдȣ. и по ѡнȣ странȣ Хоматовȣне нивие г҃е дохое дари до моѥ меже, дари до половине Дȣбентаре такози надь пȣть, дари до Горьѥницьскихь виногра ⁛ И ȣ сȣмежи горьнемȣ пȣтȣ идȣщомȣ ȣ лозиѥ Кȣцевьска ⁛ и ȣ сȣмежи темь нивиѥмь манастира Хиланьдарьскаго.

И такози ѥсть повѣдана зем҃ѥ д҃ше ради дана ѿь прѣвелико почьтеньнаго Аньдроника Дȣке Петралита. да зато прѣдавамь д҃нь прѣс҃тие Б҃це Хиланьдарьскиѥ манастирȣ срьбьскомȣ, имати и ѡбладати тои манастирь вь вьсѣхь г҃дище (хь) и до послѣдьнего д҃не. да ѿь д҃нь не има не воли ни ѡбланиѥ г҃нь мои Аньдроникь Дȣка Петралить и нѣкто ѡь моихь, и прѣѥмлющȣ искати и потоптати то пис҃ание д҃шевьни тои дарь, или инь некто ѿь моѥ стране вьзище неког(д)а тȣ зем҃лю, да се не чюѥть что либо хощеть говорити ⁛ Нь и проклетию достоинь бȣде прѣс҃тихь триста. и҃ı҃. ѿьць Никеискихь.

И того врѣмена повѣдающȣ м҃ца априлѥ. а҃ı҃. ѥньдиктиѡна. е҃. вь лѣто шестотисȣщьно и седмисьтьно тридесети и пето ⁛

† Вл҃альць по ѡбласти Стрȣмьсцѣи-(и) Ѥмнȣховѣ, дикеи велико почьтеньнаго с҃того ми г҃на Аньдроника Дȣкь Петралита ⁛ Маньдȣка, того мѣста издавьчиѥ,[36] д҃ше ради.

(Acte sur parchemin aux arch. de Chilandar, actes serbes № 88).

A. Solovjev.

Beograd.

[36]) издавьчиѥ = παραδότης.

BERLINER QUELLEN ZU DEN LEBENSUMSTÄNDEN DES METROPOLITEN ARSENIOS VON TIBERIOPOLIS UND DES BISCHOFS SERAPHIM VON TZERBENOS

I.

In der Berliner Staatsbibliothek wird ein Euchologium mit der Signatur Gl. 4150 aufbewahrt, dessen Titel folgendermaßen lautet: „Εὐχολόγιον | ἐκ πολλῶν | ὧν πρότερον εἶχε σφαλμάτων ὅτι μάλιστα | ἀνακαθαρθὲν. | Τὸ παρὸν βιβλίον τετύποται Ἐνετίησι, παρὰ τ(ῶν) | κληρονόμων Ἀντωνίȣ τȣ̃ Πινέλȣ. ἀναλώμασι | μὲν τοῖς αὐτῶν, ἐπιμελεία δὲ καὶ ἐπιδιορθώσει, Μαξίμου ταπεινȣ̃ ἐπισκόπου Κυθήρων.[1] | Ἔτι ἀπὸ τῆς ἐνσάρκȣ οἰκονομίας. ᾳχβ."[2] Das in Rede stehende Euchologium war einst — laut einer Notiz — Eigentum von Sac. Roloff. Noch frühere Besitzer desselben ermitteln wir aus einer Eintragung, die auf Bl. [σμβ′ = 242] zu finden ist (vgl. Faks. 1). Sie lautet:

Faks. 1.

[1]) Es handelt sich um Maximos Margunios; siehe vor allem B. A. Mystakidis in der *Festschrift „Εἰκοσιπενταετηρὶς τῆς καθηγεσίας* Κ. Σ. Κόντου" Athen, 1893. S. 123 ff.

[2]) Vgl. E. Legrand, *Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par des Grecs au dix-septième siècle.* Bd. II. Paris, 1895. S. 82—3.

= ⁜ Αῤσὲνι(ος) ἐλέῳ Θ(εο)ῦ, αῤχιεπί(σκοπ)ος, μ(ητ)ροπολίτ(ης), τῆς ἁγιω | τάτης μ(ητ)ροπόλε(ως), Τιβεριȣπόλε(ως), ὁ ἐκ Βεῤῥοί(ας) | + Τὸ παρὸν εὐχολόγιον ὑπάρχει ἐμȣ̃ τȣ̃ τάπεινȣ̃ μ(ητ)ροπο|λίτȣ, Τιβεριȣπόλε(ως), ἤτοι Στρȣ̃μνίτζης, τὸ ὁποῖον | μὲ τὸ ἀφιέρωσ(εν), ὁ σοφώτατος πάνυ, αῤχιμανδρίτ(ης) κ(ύριο)σ Ἰνὸκέντιος[3] | τῆς Λαῦρας Πετζάρσκη, ἡ ὁποία εἶναι κειμ(έν)η | ἐν τῇ θεοσώςῳ πόλ(ει) Κιαίβȣ, κ(αὶ) ὅποιος | τὸ λάβει ἐξ' ἐμȣ̃ μ(ε)τ(ὰ) τὸν θάνατόν μȣ, ἃς εὔχετ(αι) | δι' ἐμȣ̃, ⟨αχιε ιν(δικτιῶν)ος ιγ^s· αὐγȣ̃ςτῳ, κζ^η | ὁ μητροπολίτης Τιβεριουπόλεως Ἀρσένιος."[4]

Die durch einen Federzug vollzogene Unterschrift der Eintragung von Arsenios, dem Metropoliten von Tiberiopolis, ist — wie man auch aus dem betreffenden Faks. 1 ersehen kann — durch die Ungeschicklichkeit des Buchbinders zum Teil leider verloren gegangen. Auf einem, sich am Ende des Buches befindenden Schutzblatt blieben uns einige Feder- und Tintenproben erhalten; eine von diesen lautet:

„ὦ Χ(ριστ)έ μȣ φώτισον τὸν νοῦν τȣ Ἀρσενίȣ,
καθώς περ ἐφώτϊσας | τ(οὺς) σοφ(οὺς) ἀποςόλ(ους)."

Es liegt auf der Hand, daß auch diese Feder- und Tintenprobe von Arsenios von Tiberiopolis selbst stammt. Louis Petit, der einstige gelehrte römisch-katholische Erzbischof von Athen, hat einen Abriß über die mazedonische Diözese Tiberiopolis (= Strumitza) nebst einer Liste von deren Kirchenfürsten veröffentlicht[5]; aber der hier behandelte, von dem mazedonischen Berroia stammende[6] Arsenios wurde dort nicht aufgenommen. Der Archimandrit Innocentius, ein Mitglied der Brudergemeinde des Kiever Pečerskij[7]-Klosters, dem Arsenios von Tiberiopolis in der eben mitgeteilten Eintragung das Prädikat hoher Weisheit beilegt, ist mir sonst unbekannt. Über das Pečerskij-Kloster sei ferner mitgeteilt, daß außer den slavischen auch griechische Erzählungen über seine Geschichte (über seine Reliquien, seine Heiligen, seine Liturgie) in der griechischen Mönchswelt, insbesondere auf dem Berge Athos,[8] zirkulieren.

II.

Aus der Sammlung persischer, türkischer und griechischer Handschriften des Preussischen Gesandten zu Konstantinopel, General von Knobelsdorf, die nach dessen Tode im Jahre 1822 von der Königl. Preuss. Bibliothek (jetzt Preuss. Staatsbibliothek) angekauft wurde,[9] stammt der Kodex Ms. Graecus quart. 15 (= 313). Dieser

[3]) Die beiden zuletzt angeführten Wörter befinden sich links am Rande.

[4]) Bei der Transcription oben und weiter S. 51—52 werden die Eigennamen mit großen Anfangsbuchstaben geschrieben.

[5]) In „Izvestija" des russisch-archäologischen Instituts zu Konstantinopel. Bd. VI (1900) S. 94—101 (vgl. auch S. 47—48).

[6]) Laut der oben edierten Eintragung.

[7]) In griechischen Texten wird das Kloster Περιζέσκβοϊ, Πετζ(σ)έρτσκη, Πετζάρσκη genannt.

[8]) Vgl. S. P. Lambros, *Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos.* Bd. II. Cambridge, 1900. S. 348—349 (Nr. 5788, 10—14), 351 (Nr. 5789, 23), 353 (Nr. 5790, 3—5).

[9]) Vgl. Friedrich Wilken, *Geschichte der Königl. Bibliothek zu Berlin.* 1828. S. 147.

Kodex, der in der Hauptsache im ausgehenden 17. Jahrhundert geschrieben wurde, besteht aus 479 Blättern mit der Dimension 19,8 × 14,2 und enthält den Kommentar des Theophilos Korydaleus zur Aristotelischen Physik. Laut der sich auf Blatt 478ʳ befindenden Subscription hat der von der Insel Thasos gebürtige Mönchspriester Seraphim die Handschrift geschrieben. In seinem Verzeichnis der griechischen Handschriften der Berliner Staatsbibliothek hat C. de Boor[10] die Subscription des betreffenden Kodex veröffentlicht. Ihm sind jedoch hierbei kleine Ungenauigkeiten unterlaufen; u. a. hat er sogar die wichtige Stelle, die von der Ernennung des Schreibers des Kodex zum Bischof von Tzerbenos berichtet, ausgelassen. Ich gebe hier die vollständige Subscription mit Faksimile (Nr. 2):

Faks. 2.

= Εἴληφε τέλος ἡ παρȣ̃σα βίβλος, παρ' ἐμȣ̃ Σ(ε)ραφεὶμ Ἱ(ε)ρο(μονά)χȣ | τȣ̃ ἐκ τ(ῆ)ς νήσȣ Θάσȣ, ἐν Κωνσταντινουπόλει· κ(α)τ(ὰ) | τὸ α̅ χ̅ ϟ̅ ς̅ῳ [=1696] ἀπὸ Χ(ριστ)οῦ ·: — |

[10]) Verzeichnis der Griechischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Bd. II. Berlin, 1897. S. 172.

Ἡ μ(ὲν) χεὶρ ἡ γράψασα, σήψηται τάφῳ,
ἡ δὲ γραφὴ μένει εἰς χρόνȣς πληρεςάτους: —

ἣν κ(αὶ) ἐδιδάχθην ᾱον μ(ὲν) παρὰ τȣ σοφωτάτȣ | κυρίȣ Σπαντωνῆ καθηγητȣ τȣ τ(ῆ)ς Κωνσταν|τινȣπόλε(ως) φροντιςηρίου, κ(αὶ) β̄ον παρὰ τȣ σοφω|τάτȣ κυρȣ Σεβαςȣ διδασκάλȣ τȣ ἐν Βουκο|ρεςίῳ μουσείȣ. ὅς κ(αὶ) τὰ λοιπὰ τῶν τ(ῆ)ς φιλοσοφί(ας) | μαθημάτ(ων) ἡμᾶς ἐδίδαξεν ἐφεξῆς μέχρι | τέλȣς· | εἰς τȣ͂ς 1697 | ἀπριλλίȣ 16 ἐτελειώσαμ(εν) | τ(ὴν) παρȣ͂σαν πραγματείαν, τ(ῆ)ς | φυσικῆς ἀκροάσεως· | ἐν Κωνσταντινȣπόλει | κ(αι) εἰς τȣ͂ς 1699 — φευρουαρίȣ 15 | ἐν Οὐγκροβλαχίᾳ | εἰς δὲ τοὺς ᾱψῑ: — ἐχειροτονήθην | Τζερβενȣ ἐγὼ ὁ ταπεινὸς Σεραφείμ:.

Der erste Teil der Subscription (Εἴληφε τέλος — πληρεςάτους: —) wurde — wie schon C. de Boor[11] notiert hat — mit der gleichen Tinte geschrieben wie der Text. Die folgenden Teile wurden mit einer Tinte geschrieben, die der Schreiber schon bei einem Nachtrag zu Blatt 476r, sowie bei mehreren Randnotizen, die größtenteils Nachträge und Verbesserungen des Textes enthalten, verwandte.

Durch diese Subscription werden wir mit der Heimat, mit Einzelheiten der Schulbildung und der kirchenfürstlichen Laufbahn des Seraphim von Tzervenos bekannt. Er gibt in ihr an, daß er in Konstantinopel bis zum 16. April 1697 als Schüler von Spandonis und später in Bukarest bis zum 15. Februar 1699 als Schüler von Sebastos [Kyminitis] den Kommentar des Theophilos Korydaleus zur Aristotelischen Physik durchstudiert habe. Mit dem Studium des genannten Kommentars hat er am 27. Januar 1696 begonnen, was wir aber nicht aus der Subscription erfahren, sondern aus einer eigenhändigen Notiz von Seraphim, die auf Bl. IAv steht und lautet: εἰς τȣ͂ς 1696 — ἰαννȣαρίῳ 27 | ἀρχίσαμ(εν) τ(ὴν) φ(υ)σ(ι)κ(ὴν).

Beide in der Subscription zitierten Lehrer des Seraphim von Tzerbenos [Antonios] Spant(d)onis und Sebastos [Kyminitis], gehören zu den bedeutendsten und begeistertsten Gelehrten und Aufklärern der griechischen Nation im XVII.—XVIII. Jahrhundert. Antonios Spantonis, der u. a. auch Großchartophylax des ökumenischen Patriarchats war,[12] studierte bei dem berühmten Gelehrten Alexandros Maurokordatos (1636 oder 1637—1707),[13] der nicht nur in der Geschichte des griechischen Bildungswesens eine glänzende Epoche bildet, sondern sich auch im diplomatischen Leben seiner Zeit auszeichnete.[14] Antonios Spantonis lehrte in den letzten Jahren des XVII. Jahrhunderts und später wieder in der Zeit von 1720 (?)—1726 an der Patriarchalischen Hochschule (Griechischen Nationalschule) zu Konstantinopel philologische und philosophische Fächer. Die erste Periode seiner Lehrtätigkeit an der dortigen Hochschule ist bis jetzt noch nicht genau bestimmbar; man hat deren Anfang, wenn auch mit

[11]) A. a. O.

[12]) Georg J. Zabiras, *Νέα Ἑλλὰς ἢ Ἑλληνικὸν θέατρον*. Athen, 1872. S. 533, 537—538. Tr. Evangelidis, *Ἡ παιδεία ἐπὶ Τουρκοκρατίας (Ἑλληνικὰ σχολεῖα ἀπὸ τῆς Ἁλώσεως μέχρι Καποδιστρίου)*. Bd. I. Athen, 1936. S. 14—15.

[13]) Vgl. G. Zolotas—A. Sarrou, *Ἱστορία τῆς Χίου*. Bd. I. Athen, 1923. S. 395. Bd. III passim, besonders S. 424 ff., wo sich auch ältere Literatur findet.

[14]) Stavros M. Bourlotos, *Die Entwicklung des griechischen Erziehungs-Schulwesens seit der Einnahme Konstantinopels*. Weida i. Th., 1916. S. 30—32. Zuletzt Tr. Evangelidis, a. a. O., Bd. I. S. 14—15.

Zurückhaltung, schon in das Jahr 1684 gesetzt.[15] Sehr willkommen und zuverläßig jedoch ist die Meldung, die die hier behandelte Subscription enthält, daß nämlich Antonios Spantonis auf alle Fälle in der Zeit von 1696—97 an der Patriarchalischen Hochschule zu Konstantinopel als Lehrer im Amt war.

Sebastos Kyminitis[16] (geboren im ersten Viertel des XVII. Jahrhunderts in dem bei Trapezunt gelegenen Dorfe Chotzi, dem antiken Kymina, daher der Name Kyminitis) studierte in Konstantinopel und zwar in der sogenannten „Neuen Patriarchalischen Schule“, wo er Schüler von Johannes Karyophillis[17] und Alexandros Maurokordatos war. Im Jahre 1671 wurde Sebastos Kyminitis selbst Lehrer an der eben genannten Schule und später (etwa von 1676—1682) deren Rektor. Die Folgen einer Schüler-Rebellion und noch andere Gründe verursachten, daß sich Sebastos Kyminitis aus der „Neuen Patriarchalischen Schule“ entfernen mußte.[18] Bald darauf aber erhielt er durch den russischen Diakonus Timotheos, einen seiner ehemaligen Schüler, einen Ruf nach Moskau, um dort griechische Sprache und Philologie zu lehren.[19] Diese Berufung schlug der patriotisch gesinnte Gelehrte jedoch aus und zog es vor, in seine pontische Heimat zurückzukehren, wo er in Trapezunt die gymnasiumartige griechische Schule, das sogenannte Φιλολογικὸν Φροντιστήριον, begründete. Nachdem er etwa sechs Jahre (1683—1689) diese Anstalt, die bis in unsere Tage hinein fortlebte und im Pontus-Gebiet ein Markstein des Griechentums war, geleitet hatte, ging er um das Jahr 1690[20] nach Bukarest, das man damals fast als griechisches Kulturgebiet ansehen konnte. Dort war er Leiter der dem Sabas-Kloster angegliederten höheren, griechischen Lehranstalt. Hier in dieser Bukarester Schule zählte — wie wir aus der eben behandelten Subscription der Berliner Hs erfahren — auch der Mönchspriester Seraphim, der spätere Bischof von Tzerbenos, zu seinen Schülern. Freilich läßt sich aus der gleichen Subscription schließen, daß Seraphim einer der letzten Schüler von Sebastos Kyminitis gewesen sein muß; denn dieser starb am 6. September 1702 und hinterließ einen verzweigten literarischen Nachlaß.[21] Dieser Nachlaß umfaßt Kommentare, bzw. Auslegungen zu antiken und christlichen Autoren, ferner rhetorische, philosophische, dogmatische und liturgische Schriften, sowie Reden, Briefe verschiedenartigen Inhalts und Epigramme.[22] Abgesehen von der Physik des Aristoteles hat Sebastos Kyminitis auch andere Schriften des gleichen Philosophen ausgelegt und kommentiert, nämlich:

---

[15]) Tr. Evangelidis, ebenda.

[16]) Über diese Persönlichkeit vgl. besonders A. Papadopoulos-Kerameus, *Texte Greceşti privitoare la istoria Românească* (= E. de Hurmuzaki, *Documente privitoare la istoria Românilor)*. Bukarest, 1909. S. ιβ'—κζ' (vgl. auch S. 593). Dazu: Tr. Evangelidis, a. a. O., Bd. I., S. 14. Bd. II, S. 266 f., 401 f. Chrysanthos, Metropolit von Trapezunt, *Ἡ ἐκκλησία Τραπεζοῦντος*. Athen, 1936. S. 476, 487, 584 f., 600, 726—733.

[17]) Zu dieser Persönlichkeit vgl. besonders P. Zerlentis im *Δελτίον der historisch-ethnologischen Gesellschaft Griechenlands*. Bd. III (1889) S. 275—315.

[18]) Vgl. A. Papadopoulos-Kerameus, a. a. O., S. ιγ'.

[19]) Der betreffende Brief des russischen Diakonus Timotheos an Sebastos Kyminitis wurde von M. Gedeon in der *„Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια“*. Bd. VIII (1887/8) S. 91—92 veröffentlicht.

[20]) A. Papadopoulos-Kerameus, a. a. O., S. ιγ'.

[21]) Ebenda S. ιγ' ff.

[22]) Ebenda.

die Rhetorik, die Metaphysik, die Topika, Über die Seele und Über Tugend und Laster. Einige Werke von Sebastos Kyminitis sind in seiner eigenen Handschrift auf uns gekommen.[23] Eine gewisse Anzahl seiner Briefe ist an den Lehrer Spantonis gerichtet,[24] dessen wir oben gedachten, mit welchem Sebastos Kyminitis von seiner Kindheit an befreundet war und blieb. Seine reichhaltige Bibliothek machte Sebastos Kyminitis der Metropole seines Heimatlandes, Trapezunt, zum Vermächtnis[25]; aber es war ihr Schicksal, bald darauf in viele Orte zerstreut zu werden. Immerhin befand sich noch bis zum Jahre 1922 ein beträchtliches Überbleibsel seiner Bibliothek im griechischen Gymnasium (Philologischen Phrontisterion) zu Trapezunt[26]; jedoch nach der erzwungenen Auswanderung der griechischen Bevölkerung aus dieser Stadt wurde auch der Rest der Bücher, die einst Sebastos Kyminitis gehörten, in alle Winde verweht.[27]

Was die Kirchenprovinz Tzerbenos anbelangt, so nahm sie damals, als Seraphim zu ihrem Bischof berufen wurde, den ersten Platz unter den Suffraganen der Metropole Trnovo, der einstigen Residenz des bulgarischen Reiches, ein.[28] Zum Bistum Tzerbenos gehörte ehemals auch das Städtchen Arbanaso,[29] die Heimat des Fürsten Basileios (Basile) Lupu von der Moldau (1634—1653); aber das Städtchen wurde auf Veranlassung des genannten Fürsten durch ein Synodal-Schreiben, das der ökum. Patriarch Parthenios I im April 1642 erließ, dem Bistum Tzerbenos genommen und direkt dem Ökumenischen Patriarchat unterstellt.[30] Aus einem anderen Synodal-Schreiben, das der ökum. Patriarch Athanasios V im Aug. 1710 erließ, erfahren wir ferner, daß Seraphim kurz nach dem Tode von Kosmas, dem bisherigen Bischofe von Tzerbenos, zu dessen Nachfolger erwählt wurde; durch das gleiche Schreiben wird den Christen der Kirchenprovinz Tzerbenos angeraten, Seraphim, ihrem neuerwählten Bischof, finanziellen Beistand zu leisten.[31] Wie lange Seraphim seinen Bischofssitz

---

[23]) Ebenda S. ιε' ff.

[24]) Ebenda S. κε', κς'.

[25]) Ebenda S. ιδ'.

[26]) Ebenda S. ιδ', Anm. 3. — Vgl. auch A. Papadopoulos-Kerameus in dem „*Vizantijskij Vremennik*“, Bd. XIX (1912—1915) S. 225 ff.

[27]) Über einen, einst in dem Sumela-Kloster aufbewahrten Sammelkodex, der Texte des Johannes von Damaskus, des Basileios von Kaisareia und Theodoros Prodromos mit Interlinearerklärung des Sebastos Kyminitis enthält, vgl. Adolf Deissmann, *Handschriften aus Anatolien in Ankara und Izmit* [S. A. aus „*Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche*“. Bd. XXXIV, 1935. Heft 3/4]. Berlin 1936. S. 279—280, Nr. 44.

[28]) Vgl. das von A. Papadopoulos-Kerameus im *Δελτίον der historisch-ethnologischen Gesellschaft Griechenlands*, Bd. III (Athen 1889) S. 469—478, herausgegebene Verzeichnis griechisch-katholischer Kirchenfürsten; dazu vgl. M. Le Quien, *Oriens Christianus*. Bd. II, S. 1238, und weiter unten S. 55, Anm. 32. Zur Kirchengeschichte von Tzerbenos in der Zeit von ca 1780—1833 vgl. Iw. Snegarow, *Der alte Kirchenkodex von Tirnowo-Documente*. (Sonderabdruck aus dem Jahrbuch der theologischen Fakultät der Universität Sofia, Bd. XI, 10, 1933—1934 [S. 1—60]). Sofia, 1934. Eine interessante Liste von Weihgeschenken, die die verschiedenen Zünfte der Kirchenprovinz Tzerbenos dem hl. Grabe darbrachten, ist in einer griechischen Jerusalemer Handschrift zu finden. Vgl. A. Papadopoulos-Kerameus, *Ἱεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη*. Bd. V, Petersburg, 1915. S. 422, Nr. 49.

[29]) Sonst Arbanesi, griechisch: *Ἀρβανιτοχώρι*.

[30]) A. Papadopoulos-Kerameus, a. a. O., Bd. IV, Petersburg, 1899, S. 373—376, vgl. auch Bd. V. S. 167, Nr. 85.

[31]) Ebenda, Bd. V, S. 182, Nr. 178.

innehatte, läßt sich auf Grund der mir vorliegenden Quellen zunächst noch nicht festlegen. Immerhin figuriert in einer Liste der Metropolen und Bistümer des Ökumenischen Patriarchats,[32] die zirca aus dem Jahre 1730 stammt,[33] noch unser Seraphim als Bischof von Tzerbenos: „Ὁ Τορνόβου... ἔχει καὶ αὐτὸς ἐπισκόπους τρεῖς· τὸν Τζερβενοῦ Σεραφείμ, οὗτινος καθέδρα, τὸ Τζερνέβοδα..." [34]) *Wir haben übrigens Grund* anzunehmen, daß Seraphim wahrscheinlich in dem Hause lebte, das Klados Andreas dem Bistum Tzerbenos als Wohnsitz für den jeweiligen Bischof schenkte.[35]

Nun noch einige Worte über das Petschaft, das Seraphim als Mönchspriester benutzte und dessen Abdruck wir auf Bl. 1r, 477v, 478r (vgl. oben S. 51 Faks. 2) des Berliner Kod. Graec. quart. 15 finden. In der Mitte des Petschaft ist der Erzengel Michael dargestellt und rings am Rande befindet sich die Umschrift: „+ CΕΡΑΦΕΙΜ ΙΕΡΟΜΟΝΑΧΟC ΕΚ ΔΙΟΝΥCΙΟΥ 1695". C. de Boor,[36] der übrigens nicht ΔΙΟΝΥCΙΟΥ, sondern διονυσιον gelesen hat, war geneigt Διονύσιον für einen Ortsnamen auf der Insel Thasos zu halten; jedoch es handelt sich bestimmt um das berühmte Dionysiu-Kloster auf dem Hl. Berge. Seraphim von Tzerbenos ist also demnach aus der Brüderschaft dieses Klosters, einer Zufluchtsstätte der griechischen Studien durch viele Jahrhunderte hindurch, hervorgewachsen.

Nikos A. Bees (Βέης).

Athen - Berlin.

---

[32]) Herausgegeben von H. Omont in der „*Revue de l'Orient Latin*". Bd. I (1893), S. 313—320.

[33]) Zum Datum J. Pargoire im „*Échos d'Orient*". Bd. VI (1903), S. 389.

[34]) H. Omont, a. a. O., S. 315.

[35]) A. Papadopoulos Kerameus, a. a. O., Bd. V, S. 181, Nr. 172 (Schreiben des ökum. Patriarchen Kyprianos [Aug. 1708]).

[36]) A. a. O. S. 172.

ЭСФИГМЕНСКІЕ АКТЫ ЦАРЯ ДУШАНА

Изъ актовъ Эсфигменскаго монастыря на Аѳонѣ четыре грамоты приписываются учеными сербскому царю Стефану Душану.

I. Хрисовулъ на пергаментѣ, съ подписью Душана, какъ василевса и автократора Сербіи и Романіи († Στέφανος ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Σερβίας καὶ Ῥωμανίας †), въ силу чего этотъ хрисовулъ надо было бы отнести ко времени послѣ коронованія Душана въ апрѣлѣ 1346 г. Точной даты нѣтъ, такъ какъ мѣсто для обозначенія мѣсяца, индикта, декадъ и единицъ 6800 г. отъ сотворенія міра осталось незаполнено. Недостаетъ самой нижней части подъ подписью. Поэтому неизвѣстно, были ли тутъ обычныя дырочки съ шелковымъ шнуркомъ въ нихъ и съ золотою печатью на шнуркѣ. Вступленія нѣтъ. Начало: † Ἐπεὶ οἱ ἐν τῇ. На оборотѣ приписка: † Διὰ τοῦ πρωτοθρόνου Σκοπίων μητροπολίτου ὑπερτίμου Ἰωάννου †.

II. Хрисовулъ на бумагѣ, безъ конца и потому безъ какихъ-либо слѣдовъ, показывающихъ, что тутъ висѣла печать. Есть вступленіе. Начало: † Καλὴ μὲν καὶ στρατιωτικὴ φάλαγξ.

III. Хрисовулъ, тоже на бумагѣ, съ подписью Душана такой же, какъ и въ хр. № I. Датированъ декабремъ, индикта 1, 6856, т. е. нашего 1347 г. Печати нѣтъ. А есть ли дырочки, указывающія, что тутъ былъ шнурокъ съ печатью на немъ, насколько знаю, никѣмъ не указано. Есть вступленіе и, что любопытно, совершенно такое же, какъ въ хр. № II. Поэтому и начало такое же, какъ тамъ.

IV. Простагма на пергаментѣ безъ даты (менологема). Начало: † Ἐπεὶ ἐζήτησαν.

Хрисовулы были опубликованы въ первый разъ Т. Флоринскимъ въ его „Аѳонскихъ актахъ“[1]; а потомъ Луи Пети (Petit) въ его и Регеля „Actes d'Esphigménou,[2] Ст. Новаковичемъ въ его сборникѣ „Законски споменици српских држава средњега века“,[3] и наконецъ недавно А. Соловьевымъ и В. Мошинымъ въ ихъ трудѣ „Грчке повеље српских владара“.[4] Простагма издана въ первый разъ Луи Пети,[5] а потомъ также Новаковичемъ[6] и Соловьевымъ и Мошинымъ.[7]

---

[1]) 1880; № I, стр. 101—103; № II, стр. 50—51; № III, стр. 85—86.

[2]) 1906, Прилож. къ XII тому Виз. Временника: № I, стр. 30—32; № II, стр. 27—28; № III, стр. 29—30.

[3]) 1912; № I, стр. 535—538; № II, стр. 533—535; № III, стр. 539—540.

[4]) 1936; № I, стр. 94—103; № II, стр. 104—109; № III, стр. 110—115.

[5]) O. c. 41—42.

[6]) O. c. 540—541.

[7]) O. c. 148—151.

Хрисовулъ № II, такъ какъ онъ безъ конца и потому безъ даты и безъ подписи, у Флоринскаго еще не приписанъ Душану, а приведенъ лишь какъ актъ неизвѣстнаго намъ лица. Первый приписалъ его Душану Пети, прибавивъ, все-таки, „вѣроятно", такъ какъ онъ судилъ лишь на основаніи упомянутаго его сходства въ матеріалѣ и особенно во вступленіи съ хрисовуломъ № III.[8] Между тѣмъ, Новаковичъ обозначилъ его безъ оговорокъ какъ грамоту, данную Эсфигмену Душаномъ, и отнесъ его ко времени „около 1346 г.," съ объясненіемъ въ примѣчаніи, что годъ опредѣленъ на основаніи того, что тутъ подтверждается эсфигменцамъ лишь одна треть села Крушева, тогда какъ остальныя двѣ трети Душанъ подаритъ имъ только хрусовуломъ № III въ декабрѣ 1347 г.[9] Съ Новаковичемъ согласились въ этомъ и Соловьевъ съ Мошинымъ, прибавивъ со своей стороны, что этотъ документъ долженъ быть не только ранѣе декабря 1347 г., какъ показалъ Новаковичъ, но и позднѣе апрѣля 1346 г., ибо въ немъ подарена Эсфигменскому монастырю и другая половина села Портаріи, съ упоминаніемъ первой половины, подтвержденной Душаномъ въ хр. № I, который, какъ слѣдуетъ заключить не только изъ царской подписи, но и изъ приписки скоплянскаго митрополита Іоанна на оборотѣ, данъ послѣ коронованія Душана въ апрѣлѣ 1346 г.[10]

Однако, хрисовулъ № II исходитъ не отъ сербскаго царя Душана, а отъ какого-то византійскаго императора. Доказательства тому слѣдующія:

Въ немъ сперва подтверждаются Эсфигмену всѣ его владѣнія внѣ Аѳона, а потомъ приписывается ему, какъ даръ отъ царя, подписавшаго этотъ хрисовулъ, еще одно владѣніе тамъ же, гдѣ находились и остальныя, т. е. на Халкидикѣ. Именно, Эсфигмену дается, какъ сказано выше, и вторая половина села Портаріи, сверхъ той, которой монастырь уже владѣлъ.

Но и хрисовулъ Душана № I точно такого же содержанія. И тутъ подтверждаются эсфигменцамъ, по ихъ просьбѣ, всѣ ихъ имѣнія внѣ Святой Горы, т. е. на Халкидикѣ. И тутъ дается имъ, какъ даръ самого Душана, еще одно имѣніе на томъ же полуостровѣ. Именно, имъ дается, кромѣ половины села Портаріи, которою они тогда владѣли, еще одинъ участокъ земли въ томъ же селѣ, который, какъ тутъ пишется, нѣкогда тоже принадлежалъ имъ, но потомъ былъ отнятъ и отданъ какому-то Анатавлѣ.

Поэтому, если бы и хрисовулъ № II, равно какъ и № I, исходилъ отъ Душана, и, если бы онъ, слѣдовательно, относился ко времени между апрѣлемъ 1346 и декабремъ 1347 г., это значило бы, что Душанъ во второй разъ, и притомъ не позже какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, подтвердилъ Эсфигменской обители всѣ ея имѣнія внѣ Аѳонской горы, и что онъ во второй разъ одарилъ ее, все въ той же области, однимъ новымъ имѣніемъ.

Конечно, это, хотя и было бы немного странно, но не невозможно. Но въ такомъ случаѣ мы, пожалуй, ожидали бы, что опись имѣній въ хрисовулѣ № II, пусть хоть приблизительно, если не вполнѣ, будетъ совпадать съ описью въ хрисовулѣ № I.

[8]) О. с. 27 и предисловіе стр. XIII.
[9]) О. с. 533.
[10]) О. с. 104.

Между тѣмъ, дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Въ № I опись имѣній вообще гораздо обширнѣе, чѣмъ въ № II. Такъ изъ № I нѣтъ въ № II слѣдующихъ имѣній:

1) Въ катепаніи Рендины село Враста (= Браштa? т. е. Братья?) со всѣми межами и правами и дома въ самомъ городѣ Рендинѣ;

2) У Струмы метохъ Св. Георгія, называемый (τοῦ) Παρύακος;

3) Зимовище на Лонтосѣ близъ моря, называемое Τερόνη;

4) Въ Св. Мамантѣ два виноградника;

5) На Кассандріи метохъ, называемый Пиргъ;

6) Въ Пефлегменѣ земля въ 300 модіевъ, отнятая отъ экономіи Куналиса и отданная Эсфигмену; и

7) Въ Ермиліи метохъ Св. Богородицы Охридской съ виноградниками и съ землей.

Между двумя описями есть и другія разницы, напр.: Въ хрисовулѣ № I подтверждается Эсфигменцамъ „въ катепаніи Струмской село Нижнее Крушево, тоже со всѣми межами и правами"; а въ № II „метохъ Св. Безсребренниковъ въ Крушевѣ со всѣми правами и привилегіями, т. е. съ париками, нивами, виноградниками и съ водяною мельницею, и къ тому же еще третья часть того же села Крушева". Въ хр. № I: „У Стефаніаны метохъ Св. Георгія съ *париками, мельницею и съ прочими правами* и домъ въ самомъ городѣ Стефаніанѣ"; а въ хр. № II: „метохъ Св. Георгія въ мѣстоположеніи Стефаніа*ны со всѣмъ его владѣніемъ* и имуществомъ, т. е. съ париками, нивами, виноградниками и водяною мельницею, и къ тому еще *ежегодно тамъ празднуемый панигиръ* св. великомученика Георгія." Въ хр. № I: „мельницы въ Св. Николаѣ τοῦ Σκουταρᾶ и еще одна по ту сторону Струмы"; а въ № II: „метохъ Св. Николая, называемый τοῦ Σκουταρᾶ, со всѣмъ владѣніемъ и имуществомъ, т. е. съ париками, нивами и водяной мельницей." Въ № I: „въ богоспасаемомъ городѣ Солунѣ метохъ честнаго и славнаго пророка Предтечи и дома и виноградники въ Св. Гермогенѣ"; а въ № II только „метохъ въ великомъ городѣ Солунѣ въ предѣлѣ Безтѣлесныхъ". Въ № I: „въ Сидирокавсіи парика два, Василій Торела и..., и земля и виноградники"; а въ № II; „парикъ Василій Кузнецъ съ сыновьями его Георгіемъ и Мариномъ въ селѣ Сидирокавсіи осѣдлый, съ принадлежащимъ ему имуществомъ." Кромѣ того не забудемъ, что въ хр. № I Эсфигменъ получаетъ отъ Душана, сверхъ той половины села Портаріи (въ Каламаріи), которую онъ и до того имѣлъ, еще участокъ земли въ томъ же селѣ, который прежде, какъ тутъ утверждается, тоже принадлежалъ монастырю, но потомъ былъ отнятъ у него и переданъ нѣкоему Анатавлѣ; а въ хр. № II эсфигменцы получаютъ отъ лица, давшаго имъ эту грамоту, сверхъ первой половины Портаріи и всю другую половину, безъ упоминанія указаннаго участка земли, будто бы возвращеннаго имъ Душаномъ въ хр. № I.

Съ другой стороны замѣчательно, что и обратно, изъ хр. № II недостаетъ двухъ имѣній въ хр. № I. Это: „земля пахотная съ собственными межами, называемая τοῦ Μουρσᾶ, до 412 модіевъ, и еще нива, подаренная этой обители Іаситомъ."

Какъ видно, опись эсфигменскихъ метоховъ въ хр. № II, дѣйствительно, сильно расходится съ описью въ хр. № I. При такихъ обстоятельствахъ казалось бы, что хр. № II нужно отнести не ко времени Душана, а къ совсѣмъ иному времени, когда Эсфигменъ владѣлъ гораздо меньшимъ имуществомъ въ метохахъ. Иначе бы

слѣдовало предположить, что Душанъ, раскаявшись по какимъ-то намъ неизвѣстнымъ причинамъ въ томъ, что онъ въ хр. № I былъ такъ чрезвычайно щедръ къ эсфигменцамъ, поспѣшилъ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а то и меньше, уничтожить этотъ свой хрисовулъ и отмѣнить его хрисовуломъ № II, признающимъ за Эсфигменомъ значительно меньшее количество земельныхъ владѣній внѣ Аѳона. Между тѣмъ, такое предположеніе невѣроятно не только потому, что хр. № II не просто подтвердительный, но и благотворительный, но и потому, что въ немъ нѣтъ ни слова о какой-нибудь отмѣнѣ имъ какого-то прежняго хрисовула Душана.

Читатель можетъ-быть возразитъ, что все это было бы удивительно только въ томъ случаѣ, если бы я предварительно доказалъ, что хр. № I, который вѣдь не датированъ, несомнѣнно болѣе автентичный актъ Душана, чѣмъ хр. № II. Это вѣрно. Мы о хр. № I будемъ говорить потомъ, и покажемъ, что все-таки нельзя совсѣмъ отрицать его автентичность. А пока перейдемъ къ послѣднему доказательству, не оставляющему никакого сомнѣнія, что хрисовулъ № II не данъ Душаномъ.

Опись имѣній Эсфигмена, съ которой мы встрѣчаемся въ этомъ хрисовулѣ, почти та же, какъ и въ хрисовулѣ, пожалованномъ византійскимъ императоромъ Михаиломъ VIII Палеологомъ въ іюнѣ 6767, т. е. въ 1259 г., индикта 2, какому-то монастырю Спасителя на Св. Горѣ. Изъ хр. № II тутъ нѣтъ только земли, подаренной эсфигменцамъ какимъ-то Іаситомъ. Всѣ остальныя имѣнія тутъ тѣ же, что и въ хр. № II. Даже, они перечисляются въ хр. Михаила почти въ такомъ же порядкѣ и почти въ такихъ же словахъ, какъ и въ хр. № II. И, что особенно удивительно, мы въ послѣднемъ находимъ не только всѣ земельныя владѣнія изъ указаннаго хрисовула царя Михаила, но и сидирокавсійскаго парика Василія съ двумя его сыновьями Георгіемъ и Мариномъ и съ ихъ имуществомъ!

Правда, что въ хрисовулѣ Михаила подтверждаются обители Спасителя двѣ трети села Крушева, какъ принадлежавшія ей и до тѣхъ поръ, и къ тому остальная треть, какъ новый даръ упомянутаго царя, иными словами, все это село, тогда какъ въ хрисовулѣ № II подтверждается эсфигменцамъ, какъ уже упомянуто выше, только одна треть этого села, какъ принадлежавшая имъ и ранѣе, а остальныя двѣ трети эсфигменцамъ не приносятся въ даръ подписавшимъ этотъ хрисовулъ. Но для насъ пока это не важно, а существенно то, что вмѣстѣ со всѣми прочими имѣніями изъ означеннаго хрисовула Михаила VIII мы находимъ въ хр. № II и часть села Крушево, и, сверхъ того, еще землю Іасита.[11]

Хрисовулъ Михаила VIII, о которомъ идетъ рѣчь, находится нынѣ въ архивѣ аѳонскаго монастыря Св. Павла. Онъ написанъ на бумагѣ. Нѣкогда былъ съ печатью,[12] а теперь безъ нея. Мѣстами неразборчивъ, такъ какъ отъ времени бумага отчасти стерлась вмѣстѣ съ текстомъ. Есть вступленіе, но отличное отъ вступленія въ хр. № II. Начала нѣтъ, такъ какъ больше всего пострадала верхняя часть. Содержаніе (хотя и съ нѣкоторыми ошибочными чтеніями, напр. Ὀνομάτων (?), вмѣсто

[11]) Еще менѣе значительно для насъ, что въ хр. Михаила метохъ Св. Николая τοῦ Σκουταρᾶ приводится не только „съ париками, нивами и водяною мельницей,“ какъ въ хр. № II, но и „съ виноградниками“. Это, вѣроятно, въ хр. № II ошибка канцеляриста.

[12]) Флоринскій, о. с. 48.

Ἀσωμάτων, и, конечно, съ пропусками стертыхъ мѣстъ текста) и описаніе см. у Dölger, Regesten d. *Kaiserurkunden d. oström. Reiches* III (1932)34—35. Тутъ документъ отмѣченъ, какъ еще неизданный. Между тѣмъ, онъ къ тому времени былъ уже давно опубликованъ святопавловскимъ монахомъ Евлогіемъ въ аѳинскомъ еженедѣльномъ журналѣ Νέα Ἐποχή 26 (1925) 678—680. Нужно все-таки замѣтить, что изданіе Евлогія неудовлетворительно. Желательно новое изданіе съ привлеченіемъ и хрисовула № II.[13]

Что касается обители Спасителя, которой былъ данъ указанный хрисовулъ царя Михаила, обыкновенно считается, что это и есть сама обитель Св. Павла, въ которой документъ и сохранился. Вслѣдствіе этого считается, что и этотъ документъ пожалованъ Михаиломъ именно ей, а не какой-либо иной изъ аѳонскихъ обителей. См. напр. у Флоринскаго, о. с. 48, гдѣ документъ приводится какъ хрисовулъ Михаила Палеолога „о метохахъ мон. Св. Павла". Особенно настойчиво этотъ хрисовулъ приписывается обители Св. Павла монахами послѣдней. См., напр., К. Βλάχου, Ἡ χερσόνησος τοῦ Ἁγίου Ὄρους Ἄθω, Воло 1903, стр. 269, гдѣ, кромѣ того, хрисовулъ служитъ автору доказательствомъ, что его монастырь продолжалъ существовать и процвѣтать и въ XIII столѣтіи. Мало того, согласно монаху Евлогію, обитель, получившая отъ Михаила VIII означенный хрисовулъ, названа даже и въ самомъ этомъ хрисовулѣ не только обителью Спасителя, или точнѣе „обителью Срѣтенія Спасителя Христа", но также и Святопавловскою. Такъ она тамъ будто бы названа въ слѣдующемъ мѣстѣ (N. Ἐπ. 26, 679, столбецъ 1, строка 27 и д.): „Τοίνυν ἐπεὶ μετὰ τῶν ἄλλων καὶ οἱ κατὰ τὴν σεβασμίαν μου μονὴν τὴν ἀνὰ τὸ Ὄρος διακειμένην τῆς βασιλείας μου ἐπ' ὀνόματί τε τιμωμένην Ὑπαπαντῆς τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ, τὴν οὕτως πως κεκλημένην τοῦ Ἁγίου Παύλου."

Между тѣмъ Dölger ничего не говоритъ о томъ, чтобы и онъ видѣлъ въ документѣ, о которомъ идетъ рѣчь, слова „τοῦ Ἁγ. Παύλου", отождествляющія сказанную обитель *Спасителя съ Святопавловскою*. Напротивъ, Dölger ставитъ вопросъ: вѣрно ли, что этотъ хрисовулъ данъ Святопавловской обители?[14]

И, дѣйствительно, онъ несомнѣнно данъ не ей, а Эсфигмену, откуда онъ издавна — можетъ быть еще съ 1534 г., когда Эсфигменъ сильно пострадалъ отъ пожара и отъ набѣга мусульманскихъ корсаровъ[15] — попалъ въ обитель Св. Павла. Слѣдовательно,

[13]) Евлогіемъ изданы въ томъ же журналѣ еще нѣсколько святопавловскихъ актовъ. Такъ какъ указанный журналъ представляетъ рѣдкость внѣ Греціи, позволяю себѣ привести здѣсь эти акты: 1) Дарственная грамота Радослава Сабіи (вѣроятно изъ грецизированныхъ болгарскихъ Асеней) отъ іюня 6913 (1405) г., *инд.* 13, и 2) хрисовулъ Іоанна VII Палеолога той же даты: N. Ἐπ. 27 (1925) 704—707; 3) Дарств. грамота Николая Пагаси Балдуина безъ конца, и потому безъ даты: ibid. 28 (1925) 726—727; 4) Кадастровый актъ, выданный по повелѣнію деспота Іоанна Палеолога (позднѣе царя Іоанна VIII) на всѣ владѣнія Св. Павла въ Лемносѣ, съ датой, по Евлогію, 11 янв. 6971 (1463) г., что, конечно, невозможно; развѣ что это соотвѣтствуетъ году подписи епископа Лемноса, Діонисія, какъ то упоминаетъ м. Евлогій: ibid. 29 (1925) 765—766; и 5) Хрисовулъ Іоанна VII Палеолога, съ датой, какъ ее прочелъ Евлогій, іюня 6915 (1407) г., *инд.* 1, что тоже едва ли возможно, такъ какъ 6915 годъ и индиктъ 1 не соотвѣтствуютъ другъ другу: ibid. 30 (1925) 786—787. Къ сожалѣнію, эти тексты изданы Евлогіемъ достаточно не критично, какъ видно уже изъ того, что мы сказали о напечатанной датѣ двухъ послѣднихъ актовъ.

[14]) О. с. 34.

[15]) См. объ этомъ у Пети и Регеля о. с. XXI и д.

въ немъ нѣтъ и вышеприведенныхъ словъ „τοῦ Ἁγ. Παύλου“, а ихъ произвольно дополнилъ (какъ, впрочемъ, и еще нѣкоторыя) самъ Евлогій, по всеобщей увѣренности, что, если этотъ документъ сохранился въ Святопавловской обители, то, значитъ, онъ и данъ именно ей. Что тутъ идетъ дѣло не о Св. Павлѣ, а о Эсфигменѣ, видно изъ слѣдующаго: во-первыхъ, Эсфигменъ уже съ давнѣйшихъ временъ своего существованія упоминается въ памятникахъ постоянно какъ обитель Спасителя. Напр., такъ онъ упомянутъ уже въ 1051 г. (6559, авг., инд. 4), въ подписи своего игумена (Луки) на одномъ тогдашнемъ зографскомъ актѣ аѳонскаго прота и собора.[16] Затѣмъ, въ 1076 г. (6584, янв., инд. 14), тоже въ подписи своего игумена (Климента) на одномъ хиландарскомъ актѣ, который теперь издается мною въ бѣлградскомъ „Старинарѣ“ и т. д. Между тѣмъ, обитель Св. Павла была, по всей вѣроятности, въ началѣ, какъ и въ XIV в. Богородичной. Впрочемъ, судьбы этого монастыря довольно темны до обновленія его во второй половинѣ XIV столѣтія „братьями“ — монахами сербомъ Герасимомъ Радоней[17] и Антоніемъ Пагаси. Сначала, это была, пожалуй, та же самая маленькая обитель „господина Павла“ (τοῦ κυροῦ Παύλου), подпись игумена которой встрѣчается въ аѳонскихъ актахъ XI вѣка. См., напр., подпись игумена ея (Михаила) на актѣ № 5 отъ 1070 г. (6579, ноября 23, инд. 9; стало-быть не 1071, какъ напечатано, а 1070) въ „Актахъ русск. на Св. Аѳонѣ мон. Св. Пантелеимона“.[18] Потомъ — кажется, уже въ теченіе XII столѣтія — обитель опустѣла и стала простой кельей монастыря Ксиропотама, оставаясь въ такомъ состояніи и въ XIII и въ XIV вѣкѣ до самаго упомянутаго обновленія ея во второй половинѣ XIV вѣка. Такъ, по крайнѣй мѣрѣ, можно судить по отсутствію подписи ея игумена на тогдашнихъ аѳонскихъ актахъ — напр. на хиландарскомъ актѣ прота и собора игуменовъ 1198 г., и на актѣ 1279—1294 г.[19]; затѣмъ — по отсутствію какихъ-нибудь актовъ старѣе XIV вѣка въ архивѣ нынѣшняго Св. Павла,[20] и, наконецъ, по акту аѳонскаго прота Исаака первой половины XIV столѣтія,[21] гдѣ сказано, что Святопавловская обитель представляла собою въ то время полную развалину.[22] Какъ развалившуюся келью ее купили во второй половинѣ XIV вѣка у Ксиропотамцевъ упомянутые выше новые ея ктиторы „братья“ Герасимъ Радонъ и Антоній Пагаси, чтобы своимъ трудомъ и иждивеніемъ возстановить бывшую обитель опять какъ самостоятельный монастырь.[23]

Во-вторыхъ, имѣнія, подтвержденныя обители Спасителя въ занимающемъ насъ

---

16) *Actes de Zographou*, изд. Регель, Курцъ и Кораблевъ, 1907, прилож. № I къ XIII тому Виз. Временника, актъ № IV, стр. 11, 61 и сл.

17) Новаковичъ, *Зак. Споменици* стр. 88, прим.

18) Кіевъ 1873, стр. 48.

19) Тогда какъ эсфигменскій игуменъ подписался и на томъ и на другомъ актѣ, и даже между первыми по порядку; см. L. Petit, *Actes gr. de Chilandar*, 1911, Прилож. № I къ XVII тому Виз. Временника, акты № 3, стр. 6—8, и № 9, стр. 19—24.

20) Κ. Βλάχου ο. с. 269 и д.

21) См. о немъ L. Petit, *Actes de Xénophon* (1903, Прилож. № I къ X тому Виз. Временника, стр. 10—11).

22) М. Γεδεών, Ὁ Ἄθως, К-поль 1885, стр. 93.

23) Κ. Βλάχου, о. с. 270 и д.

хрисовулѣ Михаила VIII, не принадлежали никогда монастырю Св. Павла, а всегда Эсфигмену. Напр., село Портарія уже въ XI. в.;[24] въ XIV. в. не только Портарія, но и село Крушево и метохи Леминъ,[25] Св. Георгія у городка Стефаніаны, и Св. Николая τοῦ Σχουταρᾶ.[26]

Какъ изъ всего этого видно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы разсматриваемый хрисовулъ Михаила VIII данъ обители Св. Павла. Это несомнѣнно эсфигменскій хрисовулъ названнаго царя.

Несомнѣнно также, что хрисовулъ № II никакъ нельзя приписать Душану. Укажемъ почему это невозможно.

Во-первыхъ, не только изъ хр. № I, объ автентичности котораго мы еще не говорили, но и изъ другихъ эсфигменскихъ актовъ, мы узнаемъ, что владѣнія эсфигменцевъ не оставались безъ измѣненія послѣ полученія монахами хрисовула Михаила VIII 1259 г., а что въ теченіе времени эсфигменцы, съ одной стороны, кое-что потеряли, а, съ другой стороны, пріобрѣли рядъ новыхъ владѣній, такъ что до Душана опись ихъ метоховъ уже значительно расходилась съ описью времени царя Михаила. Напр., уже въ началѣ XIV столѣтія монастырю принадлежали слѣдующіе метохи, которыхъ нѣтъ въ указанномъ хрисовулѣ Михаила VIII: село Враста;[27] метохъ Св. Георгія ὁ Παρίακος[28]; у рѣки Струмы „всевременная" мельница[29]; „въ Св. Мамантѣ собственный, не подлежащій подати, виноградникъ" (тамъ же); „нивы въ Пефлегменѣ[30]; „въ катепаніи Ермиліи метохъ, почитаемый во имя пренепорочной владычицы нашей Богоматери, называемой Охридской"[31]; вѣроятно, и пастбище на Лонгосѣ, называемое Τερόνη.[32] Едва ли нужно говорить о томъ, что Душанъ въ своемъ хрисовулѣ не могъ бы не подтвердить эсфигменскимъ монахамъ ни одного изъ этихъ ихъ метоховъ, а подтвердилъ лишь метохи, перечисленные имъ въ хрисовулѣ Михаила VIII 1259 г. и кромѣ того еще одну землю, пожертвованную Іаситомъ, и сдѣлалъ это почти въ томъ же порядкѣ, и почти въ тѣхъ же словахъ, какъ въ хрисовулѣ Михаила. Это совсѣмъ немыслимо.

Во-вторыхъ, еще менѣе Душанъ могъ бы въ какомъ-нибудь своемъ хрисовулѣ подтвердить эсфигменцамъ сидирокавсійскаго парика Василія съ его сыновьями Ге-

---

[24]) Пети и Регель, *Actes d'Esph.*, стр. XIII—XIV.

[25]) *Λαιμίν*, вульгарная средневѣковая форма вмѣсто литературной старогреческой Λαιμίον, т. е. „Шейка".

[26]) Тамъ же, стр. XV, и акты № VIII—IX, 1334 г., стр. 22 и 24; кромѣ того и на стр. 40 актъ № XIX стратопедарха Палеолога Францы отъ ноября индикта 3, который тоже относится къ *1334* г., такъ какъ этотъ стратопедархъ, котораго Пети не могъ идентифицировать, очевидно, одно и то же лицо съ извѣстнымъ намъ изъ Кантакузина придворнымъ Андроника III, Палеологомъ Сфранцемъ, убившимъ византійскаго отступника Сиряна, перебѣжавшаго къ королю Душану. Франца былъ за это произведенъ Андроникомъ въ чинъ великаго стратопедарха. Онъ умеръ при осадѣ Арты въ 1339 г. (Кантакуз. I, 456,21 и д.; 457, 12 и д.; 525, 16 и д.)

[27]) Пети и Регель, *Actes d'Esph.* № IX, стр. 24, 5 и № XIX, стр. 41, 5 оба 1334 г.; тоже и эсфигменскій практикъ начала XIV в. на стр. XV.

[28]) Тотъ же практикъ, о. с. стр. XVII; ср. и стр. XVIII.

[29]) Тамъ же, стр. XVI.

[30]) Другой старый практикъ, тамъ же, стр. XIV.

[31]) Въ практикѣ, тамъ же, стр. XVII.

[32]) Тамъ же, № XV, стр. 33 — хрисовулъ Іоанна V Палеолога 1359 г.

оргіемъ и Мариномъ съ ихъ имуществомъ, которыхъ подтверждалъ за монастыремъ хрисовулъ Михаила VIII. Вѣдь эти люди середины XIII вѣка уже давно умерли ко времени Душана.

Но, если хр. № II не данъ Эсфигмену Душаномъ, и поскольку онъ не подложенъ (т. е. не составленъ самими эсфигменцами изъ вступленія хр. № III и изъ содержанія хрисовула Михаила VIII 1259 г. съ прибавленіемъ только земли Іасита), и представляетъ собою подлинный документъ, то необходимо признать, что этотъ хрисовулъ, какъ мы уже сказали выше, былъ данъ какимъ-то византійскимъ императоромъ. Какимъ же именно?

По моему, Андроникомъ II, и относится онъ къ первымъ годамъ его царствованія. Ибо, съ одной стороны, этотъ документъ древнѣе царствованія Андроника III, такъ какъ парикъ Василій не могъ дожить до его времени и, слѣдовательно, не могъ быть подтвержденъ Андроникомъ III, тогда какъ дожить до начала царствованія Андроника II Василій могъ. Съ другой стороны, хр. № II позднѣе хрисовула Михаила VIII 1259 г., что видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Какъ мы уже знаемъ, въ хрисовулѣ царя Михаила подтверждаются за Эсфигменской обителью, между прочимъ, все село Крушево: двѣ трети этого села, какъ принадлежавшія ей и до того, и остальная треть, какъ даръ самого Михаила; затѣмъ, и все село Портарія. Между тѣмъ, въ хр. № II подтверждается Эсфигмену лишь одна треть Крушева, какъ принадлежавшая ему и до тѣхъ поръ, но не дарится ни одна изъ двухъ остальныхъ третьей, какъ даръ подписавшаго этотъ хрисовулъ; затѣмъ подтверждается лишь одна половина села Портаріи, какъ имѣніе, которымъ эта обитель обладала и до того, тогда какъ другая половина Портаріи дается ей, какъ даръ самого царя, пожаловавшаго ей этотъ хрисовулъ. Наконецъ, въ хрисовулѣ Михаила 1259 г. нѣтъ земли, дарованной Эсфигмену Іаситомъ, тогда какъ въ хр. № II она имѣется. Все это, насколько я вижу, нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что Эсфигменъ въ промежуткѣ времени между хрисовуломъ царя Михаила 1259 г. и хрисовуломъ № II, съ одной стороны, потерялъ половину села Портаріи и двѣ трети села Крушева (послѣднія онъ потерялъ, какъ мы увидимъ изъ хр. № III, вслѣдствіе какой-то новой кадастровой ревизіи, при которой одна треть Крушева была отдана какому-то Гавріилопулу, а другая вмѣстѣ съ „Висинiей" — т. е. съ „Вишней"? — какому-то Фармакису), тогда какъ, съ другой стороны, онъ въ то же время приобрѣлъ землю Іасита. А если это такъ, то необходимо заключить, что хр. № II дѣйствительно данъ позднѣе, чѣмъ хрисовулъ царя Михаила Палеолога 1259 г.

Переходимъ теперь къ остальнымъ двумъ упомянутымъ выше хрисовуламъ. Начнемъ съ хр. № III, такъ какъ дѣло съ нимъ обстоитъ гораздо проще, чѣмъ съ хр. № I.

Хр. № III неоспоримо не только автентиченъ, но и представляетъ собою подлинный актъ Душана. Это видно уже изъ его формы, особенно изъ его правильной даты, въ которой индиктъ согласуется съ годомъ отъ сотворенія міра. Безъ сомнѣнія, внизу были, а можетъ быть и теперь есть, дырочки для шелковаго шнурка съ золотою печатью на немъ.

Объ автентичности и подлинности этого хрисовула свидѣтельствуетъ кромѣ того и его содержаніе. Оно, въ сущности, заключается въ томъ, что тутъ возвращаются эсфигменцамъ, по ихъ просьбѣ, тѣ двѣ трети села Крушева, вмѣстѣ съ „Ви-

синіей", которыя при какой-то кадастровой ревизіи, состоявшейся до того, были отняты у нихъ и переданы: одна какому-то Гавріилопулу, а другая съ „Висиніей" нѣкоему Фармакису. Если мы ничего не знаемъ о Фармакисѣ, то о Гавріилопулѣ намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, что онъ дѣйствительно жилъ нѣкоторое времени до того, именно въ началѣ XIV или въ концѣ XIII вѣка, и имѣлъ какое-то помѣстье въ селѣ Крушевѣ; объ этомъ мы узнаемъ изъ эсфигменскаго практика начала XIV столѣтія: въ немъ упоминается Гавріилопулина, въ то время, вѣроятно, уже вдова Гавріилопула, подарившая Эсфигмену въ Крушевѣ виноградникъ въ 3 модія.[33]

Менѣе несомнѣнна автентичность хрусовула № I. Подозрѣніе къ нему особенно вызываетъ уже отмѣченное обстоятельство, что въ немъ мѣста для мѣсяца, индикта, декадъ и единицъ 6800 г. оставлены незаполненными. Правда, что мы съ такимъ же случаемъ встрѣчаемся и въ ксиропотамскомъ хрисовулѣ Душана.[34] Но вѣдь надо это какъ-нибудь объяснить. Если бы было возможно предположить вмѣстѣ съ Соловьевымъ и Мошинымъ, что и эти два хрисовула, также какъ и датированный маемъ 1346 г. ватопедскій хрисовулъ, на оборотѣ которыхъ находятся приписки скоплянскаго митрополита Іоанна, принадлежатъ одному и тому же государю,[35] и были выданы Душаномъ около того же времени, въ связи съ его коронованіемъ на сеймѣ въ апрѣлѣ 1346 г., — то указанные пробѣлы въ первыхъ двухъ хрисовулахъ могли бы, по крайней мѣрѣ, быть объяснены тѣмъ, что Душанъ тогда роздалъ массу такихъ же дарственныхъ хрисовуловъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, между ними и ксиропотамскій съ эсфигменскимъ № I, проскользнули *безъ обозначенія даты* на оставленныхъ для нея мѣстахъ. Но такое предположеніе, кажется, исключено по отношенію къ хрисовулу № I, такъ какъ онъ, судя по одному указанію въ его содержаніи, никакъ не можетъ быть древнѣе хрисовула № III, изданнаго въ декабрѣ 1347 г., но, напротивъ, позднѣе его. Вотъ это указаніе:

Какъ было сказано выше, въ хр. № I подтверждается Эсфигмену въ качествѣ одинъ изъ его метоховъ, принадлежавшихъ ему и до того, „въ катепаніи Струмской село Нижнее Крушево, тоже со всѣми межами и правами". Село Нижнее Крушево тутъ, конечно, то самое, съ которымъ мы встрѣтились подъ названіемъ Крушева и въ хрисовулахъ Михаила VIII (хр. 1259 г.), Андроника старшего (хр. № II) и Душана (хр. № III). Это ясно и изъ вышеприведенного эсфигменскаго практика начала XIV вѣка, гдѣ то же село упоминается какъ одинъ изъ метоховъ Эсфигмена, переданныхъ ему этимъ практикомъ, но съ опущеніемъ атрибута „Нижнее": „въ катепаніи Струмской село Крушево".[36] Значитъ, по хрисовулу № I, Эсфигменъ обладалъ съ тѣхъ поръ цѣлымъ селомъ Крушевомъ. Но по хрисовулу № III, какъ мы уже знаемъ, Эсфигменъ владѣлъ до того не цѣлымъ селомъ, а лишь одной третью его, тогда какъ остальныя двѣ трети онъ получилъ только хрисовуломъ № III, какъ новый даръ самого Душана. Стало-быть, хрисовулъ № I могъ бы не предшествовать

[33]) Пети и Регель, *Actes d'Esph.* стр. XVI.
[34]) Соловьевъ и Мошинъ, о. с. 84—93.
[35]) Тамъ же, *стр.* 76—83.
[36]) Пети и Регель, *Actes d'Esph.* стр. XV.

хрисовулу № III, а слѣдовать за нимъ, и представлять собою „общій“ эсфигменскій хрисовулъ, въ которомъ Душанъ подтвердилъ эсфигменцамъ, вмѣстѣ со всѣми ихъ тогдашними метохами, еще разъ и все село Крушево своего прежняго хрисовула № III. Хрисовулъ № II могъ бы быть данъ Душаномъ или въ декабрѣ 1347 г. вмѣстѣ съ хр. № III, или въ началѣ 1348 г., т. е. во время посѣщенія этимъ государемъ Св. Горы. Поэтому, можетъ быть, надо было бы перемѣстить и ксиропотамскій хрисовулъ Душана изъ 1346 года въ 1347 или въ 1348 г. Все-таки, вѣроятнѣе, что онъ данъ въ 1346 г., такъ какъ онъ почти одинаковаго формуляра съ иверскимъ хрисовуломъ Душана отъ апрѣля 1346 г. (см. Соловьевъ и Мошинъ, о. с. 42—51).

Итакъ, пробѣлы въ хрисовулахъ эсфигменскомъ № I и ксиропотамскомъ на мѣстахъ для обозначенія мѣсяца, индикта, декадъ и единицъ 6800 г. остаются пока для насъ тайной, ибо я и самъ не умѣю объяснить ихъ.

Пети обратилъ вниманіе еще на одну, по его мнѣнію подозрительную, мелочь въ хр. № I. Въ немъ, какъ уже упомянуто нами выше, не только подтверждаются эсфигменцамъ всѣ ихъ тогдашнія владѣнія внѣ Аѳона, но и дается, какъ даръ самого царя Душана, участокъ земли въ селѣ Портаріи, который, какъ тутъ утверждается, нѣкогда тоже принадлежалъ имъ, но потомъ былъ отнятъ у нихъ и отданъ нѣкоему Анатавлѣ. Но въ эсфигменскомъ архивѣ сохранился договоръ отъ февраля индикта XI какого-то Георгія Анатавлы съ эсфигменцами, въ которомъ первый уступаетъ послѣднимъ, за гарантированное ими въ договорѣ пожизненное содержаніе для него и его сына, свой прежній участокъ земли въ эсфигменскомъ метохѣ Портаріи, который былъ отнятъ у него Турками, и отданъ ими сперва одному мусульманину, а потомъ, вслѣдствіе чрезвычайнаго ходатайства эсфигменцевъ у „великого государя“, т. е. у султана, и у Али-паши, самимъ эсфигменцамъ. Наконецъ, Анатавла обязываетъ эсфигменцевъ возвратить ему безъ возраженій его участокъ, если они перестанутъ давать ему и его сыну условленное содержаніе; въ то же время и самъ Анатавла обязывался, что ни онъ или его сторона не нарушатъ этотъ договоръ и не потребуютъ обратно отъ монастыря указанный участокъ, если возстановится власть ромейскаго государства, а съ тѣмъ и хозяйское право Византіи на его участокъ въ Портаріи.[37]

Пети спрашиваетъ, не родственникъ ли Георгій Анатавла этого договора Анатавлѣ изъ хр. № I, или скорѣе, не имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же лицомъ? На это Пети отвѣчаетъ, что въ послѣднемъ, по его мнѣнію болѣе вѣроятномъ случаѣ, слѣдовало бы „омолодить“ хр. № I по крайней мѣрѣ на полъ столѣтія. Ибо Анатавла въ хр. № I упомянутъ съ словомъ ἐκείνῳ, т. е. какъ покойникъ.[38]

Но Пети разсуждалъ ошибочно. Договоръ Георгія Анатавлы съ эсфигменцами отъ февраля индикта XI, какъ видно изъ самаго договора, заключенъ немного послѣ завоеванія Турками Халкидики и находящагося въ ней села Портаріи. Но, какъ извѣстно, Турки покоряли Халкидику дважды: въ первый разъ въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XIV, а во второй въ третьемъ десятилѣтіи XV вѣка. Индиктъ XI подходитъ не ко второму, а къ первому завоеванію. Стало-быть, договоръ, о которомъ идетъ рѣчь, составленъ въ февралѣ 1388 г. Изъ этого бы вытекало, что онъ могъ бы

[37]) Пети и Регель о. с., актъ № XXII, стр. 43—44.
[38]) Пети и Регель, о. с. стр. XX и XIII.

быть младше хрисовула № I, „по крайней мѣрѣ“, не на 50, а только на 40 лѣтъ. На это указываетъ и упоминаніе въ немъ, какъ защитника эсфигменцевъ передъ „великимъ государемъ“ въ ихъ спорѣ съ Георгіемъ Анатавлой, Али-паши, который едва ли можетъ быть кто-либо иной, какъ Халилъ, братъ Мурата I и зять Іоанна V Палеолога. Значитъ, и „великій государь“ не Муратъ II, а Муратъ I, павшій въ косовскомъ бою съ Сербами въ 1389 г. Поэтому, Георгій Анатавла, вѣроятно, сынъ Анатавлы изъ хр. № I. Въ этомъ хрисовулѣ, какъ мы помнимъ, сказано, что еще до завоеванія Халкидики у Ромеевъ Душаномъ, ромейская власть отняла-было у эсфигменцевъ какой-то участокъ земли въ ихъ селѣ Портаріи и отдала его Анатавлѣ, но что послѣ того, какъ Душанъ завоевалъ Халкидику, онъ — конечно, вслѣдствіе просьбы эсфигменскихъ монаховъ — взялъ назадъ этотъ участокъ, отданный Ромеями „оному“ Анатавлѣ, т. е. теперь уже покойному, и возвратилъ его своимъ дорогимъ эсфигменцамъ. Но, какъ видно изъ договора между послѣдними и Георгіемъ Анатавлой, когда вслѣдствіе катастрофы, которую въ бою съ Турками на Марицѣ въ 1371 г. потерпѣли обладавшія до того Халкидскимъ полуостровомъ южныя сербскія государства (остатки царства Душана, распавшагося послѣ его смерти въ 1355 г.), Ромеи снова пріобрѣли Халкидику, Георгію Анатавлѣ удалось добиться у возстановленной ромейской власти, чтобы упомянутый участокъ въ Портаріи опять былъ взятъ у эсфигменцевъ и переданъ ему. Едва ли бы это ему посчастливилось, если бы онъ не былъ сынъ и законный наслѣдникъ какого-то прежняго Анатавлы, собственника того же участка земли. Между тѣмъ, Халкидика была вскорѣ порабощена Турками. Тогда эсфигменцы еще разъ использовали чужеземную власть, чтобы вырвать у Георгія Анатавлы свое прежнее имѣніе. Это побудило послѣдняго къ новой борьбѣ. Наконецъ, все кончилось вышеприведеннымъ столь любопытнымъ договоромъ его съ эсфигменцами, въ которомъ онъ, какъ мы видѣли, заявляетъ, что, если эсфигменцы сами не нарушатъ этотъ договоръ, онъ больше никогда не прибѣгнетъ къ Ромеямъ, хотя бы они и возстновили свою власть въ этихъ странахъ, чтобы при помощи ихъ снова отнять у Эсфигменскаго монастыря спорный участокъ въ Портаріи.

Итакъ, по моему, договоръ, о которомъ идетъ рѣчь, *скорѣе укрѣпляетъ*, чѣмъ колеблетъ автентичность хр. № I.

Впрочемъ, и по своему содержанію хрисовулъ № I кажется мнѣ автентичнымъ. Въ немъ нѣтъ ни одного владѣнія, которое бы не могло во время Душана принадлежать Эсфигмену. Между тѣмъ, какъ показано нами выше, въ немъ есть рядъ владѣній, о которыхъ мы узнаемъ изъ старыхъ практиковъ и другихъ актовъ Эсфигмена, какъ о принадлежавшихъ ему уже до Душана. Нѣкоторыя изъ нихъ даже подтверждаются Эсфигменскому монастырю въ хр. № I почти въ томъ же порядкѣ и почти въ тѣхъ же словахъ, какъ и въ вышеупомянутомъ эсфигменскомъ практикѣ начала XIV вѣка.[39]

Далѣе, въ хр. № I даются Эсфигменской обители, равно какъ и въ рядѣ другихъ хрисовуловъ царя Душана другимъ аѳонскимъ монастырямъ,[40] между прочими

[39]) Пети и Регель, о. с. стр. XV.

[40]) Напр. въ хр. отъ апрѣля 1346 г. Ивиру, Соловьевъ и Мошинъ о. с. № VII стр. 46; въ хр. того же времени Филоѳею, тамъ же № VIII, 56; въ хр. того же вр. Зографу, тамъ же № IX, 68;

и нѣкоторыя владѣнія въ Солунѣ.[41] Едва ли можно думать, чтобы сами эсфигменцы могли составить послѣ Душана отъ его имени какой-нибудь подложный хрисовулъ, въ который бы они внесли и свои солунскія владѣнія.

Наконецъ, само по себѣ вѣроятно, что эсфигменцы, получивъ отъ Душана хр. № III, въ которомъ даровано было имъ все село Крушево, выпросили у него и другой „общій“ хрисовулъ, подтверждающій имъ, вмѣстѣ съ прочими ихъ метохами, еще разъ и само Крушево.

Я бы сказалъ, что хр. № I, равно какъ и хр. № III, не только автентиченъ, но и представляетъ собою подлинный актъ царя Душана. Вѣдь и на оборотѣ этого документа, какъ и на оборотѣ хрисовуловъ ксиропотамскаго и ватопедскаго отъ мая 1346 г., есть приписка скоплянскаго митрополита Іоанна, и при томъ совсѣмъ тождественная. Едва ли сами эсфигменцы могли придумать совершенно такую же приписку Іоанна, какая находится и въ указанныхъ двухъ хрисовулахъ. Правда, что въ ксиропотамскомъ хрисовулѣ (и въ ватопедскомъ?) видны и нынѣ дырочки на нижней его части и даже съ шелковымъ шнуркомъ въ нихъ для золотой печати, тогда какъ нижняя часть хр. № I оторвана, и мы не знаемъ навѣрное, была ли печать и на этомъ хрисовулѣ. Но я не вижу никакого основанія предполагать, что ея на немъ никогда не было.

Читатель спроситъ меня: А что говоритъ палеографія хрисовула № I о его подлинности? Къ сожалѣнію, я не въ состояніи отвѣтить на это, потому что я не видѣлъ хр. № I.

Осталось бы еще сказать о эсфигменской простагмѣ, приписываемой Душану. Но я не имѣю ничего прибавить къ мнѣнію о ней Соловьева и Мошина. Вмѣстѣ съ ними повторяю и я: „Puisque l'acte ne porte ni ménologème ni sceau, nous présumons que c'est une copie contemporaine ou bien un projet que Douchan n'avait pas voulu signer pour des raisons quelconques“ (тамъ же, стр. 150).

Д. Анастасіевичъ.

Бѣлградъ.

въ хр. отъ апрѣля 1348 г. Ватопеду, тамъ же № XVIII, 144; въ сербскомъ хр. тоже 1348 г. Хиландарю Новаковичъ о. с. 423.

[41]) Соловьевъ и Мошинъ о. с. стр. 98, 33 и д.

L'AFFAIRE DE PHOTIOS DANS LA LITTÉRATURE LATINE DU MOYEN ÂGE

Dans mon étude sur le second schisme de Photios[1] je crois avoir apporté assez de preuves pour démontrer que le soi-disant second schisme de Photios n'avait jamais existé. Au congrès des études byzantines de Sofia[2] je me suis permis de proposer une autre explication de ce qu'on appelle le premier schisme de Photios. Cette solution diffère en bien de points de celle qu'on acceptait généralement jusqu'aujourd'hui. Quoique mes conclusions concernant le deuxième schisme de Photios aient été, par une heureuse coïncidence, confirmées par les recherches du Père V. Grumel,[3] je comprends parfaitement que des solutions aussi simples que radicales ne pourront pas être acceptées de tous avec empressement et sans contradiciton. Si les solutions de ce problème que je me suis permis de présenter sont vraies, est-il concevable qu'on ne puisse relever, dans la tradition médiévale au moins quelques indices trahissant qu'on n'a pas toujours eu, en Occident, sur le problème photien, la même opinion que celle qui prédominait à l'époque moderne jusqu'aujourd'hui? J'ai donc poursuivi mes recherches dans ce sens-là et je prends la liberté de présenter aux spécialistes une partie des résultats auxquels je suis arrivé.

IXe siècle.

Nous allons nous limiter, pour le moment, à examiner l'écho que l'affaire de Photios a trouvé dans la littérature médiévale latine. Notons dès le premier abord, avant d'entrer dans les détails, que nous serons surpris, au cours de notre revue de la littérature latine du IXe jusqu'au XVe siècles, par la rareté des documents relatifs à ce problème. Cette rareté contraste étrangement avec l'importance attribuée au cas de Photios dans l'historiographie moderne.

Considérons d'abord le retentissement de l'affaire de Photios chez ses contemporains dans les pays latins. Ce fut entre 863 et 870 que les occidentaux prirent un vif intérêt à la personne de l'audacieux patriarche de Constantinople dont le conflit avec le pape Nicolas Ier a failli mettre toute l'Eglise occidentale aux prises avec l'Eglise orientale.

Nicolas Ier, le vaillant défenseur des droits de la papauté dont il avait une si haute conception, a voulu mobiliser toute son Eglise contre l'empereur Michel III et son

---

1) *Le second schisme de Photios. Une mystification historique.* Byzantion, 1933, vol. VIII, pp. 425—474.
2) Bulletin de l'Institut archéologique bulgare, vol. IX, Sofia, 1935, pp. 301—325.
3) *Y-eut-il un second schisme de Photios?*, Revue des Sciences philos. et théol., vol. XII, 1933, pp. 432—457.

patriarche. La lettre du pape du 23 octobre 867[4] devait lancer cet ordre de mobilisation en Gaule et en Germanie. Hincmar de Reims a été tout spécialement chargé d'organiser le front commun de l'Eglise francque contre les Grecs.

L'Eglise francque paraît avoir pris la chose très au sérieux. Les évêques de la métropole de Reims ont confié à Odo, évêque de Beauvais la mission de réfuter par écrit les calomnies grecques. Le porte parole de la métropole de Sens devait être Enée, évêque de Paris. L'ouvrage d'Odo est perdu. L'évêque de Paris n'a pas dépensé trop d'ardeur à s'acquitter de son honorable mission, car son écrit est d'une valeur très médiocre.[5] Pourtant, Ratrammus, abbé de Corbie, invité probablement aussi par les métropolitains à mettre son savoir au profit de la cause commune, a composé une réplique[6] qui fait honneur au savoir théologique du clergé franc de l'époque et a dû certainement en Gaule et peut-être aussi en Italie impressionner ses contemporains.

Hincmar nous a conservé dans ses écrits une version de ces événements. Il en parle d'abord dans sa lettre à Odo de Beauvais.[7] Dans les écrits de Hincmar contre son homonyme de Laon[8] on trouve en outre une forte diatribe contre les Grecs. L'archevêque y reproche aux patriarches de Constantinople leurs prétentions, formulées déjà par le concile de Chalcédoine. Il s'élève aussi contre l'emploi du titre „oecuménique" de la part des patriarches. On peut voir, dans ce passage, une claire allusion à l'affaire de Photios.

Un récit plus détaillé encore de tous ces faits se trouve pourtant dans les Annales bertiniennes. Hincmar y parle d'abord de l'ambassade de Rodoalde et de Zacharie à Constantinople en 860. Il signale l'intention du pape de les condamner et le projet de Nicolas de convoquer un concile en 864. Les évêques francs y participeraient et on devait même y traiter l'affaire du patriarche Ignace.[9] Il dépeint ensuite l'état de dépression morale et physique dans lequel ses légats avaient trouvé le pape en août 867 après la réception de la fameuse lettre de l'empereur Michel, mais par contre la vigueur avec laquelle il s'adressa aux évêques occidentaux et surtout à l'archevêque de Reims.[10] Les principales sources d'Hincmar sont les lettres du pape qu'il transcrit souvent textuellement. Ses renseignements sont d'ailleurs confirmés et complétés par l'historiographe de l'Eglise de Reims, Flodoard.[11]

On trouve encore dans les Annales bertiniennes le rapport sur l'envoi des légats de la part du pape Adrien II à Constantinople pour confirmer la réintégration d'Ignace et sur la convocation d'un concile à ce propos.[12]

Ici s'arrêtent les renseignements que l'archevêque de Reims nous a conservés.

---

4) M. G. H. Ep. VI, pp. 169 et suiv.
5) P. L., vol. 121, col. 685 et suiv.
6) L. c., col. 225—346.
7) P. L., vol. 126, ep. XIV, col. 93, 94.
8) L. c., chap. XX, col. 345—350.
9) Cf. E. Perels, *Ein berufungsschreiben Papst Nikolaus I. zur fränkischen Reichssynode in Rome,* Neues Archiv, d. Ges. f. ält. deutsche Gesch., vol. 32, 1907, pp. 135 et suiv.
10) M. G. H. S., I, pp. 460, 466, 476.
11) *Flodoardi Hist. Rem. Eccl.*, M. G. H. Ss. XIII, lib. III, chap. 17, p. 508, chap. 21, p. 516 et suiv.
12) M. G. H. Ss. I, p. 494.

Le récit des Annales se prolonge jusqu'à 882, mais ne donne plus aucun détail sur l'évolution ultérieure de l'affaire photienne. La chose paraît surprenante. Si pourtant on compare, entre eux, les rapports de Hincmar sur Photios on voit que cette affaire ne l'intéresse qu'en ce qu'elle concerne son Eglise et sa propre personne, car c'est lui qui a été chargé par le pape d'alerter les esprits en Gaule contre les prétentions grecques. Aussi Hincmar se plaît-il à citer souvent mot à mot les lettres que Nicolas lui a adressées.

Plus faible encore est la répercussion de l'affaire de Photios en Germanie. Nicolas Ier avait chargé l'archevêque de Mainz Liutbert[13] de convoquer un concile d'évêques germaniques pour répondre d'un commun accord aux calomnies grecques. L'épiscopat germanique s'était en effet réuni à Worms, mais il s'était tout simplement contenté d'une courte réponse synodique.[14]

En dehors de la mention de ce concile, on ne trouve dans la littérature contemporaine en Germanie qu'une seule allusion à l'affaire photienne, conservée dans les Annales de Fulda. Et là encore, l'annaliste se borne à un commentaire vraiment laconique. Voici ce qu'il en dit:[15] „Nicolaus, pontifex Romanus, episcopis Germaniae duas destinavit epistolas, unam quidem de fractionibus Graecorum, alteram vero de Theotgandi et Guntharii episcoporum depositione...Synodus apud Wormatiam mense Maio habita est... ubi episcopi... Graecorum ineptiis congrua ediderunt responsa.“ C'est tout. En effet, c'est très peu.

Mais, peut-être serons nous plus heureux en dépouillant la littérature contemporaine d'origine romaine et italienne. Malheureusement, tandis que les renseignements sur la première phase de la querelle photienne sont extrêmement abondants — les lettres des papes Nicolas Ier, Adrien II, Jean VIII, les écrits d'Anastase le Bibliothécaire — les relations de la seconde phase du différend photien sont extrêmement rares et cela à cause de la coïncidence de plusieurs circonstances malheureuses. D'abord, Anastase disparaît vers 878. Nous devons regretter sa mort d'autant plus que nous avons pu relever chez lui, dans les dernières années de sa vie, les signes d'un certain revirement dans son attitude à l'égard de Photios. C'est cet auteur qui, comme je l'ai montré à un autre endroit,[16] préparait le rapprochement de Jean VIII et de Photios ainsi que le changement de la politique orientale du Saint-Siège. Etant donné son caractère peu scrupuleux, Anastase n'aurait pas, sans donte, hésité à dire sur Photios juste le contraire de ce qu'il en avait dit dans la préface à la traduction des Actes du VIIIe concile et dans ses biographies de Nicolas et d'Adrien, si l'intérêt de la nouvelle politique du maître qu'il servait alors, l'avait exigé. Malheureusement, la mort a empêché Anastase de compléter sa „conversion“ qui, pourtant, paraît avoir été en très bonne voie.

Nous aurions été certainement bien instruits sur le revirement de la politique de Jean VIII à l'égard de Photios, si ce pape avait trouvé un biographe. Malheureu-

---

13) Cf. la lettre de Nicolas à Louis le Germanique du 23 octobre 867, M. G. H. Ep. VI, p. 610.

14) Cf. A. Weringhoff, *Verzeichnis der Akten fränk. Synoden*, Neues Archiv, vol. 26, 1901, p. 639; P. L., vol. 119, col. 1201—1212.

15) Ad a. 868. M. G. H. Ss. I, p. 380.

16) *Les Légendes des Constantin et de Méthode vues de Byzance*, Praha, 1933, pp. 314 et suiv.

sement, le Liber Pontificalis nous laisse en peine juste à cet endroit. Adrien II est le dernier pape ayant trouvé un biographe. Et encore, les dernières années de son pontificat ne sont-elles pas décrites. Sur Jean VIII, Marin et Adrien III, le silence est complet. La biographie d'Etienne V, qui clôt le Liber Pontificalis, ne semble comprendre que la première année de son pontificat.[17]

Il est enfin à regretter que Jean le Diacre, un collaborateur intime de Jean VIII, n'ait pas pu réaliser son projet. Il se proposait en effet de publier une histoire ecclésiastique et d'y exposer avec une application particulière les affaires grecques. Son œuvre aurait été certainement d'une grande valeur, à en juger d'après la biographie de Saint Grégoire le Grand dont il est l'auteur.[18]

Nous sommes ainsi réduits à une seule source qui nous apporte un bref mais important renseignement sur la réhabilitation de Photios — l'histoire des Lombards de Bénévent écrite par le moine Erchempert. Voici ce que dit Erchempert en parlant de l'ascension de Léon et Alexandre au trône impérial:[19] „Basilio serenissimo augusto hiis diebus defuncto, duo filli eius in imperio sunt electi, id est Leo primogenitus et Alexander subsequens; tercius vero, Stephanus nomine, archiepiscopatum eiusdem urbis — eiecto Focio, qui olim a Nicolao primae sedis pontifice ob invasionem episcopatus Ignatii adhuc superstitis perpetuo anathemate fuerat multatus, et a Johanne papa, ut ita dicam ignaro, ad pristinum gradum resuscitatus — regendum suscepit."

Quoique si court, ce témoignage est malgré tout d'une importance capitale. Erchempert confirme non seulement la réhabilitation de Photios, mais aussi, d'une façon indirecte, le fait que le Saint-Siège n'est jamais revenu sur sa décision.

Nous savons bien qu'Erchempert n'était pas du tout un ami des Grecs. Dans sa jeunesse il a eu à souffrir de leur part comme prisonnier et, pendant toute sa vie, il ne le leur a pas pardonné. En zélé patriote, il détestait les Grecs ne voyant en eux que les pires ennemis de sa patrie. Lui, le pieux moine, pardonna même au prince de Capoue Atenolf ses violences à l'égard des fils de Saint Benoît dans cette ville et — ce qui est encore plus grave — à l'égard de lui-même, à cause d'une victoire remportée par le prince sur les Napolitains alliés aux Grecs — ennemis de la patrie — et aux Sarrasins, victoire qu'il célèbre avec enthousiasme.[20] Il sème d'ailleurs son récit de mots très durs à l'adresse des Grecs en les appellant: „animo equales sunt bestiis, vocabulo christiani, sed moribus tristiores Agarenis."[21]

Erchempert trahit, du reste, son antipathie pour les Grecs même dans le passage concernant Photios. On voit bien qu'il n'approuvait pas tout à fait le geste de Jean VIII et il explique cette faiblesse du pape à l'égard des ennemis héréditaires des Lombards par son ignorance du véritable état des choses.

Or, avec quel plaisir Erchempert aurait-il relaté à cet endroit que le pape, après s'être rendu compte de l'astuce de ces gens „qui n'étaient chrétiens que de nom"

---

[17]) E. Duchesne, *Liber Pontificalis*, Paris, 1892, II, pp. VII, VIII.

[18]) P. L., vol. 75, col. 60—242.

[19]) *Erchemperti Historia Langobard. Benevent.* chap. 52, M. G. H. Ss. rer. Lang., p. 256.

[20]) L. c., chap. 73 et suiv., p. 262. Cf. l'introduction de Waitz à cette édition, p. 232 et la remarque de Pertz en son édition dans les M. G. H. SS., III, p. 240.

[21]) L. c., chap. 81, p. 264.

était revenu sur sa décision et avait réexcommunié Photios. Si Erchempert ne dit rien de la réexcommunication du patriarche de Constantinople par Jean, cela signifie qu'elle n'avait jamais eu lieu.

Ce silence d'Erchempert insinue que même les successeurs de Jean n'avaient pas rompu avec les Grecs. Erchempert était en relations personnelles avec le pape Etienne VI, par exemple. Etienne était intervenu, sur la demande d'Erchempert, contre Atenolfe et il avait confirmé les privilèges des frères de Saint Benoît à Capoue.[22] Si Etienne VI avait rompu avec les Grecs, cela aurait été regardé, de la part du zélé patriote, comme très digne d'éloges. Erchempert, qui estimait Etienne à cause de son intervention en faveur de ses confrères, n'aurait certes pas manqué de signaler cette attitude intransigeante du pape qui correspondait tellement à ses propres idées.

*

A défaut d'autres documents historiques contemporains, essayons de chercher au moins quelques indices sur l'attitude de Jean VIII à l'égard des Grecs dans un autre genre littéraire qui est encore très peu connu et qui n'a pas encore été mis en contribution par les historiens — les recueils du droit canonique. Justement l'époque qui nous occupe, l'époque de Nicolas Ier, d'Adrien II et de Jean VIII, est caractérisée par une reprise de l'activité canonique.[23] Les recueils du droit canonique reflètent toujours très fidèlement l'esprit de la politique des papes qui les avaient inspirés.

Or, il existe un recueil canonique de l'époque du pape Jean VIII, connu sous le nom de l'„Anselmo dedicata". Cette collection a été composée par un clerc de Lombardie, dévoué à la politique de Jean VIII, probablement vers la fin du règne de ce pontife (vers 882).[24] L'auteur avait dédié sa compilation à Anselme, archevêque de Milan (882—896). Celui-ci s'était montré un fidèle auxiliaire du pape dans la lutte acharnée que Jean avait menée contre le prédécesseur d'Anselme au siège de Milan, Anspert. Ce personnage défendait avec la plus grande ardeur les prétendus privilèges de son siège même au risque d'un conflit avec le pape.

Cette collection présente un certain intérêt pour notre investigation car elle semble refléter très fidèlement, pour ainsi dire, les idées politiques du pape. L'auteur a du rôle de la papauté dans l'Eglise la même haute conception qu'en avait Jean VIII. D'après la description qu'a faite de cette collection encore inédite P. Fournier,[25] l'auteur s'efforce d'accumuler le plus grand nombre de textes concernant la primauté de l'évêque de Rome, de textes authentiques et même des faux provenant des Fausses Décrétales. De l'autre côté, il dédaigne absolument tout ce qui n'est pas romain et ne cite aucun

---

[22]) L. c., chap. 69, p. 261.

[23]) Cf. Giesebrecht, *Die Gesetzgebung der römischen Kirche zur Zeit Gregor VII,* München, Historisches Jahrbuch für das Jahr 1866, pp. 93 et suiv.

[24]) P. Fournier—G. Le Bras, *Histoire des collections canoniques en Occident,* Paris, 1931, I, pp. 239 et suiv.

[25]) L. c.; P. Fournier. *L'origine de la collection Anselmo dedicata,* Mélanges P. E. Girard, Paris, 1912, vol. I, p. 475—498; P. Fournier—Le Bras, *Histoire des collections canoniques*, l. c., vol. I, pp. 235 et suiv. Cf. F. Maassen, *Geschichte der Quellen der Litteratur des röm. Rechtes im Abendland,* Gratz, 1870, pp. 717 et suiv.

texte d'origine francque, irlandaise ou anglo-saxonne. P. Fournier y voit très justement l'empreinte de l'esprit romain dont était imbu Jean VIII. Pourtant, cette mentalité, si romaine qu'elle soit, n'empêche pas l'auteur de cette collection, d'être favorable aux Grecs. On en trouve une preuve très éloquente dans le premier livre de la collection. Dans le canon 128 l'auteur a copié la décision du concile de Constantinople attribuant au patriarche de cette ville le second rang. Le canon suivant de la collection est tiré d'une Novelle de Justinien et précise ces droits des patriarches de Constantinople dans ces termes: „Papa Romanus prior omnibus episcopis et patriarchis sedeat, et post illum Constantinopolitanae civitatis episcopus.“ Or, comme cet écrit a été composé, selon toute vraisemblance, pendant la dernière année du pontificat de Jean VIII, cette sympathie pour une entente gréco-romaine doit être regardée, à notre avis, comme une preuve indirecte du fait que Jean VIII ne s'était pas départi de sa politique „grécophile“. Or, comment un auteur, aussi dévoué aux idées de son maître, aurait-il pu insérer dans sa collection ces deux canons si favorables aux patriarches de Constantinople, si Jean VIII avait, cette même année, ou l'année précédente, réexcommunié Photios, après avoir constaté, comme on aimait à le dire jusqu'aujourd'hui, qu'il avait été honteusement dupé par l'astucieux Grec. Non, un tel fait aurait provoqué, à Rome et en Italie, une réaction toute différente de celle qui se manifeste dans la collection „Anselmo dedicata“.

Rappelons seulement l'agitation qu'a déchaînée en Occident le premier conflit de Photios avec Nicolas Ier. Si nous parcourons les écrits polémiques de Ratrammus de Corbie[26] et d'Enée, évêque de Paris,[27] nous constatons que ces deux écrivains qui avaient si bien saisi l'idée du pape Nicolas, insistaient surtout sur le fait que le patriarche de Constantinople était soumis au pape et s'efforçaient de donner à la Novelle de Justinien sur le droit du patriarche de Constantinople une valeur aussi minime que possible. Qu'on se rappelle les diatribes passionnées lancées par Hincmar, il a y quelques années seulement contre les Grecs appelant leur patriarche œcuménique et contre les décisions du concile de Chalcédoine en faveur de Byzance. On pourra alors apprécier la distance qui sépare l'esprit dont sont animées ces diatribes et l'esprit dont s'inspirait l'auteur de la collection „Anselmo dedicata“. On sera amené à conclure que la politique orientale du Saint-Siège avait réellement subi, sous Jean VIII, un changement radical.

Xe siècle.

Nous avons pu constater que l'écho de l'affaire photienne dans la littérature latine du IXe siècle avait été, au fond, très faible. Les témoignages que nous avons pû malgré tout enregistrer semblent pourtant tout ignorer de l'existence d'un second schisme photien.

Avant d'examiner le sdocuments littéraires de la période suivante, rappelons — nous que le Xe siècle est caractérisé par la décomposition complète de l'ancien empire

[26]) Contra Graecorum opposita, L. d'Achery, *Spicilegium*, Paris, 1723, pp. 107 et suiv., surtout p. 111.

[27]) Liber adversus Graecos, ibid., pp. 143 et suiv.

carolingien. Les dangers du dehors, les invasions hongroises surtout, et la triste situation à l'intérieur ont fait que pour plusieurs dizaines d'années l'historiographie s'est tue. Nous n'avons aucune description ordonnée de cette triste période. La décadence est surtout très grande à Rome, au centre de la chrétienté occidentale. Anastase le Bibliothécaire et Jean le Diacre sont les derniers historiens vivant à Rome. La situation n'est guère meilleure en Gaule et en Germanie. D'autres problèmes, plus passionnants et plus actuels que ceux qui touchent aux affaires grecques, occupent les rares écrivains de cette époque.

Aussi, cherchons-nous en vain, dans les écrits d'origine germanique de ce temps, la moindre allusion à l'histoire de Photios. L'examen des ouvrages publiés en Gaule ne se révèle pas plus satisfaisant. — Si nous nous tournons vers l'Italie, même déception. Nous ne trouvons qu'une allusion à cette affaire dans la chronique de Salerne, écrite vers 978.[28] Le chroniqueur se contente de copier, mot à mot, le passage d'Erchempert mentionné plus haut.

A Rome même, le souvenir de Photios n'est pourtant pas oublié. Le pape Serge III semble lui attribuer l'initiative de la campagne contre le Filioque latin dans une lettre adressée à l'épiscopat franc. Mention en est faite dans les Actes du synode franc de Trosley dans le Soissonnais, convoqué en 909 par l'archevêque de Reims Hérivée.[29] Le souvenir de Photios est pourtant très effacé parmi l'épiscopat franc à en juger d'après ce qu'en dit Hérivée: „Sane quia innotuit nobis sancta sedes apostolica, adhuc errores blasphemiasque cuiusdam vigere Photii in partibus orientis in Spiritum Sanctum, quod non a Filio, nisi a Patre tantum procedat blasphemantis: hortamur vestram *fraternitatem una mecum*, ut secundum admonitionem Domini Romanae sedis, singuli nostrum, perspectis patrum catholicorum sententiis, de divinae scripturae pharetris acutas proferamus sagittas potentis, ad confodiendum caput nequissimi serpentis."

Nous rencontrons encore le nom de Photios dans certains écrits phormosiens du début du Xe siècle.[30] Mais même ici les allusions à l'affaire photienne sont insignifiantes. Je crois avoir d'ailleurs montré à un autre endroit qu'on a tort de tirer de ces écrits une preuve en faveur de l'existence d'un schisme entre les deux Eglises, schisme causé par l'attitude intransigeante du pape Formose à l'égard des ordinations photiennes.[31] D'un examen plus approfondi de ces écrits il résulte, au contraire, que même le pape Formose avait gardé de bonnes relations avec l'Eglise byzantine et que la question de la reconnaissance des ordinations photiennes n'avait plus troublé la paix entre les deux Eglises.

Un autre document, de la fin du Xe siècle, rappelle l'intervention énergique de Nicolas Ier contre Photios. C'est la lettre de Léon, abbé de Saint Boniface de Rome et légat du pape Jean XV auprès des rois Hugues et Robert, dans l'affaire d'Arnoulf,

---

[28]) M. G. H. Ss. III, p. 538. Un manuscrit de la Chronique du Mont Cassin, écrite par Léon (XIe siècle) copie aussi ce passage d'Erchempert. Ibid., VII, p. 609, ad a. 880.

[29]) Mansi, XVIII, 304, 305.

[30]) Invectiva in Romam pro Formoso papa. E. Dümmler, *Gesta Berengari imper.*, Halle, 1871, p. 151. Cf. Auxilii in defensionem s. ordin. papae Formosi, E. Dümmler, *Auxilius und Vulgarius*, Leipzig, 1866, p. 66.

[31]) *Etudes sur Photios*, Byzantion, vol. XI, 1936, pp. 1—19.

archevêque de Reims et de son successeur Gerbert. La lettre de Léon est une réponse au réquisitoire du synode de Reims contre Arnoulf et contre le pape. Car, au fond, le synode conteste au pape le droit de s'immiscer dans les affaires de l'Eglise de Reims. Après une violente attaque contre les papes du Xe siècle, le concile cite, en faveur de sa thèse, une lettre de Hincmar au pape Nicolas.[32] Le légat répond:[33] „Itaque Nicolaum papam ad vestrum testimonium deduxisti, eo quod adversus Romanam ecclesiam in depositione episcoptorum siluisset. Qualiter contra Fotium invasorem Constantinopolitanae ecclesiae asterius fuit, quousque Ignatium in sede propria revocaret, in epistolis illius invenire poteritis."

Léon ne touche pas ici aux autres problèmes que soulève l'affaire de Photios. Il aurait été, en effet, maladroit de sa part de mentionner la réhabilitation de Photios; en réalité, le souverain sollicitait du pape Jean XV un acte identique: la reconnaissance de Gerbert sur le siège de Reims. Il aurait été plus utile à ses fins de signaler, à ce propos, la seconde condamnation de Photios par Jean VIII, si celle-ci avait eu lieu.

Notons en outre que le décret de Nicolas Ier contre Photios et contre le clergé ordonné par lui, est invoqué en 963 dans une lettre du clergé de Verone au Saint-Siège.[34] La lettre a été écrite par l'évêque de Vérone Ratherius. Le métropolitain y groupe un certain nombre de documents pontificaux en faveur de sa thèse: l'invalidité des ordinations faites à Vérone par son rival — l'évêque illégitime Milo. Ne nous étonnons donc pas s'il passe sous silence la réhabilitation de Photios par Jean VIII. En parler aurait été compromettre sa propre cause.

C'est tout ce qu'on peut trouver sur Photios dans la production littéraire latine du Xe siècle. C'est très peu. On est particulièrement surpris de constater que le seul auteur latin qui s'occupait, à cette époque, d'une façon toute spéciale des affaires grecques, n'ait pas fait, dans son ouvrage, la moindre allusion à l'affaire de Photios. C'est le Lombard Liutprand, diacre de l'église de Pavie (Ticine) et plus tard évêque de Crémone, qui fit, entre 948 et 950, comme ambassadeur du roi Bérenger, un long séjour à Constantinople. Liutprand parle pourtant à deux reprises de l'empereur Michel III et de Basile Ier dans son Antapodosis.[35] Sa mauvaise humeur à l'égard des Grecs le disposait à attirer l'attention sur un fait bien propre à illustrer l'astuce grecque dont il se plaint si souvent, si, dans l'histoire de Photios, tout s'était passé comme le veulent les historiens modernes.

*

Il nous reste encore à examiner les collections canoniques de cette période. Mais, même ici, nous ne pouvons pas nous attendre à des surprises. Les canonistes de cette époque se contentent encore de la vieille documentation qui ne remonte pas au delà de la moitié du IXe siècle.

---

[32]) P. L., vol. 139, col. 312—318.

[33]) L. c., col. 342; M. G. H. Ss. III, p. 689. Voir sur cette affaire H. Halvet, *Lettres de Gerbert*, Paris, 1907, pp. XXIII et suiv.

[34]) L. c., vol. 136, col. 480. Cf. ibid., col. 97 et suiv., les remarques sur cette démarche du clergé véronais. Ratherius vivait entre 890—891 jusqu'en 974.

[35]) Lib. I, chap. 9, 10, lib. III, chap. 32—34. M. G. H. Ss. III, pp. 276, 277, 309, 310.

On le constate, par exemple, dans les „Libri de synodalibus causis" de Réginon de Prüm, du début du Xe siècle.[36] Réginon n'ajoute aux documents tirés des collections déjà existantes, que les canons des conciles gallo-romains ou mérovingiens et quelques extraits des capitulaires des rois francs. Quelques-uns de ces nouveaux documents sont, il est vrai, de la seconde moitié du IXe siècle, mais on y cherche en vain quelques décisions des papes et des conciles de cette époque, d'une portée plus générale, sauf quelques fragments des lettres de Nicolas concernant les affaires francques.

Dans les collections germaniques de la fin du IXe jusqu'au début du XIe siècles s'infiltrent aussi, çà et là, des fragments des lettres de Jean VIII, mais presque rien ne se rapporte au sujet qui nous intéresse.[37]

On cherche également en vain quelques allusions à notre problème dans la fameuse compilation du début du XIe siècle, le Décret de Burchard. Même ce recueil qui a eu un si grand succès dans le monde ecclésiastique de son temps n'exploite les documents conciliaires et pontificaux du IXe siècle que par petits fragments.[38]

Essayons encore de fouiller les collections canoniques de l'Italie de Sud. Quoique d'intérêt plutôt local, mais provenant des régions où se croisaient l'influence de la Papauté et celle de Byzance, ces collections reflètent fidèlement les lignes générales de la politique pontificale à l'égard de l'Eglise grecque à l'époque de leur composition.

La première du genre est celle qui s'était conservée dans le manuscrit T XVIII de la Vallicellaine.[39] L'auteur est, bien entendu, un Latin, très probablement de l'Italie méridionale et il a composé son recueil entre 912 et 930. Partisan très prononcé de la primauté pontificale, il n'en est pas moins favorable aux Grecs. On lit dans la première partie de son recueil le même canon que nous avons rencontré dans l'„Anselmo dedicata" et qui reconnaît à l'archevêque de Constantinople la primauté sur tous les autres patriarches orientaux en lui concédant la première place après le pape.[40] En dehors de ce canon la collection comprend un certain nombre de canons qui surprennent dans une œuvre occidentale. Ainsi, l'auteur y a inséré cinq textes sur la question du culte des images, si débattue en Orient (fol. 154 du Manuscrit). Un de ces textes (N° 13 d'après la numérotation de MM. Patetta et Fournier) est extrait du IIe concile de Nicée et n'est pas répandu en Occident. Il donne en plus (sous le N°. 432) un catalogue non seulement des papes mais aussi des patriarches de Jérusalem, d'Antioche, d'Alexandrie et de Constantinople (fol. 143 du Manuscrit). Le compilateur a admis dans sa collection des textes tirés des Novelles de Justinien et destinés à régler les relations du haut clergé avec la cour impériale et avec le patriarche byzantin, ainsi qu'un

---

[36]) P. L., vol. 132, col. 175 et suiv. Cf. P. Fournier—Le Bras, l. c., pp. 241—267.

[37]) Surtout la collection en quatre livres du Chapitre de Cologne (Fournier—Le Bras, l. c., p. 285: Lettre de Nicolas à l'empereur Michel III), collection de Saint Emeran de Ratisbonne (ibid., p. 204), les collections du Manuscrit de St. Pierre de Salzbourg (ibid., p. 306).

[38]) P. L., vol. 140, col. 537—1053; cf. Fournier—Le Bras, l. c., pp. 364—414.

[39]) V. la description détaillé du Manuscrit dans Patetta, *Contributi alla Storia del Diritto Romano nel Medio Evo*, Bulletino dell'Istituto di Diritto Romano, Rome, 1890, vol. III, pp. 273—294; P. Fournier, *Un groupe de recueils canoniques italiens*, Mémoires de l'Institut, Acad. des Inscriptions et Belles Lettres, 1915, vol. 40, pp. 96 et suiv.

[40]) I, 129 de „l'Anselmo dedicata" et no 28 de cette collection d'après la numérotation de MM. Patetta et P. Fournier.

texte concernant les archimandrites.[41] Malheureusement, aucune indication sur l'affaire de Photios, sauf peut-être une allusion au N° 451 qui est une règle défendant l'élévation des laïcs à l'épiscopat. On ne peut pourtant pas établir si ce texte est tiré du concile de 869—870 ou non. Le Manuscrit est très défectueux. Toute la dernière partie manque. Nous n'en avons que l'énumération des chapitres qui commence au folio 143. Il s'agit justement de la partie qui nous intéresserait le plus.

Si ce recueil ne contente pas tout à fait notre curiosité et ne nous présente rien qui se rapporte directement à notre affaire, il n'est cependant pas dénué d'intérêt. Car il éclaire à nos yeux les relations entre les deux Eglises au début du Xe siècle, relations imprégnées d'une entente parfaite. Le clergé latin de l'Italie méridionale, très fidèle au Pontife romain, témoigne de la déférence la plus sincère aux institutions pariculières de l'Eglise de Byzance. Cet accord et ce respect ne peuvent s'expliquer si les deux Eglises avaient continué à vivre dans une inimitié continuelle jusqu'aux environs de 890, jusqu'à la date de la prétendue union entre les deux Eglises. Si telle avait été la situation, on s'attendrait plutôt à trouver dans un recueil canonique du début du Xe siècle quelques échos de ces luttes, dont l'auteur du recueil était contemporain et qui auraient certainement causé un certain malaise en Occident. Le clergé de l'Italie méridionale, point de rencontre des intérêts des deux Eglises, devait en premier lieu en sentir les conséquences.

Cette impression que nous laisse le manuscrit de la Vallicellaine est confirmée par un autre recueil canonique, de la même époque, recueil inédit, conservé dans le Manuscrit 1349 du fonds latin de la Vaticane[42] et qui est appellé collection en neuf livres. Cette collection est postérieure au recueil de la Vallicellaine; celle-ci était pour le compilateur une des sources auxquelles il avait puisé. On y décèle la même tendance très favorable aux Byzantins qu'on est surpris de rencontrer dans le recueil de la Vallicellaine. L'auteur y a inséré le canon concernant la préséance du patriarche de Constantinople sur les autres patriarches orientaux, mais de plus il n'a pas hésité à y placer aussi un canon (le canon 29 du livre IX, folio du Manuscrit 200*a*—201)[43] trahissant nettement sa sympathie pour le clergé grec qui regardait le troisième et le quatrième mariage comme illicite. Même dans les questions pénitentielles l'auteur subit l'influence de la pratique de l'Eglise grecque. Bien entendu, cela ne l'empêche pas d'être un fils fidèle de l'Eglise romaine.

Du début du XIe siècle date un autre ouvrage du droit canonique, la collection en cinq livres.[44] Cet ouvrage paraît avoir été composé en Italie, entre Naples, le Mont Cassin et Bénévent vers 1020. Or, même cette collection révèle sans aucun doute des sentiments byzantinophiles. Les trois manuscrits qui nous l'ont conservé datent tous du XIe siècle. Or, dans le Ms. de la Vaticane (fonds latin N°. 1339) plusieurs miniatures représentent l'Assomption de la Vierge et les six conciles œcuméniques (folio 7—14*a*).[45]

[41]) Cf. Fournier, l. c., pp. 120, 121; Patetta, l. c., p. 281, 282.

[42]) Le Manuscrit est décrit par Patetta, l. c., pp. 286 et suiv. et par P. Fournier, l. c., pp. 124 et suiv. On y trouvera aussi la bibliographie concernant cette collection.

[43]) Cf. P. Fournier, l. c., p. 153.

[44]) P. Fournier, l. c., pp. 159—189.

[45]) Cf. P. Fournier, l. c., pp. 160, 187.

On y voit au milieu des assemblées les empereurs byzantins qui présidaient les conciles et aussi les principaux auteurs des canons cités dans la collection. Or, sans conteste l'influence byzantine a sa part dans les miniatures représentant les conciles généraux. On sent, en outre, dans cette collection, la même antipathie contre le troisième et le quatrième mariage que dans la collection en neuf livres.[46] N'oublions pas que nous sommes à la veille de la rupture définitive entre les deux Eglises. La tendance byzantinophile que nous découvrons dans cette collection est d'autant plus intéressante à constater.

La collection en cinq livres a joui d'un très grand crédit en Italie. Elle a été très répandue pendant les XIe et XIIe siècles. P. Fournier[47] énumère toute une série de collections qui ont été produites en Italie sous l'influence de la Collection en cinq livres. Ce ne sont pour la plupart que des extraits de cette dernière et ils ne contiennent rien qui ait un rappport particulier à l'Eglise orientale.

Les collections canoniques italiennes de cette époque méritent donc, on le voit, une attention spéciale surtout de la part de ceux qui veulent, coûte que coûte, démontrer avec preuves à l'appui que les deux Eglises se trouvaient presque sans cesse dans le schisme bien avant 1054. L'esprit qui anime ce genre d'écrits n'est guère en faveur de leurs hypothèses.

XIe siècle.

La deuxième moitié du XIe siècle est d'une importance capitale pour l'évolution intérieure de l'Eglise occidentale. C'est l'époque des grands papes réformateurs, l'époque de la lutte gigantesque pour la liberté de l'Eglise et contre l'investiture laïque, lutte, inaugurée par la noble figure de Grégoire VII.

On remarque naturellement une nouvelle activité même dans le domaine littéraire. Cette reprise de l'activité littéraire est également inspirée par les idées réformatrices de la papauté. Il était nécessaire de préparer les esprits des contemporains à accepter les hautes conceptions sur la suprématie des souverains pontifes, d'établir la supériorité du pouvoir spirituel sur le pouvoir laïque et de répandre les projets de la réforme du clergé et du peuple.

Les documents historiques et juridiques dont on disposait jusqu'à ce temps, se révélèrent bientôt insuffisants. Il fallut en chercher d'autres. Ce besoin était d'autant plus impérieux que les idées directrices des réformateurs sur la plénitude du pouvoir pontifical in spiritualibus et in temporalibus, étaient vivement combattues par les adversaires. Les défenseurs du pouvoir laïque les disaient contraires à l'esprit et à l'évolution de l'Eglise.

On peut s'imaginer quelle grande place devaient occuper, dans l'argumentation des réformateurs du XIe siècle, les écrits de Nicolas Ier. Les idées pour lesquelles ils combattaient n'avaient-elles pas été formulées, en partie au moins, par ce grand pape du IXe siècle? Car s'était lui qui c'était si vaillamment opposé aux princes qui tentaient

---

[46]) Cf. le chapitre: De legitimis coniugiis et de raptibus, fol. 253 a et suiv.

[47]) P. Fournier, l. c., pp. 190 et suiv.

de violer les lois de l'Eglise. On n'a pas encore oublié son attitude courageuse à l'égard de Lothaire. Il a même refusé de se plier aux caprices d'un empereur — Michel III. Et quel puissant argument fournissait le cas du patriarche Photios contre les prélats réfractaires et hautains refusant d'obéir aux décisions du pape! Comment les réformateurs auraient-ils pu laisser dans l'oubli le concile de 869—870? Car ils n'y retrouvaient pas seulement l'histoire de la condamnation solennelle d'un patriarche, racontée dans tous les détails, mais aussi le canon XXII interdisant l'immixtion du pouvoir laïque dans les élections épiscopales.

Aussi peut-on s'attendre, à cette époque, à une place de choix réservée à l'affaire photienne dans les écrits des réformateurs. Mais, même ici, on remarque une certaine évolution. Les auxiliaires de Léon IX, par exemple, se contentent encore de la vieille documentation et négligent le cas de Photios. Pierre Damien ne le mentionne même pas. Le cardinal Humbert qui pourtant joua le principal rôle dans le conflit avec Michel Cérulaire, est, à notre grand étonnement, extrêmement discret à l'égard de notre patriarche. Il n'en souffle mot ni dans son écrit contre les simoniaques,[48] ni dans son rapport sur l'ambassade de Constantinople,[49] ni dans la bulle d'excommunication rédigée certainement par lui, ni dans ses Rationes de S. Spiritus processione a Patre et Filio.[50] Nous trouvons une seule allusion à l'affaire photienne dans la lettre du pape Léon IX, destinée à Michel Cérulaire et qui, peut-être, a été aussi composée par Humbert. Après avoir mentionné les décrets du synode iconoclaste et les machinations des ennemis du culte des images, le texte porte des mots: „Quibus quamvis semper restiterit Romanorum pontificum auctoritas, prae cunctis tamen sanctissimi papae Nicolai ubivis laudanda libertas, qui pro legatos suos tam pro sacris imaginibus, quam pro depositione beati antistitis Ignatii et substitutione Photii neophyti, ecclesiam agiae Sophiae clausit, donec sedis apostolicae acquiesceret decretis.“[51]

Ce passage est très instructif. Il nous montre qu'on était, dans l'entourage du pape, assez mal renseigné sur cette affaire. Il nous apprend d'un autre côté que les réformateurs se laissaient facilement emporter par leur ardeur et qu'ils exagéraient bien volontiers l'importance de cette intervention pontificale à Constantinople.

Encore plus osée est l'attitude de Bonizo de Sutri, un dévoué collaborateur de Grégoire VII. La lutte était alors beaucoup plus acharnée que sous Léon IX. Les collaborateurs de Grégoire VII avaient à défendre un acte extrêmement courageux du pape — l'excommunication du roi Henri IV. Bonizo se met à fouiller dans l'histoire pour prouver que l'acte de Grégoire VII n'était ni inouï ni isolé, car les papes ont toujours le droit d'excommunier les rois et les empereurs. Parmi les exemples „historiques“ qu'il cite dans son „Liber ad amicum“, écrit en 1085 ou 1086, il y a plusieurs qui font sursauter les historiens modernes. Nicolas Ier y figure, bien entendu, en bonne place.[52] Même ici Bonizo exagère. Il prétend que Michel III et Lothaire avaient été

[48]) P. L., vol. 143, col. 103 et suiv. M. G. H. Lib. de lite, I, pp. 100—253.

[49]) Will, *Acta et scripta quae de controversiis eccl. gr. et lat. s. XI exstant* Leipzig, 1864, pp. 150 et suiv.

[50]) P. L., vol. 143, col. 1002—1004. A. Michel, *Humbert und Kerullarios*, I, Paderborn, 1925, pp. 77 et suiv.

[51]) P. L., vol. 143, col. 760. Ce passage est cité aussi par Yves de Chartres dans son Decretum, IV, 147, P. L., vol. 161, col. 299.

[52]) Liber ad amicum, M. G. H. Lib. de lite, I, pp. 607—609: „... Et quid dicam de Nicolao qui duos

excommuniés par le pape Nicolas Ier. On sait bien que ce n'est pas vrai.[53] Mais peu importe la vérité historique. Bonizo a créé une tradition que le Moyen Age a acceptée. Ce passage de Bonizo a, en effet, connu dans la littérature postérieure une vogue qui a de quoi nous étonner.

L'un des premiers à reproduire ce passage fut Rangerius (mort en 1112), le biographe de Saint Anselme de Lucques.[54] L'archevêque Romuald (mort en 1181), auteur de la Chronique Salernitaine,[55] l'a également inséré dans son ouvrage. C'est d'ailleurs dans sa chronique tout qui concerne cette affaire. Le même passage se lit dans les Chronica pontificum et imperatorum Tiburtina commencés vers 1145.[56] Le Liber de temporibus d'Albert Miliolus, écrit vers 1281, le reproduit aussi[57] sans pourtant indiquer la raison pour laquelle Michel a été excommunié. Sicard, évêque de Crémone, est plus explicite dans sa chronique écrite au début du XIIIe siècle,[58] mais il ne nomme ni Ignace ni Photios. Le rapport de Bonizo est répété textuellement dans les Chronica apostolicorum et imperatorum basileensia,[59] écrits vers 1215 et, d'une façon raccourcie, dans la Chronique de Jean de Dieu,[60] de la première moitié du XIIIe siècle. Martinus Polonus a aussi subi l'influence de Bonizo.[61]

Cette influence de Bonizo est d'autant plus marquée que quelques-uns de ses contemporains qui n'ont pas encore pu s'inspirer de lui, tout en étant dévoué à la cause de la réforme et en quête d'exemples corroborant le pouvoir du pape sur les princes, ne mentionnent pas la prétendue excommunication de Michel III.

Berthold, l'auteur des Annales portant son nom, un „grégorien" prononcé, ne cite que l'excommunication de Lothaire dans son plaidoyer pour le suprême pouvoir papal.[62] Berthold a commencé à écrire sa chronique probablement en 1076. Le chroniqueur Bernold aussi qui s'était mis à l'œuvre vers 1073 connaît seulement l'excommunication de Lothaire.[63] Marianus Scottus[64] est plus près de la vérité historique, car il ne parle que de l'excommunication de Waldrade.

Encore plus caractéristique est l'état que fait de l'affaire photianiste la chronique de Hugues de Verdun. Hugues connaît le VIIIe concile et il cite même le canon XXII, si célèbre auprès des réformateurs de cette époque.[65] Il s'efforce aussi de rassembler

---

imperatores uno eodemque tempore excommunicavit, orientalem scilicet Michaelem propter Ignatium Constantinopolitanum episcopum sine iudicio papae a sede pulsum, occidentalem vero nomine Lotharium propter Gualradae suae pelicis societatem."

[53]) En ce qui concerne Lothaire, cf. E. Perels, *Ein Berufungsschreiben Papst Nikolaus' I zur fränkischen Reichsynode in Rom*, Neues Archiv, vol. 32, 1906, pp. 143 et suiv.

[54]) M. G. H. Ss., XXX, p. 1210, 1222.

[55]) Muratori, S. R. I., VII, pars I, p. 161 (nouvelle édition).

[56]) M. G. H. Ss. XXXI, p. 254.

[57]) L. c., p. 420.

[58]) L. c., p. 155.

[59]) L. c., p. 287.

[60]) L. c., p. 318.

[61]) L. c., XXII, p. 429.

[62]) M. G. H. Ss., V, p. 296.

[63]) L. c., p. 420.

[64]) L. c., p. 551.

[65]) L. c., VIII., p. 355, 412.

le plus grand nombre d'exemples, plus ou moins authentiques, pour prouver que le pape avait le droit de juger et de déposer les empereurs et que le pouvoir temporel doit être toujours subordonné au pouvoir spirituel. Parmi ces exemples il en cite un particulièrement étrange qui fait sourir les byzantinisants. Il prétend que l'empereur Michel II avait été déposé, uniquement à cause de son incapacité, par le patriarche Nicéphore.[66] Au sujet de Michel III Hugues ne connaît pourtant rien. Il n'a probablement pas encore eu entre ses mains l'écrit de Bonizo, bien qu'il ait commencé à composer sa chronique vers 1090.

Nous croyons que ces exemples ne sont pas tout à fait inutiles. Ils mettent très bien en lumière la mentalité des réformateurs de l'époque de Grégoire VII. Ils se laissaient souvent emporter par leur zèle et exagéraient certains faits historiques pour confirmer leurs thèses. Ces exemples nous expliquent aussi l'exploitation inattendue de l'affaire de Photios dans les écrits de cette époque et des époques suivantes.

Le cas de Photios dans les collections canoniques des „grégoriens".

Les écrits des polémistes et des chroniqueurs ne représentent qu'une portion de l'activité littéraire qui se faisait sentir dans l'Eglise dans la seconde moitié du XIe siècle. Plus importante encore était l'activité des canonistes. Les recherches dans ce domaine ont été promues par Grégoire VII. Le souci de donner à ses idées réformatrices une solide base juridique poussait le pape à diriger dans ce sens les travaux de ses collaborateurs.

Le premier souci de Grégoire était d'élargir la documentation canonique. Il a ouvert les registres et les archives du Latran. De nombreux copistes et compilateurs se sont mis à en extraire des documents qui pourraient intéresser les canonistes. Le nombre de ces travaux intermédiaires a dû être assez grand. Malheureusement, nous ne pouvons pas nous en faire, aujourd'hui, une idée exacte. La plupart des travaux dus à des collaborateurs anonymes, sont perdues. Un seul modèle du genre est parvenu jusqu'à nous: la Collectio Britanica, conservée dans un seul manuscrit du British Museum (Additional Ms. N° 8873) de la fin du XIe siècle, très probablement.[67]

Dans ces collections intermédiaires extraites des documents officiels restés inconnus jusqu'à ce temps, puisaient les grands canonistes de l'époque grégorienne. Un des premiers grands recueils canoniques adaptés aux besoins nouveaux a été composé, autour de l'année 1083, par le plus fidèle auxiliaire de Grégoire VII, Saint Anselme de Lucques.[68] La documentation commence manifestement à s'amplifier d'une façon

---

66) L. c., p. 438.

67) Voir ce que dit P. Fournier sur cette activité des canonistes de cette époque. Fournier—Le Bras, l. c., pp. 7 et suiv. Sur la Collectio Britanica v. Paul Ewald, *Die Papstbriefe der Britischen Sammlung*, Neues Archiv, 1880, vol. 5.

68) V. Fournier—Le Bras, l. c., II., pp. 25 et suiv. F. Thaner, *Anselmi, episcopi Lucensis, collectio canonum*, Oeniponte, 1906.

considérable. Ce sont surtout les lettres du pape Nicolas Ier qui y sont mises à contribution.[69] C'est tout naturel, car les réformateurs de l'époque grégorienne ne voulaient que continuer l'œuvre entamée par Nicolas. La longue lettre dans laquelle Nicolas répond aux attaques de Michel III est la plus souvent citée.[70] Mais, même les lettres de Jean VIII sont reproduites. Aucune n'est pourtant en rapport avec l'affaire de Photios. Le recueil se réfère aussi au VIIIe concile, mais seulement trois fois, aux canons XXI, XVIII et XXII.[71] Le premier, le canon XXI, défend les jugements téméraires contre les papes et les patriarches et Photios y est comparé à Dioscure. C'est, dans cette collection, la seule allusion directe à Photios. Le canon XVIII concerne les privilèges des Eglises. Le troisième est le fameux canon XXII, si souvent invoqué par les réformateurs, qu'il est normal de le voir cité.

Somme toute, le choix de textes concernant l'affaire de Photios nous paraît remarquablement discret. Aucun des textes particulièrement violents qui abondent pourtant dans les lettres de Nicolas et dans les Actes du concile de 869, n'est mentionné.

Nous constatons à peu près la même réserve dans le recueil canonico-moral, intitulé „Liber de vita christiana" d'un autre fidèle propagateur des idées grégoriennes, Bonizo de Sutri, composé entre 1089 et 1095.[72] Bonizo omet même — nous l'avons vu — de mentionner Photios dans le fameux passage[73] qu'il reproduit aussi dans son Liber ad amicum et où il relate l'excommunication de Michel III par Nicolas. Le nom de Photios ne figure, dans son recueil, qu'une fois, inséré dans le canon XXI du VIIIe concile.[74] C'est le même passage que nous avons trouvé dans la collection de Saint Anselme de Lucque. En dehors de ce canon Bonizo cite aussi, bien entendu, le canon XXII.[75]

Parmi les lettres de Nicolas Ier une seule se rapporte à l'affaire photienne. C'est un extrait de la fameuse réponse du pape à la lettre de Michel III.[76] La plupart des lettres de Jean VIII citées par Bonizo concernent les droits de la Papauté sur la Bulgarie et la Pannonie.[77] C'est tout ce qui nous intéresse dans cette collection.

Si nous sommes surpris par la discrétion avec laquelle ces réformateurs traitent l'affaire de Photios, nous serons encore plus étonnés en étudiant l'œuvre capitale de la réforme grégorienne, le recueil canonique du cardinal Deusdedit. Ce cardinal avait composé son ouvrage entre 1083 et 1087.[78] L'idée directrice de Deusdedit n'a

[69]) I, 63, 72, II, 64, 65, 66, 67, 70, IV, 44, V, 39, VII, 135, X, 21.

[70]) I, 79, II, 73, IV, 31, 46, V, 42, VI, 89, X, 30.

[71]) II, 72 = Mansi, XVI, 174; IV, 30 = Mansi, XVI, 172; VI, 20 = Mansi, XVI, 174.

[72]) Cf. Fournier—Le Bras, l. c., II, pp. 139 et suiv.; E. Perels, *Bonizo, Liber de vita christiana, Texte zur Geschichte des röm. und kanon. Rechtes im Mittelalter*, I, Berlin, 1930.

[73]) E. Perels, l. c., p. 131.

[74]) IV, 95. ed. Perels, p. 159.

[75]) II, 17, ed. Perels, p. 42.

[76]) IV, 86a = M. G. H. Ep. VI, 456. Le titre de la lettre mérite d'être rappellé: Nicolaus, servus servorum Dei piissimo et dilectissimo filio, superatori gentium atque tranquilissimo imperatori Michaeli, a Deo protecto semper Augusto.

[77]) IV, 91—94, éd. Perels, l. c., pp. 158, 159 = M. G. H. Ep. VII, 281, 282, 284.

[78]) Cf. Fournier—Le Bras, l. c., II, pp. 37 et suiv. Edition de Wolf von Glanvell, *Die Kanonessammlung des Kardinals Deusdedit*, Paderborn, 1905. Cf. aussi les rémarques judicieuses concernant cette édition dans Peitz, S. J., *Das Original-register Gregors VII*, Sitzungsberichte d. Ak. Wien, Phil. hist. Kl., vol. 160, 1914.

pas été tout à fait la même que celle qui avait inspiré Anselme. Tandis que l'évêque de Lucques a voulu réunir, dans sa collection, les documents concernant tous les objets de la législation canonique, Deusdedit veut surtout mettre en lumière la situation privilégiée de l'Eglise romaine et les raisons pour lesquelles la primauté lui appartient. Son but est „d'élever un monument à la gloire du pouvoir suprême du Pontife romain, fondement nécessaire et indispensable instrument de la Réforme ecclésiastique."[79]

Il est important de souligner cette tendance prédominante de la collection du cardinal. C'était cette idée qui présidait au choix des textes de Deusdedit. Il mit d'abord à contribution de nombreuses lettres de Nicolas Ier et de Jean VIII. La plupart de ces passages ont été déjà utilisés par Anselme de Lucques dans sa collection;[80] mais les citations faites par Deusdedit sont habituellement plus longues. Le cardinal puise aussi plus largement dans les Actes du VIIIe concile œcuménique.[81] Or, à notre grande surprise, en ce qui concerne l'affaire de Photios, il se montre très réservé. Les passages empruntés aux Actes du VIIIe concile mentionnent, il est vrai, le patriarche déchu à plusieurs reprises; mais ils laissent au lecteur l'impression que leur auteur n'avait pas une antipathie prononcée contre le prétendu auteur du schisme et l'ennemi acharné de la primauté. N'aurait-il pourtant dû le considérer comme tel, si l'opinion courante actuelle à son sujet était fondée? Un collaborateur de Grégoire VII devait être particulièrement susceptible sur ce point.

Ce fait nous paraît d'autant plus étrange que le cas de Photios comportait un argument tout trouvé en faveur de la thèse indiquée au début de son ouvrage par Deusdedit. Celui-ci, en effet, se propose de traiter:[82] 1. De ecclesia Constantinopolitana. 2. De episcopis Constantinopolitanis damnatis a R[omana] sede. 3. De excommunicatione eiusdem civitatis episcopi, qui se universalem nominavit. 4. De interdictu apostolicae sedis pro eidem vocabulo. 5. Quod Constantinopolitani episcopi anathematizaverint se et successores suos, si quicquam presumerent contra alicuius episcopi sedem.

Deusdedit a donc l'intention d'étudier à fond les rapports entre Constantinople et Rome. Voyons maintenant de quels documents il se sert et ce qu'il pense de l'affaire de Photios. Comme argument pour sa première thèse le cardinal cite un passage

---

79) Fournier—Le Bras, l. c., II, pp. 41, 51.

80) Passons en revue, à titre documentaire, les différents passages avec les références à l'œuvre de St. Anselme: Lettres de Nicolas: I, 152 — Ans. II, 64; I, 153 — Ans. II, 66; I, 154 — Ans. II, 67; I, 155 — Ans. V, 44; I, 157 — Ans. V, 65; I, 158; I, 159, 160 — Ans. II, 65; I, 161 — Ans. IV, 43; I, 162 — Ans. II, 65; I, 163 — Ans. II, 70; I, 164 — Ans. II, 69; I, 259; II, 62 — Ans. VII, 154; IV, 159—173 un longe passage de la lettre du pape à l'empereur Michel — Ans. I, 74; IV, 174; IV, 175 — Ans. XII, 35; IV, 176 — Ans. III, 66. Lettres de Jean VIII: I, 166 — Ans. VI, 92; I, 238 — Ans. VI, 92 (98); I, 239; I, 240— Ans. IV, 45; I , 241; I, 242; I, 243 — Ans. II, 73; II, 90; III, 53 — Ans. V, 50; III, 54; III, 55 — Ans. IV, 31; III, 56, 57 — Ans. IV, 32; III, 142; III, 143; III, 144; IV, 91 — Ans. III, 107; IV, 92 — Ans. I, 81; IV, 178; IV, 182 — Ans I, 82; IV, 382.

81) I, 47 = can. 21 du concile, Mansi, XVI, 174 — Ans. II, 72; I, 48 = un exttrait de la Session VI, Mansi, XVI, 86; I, 48a = un extrait de la Session VII, Mansi, XVI, 97—99; III, 10 = canon 15, Mansi, XVI, 168, 169 — Ans. VI, 171; III, 1 = canon 18, Mansi, XVI, 172 — Ans. IV, 20; III, 12 = can. 20, Mansi, XVI, 173, 174; IV, 17 = un extrait de la Session IX, Mansi, XVI, 152, 153 — Ans. XI, 151; IV, 18 = can, 22, Mansi, XVI, 174, 175 — Ans. VI, 23.

82) Ed. Wolf von Glanvell, l. c., p. 13.

de la lettre du pape Grégoire le Grand[83] à l'évêque de Syracuse Jean, dans lequel il est dit que l'Eglise de Constantinople est subordonnée à l'Eglise de Rome. En faveur de la seconde il cite la condamnation du patriarche Nestorius par le concile d'Ephèse[84] et puis un long passage de la lettre du pape Nicolas Ier[85] à l'empereur Michel III de novembre 865 concernant la déposition d'Ignace. Or, ce passage est particulièrement instructif. Le cardinal se contente de signaler la condamnation de Maxime, Nestorius, Acace, Anthème, Serge, Pyrrhe, Paul et Pierre, rappelée par Nicolas dans cette lettre et ne mentionne même pas Photios expressis verbis. Sur toute cette affaire ces seuls mots: „Cum ergo ita sit, cur in solo Ignatio beati Petri memoriam despicere ac oblivioni tradere studuistis? nisi quia pro uoto cuncta facere uoluistis constituentes synodum Ephesinae secundae crudelitati consimilem."

Il y a, pourtant, dans la correspondance de Nicolas toute une série de lettres aux passages particulièrement significatifs sur la condamnation de Photios. N'est-il pas singulier que le savant cardinal qui cependant connaissait très bien la correspondance de ce grand pape, les ait omis?

Sub III et IV Deusdedit cite une lettre apocryphe de Pélage II[86] contre le patriarche Jean de Constantinople et une lettre de Grégoire le Grand[87] concernant le même Jean. La même lettre apocryphe de Pélage doit confirmer ce qu'il dit sub V.

Cette réserve du savant compilateur nous conduit à supposer qu'il avait sur l'histoire de Photios une opinion un peu différente de celle qui s'est répandue dans l'Eglise occidentale à l'époque moderne. Il savait bien non seulement que Photios avait été condamné par le Saint-Siège, mais aussi qu'il avait été réhabilité par la même suprême autorité. C'est pourquoi il a été si réservé en parlant de son cas.

Nous avons cru nécessaire d'examiner d'abord l'esprit de cette collection canonique avant d'aborder l'étude des derniers documents de la même collection, documents tout à fait favorables à Photios. C'est en premier lieu l'extrait des Actes du synode qui a eu lieu à Constantinople en 861[88] sous la présidence de Photios et devant les légats de Nicolas, Rodoald de Porto et Zacharie d'Anagni. La présence d'un document de ce genre dans une collection canonique de l'époque de Grégoire VII est, pour le moins, frappante. On peut se demander avec raison si cet extrait avait figuré dans l'ouvrage primitif de Deusdedit.[89] Pourtant, si on se rappelle ce que nous avons dit plus haut sur l'esprit dans lequel toute cette collection a été réunie par le cardinal, on devient moins sceptique. Si le cardinal savait que Photios avait été, finalement, réhabilité par le Saint-Siège et que la Papauté n'était plus revenue sur cette réhabilita-

[83]) I, 188, d'après l'édition de Wolf von Glanvell (p. 115). M. G. H. Ep. II, p. 60.

[84]) I, 32, Actio V, Mansi, IV, 1239.

[85]) IV, 164, M. G. H. Ep. VI, p. 469.

[86]) I, 141, p. 95.

[87]) I, 142, p. 96. M. G. H. Gregorii Reg. II, p. 157.

[88]) IV, 428—431, pp. 603—610. Sinodus habita in Constantinopolis sub Nicolao papa de Ignatio patriarcha. Nous nous réservons d'analyser les Actes de ce synode et l'importance des renseignements qu'ils nous donnent, en une autre occasion.

[89]) W. von Glanvell, p. XIII met des doutes au moins en ce qui concerne l'extrait des Actes du synode photien qui suit cette pièce. P. Fournier— Le Bras, II, p. 48 pensent qu'il est possible que les deux pièces aient été ajoutées à la collection après coup.

tion, les Actes du synode de 861 contre Ignace ont pu lui paraître moins odieux qu'ils n'ont apparu aux ignatiens acharnés à Byzance et aux contemporains de Nicolas Ier à Rome au IXe siècle.

Cette pièce complète d'ailleurs la documentation sur la procédure judiciaire et sur la façon de prêter le serment, donnée par le savant compilateur à la fin de son livre. Les Actes de ce concile illustrent, en effet, merveilleusement le suprême pouvoir judiciaire de l'évêque de Rome invoqué en dernière instance par l'Eglise de Constantinople dans une „cause majeure". La procédure à suivre dans une cause contre un évêque y est beaucoup plus clairement exposée que dans les Actes du concile de 869—870 par exemple.

On est étonné de lire, dans ce texte, tant de manifestations de révérence à l'égard de l'évêque de Rome. Les légats de Nicolas y proclament hautement que le pape a le droit de reviser le procès de n'importe quel évêque:[90] „Credite fratres quoniam sancti patres decreverunt in Sardiniensi concilio, ut habeat potestatem Romanus pontifex renovare causam cuiuslibet episcopi, propterea nos, per auctoritatem, quam diximus, eius (i. e. Ignatii) volumus investigare negotium." Et l'évêque de Laodicée, Théodore, répond au nom de l'Eglise de Constantinople: „Et Ecclesia nostra gaudet in hoc et nullam habet contradictionem et tristitiam." Le pape, disent les légats pendant la IVe session, a le soin de toutes les Eglises.[91] Le synode ne proteste pas, au contraire il accepte spontanément l'autorité du Siège romain. Les „adiutores Ignatii" s'écrient même avec véhémence:[92] „Qui hoc (i. e. iudicium vestrum) non recipit, nec apostolos recipit."

De telles déclarations devaient remplir d'une profonde satisfaction les cœurs de tous les „grégoriens" et il est donc tout naturel qu'on retrouve ce texte dans une collection canonique de cette époque.

L'authenticité de cette pièce est hors de doute. Le style du document est tout à fait conforme au style employé par la chancellerie patriarcale de Constantinople en pareilles occasions. Deusdedit ou le copiste qui l'a ajouté à son recueil l'a emprunté à la traduction latine des Actes du synode de 861, apportés par Zacharie et Rodoald à Rome et déposés dans le „scrinium Lateranense". Ce sont les mêmes Actes dont parle l'auteur du „Liber Pontificalis"[93] et que lui-même a dû consulter. La question de savoir si cette pièce a été insérée au recueil par Deusdedit, ou par un copiste transcrivant son ouvrage, importe peu. Tout paraît pourtant indiquer que nous devons la conservation de ce précieux document à Deusdedit lui-même. Déjà W. M. Peitz S. J.[94] a été frappé par le grand nombre de formulaires de serments dans la collection qui nous occupe. Il en déduit très ingénieusement que Deusdedit avait peut-être

---

[90]) L. c., p. 605.

[91]) L. c., p. 609.

[92]) L. c., p. 604.

[93]) Ed. Duchesne, II, p. 150: convocata generali synodo, eundem virum Ignatium patriarcham denuo deposuerunt, *sicut in gestis Constantinopolim ab illis compilatis facile reperitur* et per legatos, Leonem scilicet a secretio et alios, necnon per epistolam predicti imperatoris (Michaelis) veraciter mansit compertum.

[94]) *Das Originalregister Gregors VII*, Sitzungsberichte, Phil. hist. Kl., Wien, 1918, vol. 155, p. 144.

occupé l'office de „cancellarius". En cette qualité il aurait eu de nombreuses occasions de recevoir des serments des évêques et d'autres personnages. Si cette supposition pouvait être vérifiée, on aurait là une forte présomption en faveur du fait que cet extrait figurait déjà dans l'original du recueil. N'oublions, d'ailleurs, pas que l'unique manuscrit complet qui nous ait conservé cette compilation, ayant été écrit sous Pascal II (1099—1118), est presque comtemporain de Deusdedit.[95] — Le fait que cette pièce ne s'était conservée que dans cette collection ne doit pas nous surprendre. C'est aussi le cas d'autres écrits qui y sont reproduits mais qui sont introuvables ailleurs au moins dans leur plus sûre et plus ancienne rédaction.[96]

Il est pourtant possible qu'un autre document, qui clôt cette collection, ait été ajouté au recueil par le transcripteur du livre de Deusdedit. C'est le fameux résumé du concile de Photios de 879—880. Cette pièce semble, en effet, sortir du cadre de la collection primitive. Elle n'est pas mentionnée non plus dans l'index composé par le cardinal.[97]

Pourtant, même ce détail ne diminue aucunement la valeur de l'œuvre. Deusdedit connaissait le cas de Photios et en particulier sa réhabilitation par Jean VIII. Il y fait nettement allusion dans son Libellus contra invasores et simoniacos.[98] Le passage en question rappelle étrangement la lettre de Jean VIII à l'empereur Basile, lettre qui fut lue pendant la deuxième session du concile de Photios et qui est aussi résumée dans l'extrait de ces Actes conservés dans la collection de Deusdedit.[99]

Même cette pièce provient des Archives pontificales et il nous est indifférent de savoir si elle avait déjà figuré dans la collection primitive ou si elle a été ajoutée par un copiste presque contemporain. L'admission de cette pièce dans la collection illustre la mentalité des réformistes du XIe siècle et prouve qu'ils n'avaient pas, sur ce concile et sur la réhabilitation de Photios, tout à fait les mêmes idées que les historiens de l'époque moderne. Sinon, il est inexplicable que les Actes d'un concile qu'il est aujourd'hui convenu d'appeller „pseudosynodus," puissent avoir trouvé place dans une collection canonique d'une si grande importance.

*

Les Actes du concile de Photios ont, d'ailleurs, dû circuler dans plusieurs extraits parmi les canonistes de cette époque. Ils n'ont pas été exploités seulement par Deusdedit ou son copiste, mais aussi par un autre grand canoniste de cette époque, Yves de Chartres.[100] Pour établir l'exactitude de cette assertion, il faut examiner, conjointement les extraits des Actes conservés par les deux canonistes.

---

[95]) V. sur ce manuscrit l'étude de E. Stevenson, *Osservazioni sulla Collectio Canonum di Deusdedit*, Archivio della R. Storia Patria, vol. VIII, 1885, pp. 304—398; cf. W. N. Peitz, l. c., pp. 133—147.

[96]) Par exemple les fameux extraits des Archives du Lateran (ed. W. von Glanvell, III, 191—207, pp. 353—363) et un extrait des Annales francques, ibid., IV, 195, pp. 496, 497.

[97]) V. ce qu'en dit v. Glanvell, l. c., p. XIII.

[98]) Cf. le passage sur l'admission des simoniaques et des schismatiques au sacerdoce et sur ceux qui ont été ordonnés par eux. M. G. H. Libelli de lite II, chap. 9, 10, pp. 327... „Sed et Alexander primus et Celestinus et Joannes VIII simili sententia decernunt, ut id, quod invenitur pro summa necessitate tolleratum, nullatenus assumatur in legem..."

[99]) W. von Glanvell, l. c., p. 612—614. Cf. la lettre Mansi, XVII, 398, Jaffé, N°. 3271.

[100]) V. sur Yves de Chartres et ses écrits: P. Fournier, *Les Collections canoniques attribuées à Yves de*

Dans le fameux prologue qui devait probablement servir de préface à son Décret, écrit vers 1094, Yves prouve, entre autres choses, que le pape a le droit d'annuler un jugement porté contre quelqu'un. Il cite en faveur de sa thèse plusieurs cas empruntés à l'histoire. Parmi eux figure aussi le cas de Photios:[101] „Sic Joannes papa VIII Photium neophytam a papa Nicolao depositum Augustorum interventu Basilii, Leonis, Alexandri, in patriarchatu Constantinopolitano restituit, scribens praedectis Augustis in haec verba: Scripsistis nobis dilectissimi filii....." Suit un long passage de la lettre de Jean VIII à Basile Ier.[102] On voit, d'après le contexte, que l'affaire de Photios constitue pour Yves un argument capital pour sa thèse. Arrêtons - nous à une constatation singulière. L'évêque de Chartres ne mentionne, à cet endroit, que la réintégration de Photios et nullement sa réexcommunication par Jean VIII ou un de ses successeurs. Et pourtant, il aurait été tout à fait indiqué de signaler aussi le second jugement du pape car le canoniste se serait préparé, pour sa démonstration, un exemple bien plus typique. Les canonistes de cette époque et leurs collaborateurs ont pourtant fouillé avec soin les archives pontificales et ils en ont noté tous les textes qui pouvaient, d'une manière ou d'une autre, corroborer leurs doctrines sur la plénitude du pouvoir papal.

Comment un document aussi important, fulminant la réexcommunication contre un patriarche, aurait-il pu échapper à leur attention? La compilation appelée Collectio Britannica contient justement de long extraits des registres de Jean VIII et d'Etienne V, aujourd'hui perdus. Ce qui prouve que tous les documents relatifs à leur pontificat ont été scrutés par les canonistes. Or, ce silence complet sur une nouvelle réexcommunication et condamnation de Photios indique clairement qu'elle n'a jamais eu lieu.

L'étude du long fragment de la lettre de Jean VIII à Basile Ier, cité par Yves, réserve une autre surprise. Il est tout à fait identique au texte de la lettre lue devant le concile au cours de la deuxième session. La même version nous est donnée dans le recueil du cardinal.[103] L'authenticité de l'extrait de Deusdedit s'en trouve confirmée.

Ce n'est d'ailleurs pas le seul passage des Actes du concile de Photios commun à Yves et à Deusdedit. Yves a inséré dans son Décret (Dec. VII, 149) la déclaration des légats pontificaux statuant que les évêques, devenus moines, ne doivent plus conserver la charge épiscopale. Il fait suivre cette déclaration du deuxième canon du concile contenant la même mesure et votée par l'assemblée pendant la Ve session. Or, c'est cette même défense qui est mentionnée à la fin de l'extrait des Actes dans la Collection de Deusdedit.[104] Pourtant, le passage cité par Yves de Chartres est considérablement

---

Chartres et le droit canonique, Bibl. de l'Ecole des Chartes, vol. 58, 1897; idem, *Yves de Chartres et le droit canonique,* Revue des questions historiques, tome 63, 1898, pp. 51 et suiv.; P. Fournier—Le Bras, l. cl., II, pp. 55 et suiv. Les écrits d'Yves v. P. L., vol. 161.

[101]) P. L., vol. 161, col. 56.

[102]) Jusqu'à la phrase: „si quis vero tale quid amodo facere praesumpserit, sine venia erit." Mansi, XVI, 487, XVII, 141, 395. Jaffé, I, no. 3271.

[103]) Ed. W. von Glanvell, IV, 434, pp. 612, ligne 16—614, ligne 20.

[104]) L. c., p. 617.

plus long que le passage de Deusdedit. Il ne correspond même pas tout à fait au récit conservé dans les Actes du concile de Photios.[105]

Preuve qu' ici Yves ne copie pas Deusdedit, mais ses informations proviennent d'une autre source. Peut-être des Actes mêmes qu'il avait abrégés à cet endroit ou plutôt d'une compilation intermédiaire, faite d'après les documents originaux des Archives pontificales et qui donnait un extrait plus long des Actes du concile de Photios.

C'est d'autant plus vraisemblable que le Décret d'Yves complète l'extrait de Deusdedit sur deux autres points. Dans la quatrième partie où il parle „de observandis festivitatibus et jejuniis legitimis, de Scripturis canonicis et consuetudinibus et celebratione concilii", Yves cite deux passages extrêmement importants, qui soulèvent la question de la condamnation du concile œcuménique de 869—870 par Jean VIII.

Il dit (Décr. IV, 76): „Constantinopolitanam synodum eam quae contra Photium facta est non esse reciviendam. Joannes VIII patriarchae Photio. — Illam quae contra Photium facta est Constantinopoli synodum irritam facimus et omnino delevimus, tam propter alia, tam quoniam Adrianus papa non subscripsit in ea." Ce passage correspond parfaitement au canon quatre voté par le concile de Photios au cours de la quatrième session.[106]

Ce canon n'est pas mentionné dans l'extrait des Actes de la collection de Deusdedit.[107] L'extrait du cardinal ne cite même pas un autre passage également important du

---

[105]) Deusdedit:

Precipit sancta synodus, ut quicumque de pontifiali dignitate ad monachorum vitam et penitentiae descenderit locum, nequaquam iam ad pontificatum resurgat. Monachorum enim vita subiectionis verbum habet et discipulatus, non docendi vel presidendi vel pascendi alios.

Ives de Chartres

Apocrisiarii papae dixerunt: Hoc nequaquam apud nos habetur, ut quicumque de pontificali ordine ad monachorum, id est poenitentium descenderit vitam, ulterius possit ad pontificatum reverti.

Item. Praecepit sancta synodus, ut quicumque de pontificali dignitate ad monachorum vitam, et ad poenitentiae descenderit locum, nequaquam iam ad pontificatum resurgat. Monachorum enim vita subiectione verbum habet et discipulatus non docendi, vel praesidendi, vel pascendi alios.

Mansi XVII, 502 (trad. latine)

Sanctissimi legati dixerunt: Hoc apud nos non est, neque observator. Nam quicumque ex patriarchali ordine in monachorum, hoc est, poenitentium statione fuerit adnumeratus, non potest adhuc pontificalem sibi dignitatem asserere.

Le canon, Mansi, XVII, 503: Tametsi hactenus nonnulli Pontifices qui ad monachorum habitum descenderunt, in pontificali culmine permanere conati sunt, et hoc facientes neglecti sunt, tamen sancta et oecumenica haec synodus etiam hanc negligentiam corrigens, et ad ecclesiasticae ordinationis leges inordinatam hanc revocans agendi rationem, definivit: ut si quis episcopus, aut si quis alius pontificali dignitate ad vitam monasticam velit descendere, et poenitentiae locum implere, hic non sibi deinceps pontificalem vindicet dignitatem. Monachorum enim instituta, subiectionis rationem habent et disciplinae; non autem magisterii et praesidentiae; neque pascere alios, sed pasci seipsos profitentur. Quamobrem, sicut dictum est, definimus, ut nemo in posterum, ex his qui pontificum ordine pastorumque censentur, in locum sedem ittat eorum qui pascuntur et agunt poenitentiam. Si vero quis it facere ausit post promulgationem, et notitiam huius prolati edicti, hic seipsum pontificali gradu privabit, nec postea ad priorem dignitatem, quam contemptui habuit, revertetur.

[106]) Mansi, XVII, 490 (trad. latine): Synodum Romae factam contra Photium sanctissimum patriarcham sub Hadriano beatissimo papa, et factam Constantinopoli synodum contra eundem sanctissimum Photium, definimus omnino damnatam et abrogatam esse, neque eam sanctis synodis adnumerandam esse aut recensendam, neque synodum omnino appellandam aut vocandam esse. Absit.

commonitorium que le pape Jean VIII avait donné aux légats. Ces instructions, on le sait, ne s'étaient conservées que dans les Actes grecs du concile de Photios. L'extrait des Actes dans la collection du cardinal résume aussi huit chapitres de ce commonitorium. Le chapitre VI, indiquant aux légats la procédure à suivre lors de l'ouverture du concile, y est omis. Il y manque aussi le chapitre X concernant le concile de 869—870. Mais ce chapitre est introduit par Yves de Chartres dans son Décret (IV, 77): „De eodem Joannes VIII apocrisiariis suis. Dicetis quod illas synodos quae contra Photium sub Adriano papa Romae vel Constantinopoli sunt factae, cassamus et de numero sanctarum synodorum delemus." — Si on compare la traduction latine[108] du chapitre X du „commonitorium" à l'extrait d'Yves, on voit que même ici le canoniste donne un extrait des Actes du concile de Photios.

De toutes ces considérations il résulte qu'on conservait encore, au XIe siècle, dans le „scrinium Lateranense" la traduction latine des Actes du concile de Photios, traduction qui a disparu depuis. Ces Actes ont été utilisés pour la documentation canonique à cette époque. Deux canonistes des plus remarquables de l'époque grégorienne et postgrégorienne ont puisé dans les extraits de ces Actes, indépendamment l'un de l'autre.

De ce fait la méfiance entretenue, jusqu'aujourd'hui, en Occident, à l'égard des Actes grecs du concile de Photios, n'est plus autorisée. Les extraits de Deusdedit et d'Yves de Chartres prouvent que la traduction latine d'où provenaient leurs informations rendait fidèlement le texte grec des Actes, tel que seul il avait été connu jusqu'alors. La source de Deusdedit et d'Yves était l'exemplaire officiel apporté de Constantinople par les légats.[109] Les Actes grecs du concile de Photios doivent donc être regardés comme absolument authentiques, au moins en ce qui concerne les cinq sessions. C'est à la cinquième session que s'arrête l'extrait de Deusdedit et les citations d'Yves.[110]

L'authenticité du „commonitorium" est par là aussi confirmée, car il a été lu par les légats pendant la troisième session. C'est à ce „commonitorium" que le pape fait allusion dans sa lettre à Photios du mois d'Août 880 en disant:[111] „Convocata nostra ecclesia, quantum ad praesens tempus coegit necessitas, auctoritate et potestate apostolica iam dictae Constantinopolitanae ecclesiae consuluimus et legatis nostris directis, ut inoffenso pede incederent, instituimus." En effet, les instructions, données aux légats, ont été approuvées par un synode romain convoqué à ce propos suivant les habitudes de l'époque. Les noms des évêques qui les ont signées ont été également lus devant les Pères du concile de Photios. Le pape a pu se convaincre, avant d'adresser ces paroles à Photios, que le texte de ces instructions figurait dans les Actes apportés par les légats et qu'il était conforme à l'exemplaire conservé dans les Archives.

---

107) L. c., pp. 615, 616.

108) Mansi, XVII, 471: Volumus coram praesente synodo promulgari, ut synodus quae facta est contra praedictum patriarcham Photium sub Hadriano sanctissimo papa in urbe Roma et Constantinopoli ex nunc sit reiecta, irrita, et sine robore; neque connumeretur cum altera sancta synodo.

109) Hergenröther, *Photius*, II, p. 573, note 25 a eu raison contre Hefele, *Konziliengeschichte*, IV, p. 483, en pensant, que la traduction des Actes a été faite sur l'exemplaire apporté par les légats.

110) Je me réserve de discuter ce problème plus à fond en une autre occasion.

111) M. G. H. Ep. VII, lettre 259, p. 227, 228.

Le pape a également lu, avant de rédiger cette lettre, la nouvelle version de ses propres missives expédiées à Photios, à l'empereur et aux Pères du concile[112] et changées par la chancellerie patriarcale. Il le dit assez clairement lui-même en écrivant; „Sed cum nos scriptis et verbis misericorditer tecum specialiter agendum esse decrevimus, mirandum valde est, cur multa, quae statueramus, aut aliter habita aut mutata esse noscamus, et, nescimus cuius studio vel neglectu, variata monstrentur. "Très discrètement le pape en rejette la responsabilité sur Photios — cuius studio — et sur les légats — vel neglectu — (car c'était à eux de veiller à ce que tout soit exécuté à la lettre).

Le même texte nous apprend que Photios avait, dans sa missive, attiré l'attention du pape sur ces changements et qu'il lui en avait exposé les raisons. Le patriarche se croyait dans son bon droit et il trouvait surtout injustifiée l'invitation du pape à lui adressée dans ses lettres, à implorer la miséricorde du concile.[113] Le pape lui reproche ce manque d'humilité. Il n'est pas un impie — dit-il, mais un évêque de la part duquel on peut attendre davantage. Mais, enfin, le pape accepte et il confirme tout ce que le concile avait décidé pour sa réintégration. Il accepte tout, dis-je, donc même des modifications du texte de ses propres lettres: „Tamen nos, quod gestum est exaggerare nolumus, ne quod dignum est, iudicare cogamur... Nam et ea, quae pro causa tuae restitutionis synodali decreto Constantinopoli misericorditer acta sunt, recipimus."[114]

Le pape se réserve encore de contrôler la manière d'agir de ses légats: „et, si fortasse nostri legati in eadem sinodo contra apostolicam preceptionem egerint, nos nec recipimus nec iudicamus alicuius existere firmitatis." Pourtant quelque explication qu'on donne de ces paroles du pontife, les décisions du concile concernant la réintégration de Photios et l'annulation du concile de 869—870 conservent toute leur valeur. Ici, les légats n'ont pas agi contre la volonté de leur maître, car l'annulation du concile antiphotianiste leur a été ordonnée par le commonitorium. Ils ont certainement, quoiqu'on en dise, outrepassé leurs pouvoirs en laissant changer le texte des lettres

[112]) M. G. H. Ep. VII, ep. Nos 207—209, pp. 166—186.

[113]) L. c., p. 228: „Ceterum scribens subintulisti, quod te innuente nonnisi ab iniqua gerentibus misericordia sit querenda; quod et nos de his, qui Deum se scire non fantur, licet dispensatorie fatemur, tamen nos, quod gestum est, exaggerare nolumus, ne, quod dignum est, iudicare cogamur — citation de la lettre du pape Sirice à Jean de Ravenne, P. L., vol. 67, col. 321 — ideoque talis excusatio sileat, ne hoc dicentes illa sententia tangat, qua dicitur: Vos estis, qui justificatis vos coram hominibus, Deus novit corda vestra, quia, quod hominibus altum est, abominabile est apud Deum. Igitur laudabilis tua prudentia, quae dicitur humilitatem scire, non moleste ferat, quod ecclesiae Dei miserationem iussa est postulare, quin potius se, ut exaltetur, humiliet et fraternum discat erga sui miserentem servare affectum, quia nos, si tu debitam devotionem et fidelitatis incrementa erga sanctissimam Romanam ecclesiam et nostram parvitatem observare studueris, te ut fratrem amplectemur et ut carissimum proximum retinemus..."

[114]) Après un examen plus détaillé et plus approfondi de cette lettre, je me vois obligé de recounaître qu'on ne peut nullement en déduire que Photios ait réellement fait des excuses devant le concile, contrairement à ce que j'ai dit dans mon livre *Les Légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance*, l. c., pp. 324 et suiv. en me basant sur les recherches du Père V. Laurent, *Le cas de Photios dan, l'apologétique du patriarche Jean XI Beccos au lendemain du deuxième concile de Lyon*, Echos d'Orients vol. 33, pp. 396—415. Les Actes, on le sait, n'en laissent rien supposer. Ce problème devra être l'objet d'une étude plus détaillée. Nous la reportons à une autre circonstance.

papales et en n'exigeant pas que les instructions de Jean VIII soient exécutées à la lettre. Mais, le pape, après coup, a ratifié leur façon de faire.

Sur la vraie situation à Byzance concernant l'affaire de Photios et d'Ignace, le pape fut renseigné par ses légats, par l'empereur et par Photios lui-même; toutes ces informations dissipèrent chez lui les dernières hésitations. Zacharie d'Anagni qui était alors à la tête de la chancellerie pontificale, les a certainement aussi confirmées, car la réhabilitation de Photios et l'annulation du concile antiphotien étaient pour lui la plus grande satisfaction. Il pouvait y voir la preuve que sa façon de voir et d'apprécier la situation à Byzance en 860 et 861 était plus juste qu'on ne le croyait alors à la curie romaine.

Jean VIII tirait, en outre, de cette réconciliation, d'importants avantages politiques.[115] Basile Ier avait envoyé une flotte dans les eaux italiennes contre les Sarrasins. La Bulgarie avait été, par une décision impériale, de nouveau soumise à la juridiction de l'Eglise romaine. L'empereur se montrait bien disposé à l'égard des Latins à Constantinople. Une nouvelle ère semblait s'ouvrir dans les relations entre les deux Eglises. Le prix demandé en échange de ces avantages n'était pas grand et Jean VIII l'a payé bien volontiers.

*

L'examen de la littérature latine concernant l'affaire de Photios du IXe jusqu'au XIIe siècle que nous venons de terminer, a donné, on le voit, quelques résultats intéressants. On n'avait pas, à cette époque au moins, du cas de Photios la même conception que nous avons à l'époque moderne. Le conflit de Photios avec la papauté occupe une place presque minime dans les écrits de cette époque. Surtout, on est surpris de constater qu'on ne savait absolument rien sur ce qu'on appelle aujourd'hui le second schisme de Photios. De l'autre côté, on connaissait bien la réhabilitation du patriarche par Jean VIII et les canonistes „grégoriens" respectaient les décisions du concile de Photios de 879—880.

Nous devrions maintenant poursuivre nos investigations. Les solutions auxquelles nous sommes arrivés soulèvent, en effet, un autre grave problème. S'il est vrai que le concile ignatien de 869—870 a été cassé par le concile photien de 879—880 dont les décisions ont été confirmées par le pape Jean VIII, comment est-il possible que l'Eglise occidentale ait continué à compter le concile de 869—870 parmi les synodes œcuméniques?

Malheureusement, nous devons réserver cette étude à une autre occasion.[116] Contentons nous de dire seulement aujourd'hui que les résultats auxquels nous sommes arrivés en examinant cet autre problème confirment tout ce que nous venons de dire dans le présent travail. L'Eglise occidentale respectait parfaitement, jusqu'à la fin du XIe siècle, la décision du pape Jean VIII. Nous allons continuer dans cette seconde

[115]) Voir la lettre de Jean VIII à l'empereur Basile Ier, du 13 Août 880. M. G. H. Ep. VII, pp. 229, 230, No 259.

[116]) Nous avons déjà présenté les résultats de ce travail aux spécialistes qui ont assisté au congrès des études byzantines à Rome en septembre de l'année passée. L'étude doit paraître dans la Revue d'histoire ecclésiastique de Louvain et surtout dans notre livre sur Photios.

étude aussi l'examen de la littérature latine jusqu'au XVe siècle. Nous y dirons que même certains écrivains du XIIIe et XIVe siècles, se basant sur les travaux des canonistes de l'époque grégorienne et postgrégorienne avaient sur le concile de Photios une opinion toute différente de celle qui prédomine en Occident à l'époque moderne. Ce ne sera qu'après avoir résolu ces problèmes que nous serons capables d'exposer comment ce que nous appelrions „la légende photienne" s'était formée en Occident et developpée jusqu'à nos jours. Nous nous réservons de traiter cette dernière partie du problème dans le livre sur le schisme de Photios que nous préparons.

F. Dvorník.

Praha.

СѢРСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ІАКОВЪ

Сѣрскій митрополитъ Іаковъ видная и значительная фигура времени правленія царя Душана (1331—1355) и царя Уроша (1355—1371). Къ сожалѣнію, о немъ очень мало извѣстно, но и по тѣмъ малочисленнымъ даннымъ, которыя о немъ сохранились, видно, что онъ игралъ замѣтную роль въ исторіи того времени, когда сербское государство и сербскій народъ вступали въ новую эпоху политической и культурной исторіи, пріобрѣтая не только новыя формы, но и новое содержаніе.

Къ этому важному и интересному времени относится дѣятельность митрополита Іакова. Хотя о немъ, какъ уже упомянуто, мало извѣстно, все же ясно видно, что онъ пользовался уваженіемъ и вліяніемъ, какъ при дворѣ, такъ и въ народѣ. Дѣятельность его была обширна, разнообразна и многогранна. Кромѣ церковной области, въ которой онъ, вѣроятно, работалъ болѣе всего, дѣятельность Іакова была направлена на распространеніе культуры, а также на просвѣщеніе и литературу. Несомнѣнно онъ исполнялъ на занимаемомъ имъ мѣстѣ и важную политическую миссію; имѣются также данныя, что онъ радѣлъ объ улучшеніи хозяйства, заботился о неимущихъ и стремился помочь бѣдному люду, которому въ ту эпоху тяжело жилось.

Первое упоминаніе объ Іаковѣ представляетъ его какъ человѣка, который старается о поднятіи народнаго образованія и хозяйства и, что особенно любопытно и примѣчательно, какъ человѣка, сочувствующаго бѣднотѣ, заботящагося о малыхъ людяхъ и желающаго имъ помочь.

Когда царь Душанъ основалъ главную свою заповѣдную обитель, большой монастырь Архангеловъ Михаила и Гавріила недалеко отъ Призрена, первымъ игуменомъ этого монастыря онъ назначилъ Іакова. Мѣсто игумена въ главномъ царскомъ заповѣдномъ монастырѣ было, конечно, дано человѣку, который считался особенно способнымъ и пользовался полнымъ довѣріемъ государя.

Какъ игуменъ, Іаковъ желалъ матеріально поднять свой монастырь и насадилъ большой виноградникъ въ селѣ Сѣнянахъ. Но у монастыря было мало людей для воздѣлыванія виноградника. Кромѣ того, монастырскіе люди были сильно обременены разными поборами и не имѣли довольно времени для работы на виноградникѣ. Когда впослѣдствіи Іаковъ сталъ митрополитомъ въ Сѣрѣ (Сересѣ), онъ не переставалъ заботиться о монастырѣ, въ которомъ началъ свою общественную дѣятельность и который оставилъ для управленія одной изъ важнѣйшихъ епархій того времени. Онъ просилъ царя Душана облегчить положеніе людей, воздѣлывающихъ насаженный имъ въ Сѣнянахъ виноградникъ, и царь отозвался на его просьбу.

Въ грамотѣ монастырю Архангеловъ Михаила и Гавріила царь сообщаетъ: „И повѣдѣ царствоу ми прьвы игоум'нь Архаггеловь митрополить сѣрьскыи Іаковь како ѥ оучиниль оу Сѣнѣнехь винограде велик а на малѣхь людѣхь. И оучини царство ми Сѣнѣномь законь да онзи винограде сами граде и теже, а да имь не оузимаю льна ни ыг'нѥтинь, ни коудра, ни да имь ѥ дал'нѥга поути". Какъ видимъ, царь Душанъ, по просьбѣ митрополита Іакова, значительно облегчилъ участь жителей Сѣнянъ.

Но Іаковъ не удовлетворился этимъ. При основаніи монастыря у сѣнянъ отняли большую часть ихъ земли и передали ее монастырю, такъ что у нихъ осталось мало земли. Іаковъ просилъ царя, чтобы и въ этомъ отношеніи была исправлена несправедливость, причиненная сѣнянамъ, и чтобы была облегчена ихъ участь. Царь и въ этомъ вопросѣ пошелъ навстрѣчу Іакову. Въ грамотѣ онъ пишетъ объ этомъ далѣе: „И паки повѣдѣ (митр. Іаковъ) царствоу ми како (сѣняне) зем'лице мало имаю, да оноузи землю коы ѥ была црькви оузета оу нихь селѣ, тоузи землю да си подѣле и да си ю имаю". Затѣмъ подробно устанавливаются обязанности, которыя въ связи съ этимъ сѣняне будутъ имѣть по отношеніи къ монастырю.[1]

Повидимому, Іаковъ не долго былъ игуменомъ монастыря Архангеловъ Михаила и Гавріила, такъ какъ вскорѣ былъ назначенъ на гораздо болѣе высокій и значительный постъ сѣрскаго митрополита. Если уже мѣсто игумена своего главнаго заповѣднаго монастыря Душанъ могъ предоставить лишь человѣку доровитому и пользующемуся его особеннымъ довѣріемъ, то тѣмъ болѣе долженъ былъ царь обратить вниманіе на эти качества при выборѣ сѣрскаго митрополита. То, что онъ на это важное и видное мѣсто избралъ именно Іакова, показываетъ, насколько онъ цѣнилъ Іакова и его дарованія.

Положеніе сѣрскаго митрополита было важно и очень почетно. Тутъ передъ Іаковомъ открылось широкое поле дѣятельности и въ церковной и въ политической области. Но именно потому, что это положеніе было столь важно и особенно видно, Іаковъ не безъ основаія считалъ, что на своемъ новомъ мѣстѣ не можетъ себя чувствовать прочнымъ. Поэтому онъ счелъ нужнымъ обезпечить себя на случай, если почему-либо настанутъ иныя условія и онъ потеряетъ свою епархію. Константинопольскій патріархъ въ 1352 г. провозгласилъ анаѳему сербской церкви, и Іаковъ прекрасно сознавалъ, что его ожидаетъ, если Сѣръ снова перейдетъ въ византійскія руки. Это не было невозможно, ибо, занимая слишкомъ выдвинувшуюся позицію, Сѣръ находился вдали отъ главныхъ сербскихъ земель и центра сербскаго народа. Ввиду этого Іаковъ въ 1353 г. просилъ царицу Елену обезпечить ему извѣстный доходъ на случай, если онъ останется безъ своей епархіи. Царица Елена пошла ему навстрѣчу и удовлетворила его просьбу. Она нашла храмъ св. Николая на Пшинѣ, который пришелъ въ разрушеніе, а имѣніе котораго было совершенно запущено; обновивъ и богато одаривъ этотъ храмъ, царица передала его митрополиту Іакову: „Вьсхотѣ благовѣр'наа и хрістолюбиваа царица царства ми кvра = Елена, и дасть своѥю роукою си божьствьныи храмь Светааго Николи, мол'бникоу царства ми прѣосвещеньномоу митрополитоу сѣр'скомоу кvрь = Ѩковоу, да си ю има и на-

---

[1]) Ст. Новаковић, *Законски споменици* (1912) 687, Гласник 15 (1862) 276—7.

правлꙗ сь никымь неотѥмлѥмоу до своѥго живота вь помѣнь царства ни... да моу ѥсть ондѣзи прибѣжищѥ и покоище, или моу се слоучи немощь, или коѥ прѣселениѥ вол'но а или ноуждьно, да си има оноузи кѥлию до своѥга живота никымь неотѥмлѥмо." Церковь св. Николая царица Елена даровала Іакову „оу бащиноу до ѥгова живота, никымь неотѥмлѥмо". Грамоту подписалъ царь Душанъ, а подтвердилъ король Урошъ.[2]

Какъ митрополитъ Іаковъ организовалъ литературную работу и каковы были его качества архіерея, хорошо показываетъ запись 1354-55 г. Здѣсь говорится, что „великій пастырь и учитель" митрополитъ Іаковъ велѣлъ переписать евангеліе, и подчеркивается: „Таковь намь подобааше архїереи быти, исправлꙗюща и наставлꙗюща корабли правиломь крьмы доухѡвныѥ, стадо свое оупасающоу жьзлом правды и пищею вѣри и сьмотренми ѿ влькь хыщникь, и право правеща слово истины... Мнѡгых оубо того доблыхь и великыхь исправлѥнїи сьтворшоу, приложи и се благоѥ дѣло, и сьврьши".[3]

Можетъ быть можно было бы сказать, что эти слова — преувеличенная похвала благодарнаго и преданнаго человѣка, высказанная начальствующему лицу и, быть можетъ, учителю. Однако, и помимо того, даже по тѣмъ немногимъ даннымъ объ Іаковѣ, которыя сохранились и дошли до насъ, видно, что онъ дѣйствительно радѣлъ о письменности. На Синайской Горѣ находится пентикостаръ, посланный Іаковомъ въ 1359-60 г. въ даръ св. Богородицѣ Синайской. Въ записѣ сказано: „Сѣрьскы Іакѡвь митрополит посла сые книгы вь Синаю, и приложи ѥ пречистѣи дѣвѣ матери".[4] Слѣдовательно, Іаковъ заботился даже о колоніи сербскихъ монаховъ на далекомъ Синаѣ, желая, чтобы у нихъ были и доставлялись имъ нужныя церковныя книги.

Въ іюнѣ 1357 г. Іаковъ созвалъ въ Сѣрѣ соборъ. На этомъ соборѣ, между прочимъ, рѣшенъ былъ споръ между аѳонскими монастырями Каракалой и Зографомъ изъ-за церкви св. Николая, находившейся на территоріи сѣрской митрополіи. Споръ рѣшенъ въ пользу зографскаго монастыря. Актъ соборнаго рѣшенія написанъ по гречески; по гречески же подписали его всѣ чиновники сѣрской митрополіи (экономъ, сакелларій, скевофилаксъ, хартофилаксъ, протонотарій), и только Іаковъ, на первомъ мѣстѣ, подписалъ его по сербски.[5] Точно также Іаковъ подписался по

---

[2]) Ст. Новаковић, *Законски Споменици* 701—5 = Гласник 24 (1868) 243—4, 247—8. Т. Флоринскій подробно разобралъ содержаніе этой грамоты (Памятники законодательной дѣятельности Душана, 1888, 145—150), но Флоринскій ошибается, утверждая, что Іаковъ, какъ сѣрскій митрополитъ, былъ назначенъ игуменомъ монастыря Архангеловъ Михаила и Гавріила. Если бы онъ, какъ сѣрскій митрополитъ, былъ и игуменомъ монастыря Архангеловъ Михаила и Гавріила, онъ бы не безпокоился о томъ, что съ нимъ будетъ, если онъ потеряетъ свою епархію. Въ такомъ случаѣ онъ бы просто отправился въ свой монастырь. И Иречекъ думаетъ, что Іаковъ, какъ игуменъ монастыря св. Архангеловъ Михаила и Гавріила, былъ назначенъ митрополитомъ въ Сѣрѣ (*Историја Срба* III, 78). Ср. и Р. Грујић, Гласник Скопског научног друштва 14 (1935) 43 и его же *Скопска Митрополија* (1935) 155.

[3]) Љуб. Стојановић, *Стари српски записи и натписи* I, 38. Ср. III, 140—1.

[4]) Op. cit. I, 42. Ср. Минало 3 (1914) 20 и М. Сперанскій, *Славянская письменность XI—XIV в. на Синаѣ и въ Палестинѣ* (1927), 106—7.

[5]) Визант. Временникъ 13 (1906), прилож. 92—4.

сербски и на актѣ, выданномъ монастырю Эсфигмену о монастырькѣ св. Георгія въ декабрѣ 1359 года.[6]

Послѣ 1360 г. митрополитъ Іаковъ больше не упоминается. Вѣроятно, онъ около этого времени, или вскорѣ послѣ того, умеръ.

Сохранилось хорошее современное изображеніе митрополита Іакова. Его исполнилъ въ 1354 г. Калистъ въ монастырѣ близъ Скопля.[7]

Ст. Станоевичъ.

Бѣлградъ.

JACOB, MÉTROPOLITE DE SER

par

ST. STANOJEVIĆ

Le métropolite Jacob fut un ecclésiastique éminent de l'époque des tsars Dušan (1331—55) et Uroš (1355—71). Il se fit remarquer en qualité de supérieur du monastère des Archanges Michel et Gabriel, fondé par le tsar Dušan près de Prizren et se montra un administrateur très zélé des biens de la communauté, tout en veillant en même temps à l'amélioration de la situation des paysans, inscrits dans les rôles du monastère. Élevé à la dignité de métropolite de Ser, Jacob convoqua dans cette ville un concile en 1357. Il consacra des soins particuliers à la copie des manuscrits et envoya même des livres aux moines serbes du Mont-Sinaï. Il est décédé en 1360 environ.

---

[6]) Флоринскій, *Аѳонскіе акты* 50, 87—8.

[7]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 199 (1878) IX, 7; Летопис Матице Српске 197 (1899) 37—43; 213 (1902) 104—105; Сборникъ Болгарской Академіи 8, 156, 162; Р. Грујић, *Скопска Митрополија* (1935) 185. — Безъ всякаго основанія П. Сырку (Летопис 197, 42) утверждаетъ, что „доброе и благостное лицо митрополита Іакова представляетъ типъ жителя-македонца между рѣками Вардаромъ и Струмой, особенно же жителя на Вардарѣ. Можно было бы, значитъ, сказать, что этотъ церковный прелатъ былъ родомъ македонецъ". Точно такъ же не имѣетъ никакого основанія и утвержденіе Сырку, что художникъ, изобразившій Іакова, былъ славянинъ.

THE FOUNDATION OF DURA-EUROPOS ON THE EUPHRATES

The Greco-Macedonian colonization of the Near East, especially of Asia Minor, Syria, Phoenicia, Palestine, Mesopotamia, Babylonia, Elam and the Iranian satrapies of the Persian Empire, a colonization begun by Alexander, carried on by his successors, and intensified by Seleucus I and Antiochus I, is without doubt one of the most important and the least known of the phenomena typical for the Hellenistic world.[1] On a reasonable solution of this problem depend our ideas concerning what we call the Hellenization of the Near East and with it is closely connected our conception of the genesis of the great Oriental civilizations of the Near East which sprang up in the "Hellenized" parts of the Near East in the late Hellenistic and early Roman period and later blossomed all over the Near and Far East at the time of the late Roman and Byzantine Empires and in the early Middle Ages. I mean the Indian civilization of the times first of Sandragupta and Asoka and later of the Guptas; the Iranian or Greco-Iranian civilizations of the Hellenistic and early Roman times — the Bactrian, the Sakian and Pahlav, and then the Kushan civilization of Northern India, the Sakian and Sarmatian civilizations of Turkestan and South Russia, the great Parthian civilization, the semi-Iranian civilizations of Armenia, Cappadocia and the Pontus which, all of them in one way or another, contributed to the rise and development of the brilliant Sasanian civilization; and finally the various Greco-Semitic civilizations of Babylonia, Mesopotamia, Syria, Phoenicia, Palestine and Arabia which in the late Roman times all had their share in shaping certain aspects of the Eastern front of the Byzantine civilization and of which a late offspring was the brilliant and powerfull civilization of Islam. Our understanding of these civilizations and of their genesis depends to a large extent on our idea of how much of western Greek elements were absorbed by the Orient in the early and late Hellenistic and Roman times and how deep was the Greek influence on the minds of the Semites, Iranians and Indians of the Hellenistic, early and late Roman, and Byzantine periods. The carriers and disseminators of Greek political, social, economic, artistic, intellectual, religious conceptions of life were first and foremost the Greco-Macedonian residents of the Mace-

1) The subject has been treated many times. I cannot give here a full bibliography. Suffice to quote the most recent contributions: V. Tscherikower, *Die hellenistischen Städtegründungen etc.*, 1927; W. W. Tarn, *Hellenistic Civilization*, 2 ed., 1930, p. 130 ff.; A. H. M. Jones, *The cities of the Eastern provinces of the Roman Empire*, 1937; W. W. Tarn, *Hellenistic India*, 1938. I will speak of this problem more in detail in my forthcoming Social and Economic History of the Hellenistic world 1938.

donian colonies and thus the necessary prerequisite for understanding the development of the Orient in the Hellenistic, Roman and Byzantine times is a thorough and minute study of the conditions in which the Greco-Macedonian colonies were founded and in which they lived after their foundation.

It is a pity that our information on these problems is so meagre and so disappointing. Of the foundation and the early life of most of the Greco-Macedonian colonies of the Near East we know very little. A list of names of the Macedonian colonies (incomplete) based mostly on literary sources: historical, geographical and lexicographical and supplemented by coins and by some inscriptions forms the background. Some meagre information on the founders of some of the colonies, mostly hypothetical and controversial, since derived chiefly from the names of the respective colonies, and some exact dates of the foundation of one or another colony is all that we know on the circumstances in which the colonies were created. As to the life and historical vicissitudes of the colonies in the Hellenistic times some scattered remarks in our literary sources and a little material yielded by archeological exploration of some of these cities, both surface exploration and excavations — inscriptions, parchments and papyri, monuments of architecture, sculpture and the minor arts, represent all the material which is available.

The scantity of our archaeological material is explained by the following facts. No one of the colonies of the diadochs in Asia Minor has ever been excavated. Similar is the situation in Syria and Phoenicia. A little better is the situation in Palestine where some native cities which were transformed into military strongholds and perhaps settlements by the Ptolemies and which still existed in the Seleucid period (Gezer, Beth-Shan and especially Beth-Zur) have been carefully excavated. They have, however, yielded a very meagre crop of Hellenistic material. In the Transjordan the only partly excavated Hellenistic city which certainly was a military (or civil) colony of the Seleucids is Gerasa — Jerash. Here again, very little information on the Hellenistic period of the life of the city is furnished by its partial excavation. And finally there are Mesopotamia, Babylonia, Elam and the Iranian satrapies of the Seleucid kingdom. In Iran, except at Persepolis which was still alive in the Hellenistic times, no spadework has been carried out in any of the foundations of Alexander and his successors. In Elam, the French excavations at Susa have yielded a little information on the Hellenistic period of the history of this important centre of political and cultural life of the Near East, the period after Susa had been refounded by Seleucus I as Seleucia on the Eulaeos. In Babylonia likewise not very much has been done. Excavations in Seleucia on the Tigris are just in their beginnings and some work has been done in the Hellenistic stratum of Babylon and especially of Uruk-Warka. The only bright spot in this comparatively dark picture showing the few contributions made by archaeology to our knowledge of the Greco-Macedonian colonization of the Near East (I do not speak of Egypt since in Egypt Greco-Macedonian colonization was carried out in a different way and by different methods) are the excavations of Breasted, Cumont and the French Academy, and of Yale University at Dura-Europos on the Euphrates, the only systematic excavation which has taken for its object a Greco-Macedonian colony not superimposed on an already existing town but an original foundation of the Hellenistic monarchs and the only one which was continued long enough and carried out system-

atically enough to yield abundant material for reconstructing the history of the Macedonian colony from her very beginnings and to the time of her destruction by Shapur soon after 256 A. D.[2]

It would be interesting, therefore, to assemble our knowledge of Hellenistic Dura-Europos as revealed by the literary and archaeological evidence. It cannot be done here. The purpose of this short note is to revise in the light of the new evidence one problem only, the old problem of the origin of Dura-Europos and of the character of this Macedonian colony.

We know now a good deal more than before about the date of the foundation of Europos and the circumstances in which it was founded. It is well known that the basic text, the "locus classicus" which bears on the foundation of Dura-Europos, is the statement of Isidorus of Charax in his Mansiones Parthicae. The date and the identity of the author of this geographical survey are controversial. However, it is certain that the information given by Isidorus is perfectly reliable, since it was based certainly on official Parthian sources, sources which reflect the situation as it existed in the late Hellenistic and the early Roman times. In describing the great military and commercial road which connected Syria with the Parthian kingdom, the Euphrates' road, connecting Antioch on the Orontes with Seleucia on the Tigris, Isidorus starts with the main crossing of the Euphrates in the Hellenistic and Roman times—Zeugma—Apamea. He follows the road to the South and gives the names of all the inhabited places on this road, a road which practically was at the same time the "limes" of the Parthian Empire. I may draw the attention of the reader to the many ὀχυρώματα — fortresses with Oriental names which he mentions before reaching Dura, for example: Κοραία ἐν Βατάνῃ, Μαννούορρα Αὔυρηϑ, Κομμισιμβηλα, Ἄλαγμα (at the same time σταϑμὸς βασιλικὸς) Θιλλάδα Μιρράδα σταϑμὸς βασιλικὸς. Beside them there stood on the road many κῶμαι and κωμοπόλεις of which many were in all probability fortified and finally some Greek cities which certainly were all fortified and which occupied the sites of former native ὀχυρώματα or of κῶμαι and κωμοπόλεις. Such were: Χάραξ Σίδου, an Oriental fortress, ὑπὸ δὲ Ἑλλήνων Ἀνϑεμουσιάς; Ἴχναι, πόλις Ἑλληνὶς Μακεδόνων κτίσμα; Νικηφόριον παρ' Εὐφράτην, πόλις Ἑλληνὶς κτίσμα Ἀλεξάνδρου βασιλέως. In this way Isidorus arrive to the village Φάλιγα midway between Antioch on the Orontes and Seleucia on the Tigris, a village which was situated at the mouth of the Khabur river. Here he says: ἐκεῖϑεν διαβαίνει τά στρατόπεδα εἰς τὴν κατὰ Ῥωμαίους πέραν i. e. the military limes-road leaves here the left Parthian bank of the Euphrates, crosses the Euphrates and procedes on the right bank i. e. the Roman side. This of course does not mean that from here on the road ran in Roman territory and was under Roman control. The Roman side is just an equivalent of the right bank of the Euphrates. Politically and from the administrative point of view the right bank of the Euphrates was the Parthian province of Parapotamia inherited by the Parthians from the Seleucids. According to Isidorus this province began as far North as a point not far below Nicephorium and included the alluvial soil probably of both banks of the Euphrates.[3] Finally Isidorus

[2]) It is useless to give references which would bear on the archaeological work carried out in the Near East. The reader will find a full bibliography in my forthcoming book quoted in the preceding note.

[3]) On Parapotamia my remarks in Yale Class. St., 2 (1931), p. 42ff.

notes after the village Asicha: ἔνθεν Δοῦρα, Νικάνορος πόλις, κτίσμα Μακεδόνων, ὑπὸ δὲ Ἑλλήνων Εὐρωπὸς καλεῖται, σχοῖνοι ς. After Dura begins a set of purely Oriental places, next to Dura being Μέρρα ὀχύρωμα a κωμόπολις until the road reaches Seleucia. The only place between Europos and Seleucia which might have been a Greek settlement is Neapolis. However, Isidorus does not call this place a Greek or Macedonian colony. It lay quite near Seleucia.

It is evident from this summary of Isidorus that the military road of the Parthians was at the same time their military limes, that on this limes alternated Greek cities, Parthian ὀχυρώματα and Oriental κῶμαι and κωμοπόλεις and that as regards the Greek cities some of them took the place of preexisting oriental settlements and some not. In the first case, Isidorus never fails to give the Oriental name of the place, which probably had come again to the foreground in Parthian times. Such were Σίδου Χάραξ — Anthemusias and Dura-Europos. In both cases the earlier name characterizes the place as a military stronghold. Dura means the same as χάραξ, i. e. fortress. It is therefore certain that the site of the later Europos was occupied in the pre-Hellenistic times by a native ὀχύρωμα.[4]

Now Isidorus calls Dura-Europos Νικάνορος πόλις. This designation suggests that Nicanor, the founder of the city was a well known person. Νικάνορος πόλις probably means one of Nicanor's cities and suggests that Nicanor has founded many of which one was Dura-Europos.

Who was this Nicanor? Nicanor is a very common name and prominent Nicanores who took active part in the political and military history of Alexander and his successors are many. There is no need therefore, to correct Nicanor into Nicator, the surname of Seleucus I. Two Nicanors have been suggested as founders of Europos. Nicanor, a general of Seleucus I, of whom more presently, and Nicanor, one of the generals of Antigonus the Oneeyed, satrap of Media, eliminated by Seleucus I.[5] The second

[4]) The existence of an oriental settlement in the region of the Macedonian Europos, a settlement which base the Babylonian name Dura was proved beyond doubt by a curious find made at Dura in 1937. Embedded in a claybrick made for building one of the walls of the temple of Atargatis was found a fragmentary babylonian cuneiform tablet of the late babylonian period (approximately XVIII—XVI cent. B. C.). This tablet is a deed of a landgift dated in the time of a local king Hamurrabi, whose capital was Tirgha and in it is mentioned the babylonian form of the name Dura. The tablet has been deciphered by prof. Ferris J. Stephens of Yale University and will be soon published by him.

[5]) V. Tscherikower, l. cit., p. 88; W. W. Tarn, C. A. H., VI, p. 430, and *Hell. Civ.*, 2 ed., p. 130; H. Berve, P. W. K., XVII, p. 219 f., Nos 7 and 13; W. W. Tarn, *Hell. India*,, 1938, p. 7, note 3. Tscherikower, Berve and Tarn ignore the existence of the Nicanor nephew of Seleucus attested by Malalas. There is not the slightest doubt that the statement of Malalas is perfectly reliable and based on good evidence. Malalas is in general well informed on the history of his native country and hardly could have invented the existence of Seleucus' sister, of her two sons and of their official status. The contention of Tarn that Dura was first founded by Antigonus under this very name and then refounded by Seleucus under the name Europos is not supported by any evidence. It is pure imagination. He assumes the same change of name for Edessa which again is not based on any evidence. The name Europos was given to the former Semitic ὀχύρωμα Dura not only because Europos was the birthplace of Seleucus but perhaps also because the Macedonians settled at Europos might have been natives of the same place. We know this for example in the case of the Syrian Larissa whose settlers were Thessalians, probably Thessalian soldiers (A. H. M. Jones, *The cities* etc., p. 244). Several other instances are known. They are discussed by W. W. Tarn in his recent book on Hellenistic India.

identification cannot be taken seriously. We know that Dura was founded by Seleucus I and not by Antigonus. It is proved beyond doubt by one of the three bas-reliefs found in the ruins of a temple dedicated to the Gaddé of Dura and Palmyra in the centre of Dura-Europos. This bas-relief represents a sacrifice offered by the donor to the "Fortune" — Τύχη of Dura-Europos. This protector of Dura, her "genius", appears on the bas-relief as Zeus Olympius, God protector of Alexander, Seleucus and the Seleucids. He is represented on the bas-relief as being crowned by a young man in military dress designated in the Palmyrene inscription incised below him as Seleucus Nicator.[6] Besides a fragmentary dedication to Seleucus Nicator was found at Dura in the ruins of the temple of the dynastic gods of the Seleucids — Artemis and Apollo.[7] Finally his cult was still alive in A. D. 180 as shown by the dating of a private contract of this year (D. Perg. 23): one of the eponymous priests of Dura-Europos of this document was the ἱερεὺς βασιλέως Σελεύκου Νικάτορος. Nicanor, the founder of Dura-Europos must therefore have been a contemporary of Seleucus Nicator.

Cumont has already suggested the other Nicanor as a candidate for the honor of having been the founder of Dura-Europos, and his suggestion must be accepted.[8] Let me produce the evidence. Pliny in talking of Mesopotamia (Plin. n. h. VI, 117) says: item in Arabum gente qui Orroei vocantur et Mardani Antiochiam, quae a praefecto Mesopotamiae Nicanore condita Arabis vocatur. I will speak later of the identity of Antiochia Arabis — whether Edessa or Nisibin, or both. What is important is to find again a Nicanor, this time qualified as governor of Mesopotamia, as founder of an important military city. There is little doubt that this Nicanor is identical with a famous and important man of the time of Seleucus known to us from a statement of Malalas (p. 198). In speaking about the history of Seleucus Malalas says: ὅστις Σέλευκος ἐπέτρεψε τῆς σατραπείας τὴν φροντίδα πάσης τῆς 'Ασίας ἔχειν Νικομήδην καὶ Νικάνορα τοὺς συγγενεῖς αὐτοῦ, υἱοὺς δὲ Διδυμέας, ἀδελφῆς τοῦ αὐτοῦ Σελεύκου. Malalas' statement is certainly correct. It shows that the policy of dividing the kingdom in two parts, the Western and the Eastern, and to entrust the last to a relative of the ruling king, was started by Seleucus before he appointed his son Antiochus (in 292 B. C.) to rule over the "Asiatic" or Eastern part of his Empire. Nothing more is known about Nicanor, the nephew of Seleucus and no further informations is extant about his mother Didymea. Pliny's statement suggests that Nicanor ruled over the Western part of the huge Asiatic satrapy and Nicomedes over its Eastern section.

Isidorus' statement about Dura-Europos shows that Nicanor was known in Mesopotamia as a great city founder. This fits well Pliny's statement about his being the founder of Antioch Arabis, in the country of the Orroei and Mardani. An Antioch with the name Arabis is otherwise unknown. However, I may point out that Dura-Europos in the same D. Perg. 23 of A. D. 180 is called Εὖρωπὸς πρὸς 'Αραβίᾳ while her official name was probably Εὖρωπὸς ἐν Παραποταμίᾳ (D. Perg. 21 and 40, A. D. 87). Thus Arabis might have been one of the names of one of the Antiochs of Mesopotamia. Which one? We know two of them. One is Antioch ἐπὶ τῆς Καλλιρόης, the famous

[6]) My articles πρόγονοι in J. H. S., 55 (1935), p. 56ff., and C. R. Ac. Inscr., 1935, p. 1 ff.

[7]) Yale Dura Exp., Prel. Rep., III, p. 54, D 151.

[8]) F. Cumont, *Fouilles de Doura-Europos*, p. XVIIIff., cf. A. H. M. Jones, *The cities* etc., p. 216 ff.

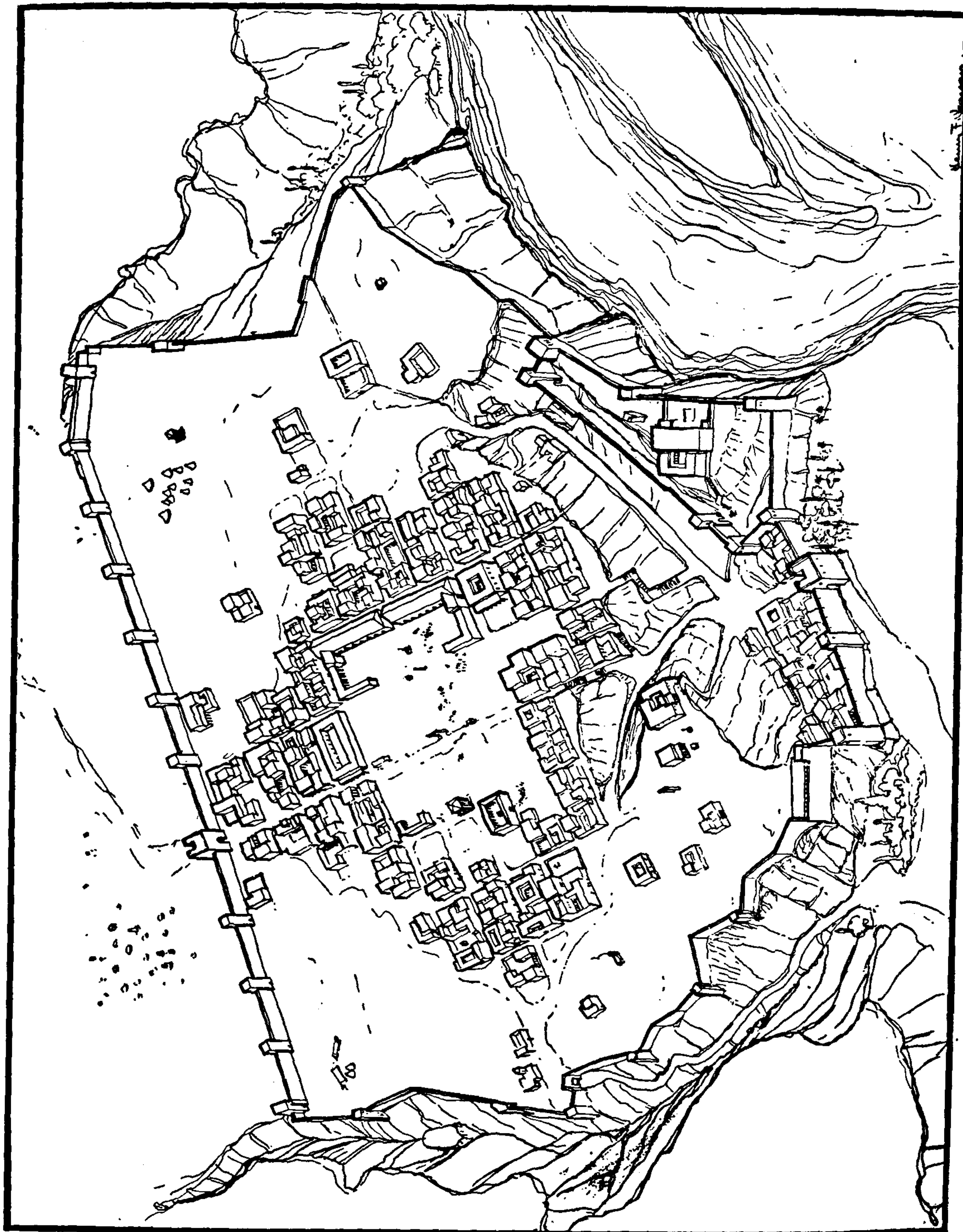
Edessa, and the other is Antioch Μυγδονία or ἐπὶ Μυγδονίας, the ancient city of Nisibin. It is known that Edessa was founded by Seleucus I in 302 B. C. — Euseb. Chron. a. Abr. 1715; Sync. p. 520: Cedr. I, p. 292, cf. Malalas, p. 418, and it is more than probable that the same Seleucus founded or put a garrison into Nisibin (C. I. G. 6856, 5: ἣν ἔδειμε Νικάτωρ which Mommsen in a note to Kaibel, Epigr. 549 corrected perhaps correctly into Νικάνωρ).[9] Of course Pliny names both of these cities another time (Edessa, n. h. V, 86, and Nisibin, n. h. VI, 42) and never mentions there the surname Arabis. However, it is well known how frequent are repetitions in the geography of Pliny. It depends on his use of various sources which he never took the pain of coordinating. In his statement about Arabis he probably confused two Antiochs, both in Arabia, both founded by Seleucus and both perhaps creations of Nicanor. His statement about the two tribes to which the city belonged — Orroei, in fact the tribe of Edessa, and Mardani, which was the tribe of Nisibin (A. H. M. Jones points to the modern Mardin near Nisibin) shows that this Arabis was both Edessa and Nisibin. I do not enter into the discussion of the problem when and how Edessa and Nisibin were both named Antioch. It has no bearing on my subject.

We know therefore 1) that Nicanor was not only the founder of Dura-Europos but probably of Edessa or Nisibin or of Edessa and Nisibin also 2) that it happened certainly before 292 or 294 when Antiochus was appointed governor of the Asiatic satrapies and in all probability about 302 B. C. when Edessa was founded and 3) that Nicanor carried out in founding these cities a commission given to him by Seleucus.

The date of these foundations is significant. It was the time just before Ipsos when Seleucus stood before a great decision in his life and when he must have had made preparations in case Lysimachus be the victor in the struggle. The birthplace and real centre of his power was the "Asiatic" part of his kingdom, especially Babylonia. And to Babylonia he would probably retire if vanquished. It was in order to protect Babylonia from his Northern enemy that he built shortly before Ipsos his line of defence in Mesopotamia. That is to say, he occupied by his garrisons and fortified the key-points of the great roads which led from Asia Minor into his Babylonian satrapy — the Euphrates' and the Tigris' roads. He still remembered the expeditions of Antigonus and Demetrius. It might have been at the same time if not earlier that his two bridge-heads or crossing points on the Euphrates (Zeugma-Apamea and Amphipolis-Europos) were fortified and the other Macedonian strongholds on the Euphrates' and Tigris' roads were built (especially Carrhae, Anthemus and Ichnae).

It is not by chance that three of Nicanor's foundations are mentioned in our evidence as such. I mean Edessa, Nisibin and Dura-Europos. These three points were without doubt the most important key-points in the defence system devised for protecting Babylonia. There is no use to emphasize it for Edessa and Nisibin. Their military history shows it and it is evident. Not less important was Dura-Europos. One glance at a good map of the surroundings of Dura-Europos demonstrates it. Europos' situation on the rocky plateau which overhangs the Euphrates and forced the caravans and armies

[9]) On Edessa J. Marquart, *A Catalogue of the provincial capitals of Eranshahr*, 1931, p. 63ff.; A. R. Bellinger and C. B. Welles, *Yale Class. St.*, 5 (1935), p. 124ff., cf. my remarks in C. A. H., XI, p. 119; on Nisibin J. Sturm, P. W. K., XVII, p. 727ff.

to leave the bank of the Euphrates, to cross the plateau and to pass through the city of Europos in order to reach the bank of the Euphrates again, shows that Europos as fortress was the key to the Euphrates' road and that it was not possible for an invader from the North to enter Babylonia without having first taken Europos.

The ruins of the city as excavated and studied by the Yale expedition fully suport the above statement. It is surprizing to see how strong were the fortifications of Europos. And it must be emphasized that careful investigation of the extant ruins of these fortifications have shown that Cumont was right and that all of them were laid out and some parts of them completed in the early Seleucid period, about 300 B. C. Such was the case of the citadel and of her palace, of the wall which surrounded the city and of the main gates of this wall, especially the two gates of the desert wall, one temporary and one lasting. The fortifications of Europos make it certain that Europos was at the time of her foundation intended to be not only a military colony but first and foremost a strong fortress occupied by a large garrison, a military stronghold of first class.

It is a pity that we know so little in this respect of Edessa and Nisibin. It is significant, however, that later both these cities were fortresses of first class strength and that Malalas mentions that Edessa was surrounded by strong walls at the very time of her foundation.

In carrying out his plan of colonization of Mesopotamia Seleucus pursued primarily military purposes. It was a set of fortresses which he and Nicanor and after them Antiochus I intended to bring to being. However, this was not the only aim of their foundations. Their military colonies were not only fortresses, they were also cities, Greek πόλεις with all what it meant. Some modern scholars in studying the problem of Macedonian colonization suggested that those colonies only were real cities which bore dynastic names, the rest — those which received a geographical name or retained their Oriental names being mere fortresses occupied by some Macedonian settled soldiers. They had no city constitution and were not administrative and economic centres of a "territory", of a certain region. Some of them were later promoted to the rank of a city and received dynastic names. Some others remained what they used to be at their foundation — fortresses and κατοικίαι.[10]

I am afraid that the above formulated hypothesis, attractive as it looks at the first glance, is contradicted by the results of our excavations of Dura-Europos. I have pointed out that Isidorus calls Dura a πόλις. And a polis she was from the earliest times. Another of the results of our excavations of Dura was to show that from the earliest times Dura was laid out as a regular πόλις, not as a village-like town inhabited by a few soldiers-farmers (See pl. I a plan of the Hellenistic city of Europos drawn by Mr. H. Pearson). Inside her strong fortifications Hellenistic Dura appears as a regular Greek city: she was laid out on the Hippodamian plan like almost all the cities created by Alexander and his successors; she had a fine and beautiful acropolis with a large palatial official mansion on its top (probably the strategion) and a temple behind it; she could boast of a broad main street which ran from gate to gate; at the

[10]) The last to stress this point were A. H. M. Jones, l. cit., p. 442, note 7, and W. W. Tarn, *Hell. India*, 1938, ch. I. It is almost the communis opinio of the modern scholars though the evidence bearing on it is slight and not convincing.

centre of the street extended to the North a spacious agora while to the South of it stood the main temple of the city — that of Artemis and Apollo.[11]

Europos' external aspect was therefore that of a regular Greek city and I see no reason to believe that the internal structure of the city did not correspond to this external aspect i. e. that the city had no city organization with a demos, a bule and magistrates. We have no contemporary evidence on this point. However, in the Parthian times Europos was a city (see Isidorus of Charax) and was in possession of a city constitution. Was the status of a polis granted to Europos by the Parthians? It is hard to suggest it. We never hear of such a policy of the Arsacids. They were no builders of Greek cities. They inherited them from the Seleucids and tried to encroach as little as possible on their ancestral privileges. One of them was their political status and their constitution. And so it was probably with Europos. If she was a city in the Parthian times it means that she had been one before.

And yet Dura-Europos never changed her geographical name into a dynastic one. This shows that the dynastic names had probably no constitutional meaning. It was just an honour bestowed on a city by the kings, sometimes perhaps granted to the city by the kings at her own request. Europos did not get a dynastic name and the right of coinage like her sister-cities Edessa and Nisibin probably because in the time of Epiphanes when these and so many other cities received their dynastic names and their right of coinage she had no more the importance she used to have in the times of Seleucus I. It appears probable that after Seleucus I and Antiochus I Europos as a fortress was neglected. The later kings had either no money to take care of her or more probably they concentrated their attention on other fortresses more important from the military points of view than Dura-Europos. I mean fortresses which were open to immediate attacks of the Parthians. The Parthian danger was, as we know well enough, the greatest preoccupation of the later Seleucids on their Eastern front. This accounts for the neglect of Dura, attested by many facts. It is significant that Europos' citadel was never finished, that the work of replacing the brick superstructure of the fortifications by one of stone was proceding very slowly and that the same must be said of the work done on the main gate.

Such is the short outline of the history of Europos in the Hellenistic times. We do not know very much, but I repeat that we know much more of Europos than of any other military colony of the Seleucids. And this is due exclusively to our systematical spadework.

M. Rostovtzeff.

New Haven.

---

[11]) My remarks on the fortifications of Dura-Europos and on her general lay out and external aspect in the Hellenistic times are based on the observations of Cumont, Col. Renard, A. von Gerkan, F. Brown, C. Hopkins and H. Detweiler. It must be noted that we have not found at Dura-Europos such typical buildings of a Greek city as a gymnasium, and a theatre. However, we have found remains of a palaestra and it must be emphasized that we have excavated one third of the city only and not all the buildings which we have excavated have been carefully studied as regards their history. Negative evidence is never conclusive and it has no value in the individual case of Dura-Europos. We must not forget moreover that the Macedonian population of Europos was very small. It may have had no need to build special edifices for the training of its youth.

L'EMPEREUR MAURICE S'APPUYAIT-IL SUR LES VERTS OU SUR LES BLEUS?

Dans un travail récent[1], Mlle Janssens s'est attachée à montrer que l'empereur Maurice, contrairement à l'opinion courante, s'est appuyé sur les Verts, non sur les Bleus. J'estime qu'elle a prouvé cette thèse. Mais comme, dans une note[2] plus récente encore, M. F. Dölger le conteste, je crois devoir marquer mon accord avec Mlle Janssens.

Le premier texte, net, qui démontre que Maurice favorisa les Verts est celui de Théophane cité par Mlle Janssens: ὁ δὲ δῆμος τῶν Πρασίνων ἔκραζε λέγων· Κωνσταντῖνος καὶ Δομεντζίολος τῷ οἰκείῳ σου δήμῳ παρενοχλοῦσιν. M. Dölger reproche à Mlle Janssens de traduire: „C. et D. tracassent ton dème favori". Mais Mlle Janssens ne traduit pas littéralement; elle explique le sens des mots grecs. Τῷ οἰκείῳ σου δήμῳ peut n'être qu'un équivalent de τῷ δήμῳ σου; mais le possessif, ici, est déjà singulièrement éloquent. „Ὁ οἰκεῖος δῆμος", dit M. Dölger, „heißt volkssprachlich einfach „dein Demos", ohne jede Gefühlsbetonung". M. Dölger semble oublier que ce texte capital, en ce qui concerne les relations intimes de Maurice avec les Verts, est confirmé par la précieuse scolie à Théophylacte et à Procope, citée, reproduite et traduite exactement par Mlle Janssens (p. 500 de son article). On y voit, dans une circonstance décisive, le baptême du jeune Théodose, fils de Maurice, l'empereur repousser la demande des Bleus, qui proposaient pour ce prince le nom de Justinien, et agréer au contraire celle des Verts, qui exigeaient le nom de Théodose, en souvenir de la faveur dont ils avaient joui sous Théodose II.

Les Verts étaient donc le „parti officiel", et ils le restèrent jusqu'à la chute de l'empereur. En principe, et sauf quelques exceptions (Justinien, Phokas), il en était ainsi presque sous tous les règnes, pour la raison très simple que les Verts étaient les plus nombreux et par conséquent les plus forts. Sauf les périodes de „fascisme bleu", de „terreur bleue", les Verts, les „popolari" dominaient. Ajoutons qu'ils passaient généralement pour „monophysites" ou plus ou moins sympathiques à „l'union" avec les Arméniens. M. Dölger dit de Mlle Janssens: „Mitunter scheinen die elementaren Vorstellungen (de Mlle Janssens) von den Möglichkeiten eines byzantinischen Verfassungslebens nicht ganz auszureichen, wenn (sie) p. 527 annimmt, Maurikios sei nicht-orthodoxer Katholik gewesen". Mlle Janssens, je crois, ou plutôt j'en suis sûr, sait

[1] Yvonne Janssens, *Les Bleus et les Verts sous Maurice, Phokas et Héraclius*, Byzantion, XI (1936), p. 499–536. Je renvoie à cet article, et aussi au mémoire capital de Manojlović, Byzantion, XI, p. 617–716. Toutes les sources y sont citées, ce qui me permet de réduire au minimum les références du présent article.

[2] F. Dölger, Byzantinische Zeitschrift, XXXVII (1937), p. 542—543.

parfaitement bien que les empereurs de Byzance, Théodose II comme Anastase, Justinien Ier comme les Iconoclastes eux-mêmes, se déclaraient tous „catholiques orthodoxes". Mais leur „doxie" à eux n'était pas toujours celle des autres, et dans les séditions populaires et militaires, on ne se faisait pas faute de leur reprocher des tendances hérétiques réelles ou supposées, le plus souvent, très réelles. M. Dölger conteste-t-il que l'orthodoxie de Maurice semblait suspecte à ses ennemis? Si Phokas a mis tant de zèle à vanter la pureté de sa propre foi, c'est évidemment parce que son prédécesseur avait été vivement critiqué sur le fait de la religion. La foule irritée ne lui lança-t-elle pas à la tête le nom de „Marcioniste?" On ne s'est jamais sérieusement demandé ce que signifiait cette invective[3]. Mais nos études sur les Pauliciens ont mis en relief, croyons-nous, que le „paulicianisme", né vers la fin du règne de Constant, est en réalité une réforme du marcionisme plutôt que du manichéisme proprement dit, et les origines du marcionisme et du paulicianisme doivent être cherchées dans le Pont et l'Arménie. Maurice était d'Arabissus en Arménie Mineure; c'en était assez pour faire naître le soupçon qu'il versait dans l'hérésie[4]. C'est tout ce que Mlle Janssens a voulu dire, page 527: il est impossible de ne pas lui donner raison.

Si Maurice s'appuya sur les Verts d'une manière systématique et constante, cela n'empêche que „son dème", à la fin, s'allia avec les Bleus pour le renverser. L'empereur finit détesté de tous. Mais les Verts tenaient à jouer le premier rôle sous Phokas comme sous Héraclius. Ils refusèrent de porter Germanos au pouvoir, parce qu'ils se méfiaient de sa couleur. Ils le soupçonnaient d'un parti-pris „bleu". Les Bleus, de leur côté, se considéraient comme les vainqueurs, et l'attitude arrogante des Verts, à l'aube du nouveau règne, les exaspérait: ils reprochaient, semble-t-il, à leurs adversaires de „confisquer" à leur profit la révolution. Ainsi s'explique la scène fameuse, mais le plus souvent mal comprise, du portique d'Ampélios. Les Verts ayant voulu occuper cette place qui traditionnellement, sans doute, appartenait aux Bleus, ceux-ci protestèrent violemment. Comme Alexandre, délégué de Phokas, bousculait Cosmas, démarque des Bleus, les Bleus crièrent.

ὕπαγε· μάθε τὴν κατάστασιν· Μαυρίκιος οὐκ ἀπέθανεν.

M. Dölger traduit: „Va t'informer du protocole: Maurice n'est pas mort": „Das ist — ajoute-t-il — eine sehr deutliche Drohung und zugleich eine Anspielung auf die Unvertrautheit des *homo novus* mit den feststehenden Einrichtungen (zu κατάστασις „Zeremonie" vgl. z. B. Malalas 457, 14; de caerim. 9,5 u. öfter)".

---

[3]) Je ne vois pas qu'on ait rapproché de l'invective: Μὴ σχοίη δέρμα ὁ φιλῶν σε, Μαυρίκιε Μαρκιονιστά, l'épisode du procès fait par l'Eglise de Constantinople à deux clercs, Jean de Chalcédoine, accusé de „Marcionisme", et „l'Isaurien" Anastase de Lycaonie, „Manichéen". Ces deux affaires se terminèrent et 595 et 596 par des acquittements, le pape Grégoire étant intervenu en ce sens auprès de l'empereur et du patriarche. La foule constantinopolitaine semble avoir rendu l'Arménien Maurice responsable de l'impunité des Marcionistes et des Manichéens. Cf. E. Caspar, *Geschichte des Papsttums*, II (1933), p. 450—451; V. Grumel, *Les Actes des Patriarches*, nº 265, pp. 105—106, et notre p. 110, note 6.

[4]) Cf. N. Adontz, *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales*, t. II (1934) = *Mélanges Bidez*, p. 1—9. Déjà Кулаковскій, *Исторія Византіи*, II (1912), p. 419, avait reconnu „l'arménisme" de Maurice; Болотовъ, *Лекціи по исторіи древней Церкви*, IV, p. 445, voit en lui un précurseur des empereurs monothélites, de souche arménienne eux aussi.

Mlle Janssens interprète autrement: „Tu favorises les Verts parce qu'ils t'acclament, mais ne t'y fie pas; Maurice n'est pas encore mort; ils lui ont toujours été attachés et ils lui rendront sa place sur le trône si tu leur laisses trop de puissance". Κατάστασις peut avoir le sens de „cérémonie"; mais il signifie aussi „situation". De même στάσις veut dire, dans ces chroniques, tantôt „place" officielle occupée par le démos (= θέσις), tantôt — sens ordinaire — „sédition". Quelle était d'ailleurs la forme authentique de cette acclamation, diversement rapportée par les sources? Ici, Théophylacte n'est pas le seul témoin contemporain. Nous avons une source peut-être plus digne de foi, Jean d'Antioche: Καὶ ἔκραξεν ὁ δῆμος ἐν τῷ ἱπποδρομίῳ · Μαυρίκιος οὐκ ἀπέθανε, μάθε τὴν ἀλήθειαν. Krumbacher préférait cette version, qui donne un meilleur vers. Et M. Dölger a tort de dire que les sources „tardives", ici, n'entrent pas en ligne de compte. Au contraire, Léon le Grammairien et Cédrénus remontent, en somme, à la chronique de Jean d'Antioche, qu'ils peuvent servir à compléter. Tel est le résultat des travaux de Patzig notamment[5], que nous avons longuement contrôlés et complétés au cours d'une série d'exercices, dans le cadre de notre séminaire byzantin de Bruxelles. D'autre part, Patzig, précisément en ce qui concerne les règnes de Maurice et de Phokas, a opposé l'une à l'autre la manière de Théophylacte (source principale de Théophane), historien «sérieux», et celle de Jean d'Antioche, qui accueille des contes populaires. Mais il est facile de montrer que la version des événements propagée par Jean d'Antioche n'était pas inconnue de Théophylacte, lequel y fait des allusions assez précises. Conclusion: les fragments de Jean d'Antioche et les chroniqueurs dépendant de la Leoquelle ont beaucoup de chances de nous avoir conservé, sur la chute de Maurice, une tradition qui pourrait bien être contemporaine de Théophylacte, et dont rien n'empêche de croire qu'en matière d'acclamations, par exemple, elle était au moins aussi fidèle que cette source. Pour reconstituer les invectives rythmées des Bleus à Alexandre, délégué de Phokas, il y a lieu de tenir compte de toutes les versions. Nous avons l'impression que le texte original de ces invectives était plus complet qu'il n'apparaît dans chacune de nos sources, prise isolément. En particulier, le texte de Cédrénus ne paraît pas méprisable:

ὁ Μαυρίκιος οὐκ ἀπέθανεν ἀλλὰ ζῇ ἐρωτηθήτω.

Au contraire, de très menues corrections en feraient un vers politique parfait:

Μαυρίκιος, οὐκ ἀπέθανεν · εἰ ζῇ, ἐρωτηθήτω!

Sur le sens littéral de ces invectives, il ne saurait y avoir de doute. Ici encore Mlle Janssens n'a pas voulu traduire mot à mot, mais deviner l'intention des Bleus. Elle a parfaitement — d'après moi — caractérisé la manière „allusive" de ces acclamations de l'Hippodrome. Mot à mot donc, les Bleus disent à l'homme de Phokas, qui, selon eux favorise outrageusement les Verts: „Va [ὕπαγε Théophylacte et Théophane, glosé ἄπιθι

[5]) E. Patzig, *Johannes Antiochenus und Johannes Malalas*, Jahresbericht der Thomasschule, Leipzig, 1892, surtout pp. 8—12.

par Zonaras], informe-toi du protocole (ou de la situation) [τὴν κατάστασιν Théophylacte et Théophane, Zonaras a κατάστασιν sans l'article et semble avoir compris: apprends à te conduire], ou: de la vérité [Jean d'Antioche]; Maurice n'est pas mort, il est vivant [Cédrénus: Μαυρίκιος οὐκ ἀπέθανεν ἀλλὰ ζῇ, Léon le Grammairien: Μαυρίκιος ζῇ, οὐκ ἀπέθανεν]; qu'on l'interroge [ἐρωτηθήτω chez Cédrénus et Léon le Grammairien]".

Les Bleus reprochent à Alexandre d'ignorer le protocole, mais en même temps, de méconnaître la situation. Κατάστασις peut parfaitement être à double sens; et il est méthodiquement impossible de rejeter ἀλήθεια, qui figure dans le très précieux fragment de Jean d'Antioche. L'ancienne interprétation à laquelle M. Dölger voudrait nous ramener, est que les Bleus (l'ancien parti de Maurice), offusqués de la violence des Verts, menacent de retirer leur appui à l'usurpateur, et font entendre que Maurice n'est pas mort, c'est-à-dire qu'ils peuvent le sauver encore. Comme Maurice est dès lors le prisonnier de Phokas, et comme les Bleus sont beaucoup moins nombreux que les Verts, une telle manifestation de la part des premiers eût été le comble de la maladresse — si telle était leur intention — puisqu'elle devait entraîner l'exécution de l'empereur détrôné. D'autre part, M. Dölger, nous l'avons dit plus haut, ignore le texte décisif de la scolie à Théophylacte et à Procope, qui nous force d'admettre que les Verts, et non les Bleus, restèrent jusqu'à la révolution le parti favori de Maurice. Dans ces conditions, le sens de tout l'épisode est bien celui qu'a deviné Mlle Y. Janssens. Bien que M. Dölger lui reproche d'avoir été trop prolixe en cet endroit, j'estime qu'elle n'a pas été assez explicite. Elle aurait dû, comme je viens de le faire, distinguer entre le sens littéral des paroles des Bleus et leurs insinuations perfides: exaspérés contre Alexandre, ils veulent le rendre suspect à son maître. C'est pourquoi ils affectent de le renvoyer, non pas à Phokas, mais à Maurice prisonnier. Alexandre était un des chefs de la sédition. Mais sa partialité même pour les Verts montre qu'il était de ce parti populaire qui avait si longtemps défendu Maurice. Les Bleus sont de l'opposition de Sa Majesté, comme nous dirions; ils ont naturellement participé à une révolution laquelle aurait dû entraîner un changement de système et de couleur, qui effectivement parut un instant se faire au profit du Bleu Germanos, et qui, en dernière analyse, sous Phokas, aboutira tout de même à une „terreur bleue". Mais, à la grande déception des Bleus, les Verts, ralliés de fraîche date au nouveau gouvernement, font mine de confisquer la révolution et veulent „toutes les places". Alors, les Bleus insinuent que la fidélité de leurs adversaires à Phokas est au moins suspecte, et qu'Alexandre, pour ne nommer que cet insolent, est sans doute encore en relations avec son ancien maître.

J'ai indiqué clairement, je pense, dans cette courte note, en quoi je diffère d'opinion avec mon savant collègue et ami M. F. Dölger, mais je le répète en deux mots pour les historiens pressés: contrairement à la fable convenue des manuels, que M. Dölger voudrait perpétuer, Maurice, l'empereur arménien, tolérant pour les monophysites[a],

[a]) Déjà H. Gelzer l'avait très bien vu (apud Krumbacher, p. 943). Il s'appuyait certainement sur le *locus classicus* de Jean d'Ephèse, que je suis heureux de citer d'après la traduction Brooks, reçue à l'instant. Il s'agit du chapitre XXI, p. 205—206. Maurice et le patriarche savent tenir tête aux agitateurs et aux zélotes (certainement Bleus) qui réclament une persécution sévère contre plusieurs catégories d'hérétiques, notamment les Anti-chalcédoniens et les Marcionistes. Maurice

suspect de marcionisme, en querelle avec le pape comme les Théodose II et les Anastase, Maurice est un empereur „Vert". Il donne raison aux Verts qui réclament pour le prince héritier le nom de Théodose: les Verts, lui présentant leurs doléances dans l'hippodrome, s'appellent „son" dème[7]; et lors de la révolution qui aboutit au détrônement et à la décapitation de Maurice, révolution dont les Bleus seront les grands profiteurs, ces derniers tâcheront, et réussiront à rendre les Verts suspects au tyran Phokas comme gardant des sympathies pour le régime déchu. Ma thèse, qui est celle de Mlle Y. Janssens, explique parfaitement, non seulement l'histoire de Maurice, mais encore celle de Phokas. Elle présente, je crois, un intérêt historique assez grand[8], et qui justifie mon intervention en faveur de la vérité. Il est tout naturel qu'entre M. Dölger et nous, j'invoque l'arbitrage souriant de l'illustre jubilaire auquel sont dédiés ces Mélanges.

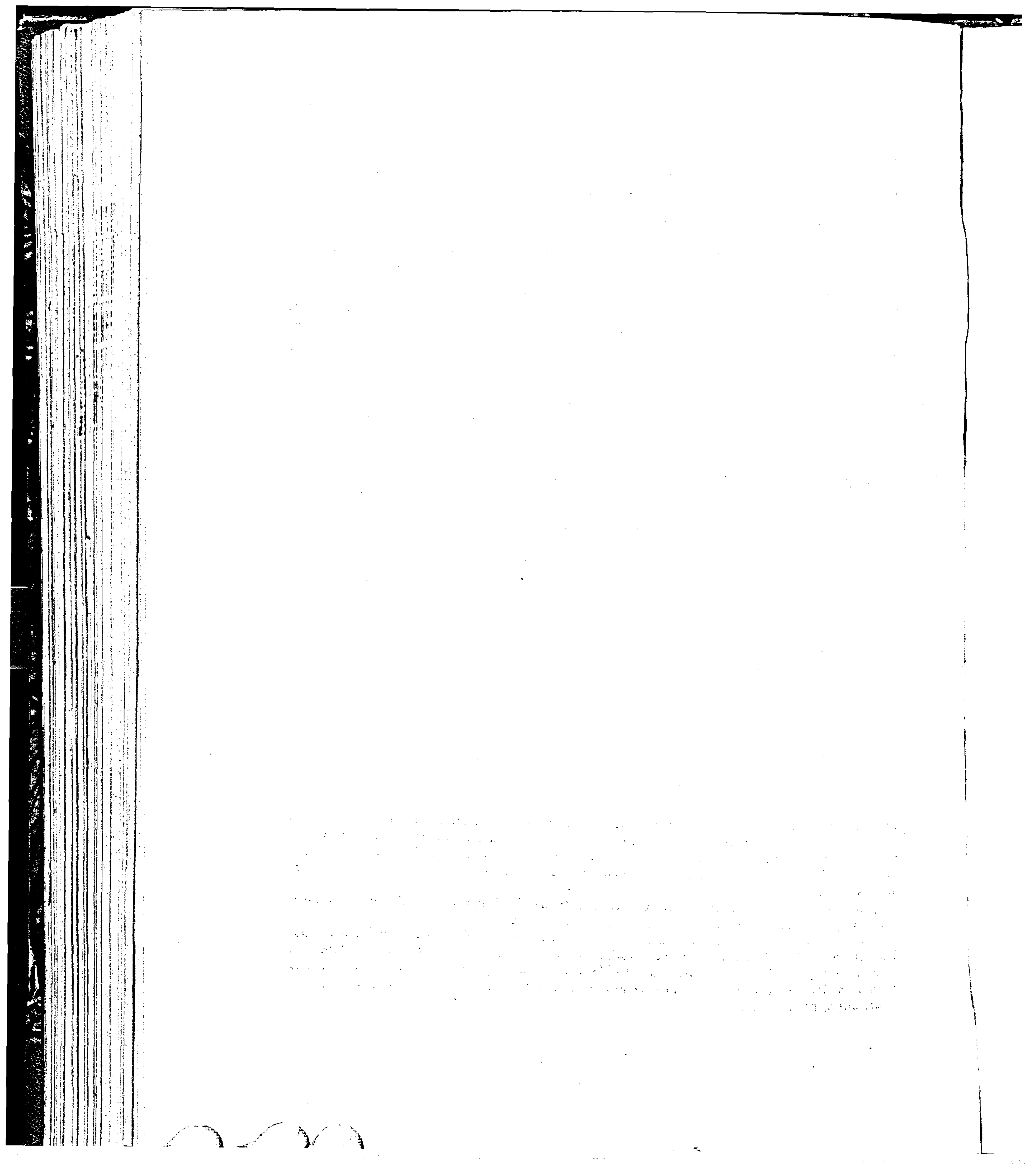
Henri Grégoire.

Bruxelles.

répond par ces nobles paroles, qui achèvent d'expliquer sa réputation d'hérésie: „Nonne bella externorum, quae nos circumstant, nobis sufficiunt, sed et popularium etiam praeterea nobis addere vultis?" Corp. Script. Or. — Script. Syr., versio. Series 3a. Tomus III. Joh. Eph. H. E. pars tertia. Louvain, 1936. Peu importe qu'il y ait eu tout de même des persécutions religieuses sous son règne: nous avons entendu ses *ipsissima verba!*

[7]) Evidemment, les deux dèmes sont „à l'Empereur"; mais les deux textes visés forment, ensemble, un témoignage irréfutable, et auquel on ne peut rien opposer.

[8]) Mlle Janssens met en œuvre des sources, notamment épigraphiques, que n'avait pas connues M. Manojlović. L'originalité de son travail, méconnue bien à tort par M. Dölger, éclatera à la lecture de la page 641 de M. Manojlović. Elle a bien compris, pour la première fois, comme une phrase impérative ou optative, et non comme une subordonnée, les mots ἵνα ὁ Κρούχας διοικήσῃ, etc. (Janssens, page 504).

ΔΟΥΛΙΚΟΝ ΖΕΥΓΑΡΙΟΝ

(Къ вопросу о серважѣ въ Византіи)

Подъ серважемъ мы разумѣемъ особую юридическую форму крѣпостничества, типичную для западно-европейскаго средневѣковья, а характеризуемую личной прикрѣпленностью земледѣльца къ особѣ, имѣвшей dominium directum надъ земельнымъ участкомъ даннаго крестьянина. La substitution de l'esclavage par le servage на Западѣ выразилась въ ограниченіи для собственника права отчужденія и распоряженія надъ личностью серва, однако droit de suite, formariage и la main morte ясно свидѣтельствуютъ, что въ представленіи средневѣковья serf de la glèbe являлся не субъектомъ, а объектомъ права: instrumentum fundi наравнѣ съ рабочимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями. Частно-правовая точка зрѣнія на серва является основнымъ юридическимъ признакомъ этого класса, отличающимъ его отъ другихъ слоевъ виллановъ, также находившихся въ различныхъ степеняхъ зависимости отъ сеньера, но въ отношеніи къ государству разсматривавшихся какъ свободные люди.

Вопросъ о существованіи серважа въ Византіи можно считать еще совершенно открытымъ. Насколько мнѣ извѣстно, спеціально ему были посвящены лишь двѣ работы: старая статья Каллигаса[1] и рефератъ проф. Константинеску на первомъ византологическомъ конгрессѣ въ Букарестѣ.[2] Большинство замѣчаній о византійскомъ серважѣ, встрѣчающихся въ трудахъ по внутренней исторіи Византіи, высказаны вполнѣ апріорно, обычно въ связи съ воззрѣніями на происхожденіе и сущность института парикіи (*παροικία*). Каллигасъ въ упомянутой статьѣ стоялъ на точкѣ зрѣнія, что всѣ парики въ Византіи являлись крестьянами-рабами (δουλευτοπάροικοι), сохраняя такое состояніе въ теченіе всего средневѣковья отъ Діоклетіана до паденія Константинополя. До извѣстной степени эта теорія была и у Цахаріэ-фонъ-Лингенталя, также не различавшаго парика отъ серва.[3] Напротивъ, Васильевскій полагалъ, что серважъ въ Византіи пересталъ существовать еще въ ранне-византійскую эпоху, что было результатомъ законодательныхъ мѣропріятій императоровъ иконоборцевъ.[4] Б. А. Панченко въ своемъ фундаменталь-

---

[1]) *Περὶ δουλοπαροικίας παρὰ Ρωμαίοις καὶ Βυζαντίοις* (Μελ. καὶ λόγοι, 1882).

[2]) N. A. Constantinescu, *Réforme sociale ou réforme fiscale? Une hypothèse pour expliquer la disparition du servage de la glèbe dans l'empire Byzantin.* (Académie Roumaine. Bulletin de la section historique, XI, Bucarest 1924).

[3]) Zachariae von Lingenthal, *Geschichte des griechisch-römischen Rechts*, 3. Aufl. Berlin 1892, 262.

[4]) В. Г. Васильевскій, *Труды*, IV, 144. Ср. „парики... иногда называются δουλοπάροικοι не

номъ изслѣдованіи о крестьянской собственности пришелъ къ выводу, что „основной идеей аграрной исторіи Византіи должна быть поставлена личная и наслѣдственная (γονικόν) собственность париковъ казенныхъ, вотчинныхъ и проніарскихъ". Основой византійскаго крѣпостного строя является не личная зависимость крестьянина, но тяглое состояніе земли. Сущностью пожалованія въ вотчину и въ пронію прикрѣпленныхъ къ тяглу казенныхъ крестьянъ-собственниковъ является первоначально передача тягла париковъ, слѣдствіемъ чего явилось лишь нѣкоторое ограниченіе имущественныхъ правъ крестьянина при отчужденіи земли и подчиненіе личной полноправности парика патронату вотчинника или проніара. О рабахъ Панченко упомянулъ лишь въ одномъ примѣчаніи, относящемся къ Крестьянскому Закону[5]; терминовъ μίσθιοι δουλευταί, πάροικοι δουλευταί и δουλευτοπάροικοι не объяснилъ[6]; но во всякомъ случаѣ не ставилъ ихъ въ связь съ серважемъ, существованія котораго, очевидно, не признавалъ, часто подчеркивая, якобы монастырскіе документы не заключаютъ никакихъ данныхъ о личномъ крѣпостничествѣ крестьянъ на помѣщичьихъ земляхъ. Напротивъ, его рецензентъ, обладавшій большой эрудиціей, іеромонахъ Михаилъ, какъ въ своей обширной рецензіи на книгу Панченко, такъ и въ особой, очень короткой, но содержательной статьѣ о рабскомъ зевгарѣ указалъ, что масса крестьянскаго населенія въ Византіи не была однородной въ правовомъ отношеніи и что существовало юридическое различіе между категоріями крестьянъ πάροικος ὑποστατικός, προσκαθήμενος и δουλευτοπάροικος. Онъ полагалъ, что въ δουλευτής слѣдуетъ видѣть „холопа, который служитъ монастырю не на землѣ, или, если на землѣ, то не на выдѣленномъ ему участкѣ",[7] а въ δουλικὸν ζευγάριον — „полную крѣпостную стась, крестьянина съ землей и волами, причемъ терминъ δουλικόν, вѣроятно, указываетъ на бóльшую степень закрѣпощенія".[8]

Однако это цѣнное наблюденіе іером. Михаила осталось незамѣченнымъ въ научной литературѣ. Тафрали въ своей извѣстной книгѣ о Θессаликѣ въ XIV-мъ вѣкѣ снова запуталъ вопросъ о серважѣ,[9] такъ какъ самъ не разобрался въ юридическихъ отличіяхъ разныхъ категорій зависимаго сельскаго населенія и самое

потому чтобы они приравнивались къ рабамъ (δοῦλοι), а въ отличіе отъ κληροπάροικοι — церковныхъ рабовъ" (ibid. 234).

[5]) О рабахъ у крестьянъ: Б. А. Панченко, *Крестьянская собственность въ Византіи. Земледѣльческій Законъ и монастырскіе документы.* Софія 1903, 61, прим. 2 (извлечено изъ Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, т. IX).

[6]) Ibid. 165, 166, 167. Въ одномъ случаѣ терминъ δουλεία, повидимому, понималъ какъ службу: πάροικοι δουλευταί — служки (стр. 165); но на стр. 113: δουλευτής — вѣчный парикъ, а на стр. 170 „δουλευταί — холопы".

[7]) Византійскій Временникъ XI, 1904, 613—614.

[8]) Византійскій Временникъ X, 1903, 609.

[9]) O. Tafrali, *Thessalonique au quatorzième siècle,* Paris 1913, 35: les paysans „cultivaient la terre en condition de parèques, c'est-à-dire liés à la glèbe comme serfs". Далѣе утверждаетъ, что парики послѣднихъ вѣковъ были потомками не только римскихъ колоновъ, но и поселившихся въ имперіи варваровъ, ставшихъ προσκαθήμενοι. Но затѣмъ: „Tous ceux qui ne possédaient pas une terre à eux et habitaient la campagne, quoique libres, entraient dans les rangs des parèques, ainsi que les étrangers, qui se fixaient sur un domaine quelconque sans avoir acheté une terre." Въ слѣдующей главѣ авторъ привелъ характерныя цитаты о ἁγιοδοῦλοι и ἀνδράποδα, доказывающія, что наряду съ париками въ Византіи въ XIV-мъ вѣкѣ существовали и рабы.

понятіе парика отождествилъ съ сервомъ. Указанное недоразумѣніе окончательно устранилъ Константинеску въ упомянутой статьѣ о причинахъ исчезновенія серважа въ Византіи, показавъ полное отсутствіе элемента рабской зависимости въ юридическомъ понятіи парикіи. Фискальная система Діоклетіана, привязавъ къ землѣ сельскихъ рабовъ и колоновъ, создала „servage d'origine fiscale", смѣшавшій рабское и свободное крестьянство въ общую массу сервовъ. На Западѣ это состояніе сдѣлалось типичнымъ для крестьянъ феодальной эпохи, на Востокѣ же возрожденіе государственной идеи въ VIII-мъ вѣкѣ вызвало фискальныя реформы, приведшія къ существеннымъ измѣненіямъ въ аграрно-соціальной структурѣ Византіи. Въ эту эпоху исчезаютъ рабы — censiti, а также adscripticii (ἐνυπόγραφοι) и μισθωτοί — свободные колоны, привязанные къ землѣ. На имѣніяхъ крупныхъ собственниковъ снова являются многочисленные рабы (ἀνδράποδα, οἰκετικὰ πρόσωπα, ψυχάριοι) въ ихъ античномъ значеніи, которые существуютъ до послѣднихъ дней Византіи. Напротивъ, крестьяне становятся свободными, обрабатывая землю на условіяхъ временнаго эмфитевсиса (по краткосрочному контракту), или по системѣ παροικικὸν δίκαιον — обычнаго права, дѣйствовавшаго въ отношеніи поселенчества на свободныхъ земляхъ. Кромѣ наемныхъ работниковъ (μίσθιοι) является много свободныхъ арендаторовъ (προσκαθήμενοι) — половниковъ. Надѣлъ этихъ париковъ, платящихъ денежную аренду, послѣ 30-тилѣтняго непрерывнаго владѣнія превращается въ наслѣдственную собственность (κληρονομικὴ ὑπόστασις) этихъ крестьянъ. Эпоха Комниновъ внесла важныя измѣненія въ аграрно-соціальную структуру Византіи, но и въ эту послѣднюю эпоху не существовало серважа, такъ какъ 1) источники не говорятъ о прикрѣпленіи крестьянъ и 2) до послѣдняго времени въ Византіи рабы продаются свободно, безъ земельныхъ участковъ.[10]

Приходится пожалѣть, что г. Константинеску не остановился подробнѣе на анализѣ матеріала, относящагося къ послѣднему періоду отъ XII до XV-го вѣка. Уже самъ по себѣ фактъ существованія рабскаго труда на помѣщичьихъ земляхъ рядомъ съ лично-свободнымъ, но прикрѣпленнымъ къ земельному тяглу крестьянствомъ, рождаетъ предположеніе о возможности постепеннаго возникновенія промежуточныхъ формъ крѣпостной зависимости, въ числѣ которыхъ могъ появиться и серважъ. Къ тому же самое представленіе о томъ, что въ извѣстную эпоху византійской исторіи произошло всеобщее освобожденіе сервовъ, является по меньшей мѣрѣ недоказаннымъ. Жаль также, что авторъ не задержался на анализѣ терминовъ μίσθιοι δουλευταί и πάροικοι δουλευταί, которые появляются именно въ послѣднюю эпоху и относительно которыхъ авторъ ограничился указаніемъ, что они не являлись рабами, такъ какъ для обозначенія послѣднихъ существовали другіе термины.

Кромѣ того самая проблема существованія рабства въ Византіи въ XII—XV-мъ вѣкахъ нуждается въ обстоятельномъ, фундаментальномъ изученіи. Въ этой области много очень интересныхъ данныхъ собрано въ трудахъ И. Сакызова о болгарской торговлѣ съ Византіей, о монастырскомъ хозяйствѣ въ Болгаріи, и, особенно, въ статьѣ о новеллѣ Алексѣя Комнина, относящейся къ рабамъ-болгарамъ.[11] Тамъ

[10]) Op. cit.

[11]) И. Сакжзовъ, *Известия за бълг. търговия въ Цариградъ* (Изв. ист. д-ва, VI); *Българската търговия презъ XII-XIV в.* (Списание на Бълг. Иконом. д-во, 1922, кн. 1—2); *Срѣдновековното монаст. стопан-*

доказывается, что торговля рабами въ Византіи существовала до конца среднихъ вѣковъ и что въ крупномъ земельномъ хозяйствѣ servi rustici имѣли особенно важное значеніе. Въ послѣдней же статьѣ разобрано отношеніе государственной власти и церкви къ постановленіямъ брачнаго права въ отношеніи къ рабамъ, въ связи съ условіями ихъ освобожденія. Послѣдній вопросъ получаетъ особый интересъ, если учесть что эти рабы-болгары, по всей вѣроятности, сидѣли на землѣ. Однако, всѣ заключающіеся въ приведенныхъ изслѣдованіяхъ матеріалы настолько фрагментарны и случайны, что на основаніи ихъ не только нельзя создать сколько-нибудь цѣльной и обоснованной картины византійскаго серважа, но даже съ достовѣрностью установить существовалъ ли въ Византіи этотъ институтъ съ юридическими отличіями отъ обычнаго рабства, съ одной стороны, и съ другой стороны — отъ класса лично-свободныхъ крестьянъ, париковъ, связанныхъ не личной, а фискальной крѣпостью по обрабатываемой землѣ. Поэтому изъ ученыхъ послѣдняго времени, изучавшихъ соціально-экономическую структуру Византіи (А. Вишнякова,[12] И. Соколовъ,[13] Ф. Дёлгеръ,[14] Г. Острогорскій,[15] Э. Штейнъ[16]) никто не остановился на указанной проблемѣ. Ѳ. И. Успенскій, всю жизнь изучавшій аграрный и соціальный строй Византійской имперіи, въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ пришелъ къ слѣдующему выводу: „что касается зависимаго владѣнія, временнаго и условнаго пользованія земельнымъ участкомъ съ разными формами обязательственныхъ отношеній къ собственнику, а также по отношенію къ подчиненному рабскому элементу на помѣщичьей землѣ, — на этотъ счетъ... имѣются очень скудныя, случайныя и далеко неудовлетворительныя показанія, по которымъ можно лишь намѣтить существованіе подразумѣваемаго явленія въ соціальномъ и экономическомъ быту Трапезундской и Византійской имперіи, а не изучать его въ подробностяхъ и необходимой полнотѣ. Можетъ-быть, это не случайное обстоятельство, что наука до сихъ поръ такъ мало освѣдомлена о положеніи крестьянскаго сословія въ названныхъ имперіяхъ: ни подробныхъ описей, ни писцовыхъ книгъ, за весьма рѣдкими исключеніями, не сохранилось, а что не подверглось уничтоженію, то мало касается зависимыхъ крестьянъ, именно париковъ, наймитовъ, арендаторовъ, половниковъ и всего менѣе рабовъ. Вслѣдствіе указаннаго положенія вопроса, мы со всею бережливостью должны относиться къ тѣмъ намекамъ и указаніямъ, которыя изрѣдка попадаются примѣнительно къ отмѣченнымъ выше зависимымъ

ство въ България (Списание на Бълг. Икон. д-во, XXII, кн. 1); *Една новела на Алексия Комнинъ за роби-българи* (Сборникъ въ честь на Василъ Н. Златарски. София 1925, 367—388).

[12]) А. Вишнякова, *Хозяйственная организация монастыря Лемвиотиссы.* (Визант. Временник, XXV, 1927, Ленинград 1928, стр. 33—52.)

[13]) И. И. Соколов, *Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии* (Известия Академии Наук СССР, 1931, № 6, стр. 687—712).

[14]) Fr. Dölger, *Die Frage des Grundeigentums in Byzanz* (Bulletin international des Sciences Historiques, 5, 1933, p. 5—15); *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts* (Byzantinisches Archiv, Heft 9, Leipzig-Berlin, 1929).

[15]) G. Ostrogorsky, *Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X Jahrhundert* (Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, XX, Stuttgart 1927); *Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter* (Byzantion VI, 1931, p. 229—240).

[16]) Ernst Stein, *Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte.* (Mitteilungen zur osmanischen Geschichte, II, 1923—1925, Hannover 1925, s. 1—62).

классамъ населенія... Не подлежитъ сомнѣнію, что имперія сохранила до послѣднихъ лѣтъ своего существованія и свободныя общины крестьянъ и имѣла зависимое отъ крупныхъ владѣльцевъ сельское населеніе, стоявшее при томъ на разныхъ ступеняхъ экономическаго и соціальнаго положенія.“[17]

Также полагая, что настоящее состояніе источниковъ, нужныхъ для рѣшенія поставленной проблемы, еще не даетъ достаточно матеріала для исчерпывающаго изслѣдованія ея, я имѣю въ виду посвятить настоящую статью лишь анализу нѣсколькихъ источниковъ, которые, по моему, указываютъ на существованіе въ Византіи серважа. Однако, прежде чѣмъ перейти къ анализу упомянутыхъ источниковъ, необходимо сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній о категоріяхъ зависимаго сельскаго населенія въ Византіи. Вопросъ о существованіи и категоріяхъ свободнаго крестьянства въ данномъ случаѣ для насъ не играетъ роли и потому мы не останавливаемся на немъ, отсылая интересующихся къ послѣднему краткому, но очень содержательному, обзору проф. Дёлгера „*Вопросъ о земельной собственности въ Византіи.*“[18]

*

Въ средніе вѣка все зависимое земледѣльческое населеніе вообще называлось въ Византіи общимъ именемъ париковъ.[19] Въ этомъ широкомъ смыслѣ парики упоминаются въ актахъ съ различными эпитетами, выражающими ихъ податное и имущественное состояніе, давность сидѣнія на данномъ участкѣ, степень зависимости, кому подчинены крестьяне и т. д.: πάροικοι ὑποτελέται, πάρ. ἀτελεῖς, τελοῦντες ὑπὸ παροικίαν, πάρ. ἐλεύθεροι; πάρ. ὑποστατικοί, πάρ. προσκαθήμενοι, πάρ. ζευγαράτοι, πάρ. ἀκτήμονες, πάρ. καπνικάριοι; ἀρχαιοπάροικοι, νεοπάροικοι, ξενοπάροικοι, συμπάροικοι; πάρ. δουλευταί, δουλευτοπάροικοι; δημοσιακοὶ πάροικοι, κληροπάροικοι, πάρ. τῆς μονῆς, πάροικοι τῶν ἐποίκων Θεσσαλονίκης и др. Очень характерный примѣръ такого употребленія термина парикъ въ широкомъ смыслѣ вообще зависимаго земледѣльца даетъ сообщенный Васильевскимъ хрисовулъ императора Алексѣя I Комнина Лаврѣ св. Аѳанасія на Аѳонѣ 1084 г. По восшествіи на престолъ императоръ отдалъ во владѣніе брату Адріану полуостровъ Кассандру для пользованія всѣми государственными доходами съ недвижимыхъ имуществъ, и въ первую очередь основною поземельною податью (*κανών*).[20] Такъ какъ Лавра имѣла на Кассандрѣ землю не освобожденную отъ государственнаго поземельнаго налога,

---

[17]) Ф. И. Успенский, *Социальная эволюция и феодализация Византии*, (Анналы. Журнал всеобщей истории, издаваемый Российскою Академиею Наук, II, Петербург 1923, 106—107).

[18]) Fr. Dölger, *Die Frage des Grundeigentums in Byzanz.* Bulletin International des Sciences Historiques, 5 (1933).

[19]) Въ античную эпоху πάροικος означаетъ чужеземца, поселившагося въ городѣ. Въ Пандектахъ парикъ является въ значеніи крестьянина, поселившагося на чужой землѣ. Элементъ „чужеземчества“ въ понятіи парика сохранялся до конца среднихъ вѣковъ. Etienne de Lusignan пишетъ: „Les estrangers estoient appelez Pariques, pour ce qu'ils estoient venus d'autres paîs, et pour ce qu'ils habitaient par les bourgs et les villages: lequel nom ils ont tousiours gardé iusques à présent, qui vault dire comme estrangers. Or, ceux-ci n'estoient de notre temps en rien différents des esclaves, pour les grandes tailles et impostitions q'ils portoient.“ (Description de l'isle de Chypre. Paris 1580, f. 68.)

[20]) Τὸν παρὰ τῶν οἰκητόρων τῆς τοιαύτης νήσου ἐτησίως τελούμενον τοῦ δημοσίου κανόνα.

то возникло сомнѣніе: при внесеніи подати частному лицу, не превратятся ли Лаврскіе монахи въ *париковъ* Адріана, какъ несущіе оброкъ и повинности съ чужой земли. Императоръ подтвердилъ монастырю права наслѣдственной собственности на эту землю, опредѣливъ, чтобы Адріанъ пользовался только прежней государственной поземельной податью отъ монастырскихъ париковъ на Кассандрѣ, а остальныя натуральныя и денежныя повинности вмѣстѣ съ барщиной парики должны были и въ будущемъ нести монастырю.[21]

Наряду съ широкимъ, такъ сказать, бытовымъ значеніемъ, терминъ πάροικος имѣетъ въ государственной податной терминологіи особое спеціальное значеніе зарегистрированнаго, государственно-обязаннаго земледѣльца, который въ дарственныхъ грамотахъ противополагается „не внесенному въ податные списки и не несущему государственныхъ налоговъ присельнику (προσκαθήμενος).“ Будучи лично-свободными людьми, парики со своими семьями были привязаны къ землѣ, и послѣ тридцатилѣтняго пребыванія на участкѣ не могли быть отстранены съ него. Связанные не личной, а податной крѣпостью, парики отличались отъ другихъ категорій крестьянъ. 1) Всѣ они были вписаны въ государственныя писцовыя книги — ἐν τοῖς πρακτικοῖς, гдѣ каждый крестьянинъ имѣлъ свой столбецъ (στίχος), въ которомъ указывался составъ его семьи, перечислялось имущество и опредѣлялся размѣръ государственнаго налога. 2) Каждый парикъ имѣлъ свою стась (στάσις, ὑπόστασις или στάσιον) — податной надѣлъ данной семьи, представлявшій хозяйственную единицу, къ которой относились крестьянскій дворъ, нивы, виноградники, сады, мельницы и другія статьи дохода. Въ качествѣ стаси упоминаются не только сельскія имѣнія, но и недвижимости въ городахъ, и надѣлы на соляныхъ пріискахъ и въ рудникахъ. Стаси считались собственностью крестьянина и были внесены въ катастихъ подъ его именемъ. Если семья вымирала и стась становилась выморочной, или если переходила къ новому владѣльцу, и даже если дробилась между нѣсколькими лицами, то все же носила названіе по имени того, за кѣмъ была записана въ писцовой книгѣ, до ближайшей кадастровой ревизіи, которая могла переписать надѣлъ на новаго владѣльца. По такому зарегистрированному надѣлу парики иногда называются ὑποστατικοὶ πάροικοι. Со своей стаси парикъ несетъ: 1) государственное тягло и 2) дополнительное тягло и барщину въ пользу помѣщика, имѣвшаго dominium directum надъ даннымъ участкомъ земли — т. е. казнѣ, царскому двору, церкви, монастырю, проніару.[22] Если въ случаѣ императорскаго даренія государственные парики вмѣстѣ со своими стасями переходили въ руки частнаго владѣльца — монастыря, архонта или проніара, то часто ему передавалось и право сбора въ свою пользу нѣкоторыхъ (а иногда м. б. и всѣхъ) государственныхъ податей.[23] Обязанность нести податное тягло налагала на парика нѣкоторыя ограниченія въ правѣ распоряженія

[21]) Визант. Временникъ III, 121—124.

[22]) Ср. въ Московской Руси положеніе крестьянъ черныхъ (государственныхъ), дворцовыхъ, монастырскихъ, помѣщичьихъ и др. также обложенныхъ „государевымъ тягломъ“ и „оброкомъ и издѣльемъ“ въ пользу землевладѣльца.

[23]) Наиболѣе подробно вопросъ о экономическомъ иммунитетѣ разобранъ въ книгѣ П. А. Яковенко, *Къ исторіи иммунитета въ Византіи*, Юрьевъ 1908.

своей стасью. Парикъ передаетъ стась по наслѣдству, мѣняетъ, продаетъ, даритъ церкви, выдѣляетъ изъ нея куски въ приданое дочерямъ, но съ перенесеніемъ тягла на новаго владѣльца; при продажѣ участка родственники и сосѣди въ опредѣленной послѣдовательности имѣли право преимущественной покупки. Въ случаѣ оставленія парикомъ участка безъ выполненія наложенныхъ на него обязательствъ, парикъ считался бѣглымъ и нѣкоторые источники говорятъ о разыскиваніи и возвращеніи бѣглыхъ париковъ. Однако, государство разсматриваетъ париковъ какъ лично-свободныхъ людей. Источники говорятъ о судебныхъ процессахъ между париками и ихъ „господами" — архонтами, проніарами, монастырями. Есть указанія въ грамотахъ и практикахъ не только на то, что свободные крестьяне становятся крѣпостными, но и наоборотъ, парики переходятъ въ состояніе свободныхъ людей.[24] Будучи чьимъ-нибудь парикомъ, крестьянинъ въ то-же время могъ имѣть и свой собственный (ἰδιόκτητον) участокъ, или самостоятельно арендовать землю у сосѣднихъ вотчинниковъ.[25] Иногда парики переводятся въ разрядъ стратіотовъ, т. е. мелкихъ помѣщиковъ, обязанныхъ личной военной службой государству. Въ такомъ случаѣ они вычеркиваются изъ париискихъ практиковъ и вписываются въ практики стратіотовъ. Однако ихъ также просто могутъ и вернуть въ состояніе париковъ, очевидно, снова переведя стратіотскій надѣлъ на положеніе паричской стаси.[26] Во многихъ актахъ въ числѣ париковъ упоминаются священники. Имущественное благосостояніе париковъ было весьма различно, и *соотвѣтственно съ этимъ* колебалась и высота тягла. Въ качествѣ „еди-

---

[24]) Очень показательный примѣръ находится въ Патмосскомъ актѣ № 46. *Жители* (ἔποικοι) и наслѣдственные собственники (κληρονόμοι) Лампоны не пожелали продать монастырю свою ниву „Ставропиги"; обрабатывали ее какъ свободные владѣльцы сообща съ протопопомъ митрополичьяго собора. Ранѣе они были париками („Νικήτας ὁ Κουλύκης ἔλεγεν ὅτι τῶν Λαμπόνων ἐστὶ γονικὸν καὶ *δικαίῳ αὐτῶν ἔκαμνε τοῦτο* ὁ Γουλίελμος κῦρις Θεόδωρος ὅτε εἶχεν αὐτοὺς κἀμὲ παροίκους". См. Miklosich-Müller, *Acta et diplomata Graeca*... VI, 154).

[25]) Въ практикахъ аѳонскихъ монастырей встрѣчается довольно много указаній на *чужихъ париковъ* (ξενοπάροικοι), арендующихъ цѣлыя стаси. Такъ напр. ксенофскій практикъ № XI, указывая количество земли въ одномъ имѣніи, оговаривается, что въ итогъ „разумѣется" не входятъ выдѣленныя стаси чужихъ париковъ („ἐντὸς δὲ τῆς τοιαύτης περιοχῆς... ἐστὶν ὕπεργος γῆ ἐν διαφόροις οὖσα τμήμασι μοδίων τρισχιλίων ἑξακοσίων ἄνευ μέντοι μερικῶν τινων στασίων τῶν ἐντὸς τῆς τοιαύτης περιοχῆς ξενοπαροίκων". Actes de Xenophon. Визант. Времен. X, 1903, Приложеніе I, № XI). Второй эсфигменскій практикъ приводитъ въ ряду особыхъ доходовъ аренду за виноградникъ (ἀμπελόπακτον), которую платила монастырю Ксенія, бывшая парикомъ другого метоха (Actes d'Esphigménou. Визант. Времен. XII, 1906, Приложеніе I, стр. XV.) Хиландарскій практикъ въ ряду особыхъ доходовъ со своихъ имѣній также упоминаетъ „абелопахто одь туждихь парикь" (Ѳ. Успенскій, *Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ XIV вѣкѣ*, Одесса 1883, 20—21. Толкованіе выраженія „абелопахто" — ошибочно). Первый хрисовулъ царя Душана Ватопеду упоминаетъ ксенопариковъ на монастырскомъ метохѣ, а второй хрисовулъ называетъ этихъ ксенопариковъ „париками ѳессалоникійскихъ жителей" (А. Соловјев и В. Мошин, *Грчке повеље српских владара*, Београд 1936, №№ XI и XVIII; ср. стр. 390 и 471).

[26]) Особенно характерный примѣръ представляетъ зографскій актъ № XVI: „ἐπεὶ δὲ καὶ πάροικον εἶχεν ἡ τοιαύτη μονὴ λεγόμενον Μιχαὴλ τὸν τοῦ Δανιήλ, διορίζεται ἡ βασιλεία μου, εἰ καὶ ἔφθασε στρατευθῆναι, ἀποστρατευθῆναι πάλιν, καὶ κατέχεσθαι καὶ νέμεσθαι παρὰ τῆς τοιαύτης μονῆς μετὰ τῶν αὐταδέλφων αὐτοῦ, ἀλλὰ δὴ καὶ τὸν πάροικον, ὃν κατεῖχεν ὁ αὐτός, στρατιώτην Ἰωάννην τὸν Σάββαν..." (Actes de Zographou, Визант. Врем. XIII, 1907, Прилож. I, № XVI).

ницы надѣла и обложенія"[27] берется „ярмо" — ζευγάριον. Въ виду особой важности даннаго термина для нашей темы, придется на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Выраженіе ζευγάριον — зевгарь, прежде всего, въ буквальномъ смыслѣ означаетъ ярмо — запряжку воловъ. Наиболѣе ясный примѣръ такого словоупотребленія находится въ актѣ 1299 года Зографскаго монастыря на Аѳонѣ. Ѳессалоникійскій митрополитъ Іаковъ передаетъ монастырю келію св. Власія со всѣмъ „движимымъ и недвижимымъ имуществомъ" (μετὰ τῶν ἐν αὐτῷ κινητῶν τε καὶ ἀκινήτων), при чемъ среди движимаго имущества на первомъ мѣстѣ приведенъ „зевгарь рабочихъ воловъ" (κινητῶν δὲ ἤγουν ζευγαρίου βοῶν ἐργατικῶν).[28] Въ такомъ смыслѣ зевгари (пара воловъ) упоминаются въ практикахъ при перечисленіи живого инвентаря крестьянскихъ хозяйствъ. Въ тѣхъ же зографскихъ актахъ встрѣчается еще одинъ очень яркій примѣръ такого же прямого значенія термина ζευγάριον. Хрисовулъ Іоанна Палеолога 1342 г. въ числѣ другихъ привилегій освобождаетъ монастырь отъ уплаты налога ζευγαρατίκιον, когда чиновники будутъ его требовать отъ зевгарей съ монастырскихъ имѣній, которые бы обрабатывали землю въ другихъ мѣстахъ.[29] Въ такомъ же значеніи патмосскій актъ приводитъ повинность ἐξωνήσεως ζευγαρίων — поставку воловъ для войска.[30]

Наряду съ этимъ, зевгарь — ζευγάριον, ζυγόν, ζευγαράτον — употребляется въ значеніи земельнаго надѣла опредѣленной цѣнности, подобно римскому термину jugum и русской сохѣ. Въ такомъ смыслѣ говорится, напр., объ отмежеванной въ трехъ участкахъ землѣ въ 6 зевгарей, изъ которыхъ одинъ годенъ лишь подъ пастбище[31]; о нивѣ (χωράφιον) въ 4 зевгаря[32]; о парикахъ съ принадлежащей имъ землей въ 19 зевгарей[33] и много другихъ примѣровъ. Величина зевгаря, измѣренная въ модіяхъ,[34] такъ же какъ и римскаго jugum'а, колебалась въ зависимости отъ качества земли и мѣстныхъ условій и, по нѣкоторымъ указаніямъ, отвѣчала цѣнности въ 60 перперовъ.[35] Упоминаются зевгари, обнимающіе 40, 100, 135 и даже 280 модіевъ.[36] По величинѣ и доходности надѣловъ парики характеризуются какъ имѣющіе дву-яремные надѣлы (διζευγαράτοι), одно-яремные (μονοζευγαράτοι), воловьи (βοϊδάτοι) и безъ-надѣльные (ἀκτήμονες, ко-

---

[27]) Панченко op. cit. 103.

[28]) *Actes de Zographou.* Византійскій Временникъ XIII, 1907, Приложеніе I, № XIV. Ср. ζεύγος βοῶν: Cedr. ed. Bonn. II, 530.

[29]) *Zogr.* № XXXII: ὡσαύτως καὶ τῶν ζευγαρίων τῶν ἐκ τῶν κτημάτων τῆς αὐτῆς μονῆς καταχαμνόντων εἰς ἑτέρων χωρῶν γῆν μηδ' ὅλως ἔχει τις ἄδειαν ἀπαιτεῖν ζευγαρατίκιον ἐξ αὐτῶν, εἰ μὴ ἡ ῥηθεῖσα μονή.

[30]) Miklosich-Müller, *Acta et diplomata graeca*... VI, 47.

[31]) Mikl.-Müller, IV, Lemv. № 79; ср. №№ 75 и 76.

[32]) M.-M., VI, Patm. №№ 75 и 76.

[33]) M.-M., V, 270—273: παροίκους... μετὰ τῆς γῆς αὐτῶν... χωρούσης ζευγάρια 19.

[34]) 1 модій = 839, 42 кв. метра.

[35]) Ѳ. И. Успенскій, *Византійскіе землемѣры,* Труды VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ, II, 1888.

[36]) Ѳ. Успенскій, *Землемѣры*; его-же, *Актъ отвода земли монастырю Богородицы Милостивой,* Извѣстія Русск. Археолог. Инст. въ Константинополѣ, I, 1896 (особенно стр. 10—24); *Акты русскаго на св. Аѳонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона.* Кіевъ 1873, №№ 26 и 24.

торые по способу обложенія называются иногда въ источникахъ болѣе ранняго времени καπνικάριοι); между послѣдними проводилось иногда различіе между имѣющими и неимѣющими муловъ и ословъ.[37] Извѣстный, часто цитировавшійся, отрывокъ изъ акта 1227 г. монастыря Лемвіотиссы свидѣтельствуетъ, что парическая подать (τέλος) и барщина (δουλεία) была сообразована съ величиной надѣла. Императоръ поручилъ дукѣ Ласкарю произвести цензъ приселившихся крестьянъ въ селѣ Вари: изслѣдовать хозяйственный достатокъ каждаго, записать ихъ и положить на каждаго, смотря по достатку, парный или одиночный надѣлъ, и назначить подать въ пользу монастыря, также въ зависимости отъ надѣла парнаго или воловьяго.[38]

Отсюда терминъ ζευγάριον означаетъ иногда и цѣлое крестьянское крѣпостное тягло, т. е. участокъ земли вмѣстѣ съ парой воловъ. Такой смыслъ зевгарь имѣетъ въ актѣ святогорскаго монастыря Діонисіата 1408 г., отрывокъ изъ котораго сообщилъ іером. Михаилъ.[39] Монастырь получилъ деревню Палеохоріонъ вмѣстѣ съ двумя имѣющими явиться зевгарями, которые должны возникнуть, улучшиться и быть переданными монастырю на правахъ полной и наслѣдственной собственности. При этомъ монахамъ опредѣлено взимать отъ засѣва зевгарей 16 модіевъ зерна въ годъ, до того времени, когда окончательно будутъ устроены эти зевгари.[40] Въ данномъ случаѣ зевгарь засѣивается, т. е. означаетъ землю; однако самъ по себѣ земельный участокъ еще не является зевгаремъ, а долженъ быть для этого оборудованъ.

Наконецъ, особое значеніе зевгаря, крѣпостного хозяйства вмѣстѣ съ крестьяниномъ, повидимому, заключается въ выраженіи δουλικὸν ζευγάριον, о которомъ придется говорить ниже.

Въ государственно-податномъ отношеніи отъ зарегистрированныхъ париковъ отличается присельникъ-проскатименъ (προσκαθήμενος). Цѣлый рядъ дарственныхъ хрисовуловъ упоминаетъ рядомъ эти два термина: πάροικοι καὶ προσκαθήμενοι. Нѣкоторые документы цитируютъ прошенія монаховъ о превращеніи проскатименовъ въ париковъ. Нерѣдко грамоты даютъ монастырямъ право собирать или созывать и приселять (ἵνα περισυλλέξωσι καὶ προσκαθίσωσιν) на свои имѣнія людей чужихъ, бѣдныхъ и свободныхъ, не несущихъ государственныхъ повинностей и не зарегистрированныхъ въ практикахъ (ἀνθρώπους ξένους, πτωχοὺς καὶ ἐλευθέρους, τῷ δημοσίῳ ἀνεπιγνώστους καὶ μὴ ἐν πρακτικοῖς καταγεγραμμένους). Послѣдніе два признака объясняютъ содержаніе эпитета „свободные“: это бѣдняки, не имѣющіе собственности и потому свободные

[37]) M.-M., VI, Patm. № 2.

[38]) M.-M., IV, Lenv. № 103: ἀναθεωρήσῃς τοὺς ἐκεῖσε προσκαθημένους παροίκους καὶ ἀναγράψῃς τούτους καὶ ἀποκαταστήσῃς ἕκαστον τῶν παροίκων ἢ ζευγαρατικὴν ἢ βοϊδατικὴν κατὰ τὴν ἑκάστου εὐπορίαν καὶ δύναμιν, καὶ ἀποκαταστήσῃς αὐτοὺς διδόναι τὸ ἀναλογοῦν τῷ ζευγαράτῳ καὶ τῷ βοϊδάτῳ παροικιὸν τέλος καὶ τὴν δουλείαν αὐτοῦ. Ср. Панченко, 103.

[39]) I. M. ζευγάριον, δουλικὸν ζευγάριον. Визант. Времен. X, 1903, 609.

[40]) Ibid.: ...μετὰ τῶν ἐκεῖσε παρὰ τῆς βασιλείας μου γενησομένων δύο ζευγαρίων, ἅπερ ὀφείλουσι γενέσθαι καὶ βελτιωθῆναι καὶ παραδοθῆναι... δεσποτικῶς καὶ κατὰ λόγον γονικότητος·... καὶ ὀφείλουσι μοναχοὶ λαμβάνειν ἀπὸ τῆς σήμερον κατ᾽ἔτος ἀπὸ τῆς κατασπορᾶς τῶν ζευγαρίων σίτου μόδια πολιτικὰ 16, μέχρι ἂν ἀπαρτίσωσι τὰ εἰρημένα ζευγάρια.

отъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Источники почти ничего не говорятъ, откуда бралось это бродячее населеніе, такъ что всѣ объясненія этого факта сдѣланы вполнѣ апріорно. Проф. Тарановскій, напр., такимъ образомъ объясняетъ аналогичные термины сербскихъ грамотъ — „туђоземљани и слободни људи.“ Это могли быть „недавніе свободные мелкіе землевладѣльцы, которые въ то неспокойное время не могли выдержать безъ защиты со стороны крупнаго землевладѣльца и добровольно подчинялись частной власти церкви или монастыря вмѣстѣ съ своимъ наслѣдственнымъ участкомъ, гдѣ это допускали топографическія условія, или безъ своихъ участковъ, которые имъ приходилось оставлять. Кромѣ того свободные люди являлись изъ рядовъ государевыхъ и вотчинныхъ крѣпостныхъ. Тутъ прежде всего могли быть тѣ крѣпостные, которые свои наслѣдственные участки отчуждали кому-нибудь, кто сталъ на ихъ мѣсто какъ работникъ хозяину: тогда они становились свободными отъ крѣпости по землѣ и отъ обязанностей въ отношеніи къ ея владѣльцу, и могли свободно селиться. Затѣмъ это могли быть младшіе члены крѣпостныхъ семей, для которыхъ не было работы на данной землѣ...“ Наконецъ къ этой категоріи относятся и люди, которыхъ вотчинники и монастыри переманивали одинъ у другого. При этомъ авторъ подчеркиваетъ, что монастырямъ разрѣшалось „принимать только чужихъ и мѣстныхъ свободныхъ людей, изъ чего слѣдуетъ, что не разрѣшалось населять на церковныхъ земляхъ вотчинныхъ людей, которыхъ ихъ владѣлецъ имѣлъ право требовать назадъ“.[41]

Хотя этотъ отрывокъ взятъ изъ сочиненія по исторіи сербскаго права и относится къ исторіи крѣпостного крестьянства средневѣковой Сербіи, однако я привелъ его, такъ какъ тѣ же разсужденія можно примѣнить къ любому государству той эпохи. Къ тому же оба подчеркнутыхъ термина принадлежатъ не сербскому, а византійскому праву, такъ какъ приведены только въ грамотахъ короля Милютина Хиландарю на Аѳонѣ и монастырю св. Георгія въ Скоплѣ, который ранѣе находился на византійской территоріи, и въ грамотѣ котораго прямо указывается, что она составлена на основаніи прежнихъ греческихъ и болгарскихъ хрисовуловъ. Въ Византіи же признаки свободный и чужой не противопоставлялись какъ двѣ особыя категоріи не-привязаннаго къ землѣ населенія, а относились къ одной и той же средѣ крестьянъ не зарегистрированныхъ въ государственныхъ писцовыхъ книгахъ. Послѣднее обстоятельство значительно ограничиваетъ число лицъ, попадавшихъ въ категорію элевтеровъ. Во всякомъ случаѣ, врядъ-ли государство относило къ этой категоріи бѣглыхъ крестьянъ (хотя явленіе бѣгства и переманиванія крѣпостныхъ несомнѣнно существовало), такъ какъ эти люди были внесены въ податные списки. Если бы государство считало и бѣглыхъ париковъ элевтерами, то, давая монастырямъ право созывать присельниковъ, оно тѣмъ самымъ косвеннымъ образомъ легализировало бы право крѣпостного побѣга. Поэтому, намъ представляется, что главный контингентъ проскатименовъ составляли именно чужіе — ξένοι. Это могли быть: 1) бѣженцы изъ опустошенныхъ войной областей; 2) отпущенные на свободу военноплѣнные, не пожелавшіе вернуться на родину; 3) выкупленные изъ рабства: въ Патмосскомъ кодексѣ, напр., упоминается о выкупленныхъ у корсаровъ 38-ми плѣн-

[41]) Др. Теодор Тарановски, *Историја српског права у Немањићкој држави. I део. Историја државног права*, Београд 1931, 62—63.

никахъ, поселенныхъ въ качествѣ присельниковъ на Критѣ.[42] Нѣкоторымъ подтвержденіемъ нашего предположенія можетъ служить чрезвычайная этническая пестрота населенія, напр., на хиландарскихъ метохахъ, какъ это видно по именамъ париковъ.[43] Но, конечно, помимо того существовали и мѣстные элементы, по разнымъ причинамъ выходившіе изъ прежняго „зарегистрированнаго" состоянія и попадавшіе въ категорію бѣдняковъ, свободныхъ отъ податного обложенія.

При поселеніи на чьемъ-нибудь имѣніи — государственномъ, вотчинномъ, монастырскомъ — элевтеръ становился присельникомъ и вписывался въ практикъ даннаго метоха. Въ нѣсколькихъ сохранившихся практикахъ въ концѣ списка послѣ париковъ приведены ἐλεύθεροι — юлевтери или свободьници въ переводѣ Хиландарскаго практика. Очевидно, выраженіе „свободьници" не означаетъ въ данномъ случаѣ свободу вообще отъ всѣхъ повинностей, ибо при каждомъ элевтерѣ приведена сумма платимой имъ подати, при чемъ размѣръ ея не отличается отъ подати париковъ соотвѣтствующаго имущественнаго положенія. Изъ этого съ очевидностью вытекаетъ, что въ данномъ случаѣ ἐλευθερία означаетъ ту свободу отъ государственныхъ повинностей, которую имѣлъ проскатименъ до своего приселенія. Въ отношеніи же хозяина, принявшаго его, присельникъ былъ обложенъ податью и барщиной соотвѣтственно своему имущественному благосостоянію. Имущественное положеніе элевтеровъ было весьма различно: въ Хиландарскомъ практикѣ, напр., Коста Кумичанинъ имѣетъ зевгарь и 50 модіевъ земли и платитъ 2 перпера дани; Георгій Ахлада — вола, быка, осла и земли 30 модіевъ съ податью въ 1 перперъ; у Димитрія Геріля упомянуты только волъ и оселъ (безъ земли) съ данью въ 1 перперъ; у Яна сына Маркова — 25 овецъ и оселъ съ данью въ $^1/_2$ перпера и т. д. Рядомъ съ ними приведены и такіе элевтеры, у которыхъ перечислены лишь члены семей безъ всякаго живого инвентаря, съ меньшей податью въ $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$ перпера и даже $1^1/_2$ динара. Но, съ другой стороны, и среди не-элевтеровъ встрѣчаются безземельные и не-имущіе скота, т. е. полные ἀκτήμονες: напр., Георгій Болгаринъ съ женой Θеодорой, платящій $^1/_2$ перпера дани. Изъ сего явствуетъ, что обозначенія ζευγαράτοι, βοϊδάτοι и ἀκτήμονες могли примѣняться одинаково какъ къ парикамъ, такъ и къ проскатименамъ, характеризуя степень имущественнаго благосостоянія крестьянскаго населенія, безотносительно къ тому, былъ ли надѣлъ обложенъ государственнымъ налогомъ или лишь податью въ пользу вотчинника.[44] Послѣ тридцатилѣтняго пребыванія на опредѣленномъ участкѣ присельникъ превращался въ обычнаго зарегистрированнаго парика, котораго вотчинникъ не имѣлъ права удалить съ его надѣла. По этому надѣлу парикъ, помимо подати и барщины въ пользу помѣщика, долженъ былъ нести и государственныя повинности, если помѣщикъ не обладалъ полнымъ иммунитетомъ. Въ послѣднемъ же случаѣ, можетъ быть, парическій τέλος въ пользу помѣщика увеличивался на сумму, соотвѣтствующую обычной государственной подати, а м. б. увеличивалась

---

[42]) М.-М., VI, 389.

[43]) Ср. Θ. И. Успенскій, *Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи.* Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 240 (1885).

[44]) Этимъ опровергается мнѣніе Б. Панченко, якобы проскатимены въ отличіе отъ париковъ, не имѣли участковъ (*Крестьянская собственность,* 158, 162—163). Въ одномъ хрисовулѣ Михаила VIII 1299 г., прямо говорится: πάροικοι καὶ προσκαθήμενοι… ἐνυπόστατοι καὶ ἀνυπόστατοι.

и барщина. Безъ этого предположенія останется малопонятнымъ, почему монастыри и вотчинники-иммунисты хлопочутъ о переводѣ проскатименовъ на положеніе париковъ. При превращеніи присельниковъ въ париковъ, какъ уже указано выше, регистрировались и ихъ надѣлы, а иногда источники говорятъ о новомъ надѣленіи крестьянъ участками. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что, повидимому, проскатимены иногда являются въ грамотахъ подъ названіемъ ὑποτελεσταί — т. е. обложенные τέλος'омъ (м. б. въ отличіе отъ париковъ, кромѣ телоса въ пользу помѣщика, платившихъ государственную подать?). Подтвержденіемъ этой догадки можетъ служить Патмосскій актъ № 88, въ которомъ сказано: ἔνθα ποτὲ προσεκάθητο ὡς ὑποτελὴς Γ. ὁ Βιλιλίδης.[45] Въ такомъ случаѣ выраженіе πάροικοι καὶ ὑποτελεσταί[46] буквально однозначуще обычной формулѣ πάροικοι καὶ προσκαθήμενοι.

*

Наряду съ этими двумя категоріями зависимаго сельскаго населенія, париками и проскатименами (когда эти названія упоминаются въ терминологическомъ, а не въ общемъ бытовомъ значеніи), акты приводятъ иногда такія обозначенія крѣпостныхъ, которыя, очевидно, не относятся къ упомянутымъ группамъ. Патмосскій хрисовулъ Андроника III-го 1326 г. (№ 107) упоминаетъ метохъ Πτέρις съ 11-ю крѣпостными, а слѣдующій хрисовулъ 1331-го года (№ 109) называетъ этихъ крестьянъ προσκαθήμενοι καὶ αὐλῖται — присельники и дворовые. Проскатимены въ данномъ случаѣ различаются отъ авлитовъ, но послѣдніе, конечно, не могутъ быть отождествлены съ зарегистрированными и имѣющими стаси париками, и могутъ быть разсматриваемы какъ дворовые холопы. Патмосскій практикъ 1087 г. (№ 12), описывая въ имѣніи Теменія на островѣ Липсо усадьбу и хозяйственныя постройки, упоминаетъ между конюшней и амбаромъ домъ, гдѣ живутъ парики. Очевидно, это крѣпостные земледѣльцы (такъ какъ названы париками), но, конечно, не изъ той категоріи, которая живетъ на выдѣленныхъ участкахъ, т. е. болѣе всего приближаются къ понятію холопа. Іеромонахъ Михаилъ отождествляетъ упомянутыхъ дворовыхъ холоповъ (αὐλῖται) съ крѣпостными, которые носятъ названія δουλευτοπάροικοι и δουλευταί. Онъ приводитъ въ доказательство два текста изъ хрисовула Михаила VIII-го Новому монастырю Богородицы на Хіосѣ (1259 г.), гдѣ перечисляется имущество монастыря: 1) „Склады у моря и два дулевтопарика, поселенныхъ въ торговлѣ, Николай Эврипіотисъ и Георгій Камаросъ"[47] и 2) „Садъ, называемый Платаніонъ, съ принадлежащей ему обрабатываемой землей и пастбищемъ и съ плодовыми деревьями для разсады и съ выкупленными монастыремъ у Кодрата и поселенными тамъ четырьмя дулевтопариками, которыхъ монастырь имѣетъ и на основаніи практика".[48] Іером. Михаилъ

---

[45]) M.-M., VI, № 88.

[46]) Ibid. № 87.

[47]) M.-M., V, 11: αἱ ἀποθῆκαι αἱ πλησίον οὖσαι τῆς θαλάσσης καὶ οἱ δουλευτοπάροικοι οἱ ἐν τῷ Ἐμπορίῳ προσκαθήμενοι, ὅ τε Νικόλαος ὁ Εὐρυπιώτης καὶ Γεώργιος ὁ Κάμαρος.

[48]) Ibid.: κῆπος ὁ λεγόμενος Πλατάνιον μετὰ τῆς ὑπ' αὐτὸν ὑπέργου γῆς καὶ νομαδιαίας καὶ τῶν κληματοφόρων δένδρων καὶ τῶν ἀπὸ τοῦ Κοδράτου ἐξωνηθέντων παρὰ τῆς μονῆς καὶ τῶν ἐκεῖσε προσκαθημένων δουλευτοπαροίκων τεσσάρων, οὓς ἔχει καὶ διὰ πρακτικοῦ ἡ μονή.

заключаетъ, что „крестьяне, которые живутъ не на землѣ, а въ приморскомъ арсеналѣ монастыря, не что иное какъ холопы безъ земли“, и что о нихъ же говоритъ актъ, приведенный у Mikl.-Müller, IV, 246, гдѣ выдѣляются въ особый разрядъ парики, которыхъ монастырь имѣетъ εἰς συγκρώτησιν τῶν τῆς μονῆς δουλειῶν.[49] Что же касается термина δουλευτής, авторъ считаетъ самоочевиднымъ тождество его съ δουλευτοπάροικος, хотя указываетъ, что въ нѣкоторыхъ источникахъ δουλευταί означаютъ закрѣпленныхъ арендаторовъ.[50]

Поставленный вопросъ чрезвычайно теменъ. Два, полностью цитированные мною отрывка о δουλευτοπάροικοι, дѣйствительно, естественнѣе всего позволяютъ считать ихъ холопами, которыхъ монастырь покупаетъ безъ земли и поселяетъ гдѣ ему заблагоразсудится.[51] Но зато второй терминъ — δουλευτής — вызываетъ большія недоумѣнія. Въ одномъ актѣ Θеодора Ангела (XIII. в.) дулевтъ противопоставляется парику и клирику.[52] Въ другомъ документѣ, считающемся подложнымъ, но, очевидно, составленномъ на основаніи утраченнаго оригинала, дулевты отличаются отъ париковъ, владѣющихъ стасями и отъ проскатименовъ.[53] Въ практикѣ передачи монастыря Богородицы Хіонисмены (Снѣжной) вблизи Милета Патмосскому монастырю также различаются парики отъ париковъ-дулевтовъ (παροίκων δουλευτῶν).[54] Однако, вводная во владѣніе перечисляетъ этихъ 26 парическихъ дворовъ, не подраздѣляя ихъ на разряды, и лишь обязываетъ париковъ служить (ἐκδουλεύειν) монастырю съ полнымъ иммунитетомъ въ отношеніи къ казнѣ и другимъ государственнымъ органамъ.[55] Выше приведено свидѣтельство о μίσθιοι δευλευταί, которые сотвѣтствуютъ парикамъ и элевтерамъ.[56] Всѣ эти свидѣтельства не противорѣчатъ отождествленію дулевтовъ съ холопами, но зато въ большомъ противорѣчіи съ этимъ стоитъ δουλευτής монахъ Скулатъ, парикъ митрополичьей смирнской церкви, получившій отъ митрополита въ наслѣдственное владѣніе участокъ митрополичьей земли „съ правомъ полнаго распоряженія въ области хозяйственной эксплоатаціи, но съ обязательствомъ не отчуждать и не передавать землю въ чужія руки, не обезцѣнивать землю и платить небольшую pensio для показанія зависимаго состоянія земли, уступленной Скулату съ потомствомъ и наслѣдниками“.[57] Разобравшій актъ Панченко объяснилъ въ немъ терминъ δουλευτής какъ „вѣчный парикъ“. Во всякомъ случаѣ, условіе неотъемлемости участка не позволяетъ считать этого монаха за обычнаго холопа. Наконецъ,

[49]) Визант. Времен. XI (1904) 613—614.

[50]) Ibid.

[51]) Въ этомъ отношеніи совершенно необоснованнымъ является предположеніе Тафрали (op. cit. 37), что дулопариками назывались парики не освобожденные отъ повинностей въ отличіе отъ привиллегированныхъ париковъ — πάροικοι ἀτελεῖς.

[52]) Albert Martin, *Mélanges d'Archéologie et d'Hist.*, vol. II (1882), 283. Цитировано по Тафрали op. cit. 37: οὔτε πάροικον οὔτε κληρικὸν οὔτε δουλευτήν.

[53]) Хрисовулъ м-рю Богородицы Хозовіотиссы на о. Аморгосѣ, М.-М., V, 259: πάντα τὰ τῶν τοιούτων μετοχίων δίκαια ἐπί τε τοῖς ὑποστατικοῖς καὶ τοῖς προσκαθημένοις ἐν αὐτῷ παροίκοις καὶ δουλευταῖς.

[54]) Patm. № 76, Ср. № 73 и 82.

[55]) Ibid. № 82; Ср. Панченко, op. cit. 165—166.

[56]) Ibid. №№ 63, 65, 76.

[57]) Панченко, op. cit. 113; М.-М, IV, Lenw. №№ 30 и 63.

существуетъ и текстъ отождествляющій дулевта съ парикомъ, что дало Цахаріэ фонъ Лингенталю основаніе не допускать разницы въ значеніи этихъ терминовъ: γήμοροι καὶ δουλευταί, οὓς παροίκους οἴδαμεν ὀνομάζεσθαι.[58]

Не беря на себя смѣлости рѣшать запутанный вопросъ о дулевтахъ, мы рѣшаемся настаивать, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ свидѣтельствъ несомнѣнно относятся къ холопамъ. Въ томъ, что холопы вообще — ἀνδράποδα, δοῦλοι — существовали въ Византіи втеченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, не можетъ быть сомнѣній.[59] Однако, не рѣшенъ вопросъ о такъ называемыхъ „аграрныхъ рабахъ" — холопахъ привязанныхъ къ землѣ, но находящихся въ личной зависимости отъ хозяина. Безобразовъ въ извѣстномъ изслѣдованіи о Патмосскомъ практикѣ[60] указалъ, что въ XI-мъ вѣкѣ въ Византіи существовали servi rustici и обратилъ вниманіе на постановленіе Пиры (Πεῖρα), требующее, чтобы при залогѣ имѣнія, въ которомъ живутъ рабы, было оговорено, что въ залогъ даются и послѣдніе.[61] Намъ представляется, что разбираемыя ниже четыре свидѣтельства о *δουλικὰ ζευγάρια* являются доказательствомъ существованія въ Византіи „поземельнаго холопства" или серважа.

Одинъ изъ занимающихъ насъ источниковъ — Ватопедскій актъ — совсѣмъ еще не извѣстенъ въ наукѣ. Хиландарскій былъ опубликованъ, но, насколько мнѣ извѣстно, еще не подвергся анализу. Два же другихъ — Струмицкій и Лаврскій — уже были изслѣдованы іеромонахомъ Михаиломъ. Такъ какъ въ отношеніи практика Струмицкаго монастыря существуютъ противорѣчивыя толкованія, то намъ придется еще разъ подробно разсмотрѣть его содержаніе.

*

Выраженіе „*δουλικὸν ζευγάριον*" впервые обратило на себя вниманіе Ѳ. И. Успенскаго, который потратилъ не мало труда для объясненія его въ изслѣдованіи объ актѣ отвода земли монастырю Богородицы Милостивой.[62]

Въ 1106 г. императоръ Алексѣй Комнинъ подарилъ монахамъ Струмицкаго монастыря Богородицы 500 модіевъ земли съ 6-ю зевгарями для ихъ обработки[63] и 12 париковъ-элевтеровъ, не имѣвшихъ своихъ стасей и не несущихъ госу-

[58]) Zachariae von Lingenthal, *Geschichte des griechisch-römischen Rechts*, 3. Aufl., Berlin 1892, 262.

[59]) Многочисленные источники говорятъ о торговлѣ рабами у Турокъ, Генуэзцевъ, Венеціанцевъ, Болгаръ и Сербовъ. Странно было-бы предполагать, чтобы въ главномъ центрѣ міровой торговли, Константинополѣ, не существовало рабовъ. Наоборотъ, рабы были очень многочисленны, и притомъ не только „невѣрные", но и христіане. (Ср. цитированные труды Сакызова о работорговлѣ.) Статья 21-я Душанова Законника, запрещая продавать христіанъ невѣрнымъ, тѣмъ самымъ указываетъ, что продажа раба-христіанина христіанамъ считалась явленіемъ законнымъ. Ср. разсказъ Григоры (кн. XI, гл. 5) о крещеной Скиѳянкѣ, отпустившей на волю купленнаго Римлянина съ которымъ она прижила дѣтей и предложившей его женѣ выкупиться.

[60]) П. Безобразовъ, *Патмосская писцовая книга.* Визант. Времен. VII (1900), отд. I, 68—106.

[61]) Jus Graeco-Romanum, I, 13.

[62]) Извѣстія Русскаго Археолог. Института въ Константинополѣ, т. I. Предисловіе. Кромѣ того актъ издалъ вмѣстѣ со всѣмъ кодексомъ р. Louis Petit, *Le monastère de Notre Dame de Pitié* въ VI-мъ томѣ Извѣстій Арх. Инст. въ Конст., стр. 1—153.

[63]) ἓξ ζευγάρια τὴν δωρηθεῖσαν αὐτοῖς γῆν τῶν 500 μοδίων ἐργαζόμενα (Petit, № 2).

дарственныхъ повинностей,[64] также для обработки этой земли и несенія барщины въ пользу монаховъ,[65] съ освобожденіемъ ихъ отъ всѣхъ государственныхъ повинностей.[66] Въ слѣдующемъ по времени актѣ (№ 8), гдѣ говорится объ этомъ дареніи, упомянутые 12 париковъ-элевтеровъ названы актимонами, а 6 зевгарей — ζευγάρια δουλικά. Какъ первый издатель акта, Ѳ. И. Успенскій, такъ и изучавшій памятникъ послѣ него Б. А. Панченко считали этихъ 6 зевгарей за „шесть паръ воловъ подъяремныхъ" и вслѣдствіе этого не поняли точнаго смысла второго акта, говорящаго о пожалованіяхъ Алексѣя Комнина якобы „въ неточныхъ выраженіяхъ, несогласныхъ съ яснымъ смысломъ самаго хрисовула Алексѣя".[67] Іером. Михаилъ въ упомянутой статьѣ о δουλικὸν ζευγάριον на основаніи новыхъ, открытыхъ имъ въ Аѳонскихъ архивахъ данныхъ, опровергъ указанное толкованіе этого термина.[68]

Интересующій насъ документъ — „практикъ передачи 12-ти зевгаратныхъ париковъ (ζευγαράτων παροίκων), подаренныхъ вамъ (монахамъ) хрисовулами вмѣстѣ съ относящейся къ нимъ землею" — изданъ при Мануилѣ Комнинѣ въ 1152-мъ году. Въ практикѣ цѣликомъ цитировано прошеніе монаховъ, въ которомъ указывалось, что императоръ Алексѣй Комнинъ „подарилъ обители хрисовуломъ землю въ 500 модіевъ и 6 δουλικὰ ζευγάρια для обработки этой земли въ 500 модіевъ съ тѣмъ, чтобы они были свободны отъ всякаго налога", а кромѣ того „12 париковъ-актимоновъ, не имѣющихъ своихъ стасей".[69] Прежде эти 12 париковъ числились актимонами, теперь же на основаніи императорскаго распоряженія (вѣроятно по предшествовавшей кадастровой переписи, которая нашла ихъ уже сидящими на землѣ), занесены въ писцовыя книги съ принадлежащей имъ землей и являются уже не актимонами, а зевгаратными. Поэтому монахи просятъ императора передать монастырю этихъ париковъ въ качествѣ зевгаратныхъ со своими надѣлами.[70] Императоръ удовлетворилъ прошеніе монастыря, освободивъ париковъ отъ казенныхъ податей и повинностей и предписавъ передать ихъ монастырю съ надѣлами (ἀνηκούσῃ γῇ). Практоръ Цангицаки, которому было поручено произвести „передачу", пріѣхалъ на монастырскій метохъ Мостеницу и нашелъ 6 зевгаратныхъ дворовъ, расположенныхъ на пожалованныхъ ранѣе 500 модіяхъ и „внѣ монастырскаго имѣнія — присельниковъ" (ἔξω τῆς μονῆς προσκαθημένους), т. е. тѣхъ акти-

[64]) παροίκων ἐλευθέρων καὶ ἀτελῶν μήτε στάσεις ἰδίας ἐχόντων μήτε δημοτελέσι προυποκειμένων δώδεκα (ibid.).

[65]) ὡς ἂν ἐργάζωνται τὴν προδωρηθεῖσαν τῇ μονῇ γῆν τῶν 500 μοδίων καὶ δουλεύωσι τοῖς... μοναχοῖς (ibid.).

[66]) παντὸς τέλους καὶ πάσης ζημίας, ἔτι δὲ καὶ ἀγγαρείας καὶ ἐπηρείας ἀπηλλαγμένοι (ibid.).

[67]) Панченко, *Крестьянская собственность*, 196.

[68]) Визант. Времен. X, 607—610.

[69]) ἐπεφιλοτιμήσατο ταύτῃ διὰ χρυσοβούλλου λόγου γῆν μοδίων πενταχοσίων καὶ ζευγάρια δουλικὰ ἓξ ἐργάζεσθαι τὴν τοιαύτην γῆν τῶν 500 μοδίων, καὶ εἶναι ταῦτα πάσης ἐπηρείας ἀνώτερα... πρὸς τούτοις καὶ παροίκους ἀκτήμονας δώδεκα μὴ ἔχοντας οἰκείας ὑποστάσεις (Petit, № 8).

[70]) τὰ νῦν δὲ τῇ ἀντιλήψει τῆς ἁγίας βασιλείας σου γεγόνασιν οἱ τοιοῦτοι ἀπὸ ἀκτημόνων ζευγαράτοι, καὶ ὑποπτεύομεν οἱ δοῦλοί σου, μήποτε ὀχλώμεθα ἐκ τῆς τοιαύτης αἰτίας διὰ τὸ ἀκτήμονας μὲν δωρηθῆναι τῇ μονῇ τοὺς δηλωθέντας παροίκους, νῦν δὲ εὑρισκομένους ζευγαράτους. παρακαλοῦμεν τὸ ἔνθεον κράτος τῆς ἁγίας βασιλείας σου γενέσθαι τῇ δηλωθείσῃ μονῇ... πρόσταγμα παρακελευόμενον ἀνενοχλήτους μένειν ἡμᾶς καὶ τὴν τοιαύτην μονὴν... τοὺς τοιούτους δώδεκα στίχους — γένηται δὲ ἡμῖν καὶ πρακτικὸν παραδόσεως ἐπ' αὐτοῖς τε καὶ τῆς ἀνηκούσης αὐτοῖς γῆς.

моновъ, которыхъ кадастровая ревизія уже нашла сидящими на землѣ (вѣроятно на тѣхъ самыхъ выморочныхъ стасяхъ — ἐξαλειμματικὴ στάσις — которыя были имъ переданы по данному практику). Введя монастырь во владѣніе париками и подтвердивъ пожалованный экономическій иммунитетъ на нихъ, практоръ отвелъ имъ участки. Такъ какъ земельныя отношенія въ „Болгарскихъ" ѳемахъ были не урегулированы и не было установлено количество модіевъ на крестьянскій дворъ, то практоръ рѣшилъ исходить изъ расчета, находящагося въ предшествующемъ хрисовулѣ Алексѣя Комнина. Такъ какъ тамъ на 6 δουλικὰ ζευγάρια было отведено 500 модіевъ, то для новыхъ 12-ти зевгаратовъ чиновникъ отвелъ 1000 модіевъ.[71] Изъ этого іером. Михаилъ правильно заключаетъ, что въ предыдущемъ дареніи δουλικὸν ζευγάριον означаетъ цѣлую рабочую стась — парика съ волами. Очевидно, что въ первый разъ было подарено не 12, а 18 крѣпостныхъ: изъ нихъ 6 съ зевгарями и надѣломъ земли въ 500 модіевъ, а 12 безземельныхъ (ἀκτήμονες).

Приведенный смыслъ текста сталъ для іером. Михаила яснымъ въ связи съ текстомъ, который ему удалось открыть въ документѣ № 4 Аѳонской Лавры св. Аѳанасія по кодексу о. Александра Лавріотиса. Въ этомъ документѣ по просьбѣ монастыря утверждаются за нимъ πάροικοι προσκαθήμενοι ἐλεύθεροι καὶ ἀκαταζήτητοι, а далѣе ὑπάρχουσι δὲ καὶ τὰ ἐν αὐτοῖς τοῖς εἰς τὴν λῆμνον μετοχίοις τοῦ μοναστηρίου τῆς αὐτῆς ἰδίως δύο ζευγάρια δουλικὰ ἐλεύθερα καὶ ἀκαταζήτητα ἀπὸ τοῦ συνήθους διδομένου σίτου τῶν δύο μοδίων εἰς τὸ ζευγάριον εἰς ἀγορᾶ (?) τέσσαρα ὑπερπύρων εἰς τὸ μόδιον.[72] Въ цитированномъ текстѣ δουλικὰ ζευγάρια, очевидно, не волы. Они ἐλεύθερα и ἀκαταζήτητα, т. е. пользуются экономическимъ иммунитетомъ въ отношеніи казны, такъ же какъ ранѣе упомянутые проскатимены. „Рабскіе зевгари" противополагаются здѣсь присельникамъ. Оба привиденныя свидѣтельства позволяютъ изслѣдователю утверждать, что δουλικὸν ζευγάριον означаетъ полную крѣпостную стась, крестьянина съ землей и волами, причемъ терминъ δουλικόν, вѣроятно, указываетъ на бóльшую степень закрѣпощенія.

Послѣднее предположеніе о большей степени закрѣпощенія зависимыхъ зевгарей іеромонаху Михаилу не удалось подкрѣпить никакими новыми данными кромѣ сопоставленія съ приведенными наблюденіями надъ терминомъ δουλευτοπάροικοι. Въ связи съ этимъ намъ представляются чрезвычайно интересными и важными два свидѣтельства, которыя вполнѣ подтверждаютъ догадку іером. Михаила, проливая свѣтъ на юридическое различіе, существовавшее и въ Византіи между прикрѣпленными къ землѣ, но лично-свободными крестьянами и посаженными на землю холопами, которые въ древней Руси носили названіе „задворныхъ людей".

*

[71]) „Мы сочли за лучшее взять точкой отправленія (ῥίζαν καὶ ἀφορμὴν ἐχρησάμεθα) шесть зевгаріевъ, которыми надѣленъ былъ монастырь при пожалованіи ему участка земли въ 500 модіевъ; кромѣ того и по смыслу царскаго указа, заключающаго въ себѣ прошеніе игумена, ясно, что участокъ въ 500 модіевъ обрабатывается шестью зависимыми зевгарями. Вслѣдствіе этого, принявъ упомянутый царскій даръ за основаніе и не примѣняя къ нему геометрическаго метода, мы признали справедливымъ считать на переданныхъ нынѣ монастырю двѣнадцать зевгаратныхъ крестьянъ тысячу модіевъ земли" (Petit, № 8; переводъ І. М. въ Виз. Врем. X, 608).

[72]) Визант. Времен. X, 608.

Первый изъ этихъ документовъ — хрисовулъ императора Андроника II-го Хиландарскому монастырю, изданный въ сентябрѣ 1327-го года.[73] Въ немъ императоръ подтверждаетъ монастырю право собственности на монастырекъ (μονύδριον) св. Николая Чудотворца въ селѣ Каменикеѣ (Καμενικαία) около города Сереза, подаренный Хиландарю іеромонахомъ Калинникомъ.[74] Подтверждая льготы монастырька, императоръ подчеркиваетъ его привиллегированное положеніе по отношенію — 1) къ епархіальнымъ властямъ и 2) къ государственной казнѣ. Въ первомъ случаѣ указывается, что монастырекъ обязанъ платить архіерею Серезской митрополіи установленную 1 номисму каноникона и совершать вознесеніе его имени (ἔχειν δὲ καὶ τὴν ἀναφορὰν τοῦ ὀνόματος αὐτοῦ), послѣ чего ни архіерей ни его клирики не имѣютъ права предъявлять монастырю никакихъ претензій. Въ отношеніи же государственной казны объявляется освобожденіе монастырскихъ имѣній отъ ряда основныхъ повинностей, при чемъ проводится различіе между холопскими и парическими зевгарями (δουλικὰ καὶ παροικικὰ ζευγάρια). „Но и со стороны государственной казны названный монастырекъ не долженъ подвергаться безпокойству на своихъ холопскихъ зевгаряхъ ради взысканія по графѣ житнаго налога (τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρκίας), градостроенія (τῆς καστροκτισίας), пастбищнаго на горахъ (τῆς ὀρικῆς) и постоя (τοῦ μιτάτου), но пусть они останутся совершенно небезпокоимы этими (налогами). Парическіе же зевгари упомянутаго монастыря должны вносить только графу житнаго налога (μόνον τὸ τῆς σιταρκίας κεφάλαιον) въ государственную казну.“[75]

Приведенныя повинности въ XIV-мъ вѣкѣ были основными государственными налогами и почти всѣ (даже и градостроеніе) были въ эту эпоху переведены на деньги. Всѣ онѣ постоянно упоминаются въ хрисовулахъ и практикахъ того времени. Среди различныхъ степеней финансоваго иммунитета наиболѣе привиллегированнымъ было освобожденіе отъ всѣхъ налоговъ кромѣ житнаго налога — ситаркіи. Освобожденіе и отъ ситаркіи давалось только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда императоръ былъ въ невозможности отказать какому-нибудь особенно могущественному ходатайству (напр. сербскихъ и болгарскихъ госу-

---

[73]) *Actes de Chilandar*, I, № 113 (Приложеніе къ Визант. Временнику XVII, СПБ. 1911, 235—236).

[74]) Іеромонахъ Калинникъ является очень интересной личностью, игравшей важную роль въ исторіи византійско-сербскихъ отношеній XIV-го вѣка. Нѣсколько разъ ему приходилось выполнять очень отвѣтственныя и деликатныя дипломатическія порученія между византійскимъ и сербскимъ дворами (Kantakuzenos, ed. Bonn. I, cap. 7, 8; Actes de Chiland., I, № 74 и др.). Андроникъ II, повидимому, очень благоволилъ къ Калиннику. Въ 1321-мъ году подарилъ ему упомянутый монастырекъ св. Николая (Chiland., I, № 74). Въ 1323-мъ году, предчувствуя приближеніе смерти, Калинникъ подарилъ свой монастырь Хиландарю, со всѣми его нивами, садами, виноградникомъ, огородами, водяными мельницами и другими угодьями (Chiland., I, № 94). Черезъ четыре года онъ, повидимому, дѣйствительно умеръ, и монахи обратились къ императору съ просьбой утвердить за Хиландаремъ это дареніе и предоставить ему податныя льготы. Императоръ согласился и издалъ по этому поводу упомянутый хрисовулъ 1327-го года (Chiland., I, № 113).

[75]) ἀλλ᾽ οὐδὲ παρὰ τοῦ μέρους τοῦ δημοσίου εὑρήσει τὸ εἰρημένον μονύδριον διενόχλησιν ἢ διασεισμὸν εἰς τὰ δουλικὰ ζευγάρια αὐτοῦ χάριν τῆς ἀπαιτήσεως τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρκίας, τῆς καστροκτισίας, τῆς ὀρικῆς καὶ τοῦ μιτάτου, ἀλλὰ συντηρηθήσονται ταῦτα ἀπὸ τούτων παντελῶς ἀνενόχλητα· τὰ δὲ παροικικὰ ζευγάρια τοῦ εἰρημένου μονυδρίου ὀφείλουσιν ἀποδιδόναι μόνον τὸ τῆς σιταρκίας κεφάλαιον πρὸς τὸ μέρος τοῦ δημοσίου· (Chiland., I, № 113).

дарей, когда они въ періоды гражданскихъ и династическихъ войнъ обусловливали свою помощь дареніемъ привиллегій сербскому Хиландарю и болгарскому Зографу на Аѳонѣ).[76] Извѣстенъ рядъ случаевъ такого освобожденія монастыря отъ всѣхъ податей кромѣ одной ситаркіи съ мотовировкой, указывающей, что отъ этой подати не освобождаются даже императорскіе домэны.[77]

Въ такомъ положеніи былъ и Каменикейскій монастырекъ, освобожденный отъ всѣхъ налоговъ кромѣ житнаго налога. Но, какъ уже указано, и этотъ налогъ лежалъ не на всѣхъ крестьянскихъ хозяйствахъ монастыря, а только на зевгаряхъ париковъ, тогда какъ зевгари холоповъ не имѣли никакихъ повинностей въ отношеніи къ государству. Въ то время какъ первые являются государственно-обязанными людьми, вторые являются полными подданными монастыря. Въ данномъ случаѣ противоположеніе понятій παροικικά и δουλικά нельзя толковать иначе какъ парическіе и холопскіе.

Приведенный текстъ Хиландарскаго акта уже давно напрашивается на сопоставленіе съ δουλικὰ ζευγάρια Струмицкаго акта, и открытаго іером. Михаиломъ акта Лавры св. Аѳанасія. Однако особенно интереснымъ становится онъ въ связи съ данными одного неопубликованнаго аѳонскаго акта, который мнѣ посчастливилось прошлымъ лѣтомъ найти въ архивѣ Ватопедскаго монастыря и который уже приготовленъ мною къ печати наряду съ другими новыми актами. Это — копія простагмы императора Мануила II Палеолога, изданной въ декабрѣ II индикта, 6917 (1408) года. Такъ какъ въ текстѣ императоръ обращается просто къ Святогорцамъ безъ указанія опредѣленнаго монастыря, то я думаю, что эта простагма издана всей Святой Горѣ, подобно „общему *хрисовулу*“ *царя Стефана Душана.*[78] Narratio документа разсказываетъ, что послѣ битвы на р. Марицѣ въ 1371 г. турецкая опасность заставила византійскую государственную власть секуляризировать половину монастырскихъ имѣній для претворенія ихъ въ проніи — военныя помѣстья. По тѣмъ же причинамъ отъ эскусатовъ былъ отнятъ экономическій иммунитетъ: были снова наложены нѣкоторыя подати, отъ которыхъ Святогорцы ранѣе были освобождены (напр. ἐννόμιον — „пастбищное“, καπηλιατικόν — налогъ на продажу вина) и созданы новые налоги (κοιλὸν σιταρίν — подать въ 1 пудъ зерна съ зевгаря для снабженія флота). Такъ какъ въ данное время политическое состояніе государства поправилось, то императоръ счелъ возможнымъ облегчить поло-

---

[76]) Ср. В. Мошинъ, *Къ вопросу о составленіи хрисовуловъ у южныхъ славянъ и въ Византіи.* Юбилейный сборникъ Русск. Археологическаго общества въ Бѣлградѣ, 1936, 99.

[77]) αὐτὸ (τὸ κεφάλαιον τῆς σιταρκίας) γὰρ καὶ μόνον ὀφείλει ἀπαιτεῖσθαι ἐξ αὐτοῦ, καθὼς δηλονότι ἀπαιτεῖται τοῦτο οὐ μόνον ἀπὸ τῶν ἄλλων κτημάτων τῶν ἐν τῇ χώρᾳ τῆς βασιλείας μου εὑρισκομένων, ἀλλὰ καὶ ἀπ' αὐτῶν τῶν ζευγηλατείων τῆς βασιλείας μου διὰ τὴν ἀποτεταγμένην εἰς τοῦτο ἀσάλευτον κατάστασιν (*Actes de Zographou* I, № XXIII. Приложеніе къ Визант. Времен. XIII, 1907.) Ср. хрисовулъ Андроника II Георгію Трулину въ актахъ Меникейскаго монастыря (Miklosich-Müller. *Acta et diplomata graeca*, V, 89—90) и хрисовулъ того-же императора русскому Пантелеймоновскому монастырю 1311 г. (*Акты русскаго на святомъ Аѳонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона*, Кіевъ, 1873, 166—167). О ситаркіи и другихъ податяхъ: А. Соловјев и В. Мошин, *Грчке повеље српских владара*, Београд 1936, въ регистрѣ греческихъ терминовъ, гдѣ приведена главная литература.

[78]) Ср. Соловјев-Мошин, *Грчке повеље*, № V.

женіе аѳонскихъ монастырей: вернулъ имъ часть отнятыхъ имѣній и освободилъ монаховъ отъ виннаго налога и отъ пастбищной подати. Слѣдующій параграфъ указа разъясняетъ законъ объ уплатѣ упомянутой зерновой подати и въ немъ содержится указаніе на юридическое различіе между парическими и холопскими зевгарями. „Ввиду того, что отъ всей Каламаріи и Іериса и сосѣдней области вносился пудъ зерна съ зевгаря для снабженія военныхъ кораблей (катергъ) — опредѣляемъ, чтобы упомянутые Святогорцы ни въ коемъ случаѣ не давали этого со своихъ рабскихъ зевгарей, тогда какъ ихъ парики со своихъ собственныхъ зевгарей пусть это вносятъ по обычаю."[79] Въ данномъ случаѣ парики, имѣющіе свои собственные надѣлы (ἴδια ζευγάρια), тоже принадлежатъ монастырю (πάροικοι αὐτῶν — Ἁγιοριτῶν), но указъ разсматриваетъ ихъ какъ государственныхъ подданныхъ и облагаетъ ихъ надѣлы государственными повинностями. Напротивъ, зевгаратные рабы (δοῦλοι) вмѣстѣ со своими участками разсматриваются какъ частное имущество монастыря на его вотчинѣ и потому не имѣютъ повинностей по отношенію къ государству. Въ этомъ отношеніи любопытно и стилистическое различіе въ выраженіяхъ, касающихся этихъ двухъ категорій: парики со свихъ зевгарей сами даютъ зерно, тогда какъ за холопскіе зевгари отъ взноса зерна освобождены господа, въ данномъ случаѣ монахи-Святогорцы (Ἁγιορῖται).

Резюмируемъ данныя, заключающіяся въ разобранныхъ свидѣтельствахъ. Во-первыхъ, показанія этихъ источниковъ относятся къ крестьянамъ, имѣвшимъ свой земельный надѣлъ опредѣленнаго размѣра, обрабатываемый запряжкой воловъ — ζευγάριον. Во-вторыхъ, хозяйство этихъ крестьянъноситъ обозначеніе холопскаго — δουλικόν. Въ третьихъ, государство проводитъ юридическое различіе между этими крестьянами и обычными париками. Облагая вторыхъ государственными податями, оно не распространяетъ ихъ на первыхъ, т. е. примѣняетъ въ отношеніи къ нимъ частно-правовую точку зрѣнія римскаго права на аграрнаго раба (servus rusticus) и западно-европейскаго средневѣковаго права — на серва (serf de la glèbe).

Въ настоящей стадіи разработки вопроса мы позволяемъ себѣ остановиться на констатированіи фискально-правового различія между зевгаратнымъ рабомъ и зевгаратнымъ парикомъ. Нужно надѣяться, что поиски новаго матеріала, скрытаго въ историческихъ, житійныхъ и литературныхъ источникахъ, откроютъ въ будущемъ и другіе элементы юридическаго состоянія аграрныхъ холоповъ въ Византіи, напр. въ области брачнаго и наслѣдственнаго права. Весьма полезнымъ можетъ оказаться сопоставленіе византійскихъ данныхъ съ данными о холопствѣ

[79]) „ἐπειδὴ δὲ ἐδίδοντο παρ' ἁπάσης τῆς Καλαμαρίας καὶ τῆς Ἱερισσοῦ καὶ τοῦ ἄλλου τόπου κατὰ ζευγάριν κοιλὸν σιταρίν ὑπὲρ ἀπαξειμαδίου τῶν κατέργων, διοριζόμεδα, ἵνα οἱ εἰρημένοι Ἁγιορῖται οὐδὲν διδῶσι τοῦτο εἰς τὰ δουλικὰ ζευγάρια αὐτῶν. οἱ δὲ πάροικοι αὐτῶν εἰς τὰ ἴδιά των ζευγάρια ἵνα διδῶσιν αὐτὸ κατὰ τὴν συνήθειαν. (Βατοπεδ. ἀρ. 6. Κατάλογος τῶν ἐγγράφων τοῦ Τ. Τετραγόνου.) Послѣ этого стоитъ еще одинъ очень интересный параграфъ, запрещающій монахамъ скрывать подъ покровомъ своего иммунитета сосѣдей, принимая ихъ на свои зевгари, или пускать на свое, освобожденное отъ подати, пастбище скотину сосѣднихъ бѣдняковъ, пастырей-скотоводовъ и помѣщиковъ (ζῶον ἢ ὀρφανικόν, ἢ βοσκῶν, ἢ ἰδιοκτήτων). „Ввиду того, что они сами облагодѣтельствованы императоромъ, слѣдуетъ и имъ самимъ честно блюсти права казны."

въ сербскомъ, болгарскомъ и русскомъ правѣ, гдѣ этотъ институтъ имѣлъ особую терминологію (отроки, холопы, задворные люди). Но во всякомъ случаѣ въ существующую схему соціально-аграрнаго устройства въ Византіи необходимо ввести новый терминъ аграрнаго холопа (м. б. δουλευτοπάροικος) и, пользуясь показаніями грамотъ о парикахъ, принимать во вниманіе, не употребленъ ли этотъ терминъ въ общемъ значеніи вообще — крѣпостного, и не относится-ли данное показаніе къ дулевту.

В. Мошинъ.

Панчево.

ΔΟΥΛΙΚΟΝ ΖΕΥΓΑΡΙΟΝ

(Sur la question du servage à Byzance)

par

V. MOŠIN

Dans le problème non résolu concernant la condition des paysans domaniaux à Byzance l'auteur développe la théorie de Th. Ouspensky et celle du hiéromoine Michel, supposant que la population domaniale n'y était pas homogène au point de vue juridique. A côté des paysans libres se trouvaient les cultivateurs attachés au sol se différenciant des premiers par les conditions sociales et économiques. Entre un πάροικος libre de sa personne quoique attaché à la tenure et un eslcave dans l'acception antique du terme existaient les formes intermédiaires de servitude parmi lesquelles se trouvait le servage. La marque juridique essentielle de cette catégorie de cultivateurs est le point de vue du droit privé considérant le serf non comme sujet, mais comme objet de droit: instrumentum fundi.

On trouve la preuve de l'existence du servage de la glèbe à Byzance dans les quatre actes qui mentionnent τὰ δουλικὰ ζευγάρια. Le πρακτικόν du monastère Notre Dame de Pitié N° 8 et l'acte N° 4 de Laure de St. Athanase à l'Athos confirment incontestablement que le terme δουλικὸν ζευγάριον comprend non seulement des bêtes de somme et la tenure, mais aussi le cultivateur lui-même. L'épithète δουλικόν doit marquer un plus grand degré de servilité de ce cultivateur. Deux autres documents, l'acte de Chilandar N° 113 et celui de Vatopédi N° 3, considérant aussi δουλικὸν ζευγάριον comme le paysan avec son bien, oppose ce terme à παροικὸν ζευγάριον, constatant la distinction juridique entre ces deux conditions. La παροικικὸν ζευγάριον est soumis à l'impôt fiscal et par conséquent soumis à l'État. Le δουλικὸν ζευγάριον, au contraire, qui n'est pas soumis à l'impôt fiscal est considéré comme propriété du seigneur.

On considère cette dernière condition sous le même point de vue du droit privé qu'on trouve dans le droit romain par rapport aux servi rustici et dans le droit médiéval occidental — aux serfs de la glèbe.

Pančevo, Yugoslavie.

À PROPOS DE L'ÉLOGE DE L'EMPEREUR JEAN III BATATZÈS PAR SON FILS THÉODORE II LASCARIS.

Parmi les œuvres nombreuses en partie non encore publiées de Théodore II Lascaris se trouve aussi un Éloge — Encomion de son père l'empereur Jean III Batatzès, écrit peu après la mort de ce dernier. Cet ouvrage est d'en plus intéressant qu'il caractérise l'attitude du jeune souverain dans les questions de politique extérieure et intérieure au moment où il monta sur le trône de ses ancêtres et apparut à ses contemporains comme ce souverain convoité qui remplirait toutes leurs espérances. Beaucoup d'entre eux et aussi ses maîtres — le courtisan et homme de robe Acropolite et l'austère moine Blemmydes furent bientôt déchus. Le fils continua la politique du père et fut pire encore que lui pour les nobles de l'Empire.[1]

L'Encomion s'est conservé, comme le mentionne Jean Pappadopoulos, dans trois manuscrits de la Bibliothèque Nationale de Paris: les Suppl. gr. 37, 472 et 3048.[2]

N'ayant sous main que la copie du Suppl. gr. 37 exécutée au XVIe siècle par Constantin Paleocappa, nous ne nous proposons pas de donner en ce moment-ci une édition critique du texte même de cet ouvrage intéressant, mais seulement d'aviser le lecteur sur son contenu, ainsi que d'attirer l'attention sur quelques points essentiels et de montrer sa portée historique et sa valeur littéraire.

L'Encomion de Jean III Batatzès a pour titre: Θεοδώρου Δούκα τοῦ Λάσκαρι τοῦ υἱοῦ τοῦ ὑψηλοτάτου βασιλέως κυρίου Ἰωάννου τοῦ Δούκα ἐγκώμιον εἰς τὸν πατέρα αὐτοῦ, τὸν αὐτὸν ὑψηλότατον βασιλέα κύριον Ἰωάννην τὸν Δούκαν." fol. 1 r.

La dénomination des deux personnes, de l'auteur et de celui dont se fait l'Éloge est habituelle. Nous la trouvons dans les écrits de Théodore Lascaris, composés avant la mort de son père, dans les dernières années, car auparavant il parlait de lui non comme de l'ὑψηλοτάτου mais comme du μεγάλου βασιλέως.[3] Nous touchons ici à quelques

---

1) Acropolitae, *Historia*, ed. Heisenberg, p. 104—105. ἐλπὶς μὲν οὖν πᾶσιν ἦν Ῥωμαίοις καὶ μάλιστα τοῖς ἐν στρατείᾳ τελοῦσι καὶ τοῖς ἐν τοῖς βασιλείοις διάγουσι πολλῶν ἀγαθῶν πρὸς τοῦ νέου ἐπιτεύξασθαι βασιλέως... ἀλλ' ἥμαρτον τοῦ σκοποῦ, καὶ τὸ τῆς παροιμίας ἄνθρακες αὐτοῖς ἐκ θησαυρῶν ἀνεφάνησαν. J. Pappadopoulos, *Théodore II. Lascaris*, p. 66; Gardner, *Lascarids of Nicea*. London 1912, p. 201; Андреева, *Очерки по культурѣ византiйскаго двора въ XIII вѣкѣ*. Praha 1927, p. 103 sq.

2) J. Pappadopoulos, *Théodore II Lascaris*. Paris 1908, p. IX—X. Un fragment de l'Éloge a été publié par Théodore Uspenskij dans „*О рукописяхъ исторiи Никиты Акамината*." ЖМНП. t. 194, 1877, p. 76.

3) Nous nous bornerons à renvoyer à l'article le plus récent de M. Ostrogorski, *Автократор и Самодржац. Прилог за историју владачке титулатvре у Византију і у јужних Словена*. Глас Српске Краљевске Академије. CLXIV. Други разред 84. Београд 1935, p. 104.

questions du protocole byzantin: ces titres-là avaient-ils un sens réel ou étaient-ils purement rhétoriques, quel titre portait Théodore Lascaris du vivant de son père et enfin à quelle époque et date son couronnement avait-il lieu.

Dans ses écrits Théodore II s'appelle généralement fils du grand basileus et seulement dans deux derniers écrits[4] composés avant la mort de son père lors que le fils restait régent dans la partie orientale de l'Empire il appelle son père ὑψηλότατος βασιλεύς. D'autre part Grégoras[5] affirme que Théodore II ne fut pas couronné du vivant de son père. En faveur de ceci parle aussi le titre de notre opuscule. Bien que Jean III soit mort son fils ne s'appelle pas encore empereur, mais seulement fils du basileus.

Entre la mort de Jean III Batatzès et l'élévation au trône de son fils il y a eu un intervalle d'assez longue durée. En même temps que l'empereur mourut le patriarche Manuel. Ce ne fut qu'après l'élection d'Arsène que le couronnement a pu avoir lieu. Jean III mourut le 3 novembre 1254, l'avènement au patriarcat d'Arsène fut le 25 décembre 1254.[6] C'est entre ces dates que l'Oraison funèbre de Jean III fut écrite. Elle est seconde par nombre, car une première a été prononcée sur la tombe ouverte du souverain par Georges Acropolites. La seconde, celle de Théodore II Lascaris pourrait avoir été prononcée à la quarantaine de la mort de Jean III, c'est-à-dire au milieu de décembre. L'auteur s'adresse aux convives d'un repas qui pourrait être non seulement spirituel, mais avoir lieu à cette occasion au palais. Fol. 11 r. „τίνα δε πανήγυριν στήσομαι, τίνας δαιτυμόνας καλέσω πρὸς εὐωχίαν, ἐν τῷ τὸν γενέτην σὲ καὶ δεσπότην ἐμὸν ἐγκομιάζειν καὶ πανδεισίαν προτιθέναι; τοὺς βασιλικοὺς ἐπαίνους καὶ πατρικούς, οὐκ ἄλλους ἡγοῦμαι ἀξίους τῶν σῶν τεραστίων κατατρυφῆσαι γηθοσύνως καὶ νοερῶς, εἴτις αἴθησις, ἢ μόνον τοὺς ἄνωθεν βασιλεῖς τε καὶ στρατηγοὺς τούτους δε καὶ μετακαλέσομαι, ἵνα βασιλικὴν βασιλέως πανήγυριν συστησάμενος, βασιλικῶς ἐκθειάσω τὸν ὑπερύψηλον.“

Les convives sont des vivants, qui ont aimé l'empereur et portent regret de sa mort et les grands morts, rois, empereurs et stratèges de l'antiquité auxquels Jean III Batatzès sera comparé.

Que cette Oraison funèbre fut écrite peu après la mort du basileus est expliqué par les paroles de l'écrivain royal, qui nous présente en commençant le programme de son œuvre. Ainsi déclare-t-il fol. 1 v. de raconter les exploits de son père non seulement en traits généraux, mais aussi d'une manière plus détaillée, car il a un certain temps devant lui: „διότι καὶ αὐτὸς ἐπιλείψει με χρόνος, τὰ σὰ διηγούμενον ἀριστευόμενα, ἀλλὰ δὲ καὶ τὰ μερικά, προθύμως οὐκ ἀμελήσω τοῦ διηγήσασθαι.“

Ce temps est à sa disposition parce que la première Oraison lors de l'enterrement fut prononcée par Acropolite. Théodore veut lui aussi de sa part faire un Éloge digne de ce père, qui lui a donné une si belle éducation d'homme d'État et en même temps d'homme de lettres. Bien qu'il soit coutume qu'un étranger glorifie les exploits d'un

---

[4]) Ce sont l'Épitaphe de Frédéric II, publié par Pappadopoulos, o. c. p. 183 sq. et le „Sermo adversus maledicos“ ed. Festa. *Theodori Ducae Lascaris*, Epistulae CCXVII. Firenze 1898. App. II, p. 283 sq.

[5]) Gregorae, *Historia*, ed. Bonn., p. 53.

[6]) Acropolitae, *Historia*, p. 103; Meliarakis, *Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ δεσποτατοῦ τῆς Ἠπείρου*, p. 423.

empereur pour cette fois ce sera le fils qui accomplira cet acte de piété: „ἀλλ' ἔστιν ὅτε καὶ ἀνανευσόμεν ὄκνον τε ἀποῤῥίψομεν καὶ ῥαθυμίαν ὑπερνικήσομεν, καὶ οἱονεὶ ὥσπερ ἄνω ἀθρήσαντες τῷ νόῳ, τὸ πρωτότυπον ἀτενίσομεν καὶ λόγους χαριστηρίους ἢ καὶ ἐγκομιάζειν νομιζομένους, πρὸς αὐτὸν ἀνατείνομεν, ἐπεὶ καὶ λόγος βασιλικὴ ὄντως ἀποδεκατῶσις, ἀλλ' ὅτι γε μὴν οἱ βασιλεῖς τοῖς φόρουσι οὐκ ἐκ τῶν υἱῶν, ἀλλ'ἐκ τῶν ἀλλοτρίων λαμβάνουσιν, ἐν ἱεροῖς εὐαγγελίοις, διδασκαλικῶς τοῦτω ἐγνώκαμεν, ἀλλ' ἰδοῦ, καὶ ἐκ τῶν υἱῶν, φόρος λογικὸς ἐκτελεῖται τῷ βασιλεῖ, φόρος ἀγάπης εἰλικρινοῦς ἐκ καθαροῦ υἱοῦ εἰς πατρικὸν βασιλικόν, ἀγαθὸν θησαυροφυλάκιον. (Fol. 1 r.)

Théodore II ne paraît pas savoir qu'il avait eu un prédécesseur, fils de roi et basileus lui-même, Léon le Sage, qui avait lui aussi écrit un Encomion en honneur de son père, Basile Ier.[7] On doit ajouter qu'on ne trouve aussi aucune ressemblance dans les deux œuvres ni pour le style ni pour la composition. Le sujet de l'Oraison funèbre de Basile Ier par son fils Léon le Sage a un caractère beaucoup plus intime, que celle de Théodore II. Bien que Théodore II se déclare lui aussi être le fils du défunt empereur et de lui chanter des louanges pleines de piété filiale, c'est l'empereur et l'homme d'État qui domine dans son exposition. Le père est honoré comme le triomphateur (Τῷ πατρὶ τὴν νικῶσαν μοῖραν προτίθημι. Fol. 1 r.), le souverain idéal qui doit servir d'exemple au fils reconnaissant.

Au contraire l'Oraison funèbre d'Acropolite a été bien connue à son élève et lui a même servi de modèle pour son plan général.

Τοῦ 'Ακροπολίτου κυροῦ Γεωργίου ἐπιτάφιος τῷ ἀοιδίμῳ βασιλεῖ κυρῷ 'Ιωάννῃ τῷ Δούκα[8] commence comme un thrénos par des lamentations sur le sort du grand souverain, mais bientôt l'orateur reprend le sang-froid. Il déclare qu'on ne devait pas seulement pleurer un tel prince, mais aussi honorer ses exploits, dont l'assemblée entière a été bénificiaire (ch. 4, p. 14). Suivent de belles pages consacrées à la restauration de l'Empire succombé dans la lutte avec les Croisés par la dynastie des Lascaris — par son fondateur Théodore Ier et son gendre le défunt basileus Jean III Batatzès. Le futur grand logothète énumère les peuples avec lesquels Jean III avait vaillamment combattu, surtout les 'Ιταλοί c'est-à-dire les chevaliers francs de l'Empire latin, les Perses, les Turcs-Seldjucides de Roum, les Triballes-Serbes, les Bulgares-Moeuses (ch. 4—9, cp. 14—19). Puis c'est l'acte de l'administration de l'Empire même qui est glorifié (ch. II, p. 19—20).

Après un exode rhétorique (ch. 12, p. 20—29) l'orateur revient à la personnalité du défunt qu'il loue d'une façon purement antique. La καλοκαγαθία[9] de Jean III est proclamée devant toute l'assemblée. L'empereur portait en soi les trois vertus les plus hautes de l'antiquité: le courage-ἀνδρεία, la justice δικαιοσύνη et la raison φρόνησις, enfin avait-il une quatrième purement chrétienne la douceur. Par cette dernière le défunt est comparé à David même (ch. 14, p. 22—23). Le chapitre suivant (15, p. 23

---

[7]) A. Vogt et J. Hausherr, S. J., *Oraison funèbre de Basile Ier par son fils Léon VI le Sage*. Orientalia christiana. Num. 77. Rome 1932, pp. 38—79.

[8]) Georgii Acropolitae, Opera ed. A. Heisenberg. Lipsiae 1903, t. II, p. 12—29.

[9]) Ibid., cap. 13, p. 21 οὐδὲν δὲ τοιοῦτον ἀλγεινὸν ἐπιγίνεται, οἷον ἀπολέσθαι ἄνδρα ἡγεμόνα, τὴν ἀρχὴν ἐπιστήμονα, κάλον τὰ πάντα, τὸ εἶδος, τὴν ἰσχὺν, τὴν ἀνδρίαν, τὴν δικαιοσύνην, τὴν φρόνησιν, πρὸς ἐπὶ τούτοις τὴν καλοκαγαθίαν καὶ ἡμερότητα.

jusqu'à 24) est consacré à la comparaison à d'autres héros et empereurs, comme Titus et le Joseph de la Bible. La philanthropie du défunt est illustrée par la conversion au christianisme d'une horde coumane, entrée au service de Byzance pendant son règne (ch. 16, p. 24).

Les chapitres suivants sont pleins de rhétorique et d'allusions à la possibilité de se consoler. L'orateur présente à la haute réunion un fils digne d'être le successeur de son père le roi-philosophe qui doit mener l'Israël au pays de miel et de lait, c'est-à-dire à la capitale sacrée de Constantinople (ch. 18—21, p. 24—29). C'est avec cette note joyeuse et l'espérence en un meilleur avenir que finit l'Oraison funèbre d'Acropolite.

Passons à l'œuvre de son élève le roi-philosophe.

L'Éloge de son père, le très haut empereur, le sire Jean Doukas, par Théodore Lascaris commence par l'assertion que le sort tombé à son père fut celui d'un vainqueur. C'est la thèse de l'Éloge. Le fils va démontrer que partout Jean III devenait maître des obstacles, mais avant de passer à ce thème il nous donne une Introduction double. Dans la première partie (fol. 1r. — 2 v.) il est question des relations mutuelles du père et du fils, dans la seconde moitié ce sont les principes que l'orateur va suivre dans sa narration des exploits du défunt. Ces exploits sont groupés d'après les vertus personnelles du souverain. Ce sont le cœur courageux — faits de la politique extérieure — ainsi que le zèle; l'amour de la vérité, qui correspond à l'amour de la justice de chez Acropolite. Nous voyons que le plan se basant sur les diverses vertus du défunt a été emprunté à Acropolite, mais l'Introduction a quelque peu changé: au lieu du thrénos la première place ont reçu les relations mutuelles du père et du fils. Mais cette partie peut aussi se rattacher idéologiquement à la conclusion de l'Oraison d'Acropolite, dans laquelle Théodore est déclaré successeur non seulement du trône mais aussi de la gloire de son père qu'il doit encore surpasser.

Revenons aux vertus. Pour illustrer l'amour de la vérite — les affaires intérieures sont exposées; mais une part bien plus importante que chez Acropolite est réservée aux Conciles de l'Église. Suit la vertu de la miséricorde — l'œuvre pieuse du souverain, honoré comme saint en Asie Mineure sous le nom de Jean le Miséricordieux.[10] Enfin la raison la φρόνησις — ce thème est plus développé que chez Acropolite. Théodore II connaît les différents aspects de l'esprit: l'esprit pratique de l'homme d'État et l'esprit théorique de l'homme cherchant à comprendre les choses divines — la sagesse. On voit que Théodore II est plus imbu des questions théologiques et du sens chrétien que son maître. Rappelons à cette occasion que son autre maître et confesseur fut Nicéphore Blemmydes. Théodore n'emploie pas non plus le therme de καλοκαγαθία qui est trop étroit pour lui. Sept vertus principales ont appartenu au défunt. Ce sont la sagesse, le courage, la justice, l'esprit pratique, le zèle, l'amour de la vérité et la miséricorde. Suit un appel aux convives et la comparaison à des héros antiques et bibliques.

Nous trouvons de même la thèse du souverain idéal mise en vogue par l'écrit de Nicéphore Blemmydes. La statue du souverain „'Ανδριὰς βασιλικός".[11] Cette partie doit servir de profession de foi au jeune basileus.

---

[10]) A. Heisenberg, *Kaiser Johannes der Barmherzige. Eine mittel-griechische Legende.* Byz. Zeit. 1905, t. XIV; K. Praechter, *Zum Enkomion auf Kaiser Johannes Batatzes den Barmherzigen.* Byz. Zeit. 1907 XVI.

[11]) Nicephori Blemmydae, de regis officiis s'est conservée incomplètement dans sa version origi-

Enfin l'Éloge se termine par une allocution du défunt, d'une harangue sur les devoirs des sujets envers leur roi et par l'appel à une récompense divine à Jean III pour tout son zèle et les peines subies pour le bien d'autrui.

L'Introduction commence comme nous l'avons mentionné plus haut par la phrase qu'au père revient le sort de la victoire pour repasser immédiatement aux relations entre père et fils : „ἔμε καὶ γὰρ οὗτος ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παρήγετε καὶ παιδευτικῶς ἐκκαθήρας τῆς νεωτερικῆς ὑλώδους παραπληξίας, ἐπὶ τὴν ἀκρότητα τῆς ὑπακοῆς αὐτοῦ ἐπεκάθισε, καὶ τῇ πρὸς αὐτὸν ἀκλινεῖ θεωρίᾳ τε καὶ στοργῇ, ἔμφρονα τὸν αὐτὸν δοῦλον τε καὶ υἱὸν ἀπετέλεσε." (fol. 1 r.)

C'est lui qui me porta du néant à l'existance, et me purgeant pédagogiquement des irrégularités corporelles de la jeunesse me mit à la tête de tous ses sujets; et par une observation stricte et de l'amour il me rendit vraiment moi — son fils et esclave raisonnable. Il apprit aussi à son fils d'élever son esprit vers Dieu et lui donna une éducation brilliante, qui porta fruits et qui lui permit de ne pas recourir pour faire l'Éloge de son père à une autre personne, comme il l'est coutume chez les fils de roi, mais de la composer soi même.

Pour composer cet Éloge Théodore veut s'approprier la force de son parent; il prend l'audace lui le fruit de se prononcer sur la plante qui l'a engendré, la partie sur le tout, la lumière sur le porteur de la lumière (fol. 1 v.). Sa première parole appartient à son père, mais il voit qu'on va se moquer de lui — jeu rhétorique fort apprécié par ce prince. Une fourmie veut chanter un lion royal; une étincelle le feu de tout l'univers. L'âme même de son pêre doit le consoler et lui prêter les paroles indispensables, car il ne se sent pas capable d'écrire.

Ayant fini avec cette partie presque purement rhétorique, Théodore s'arrête sur la méthode qu'il va suivre dans son récit des faits et exploits de son père. Il mentionnera aussi des détails car le temps d'écrire ne lui manque pas. Il ne va pas se servir de paroles flatteuses (κεκομψευμένους λόγους). Son père aimait avant tout la vérité. Il suivait en ceci l'exemple du Christ et y conformait sa vie et ses faits. Par conséquent gouverna-t il avec miséricorde, imitant la miséricorde divine. De trois manières différentes faisait-il du bien aux hommes: par son zèle, l'amour de la vérite et la miséricorde (τρίτως καὶ γὰρ πᾶν ἀγαθὸν τελεῖται πρὸς τοῖς βροτοῖς, ζήλῳ, ἀληθείᾳ, πραότητι. 2 r.).

Il cherchait à faire revivre la justice, et tranchait du bon le mauvais (καὶ τέμει τὸ χεῖρον ἀπὸ τοῦ κρείττονος. 2. r.) et arrêtait les forfaits.

Ayant exposé les vertus principales de son père, dont il va faire l'Éloge, Théodore Lascaris présente une description détaillée de chacune d'elles. En premier lieu c'est le zèle qui avec un cœur courageux mène à bout tous les exploits de la politique étrangère, c'est-à-dire les guerres continuelles de son règne. Quelques pages leur sont consacrées (fol. 2 r—4 v).

Nous nous bornerons ici à donner leur énumération en traits généraux presentés par Théodore lui-même au début, pour y revenir encore une fois à une autre occasion. „καὶ γὰρ ζήλῳ καὶ τόλμῃ καρδιακῇ τὴν λατινικὴν ἀδικίαν, τὴν περσικὴν καταδυναστείαν,

nale, publié chez Migne, *Patrologia graeca*, t. 142, col. 658—677. Des additions à ce texte sont faites par Kurt Emminger, *Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln*. I. Zum ἀνδρίας βασιλικός des Nikephoros Blemmydes. Programm d. Königl. Maxim. Gymn. f. d. Schg. 1905/6. München.

τὴν σκυθικὴν ἀγριότητα, τὴν βουλγαρικὴν ὠμότητα καὶ ἀνταρσίαν, ὁμοῦ τὴν σερβικὴν ἀποστασίαν, ταταρικὴν ὑψηλοφροσύνην, τὴν μερικὴν ῥωμαϊκὴν δύσνοιαν, καὶ ἁπλῶς εἰπεῖν, πᾶσαν λύμην λυμαινομένην τὴν αὐσονίτιδα γῆν, ἀνδρικῶς ἀπεκαθήρας. σπάθῃ καὶ γὰρ βριαρωτάτης χειρός, τέμνεις ταύτης τὸ πολυκέφαλον, ἐν ᾗ καὶ ἀλαμανῶν τε καὶ ἰταλῶν, καὶ βενετικῶν, καὶ λογγιβαρδῶν, καὶ γεννουίτων, λαμπάρδων, πισσαίων καὶ πᾶσα ἄλλη λατινικὴ φυλὴ συμφατριάζουσα καταδυνάστευεν, ὥσπερ ἀδικίας ὕδραν, τοὺς αὐτῆς ποδοστάτους καὶ ταξίαρχας, καὶ βεσκονίτους, κοννσούλους τε καὶ πρωτοσυμβούλους, βαροννίους, στρατάρχας, καὶ τὸν αὐτῶν ψευδοτανίωτον ἀρχηγὸν δειρεκτομήσας τῆς ῥωμαϊκῆς γῆς ἠλλοτρίωσας, κρουμάτι τε τοῦ σοῦ φασγάνου καὶ δόρατος, οἱ λεοντιδῶς βριαρόχειροι πρὶν κνωδάλων γεγώνασιν, ὕστερον ἀσθενέστεσαι“ (fol. 2 r.).

„Tu purgeas vaillamment avec zèle et un cœur courageux de l'injustice latine, de la violence des Perses (c'est-à-dire des Turcs-Seldjucides), de la sauvagerie des Scythes (Coumans), de la férocité et de la révolte des Bulgares, de la trahison des Serbes, de l'hautainité des Tatares, de l'inimitié locale des Romains (du despotat d'Epire), en parlant rudement de toutes les saletés qui la souillait la terre des Ausones. D'une main forte trancha-t-il à l'épée les multiples têtes (l'Empire latin est sous-entendu), parmi ces têtes celles des Allemands, des Italiens, des Vénitiens et des Langobardes (les barons et chevaliers du Nord de l'Italie), des Génois, des Lombards (répétition, ils sont déjà mentionnés comme des Langobardes, ou peut-être des représentants de villes lombardes?), des Pisans, et de toutes les autres nations latines fraternisantes dans la violence, comme si ce fut une hydre de l'injustice; à leurs podestats, ducs-marquis, vicomtes, consuls, premiers conseillers, barons, chefs d'armée et leur souverain qui étend son pouvoir par tromperie, tu leur tranchas la tête à tous, les banissant de la terre romaine par le son seul de ton poignard et de ton épée; sous ta main forte devinrent-ils pour commencer des bêtes stupides et après perdirent-ils complètement leur force.“

Après cette tirade contre les adversaires de son père, Théodore passe aux traits caractéristiques de cette lutte en s'arrêtant sur quelques épisodes.

Jean III Batatzès savait être aussi clément envers les vaincus; mais aussi savait-il inspirer la terreur à ses adversaires et de telle manière restituer la paix. Comme s'il était un nouveau Daniel dans la fosse des lions les peuples apprivoisés venaient se coucher à ses pieds. Il aboutissait à tout cela par son zèle et courage, mais encore plus par ses travaux d'éducation de tous ces différents peuples pendant la paix que lui revient la gloire. (τὰ δὲ τῆς ἀλεθείας, πλεῖστα τούτων καὶ ἐνδοξότερα. τὰ μὲν γὰρ ἐθνῶν διδάσκουσι καθείρξεις παντοίων καὶ συνέχεις τὰ δὲ τῆς εἰρήνης καὶ εὐκληρίας, ποιήματα τε καὶ κρίματα, ἅ παρὰ τῆς σῆς ἀληθείας κρινόμενα τε καὶ δικαζόμενα σοὶ τὸ κλέος μᾶλλον ἀποχαρίζονται. fol. 4 v.).

Ainsi commence une seconde partie traitant des affaires intérieures et de l'amour de la vérité du défunt. Qui a vu cet empereur être présent à la cour de justice et ne pas se prononcer pour la vérité? Ne pas trouver le chemin droit dans les cas compliqués et ne pas faire tout cela avec douceur et miséricorde. Sa voix doit être vraiment comparée à celle des anges qui chantaient la gloire de Dieux aux cieux et la paix sur terre, s'écrie son fils.

Non seulement dans les choses séculaires aussi dans les choses divines cet empereur recherchait toujours la vérité et tachait à conserver intactes les dogmes „ἀλλὰ πλεῖστα μὲν

ἀληθείας δόγματα συχνάκις, οἱ ταῖς ἀνακτορίκαις αὐλαῖς συμπεριμιγνύμενοι, ἐνωτίζονται, πλεῖστα δὲ καὶ πλειστάκις, καὶ αὐτὸς ὁ θεῖος κατάλογος" (fol. 5 r.).

A cause des questions de dogme il convoquait de temps en temps des Conciles dans les salles du palais et y présidait en personne. Les plus fameux sous le règne de Jean III furent ceux où fut traitée la question de la procession du Saint Esprit des années 1234 et 1250.[12]

Ce fut vraiment lui qui servait de base à son peuple (jeu de mot βασιλεὺς et βάσις λαοῦ inspiré par Nicéphore Blemmydes)[13] en s'adonnant aux affaires ecclésiastiques et temporelles. „τότε καὶ γὰρ ἄρχων ἐστὶν ὁ βασιλεὺς ὅποταν στηρίζῃ τὰ τῆς ἐκκλησίας, καὶ τοῦ κοινοῦ, καὶ καταλλήλως· οὗτος ἔστι βάσις λαοῦ... ἑκατέρως οὖν στηρίζων οὗτος τοὺς ἀμφοτέρωθεν, βάσις ὄντως ἐστὶ τῆς ἐκκλησίας τῆς ἀγαθῆς" (fol. 5 r.).

Suit la description du père présidant aux Conciles, auxquels prenaient aussi part les délégués du Saint Siège „ἀλλ' εἶδον σὲ καὶ μέσον σύνοδου καθήμενον, καὶ Χριστὸν κυρίον σε ἐξεικόνισα, μέσον τῶν νομοδιδασκάλων προκαθεζόμενον, καὶ ἐπερωτῶντα τούτοις τὰ δυσανέκφραστα τῷτοι καὶ τὸ τῆς ἰταλικῆς ὀφρύος συνάθροισμα πλειστάκις" (fol. 5 v.).

Il s'y arrête plus longuement faisant l'éloge de la manière dont le basileus savait avec feu répondre et défendre les dogmes du Saint Esprit, rayonnant dans l'assemblée comme le soleil parmi les étoiles. „ἀληθείας δε πνεύματι πυρσεύθεις, μέσον συνόδου ἀστέρων διδασκάλων αεἰφάνων, ἥλιος ἀπλανὴς ἐξανετεῖλας, καὶ τὴν ἀληθείαν ἐξεβοήσας, οὐκ ἀζύμοις ταύτην λεξέων ἀτελέσι λόγοις συλλογιζόμενος, ἀλλ' ἐν Πνεύματι Ἁγίῳ καὶ χάριτι ἀναμεμιγνυμένην καὶ ἀνακεκραμένην οὖσαν ἀληθῶς ἐξετράνωσας" (fol. 6 v.).

Que purent contre lui, s'écrit le fils, les lettrés et les philosophes, contre celui qui fut inspiré de Dieu.[14] Ce fut lui qui se prononça sur l'imparlable „καὶ πᾶσα βασιλικὴ γλῶσσα τὰ ἀπόῤῥητα φθέγξεται" (fol. 6 v.).

Ayant fini avec la part que prit le basileus aux affaires réligieuses le fils se tourne vers un autre aspect de l'amour de la verité, dont fut aussi doué son père: la justice. La rigueur fut mêlée avec la bonté et personne ne fut permis de maltraiter le pauvre. Il interdisait même à ses agents de traîner par force l'adscript à la glèbe — le homodule pour un impôt non payé „καὶ ὅσοι περὶ φορολογεῖν τὸν ὁμοδούλον ἕλκουσι" (fol. 6 v.).

Ainsi imitait-il par l'esprit raisonnable et l'amour de la vérité le Christ.[15] Comme par ses deux premières qualités le zèle et le courage châtiait-il les peuples étrangers, ainsi par l'amour de la vérité imitait-il le Christ et à l'aide de la raison savait-il en temps de paix gouverner son propre peuple. Ce lien étroit de la douceur et de la justice devait lui procurer aussi la couronne de la divine récompense. Cette couronne que dans l'iconographie byzantine reçoivent des cieux les Saints et les Martytres. Nous trouvons ici les premiers traits de la légende du saint basileus, „κἀντεῦθεν πραότητι δικαιοσύνην συγκερασάμενους στέφος θείας ἀνεδήσατο χάριτος" (fol. 7 r.).

Car Dieu porte l'œil sur celui qui est doux, paisible et juste.

L'âme humaine n'est pas toute entière de nature bestiale: la bonté est en elle de

---

[12]) Meliarakis, Ἱστορία τοῦ βασιλείας τῆς Νικαίας, p. 314 sq.; 399 sq., voir aussi l'article récent de M. V. Laurent *Le pape Alexandre IV (1254—1261) et l'empire de Nicée.* Échos d'Orient, 1935, no. 177.

[13]) N. Blemmydae, de regis officiis, col. 621.

[14]) Ibid., col. 613.

[5]) Ibid., col. 633.

nature divine. Elle ne doit pas être encline à la colère — de nouveau un des préceptes de Blemmydes à son élève royal.[16] Son père est pour Théodore l'exemple vivant d'un souverain qui sait modérer ses passions (τοιγαροῦν καὶ σοι τῇ θείᾳ κεφαλῇ, ὁ νῦν λόγος εἰκόνα πραότητος ἀγαλματώσας ἀνεστῆσεν ὥσπερ θείου λαοῦ κοσμήτορι. fol. 7 r.).

L'influence de Blemmydes est à retracer dans la terminologie même.[17]

Jean III exerçait aussi avec plaisir la bienfaisance et imitait le Christ par sa sérénité et sa douceur. Les peuples furent gouvernés par sa miséricorde et ses bienfaits; il recevait avec douceur le pêcheur. Par ces traits de générosité et de douceur son nom sera fameux non seulement dans son pays mais dans tout l'univers. Il restera sans pareil et même sans successeur (ἀδιάδοχος), car son fils ne se croit pas capable à l'égaler. Les richesses sont vaines, le principal est le fond même du cœur royal, prêt à chaque moment aux bienfaits et ne s'adonnant jamais à des manies. Et Jésus Christ a récompensé le basileus l'ayant revêtu du vêtement de la douceur et de l'amour de la vérité. Car le vrai imitateur du Christ est celui qui recherche la vérité (ἀληθινοῦ γὰρ ὄντως ὢν Χριστοῦ μιμητής, ὁ τούτου Χριστὸς ἀληθείαν ἐξεζήτησαν. fol. 8 v.). Par cette vertu seule on peut devenir panbasileus (παμβασίλευς).

Suivent des exemples de la charité du souverain connue aussi par d'autres sources: l'aide aux malades, aux indigents. A l'amour de la vérité est étroitement liée la justice. Ainsi le schèma des trois biens des mortels s'élargit en le zèle, le courage, l'amour de la vérité, la raison, la douceur et la justice (δία τοῦτο τρίτως πᾶν ἀγαθόν, ὡς ἄνωθεν εἴρηται, τελεῖται πρὸς τοῖς βροτοῖς τὸ μὲν ζήλῳ, καὶ ἀνδρείᾳ ὁμοῦ, τὸ δὲ ὡσαύτως ἀληθείᾳ τε καὶ φρονήσει, τὸ δὲ πραότητι καὶ δικαιοσύνῃ (fol. 8 v.). Jean III avait enfermé ces vertus là comme un trésor dans son cœur.

Ayant fini avec l'amour de la vérité l'auteur passe aux deux aspects de l'esprit — la raisonnabilité – σωφροσύνη pour les choses terrestres et la sagesse cherchant à concevoir le divin. La raison se présente comme la couronne impériale et en conséquent Jean III la porta scellée sur son cœur.

On sent de nouveau la forte influence de la Statue impériale. Nous retrouvons le même terme du pasteur du peuple (βασιλικῶς τὸ ποίμνιον ἄγουσι καὶ ποιμαίνουσι. fol. 9. r.).

Si l'empereur avait une nature humaine susceptible aux intempéries des saisons il avait aussi en plein degré ce qu'il y a de bon dans l'homme — l'esprit. Il savait s'astreindre des plaisirs de la vie royale comme de quelque chose d'instable et de secondaire (οὗτος καὶ χρημάτων καὶ τυρβασμάτων, καὶ χλιδῆς βασιλικῆς καὶ τροφῶν καὶ τρυφῶν καὶ σπατάλης καὶ κυνηγεσίων καὶ μουσικῶν ἁρμονίαν, καὶ ἱπποδρομίων, καὶ θεάτρων, καὶ πομπῶν βασιλικῶν, προελεύσεων, δορυφοριῶν βασιλικῶν βλακείας τῆς περιττῆς καὶ παντῶν ὧν πρὸς τῆς ἀρχῆς εὐμοιρεῖ τῇ χέσει χαίρειν εἰπὲ βασιλικῶς. fol. 9 r.). Combien de maux physiques et mentaux devait-il subir pendant ses nombreuses expéditions contre l'ennemi, quand il se mettait à la tête de ses armées. Avec elles il traversait les défilés pénibles; l'épée au poing il se jettait au milieu du combat, négligeant parfois même de revêtir son armure (ὅτι πλειστάκις ἄνευ περικεφαλαίας, θώρακος, ἀσπίδος, καὶ δόρατος, φάσγανον μόνον κατέχων ἐν τῇ χειρὶ μέσον πλήθης πολεμίων εἰσήλασε. fol. 9 v.).[18]

[16]) Ibid., 613.

[17]) Ibid., 621. Δ'. Λαῶν κοσμήτορες οἱ βασιλεῖς ἔκπαλαι παρὰ τῶν σοφῶν ὠνομάσθησαν, καὶ ποιμένες λαῶν.

[18]) Ibidem, col. 621.

Ce trait de bravoure personnelle se retrouve aussi dans la légende, chez Acropolite et les autres contemporains, c'est surtout le stratège prudent qui est apprécié. Dans toutes ces difficultés ce fut la crainte de Dieu qui lui aida de trouver le chemin droit, se souciant peu des choses charnelles Jean III en toute chose se montra le vrai père du peuple. Et Dieu récompensa des plus beaux trophées son athlète.

Le plan de l'Éloge qui devait être à peu près le même que celui d'Acropolite commence à se brouiller de plus en plus. L'auteur emporté par le sentiment se répète, revient sur ses pas, le texte devient plus rhétorique.

Théodore adjoint à la liste des vertus impériales encore deux: la bonté et la sérénité (ἀγαθοσύνην καὶ ἱλαρότητα) qui se manifestent dans la bienfaisance et la bienveillance (ἐν διπλαῖς χάρισιν εὐεργεσίας καὶ εὐμενείας). C'est sur la générosité du père que le fils s'arrête derechef. Tout un Nil d'or se répand sur les indigents et les non indigents. Le défunt fut comme le soleil pour tous, mais un soleil qui brille jour et nuit. En récompense un trésor l'attend aux cieux. Car vers Dieu furent dirigées ses pensées; il ne fut pas le roi-philosophe, que devait devenir son fils d'après les vœux de ses maîtres, mais le φίλος θεοῦ et pour cela il sut gouverner et trouver toujours le digne dans l'indigne.

A son père, le sage en Dieu (ὁ θεόσοφος) le fils s'adresse avec la prière de lui aider à mener à bonne fin l'Oraison en son honneur; qu'il puisse lui aussi entrer dans sa sainte église et continuer de bâtir sur la pierre que Jean III avait posée par son amour paternel. Se tournant vers les convives de ce banquet en honneur du défunt il les invite avec les anciens héros à y participer.

Des anciens ce sont: Alexandre le Grand, le premier basileus des Hellènes. Celui-ci reçut intacte son royaume et l'agrandit magnifiquement, au contraire l'empereur du peuple chrétien reçut la terre des Ausones mille fois partagée par les Latins, les Perses, les Bulgares, les Scythes et les autres polyarchies, peuplades et tyrannies, mais il rassembla le tout en une unité, châtia les raptes et garda de la lance et de l'épée sa part reconquise; par sa raisonnabilité et présence d'esprit il réveilla nos anciennes terres, les ressuscita et éleva le trophée de ses vertus. „ἀλλ' ὁ γὲ τοῦ χριστωνύμου λαοῦ βασιλεὺς ὑπὸ τῆς λατινικῆς καὶ περσικῆς καὶ βουλγαρικῆς καὶ σκυθικῆς καὶ ἕτερας πολυαρχίας, ἐθνικῆς καὶ τυραννικῆς τὴν αὐσονίτιδα γῆν μεριθεῖσαν μυριάρχως εἰς ἕν ταυτὴν συνήγαγε, καὶ τοὺς ἅρπαγας ἐμαστιγῶσε, καὶ τὸ λαχνὸς τούτου ἐφύλαξε, καὶ δοράτι τε καὶ φασγάνῳ καὶ εὐβουλίᾳ καὶ ἀγχινοίᾳ τὸν ἀρχαίον ὅρον ἡμῶν ἀνηγεῖρε καὶ ἀνωρθώσε, καὶ τροπαίον ἀρετῶν ἀνεστήσατο" (fol. 11 r.) Tous ces exploits furent accomplis par la bonté du basileus et la volonté de Dieu.

Suit une seconde comparaison avec César, le souverain des Itales, il est à remarquer que le nom de Romains n'est donné ni à l'une ni à l'autre part καίσαρ ὁ ἐνδοξότατος, ὁ ἐξ ἰταλῶν ὁρμήμενος καὶ ἰταλῶν ἄρχων καταστὰς εὐκλεέστατος (fol. 11 r.).

Celui-ci conquit toute la terre et par de bonnes lois unifia les divers états en une monarchie. Mais le défunt a en plus les vertus chrétiennes. Tous sont de nouveau invités au festin des vertus du basileus. Il paraît possible que pour le sujet du festin Théodore aiet été inspiré par Platon les œuvres duquel lui étaient en partie connues.[19]

---

[19]) Андреева, *Очерки*, p. 163.

Théodore revient à la générosité du défunt qui savait recevoir charitablement un ennemi déchu et s'en faire un ami ou un allié. A cette occasion dessine-t-il la vraie image du souverain: la tête c'est l'esprit royal, le cœur le courage même et la stabilité, les jambes la raisonnabilité réelle, les pieds marchant sur le chemin de la justice. La couronne posée sur la tête vient de Dieu même.[20]

Comme Démétrius Poliorcète Jean III sut prendre de ruse et de force les villes et d'en bâtir de nouvelles. Suivent d'autres comparaisons: à Agamemnon, le chef d'armée, à Odyssée, qui savait sauver ses hommes. Allusion à un fait réel, quand le basileus sauva la vie d'un de ses guerriers (καὶ γὰρ ὁ ἐμὸς βασιλεὺς ὑπὲρ σωτηρίας ἑνὸς στρατιωτοῦ ἄνδρος ὁπλοφόρου, ψυχὴν ἅ ὅλην ἔδωκεν ἐν καιρῷ. fol. 12 v.), à Achille, Aiax, Palimède, Nestor, Odyssée. Etant la perfection même du souverain il pouvait néanmoins aussi être comparé aux fameux stratèges de l'antiquité: à Brutus, Caton, Marc Antoine, Hannibal, Adrien, Trajan, Pompée et Urbicios (οὐρβίκιοι), noms que Théodore avait rassemblé au cours de ses lectures. Ces comparaisons sont pour les exploits du camp et de la vie d'État, pour ce qui est de l'âme les héros de la Bible sont plus proches à Jean III que ceux de l'antiquité. Ce sont les rois David et Salomon, le premier avait accès au cœur de Dieu; le second recevait des ambassades de l'Occident et du Sud, ce qui fut aussi le cas de Jean III, mais surtout ces deux rois avaient été pleins de douceur et de sagesse.

D'autres comparaisons sont puisées dans l'histoire proprement bysantine. C'est Constantin le Grand, la lance royale de la foi (ὁ τῆς πιστέως ὄντως πρόβολος, fol. 13 r.) à l'exemple duquel Jean III rassemblait des Conciles et conservait les dogmes de l'orthodoxie, en même temps punissant la témérité de ses adversaires. Puis c'est le grand Justinien, que Batatzès aurait surpassé par ses constructions. On voit bien que l'auteur royal soit né loin de la ville de Constantin (ἀλλὰ δεῦρο καὶ τὸ τῶν Ἰουστινιάνων ὄνομα κατασκότησον τοὺς ναούς, ἴδε τὸ περικαλλὲς τῶν ἔνδον ἀγλαίων. fol. 13 v.). Allusion au fameux monastère de Sosandre, où les souverains de cette dynastie trouvèrent leur repos éternel.[21] Enfin encore une comparaison à Théodose le Grand, baisant une fois les pieds de St. Ambroise, tandis que Jean III baisait les pieds plus d'une fois à des religieux qui n'étaient pas de si haut rang.[22] Les Grecs aimaient à souligner leur humilité en affaires ecclésiastiques, étant quelque peu choqués par les allures princières des prélats latins (οὐκ Ἀμβροσίου μόνου πόδας ἅπαξ φιλοῦσαν καὶ ἀμυδρῶς, ἀλλ' καὶ πλειστάκις καὶ συνεχῶς, καὶ σμικρότατον ἐν βαθμῷ πρεσβυτικῷ πόδας ἀνδρῶν κατασπαζομένην θεοφίλως. fol. 13 v.—14 r.).

Il revient aux souverains d'être comparés à d'autres souverains, et de même à leurs vertus et exploits. Car la plus grande honneur appartient à la vertu, elle fait rayonner les souverains et les archontes. Aussi les convives sont-ils appelés à se réjouir à la vue des vertus du défunt. Celui-ci est un vrai soleil lumineux, qui rassemble en soi toutes les vertus et ne laisse choir aucune d'elles. C'est Dieu qui a éclairé son cœur et en conséquent ses vertus restent toujours épanouies et ells le portèrent vers la victoire et la gloire qui resplendissent dans tout l'Univers.

[20]) Blemmydae, de regis officii, col. 613 pour la tête.
[21]) Андреева, *Очерки*, p. 24—27.
[22]) Comparez: Codinus, de officiis, cap. 12, p. 70—71. Coutume de laver les pieds à 12 mendiants.

Finalement Théodore Lascaris déclare que si l'Eloge tarde à venir au sommet de toutes les vertus du défunt ce sont les exploits innombrables de celui-ci qu'y sont cause, ainsi que la brièveté de cet écrit (!) — τὸ σμικρότατον τοῦτο γραμμάτιον. Mais que son père reçoive avec bienveillance les primes de l'esprit de son fils, car en ceci se témoignent les dons faits par lui à son fils: le règlement de la vie, l'amour paternel, la plus stricte pedagogie et les prières divines et paternelles. Que Dieu te récompense, comme Ami un ami, comme le plus Haut Souverain un esclave diligent te donnant la lumière de trois soleils pour vaincre les ennemis. Apparais vainqueur dans l'éternité, toi qui es couronné par la main du Christ de toutes les vertus, par la synénergie de l'Esprit et la bienveillance du Père (σὺ δὲ ἐς ἀεὶ νικηφόρος ἀναφανήσῃ, Χριστοῦ χειρὶ ἐστεμμένος ταῖς ἀρεταῖς, Πνεύματος συνεργείᾳ, καὶ Πατρικῇ εὐδοκίᾳ εἰς αἰῶνα τὸν ἅπαντα. fol. 15 v.).

Ainsi finit l'Oraison funèbre de Théodore II qui du point de vue littéraire ne peut être mise au même degré de perfection que celle d'Acropolite. L'auteur a une confusion dans le plan de composition, il perd le fil de l'exposition, revient plusieurs fois sur ses pas et à la fin paraît sentir lui-même la longueur quelque peu fatigante de son opuscule. Il nous manque de temps et de place pour nous arrêter à la question des sources littéraires dans lesquels a puisé l'auteur surtout pour les détails.

L'influence des deux œuvres littéraires est cependant sûre, de l'Oraison funèbre d'Acropolite et de la Statue impériale de Blemmydes. La première a servi de modèle pour le plan général de l'Encomion de Lascaris, de l'exposition d'après les vertus et de la partie finale traitant du souverain idéal. Chez Acropolite c'est Théodore II qui doit représenter en personne le roi-philosophe, le souverain idéal. Chez Théodore II au contraire c'est l'image de son père, du pieux basileus, inspiré de Dieu, déjà demi-saint dans l'exposition du fils pour devenir saint tout à fait plus tard dans la légende populaire, qui est l'idéal à suivre. Un moment intéressant qui vaut à y revenir. Nous noterons ici seulement que Théodore dans cette partie de son œuvre semble répondre à Acropolite et à accentuer qu'il continuera la politique autocrate de son père. Il paraît aussi que les affaires ecclésiastiques du règne de Jean III et son rôle actif aux Conciles a reçu une place si importante dans l'Éloge non sans arrière pensée. C'est le moment où le jeune souverain se prépare à montrer une volonté ferme dans le choix d'un patriarche qui ne gouvernera pas lui-même mais sera gouverné par l'empereur. Le moment où il se déclarera ouvertement pour la primauté du basileus en matières ecclésiastiques et ne s'arrêtera pas devant une rupture avec son maître vénéré Nicéphore Blemmydes.

L' 'Ανδριὰς βασιλικός de Blemmydes est le second écrit dont s'était inspiré Théodore Lascaris. Nous l'avons vu déjà maintes fois. Bien que préparé déjà à lutter dans la question ecclésiastique avec son maître, car les pourparlers ont été de longue durée, Théodore retient encore comme idéal du souverain la Statue de l'Empereur dressée par Blemmydes. Il changera d'avis à la fin de son règne et critiquera sévèrement et avec ironie cet idéal qu'il avait tant aimé dans sa jeunesse dans un ouvrage intitulé la Δηλωσὶς Κοσμικὴ.[23]

[23]) Андреева, *Полемика Θеодора II Ласкаря съ Никифоромъ Влеммидомъ*. Věstnik Král. čes. spol. nauk, Praha 1929.

Du point de vue historique cette opuscule, bien que rhétorique déjà par son genre littéraire même et aussi à cause des goûts de l'auteur, présente des traits intéressants pour la reconstruction des faits du règne de Jean III Batatzès, et est de première importance pour le retracement de l'évolution des idées politiques de son auteur royal — Théodore II Lascaris. Elle mériterait à être publiée plutôt que d'autres œuvres du même auteur.

M. A. Andreeva.

Praha.

PROTOBULGARES ET SLAVES

(Sur le problème de la formation de l'Etat bulgare)

Les renseignements des sources historiques sur l'établissement des Protobulgares dans les terres balcaniques et sur la fondation de l'État bulgare sont peu nombreux. Les Protobulgares en 680 étaient déjà au rivage du Danube, et vers la fin du printemps de 681 ils avaient défait l'armée byzantine qui était sous le commandement de l'empereur Constantin IV en personne.[1] D'après Theophanes,[2] les Protobulgares, après leur victoire, καταδιώξαντες αὐτοὺς [les Byzantins] μέχρι τοῦ Δανουβίου καὶ τοῦτον περάσαντες καὶ ἐλθόντες ἐπὶ τὴν λεγομένην Βάρναν πλησίον Ὀδύσσου καὶ τοῦ ἐκεῖσε μεσογαίου, τὸν τόπον ἑωρακότες ἐν πολλῇ ἀσφαλείᾳ διακείμενον, ἐκ μὲν τῶν ὄπισθεν διὰ τοῦ Δανουβίου ποταμοῦ, ἔμπροσθεν δὲ καὶ ἐκ πλαγίων διὰ κλεισουρῶν καὶ τῆς Ποντικῆς θαλάσσης, κυριευσάντων δὲ αὐτῶν καὶ τῶν παρακειμένων Σκλαυινῶν ἐθνῶν τὰς λεγομένας ἑπτὰ γενεάς, τοὺς μὲν Σέβερεις κατῴκισαν ἀπὸ τῆς ἔμπροσθεν κλεισούρας Βερεγάβων ἐπὶ τὰ πρὸς ἀνατολὴν μέρη, εἰς δὲ τὰ πρὸς μεσημβρίαν καὶ δύσιν μέχρις Ἀβαρίας τὰς ὑπολοίπους ἑπτὰ γενεὰς ὑπὸ πάκτον ὄντας· ἐν τούτοις οὖν πλατυνθέντων αὐτῶν ἐγαυρίασαν, καὶ ἤρξαντο τὰ ὑπὸ τὴν Ῥωμαϊκὴν πολιτείαν ὄντα κάστρα τε καὶ χωρία ἐπιρρίπτειν καὶ αἰχμαλωτίζειν. ὅθεν ἀναγκασθεὶς ὁ βασιλεὺς εἰρήνευσε μετ᾽ αὐτῶν, ἐτήσια αὐτοῖς συμφωνήσας πάκτα παρέχειν ἐπ᾽ αἰσχύνῃ Ῥωμαίων...[3] D'après le patriarche Nicéphore,[4] les Protobulgares s'établirent dans la région de Varna et κρατοῦσι δὲ καὶ τῶν [ἐγγιζόντων] παρῳκημένων Σκλαβηνῶν ἐθνῶν, καὶ οὓς μὲν τὰ πρὸς Ἀβάρους πλησιάζοντα φρουρεῖν, οὓς

---

[1]) Voir les détails chez Jord. Trifonov, *Известието на сирийския пресвитеръ Константинъ за Испериховa побѣда надъ византийцитѣ* (Bulletin de la société historique à Sofia, XI—XII. 1932, pp. 199—215, en bulgare).

[2]) Theophanes, *Chronographia*, ed. De Boor, I, p. 359, $_{5-25}$.

[3]) Voir la traduction latine chez Anastasii *Chronographia tripertita* (ed. De Boor, II, p. 227, $_{10-27}$): [Vulgares Danubium] transeuntes et venientes usque ad eam, quae dicitur Barnan, circa fines Odyssi, et mediterraneo illic posito loco perspecto, quod in multa cautela consisteret, in posterioribus quidem propter Danubium fluvium, in anterioribus autem et ex lateribus ob clusuras et Ponticum mare, praesertim cum dominarentur et adiacentium Sclavinorum generationibus, quae dicebantur septem, Severes quidem locaverunt ab anteriore clusura Veregaborum ad partes Orientales, in locis autem, quae sunt ad meridiem et occidentem usque ad Avariam, residuas septem generationes, quae sub pacto erant. ergo cum in his dilatati fuissent, elati sunt et coeperunt ea, quae sub Romana re publica erant, castra seu praedia destruere atque praedari. unde vi coactus imperator pacem fecit cum eis annua illis praebere pacta pollicitus in confusionem Romanorum...

[4]) Nicephori *archiep. Const. opuscula historica*, ed. C. de Boor, p. 35, $_{13-25}$. Voir la note: ἐγγιζόντων uncis inclusit B(ekker). On a indiqué depuis longtemps que Theophanes et le patriarche Nicéphore ont puisé tous les deux d'une source commune inconnue; v. K. Krumbacher, *Geschichte der byz. Litteratur*, (München 1897), pp. 343,350.

δὲ τὰ πρὸς Ῥωμαίους ἐγγίζοντα τηρεῖν ἐπιτάττουσιν. ἐν τούτοις ὀχυρωθέντων καὶ αὐξηθέντων τὰ ἐπὶ Θρᾴκης χωρία τε καὶ πολίσματα καταδηοῦν ἐπεχείρουν. τῷ βασιλεῖ δὲ ἀνάγκη ἦν ταῦτα ὁρῶντι ἐπὶ τελέσμασι πρὸς αὐτοὺς σπένδεσθαι...

En étudiant le texte de Théophane, le feu V. N. Zlatarski avait pu dire, qu'entre les Protobulgares et les Slaves fut conclu un pacte pour défense mutuelle; il considérait aussi que les rapports des deux éléments ethniques ne furent pas tels qui existent entre vainqueurs et vaincus; c'étaient plutôt, d'après lui, des rapports fédératifs; il supposait même que les deux peuples restèrent complètement indépendants et demeuraient séparés l'un de l'autre.[5] Il est pourtant évident qu'on en peut tirer d'autres conclusions après une étude plus approfondie des renseignements des sources historiques.

Le sens de la phrase κυριευσάντων δὲ αὐτῶν καὶ τῶν παρακειμένων Σκλαυινῶν ἐθνῶν τὰς λεγομένας ἑπτὰ γενεάς semble assez clair: l'auteur a employé le verbe κυριεύω „devenir maître de, se rendre maître de",[6] et cela nous donne l'ideé d'une conquête. Le même auteur nous dit plus loin que les Protobulgares avaient conquis parmi les peuplades slaves qui habitaient dans le voisinage τὰς λεγομένας ἑπτὰ γενεάς „les soi-disantes sept tribus". Les Protobulgares firent transférer la tribu des Severi (τοὺς μὲν Σέβερεις) de la κλεισοῦρα Βερεγάβων qui se trouvait en avant,[7] dans les régions vers l'Orient (ἐπὶ τὰ πρὸς ἀνατολὴν μέρη). Vers le sud (πρὸς μεσημβρίαν) et l'occident (δύσιν) jusqu'au territoire des Avares (μέχρις Ἀβαρίας)[8] se trouvaient les autres (τὰς ὑπολοίπους) sept[9] tribus ὑπὸ πάκτον ὄντας. Les Protobulgares, ayant étendu leur pouvoir (πλα-

[5]) V. N. Zlatarski, *История на българската държава презъ срѣднитѣ вѣкове*, I, 1 (Sofia 1918), p. 142 sqq... Plusieurs d'autres auteurs ont acceptés cette opinion.

[6]) Cf. aussi sur la signification de ce verbe, par ex., chez Theophanes, *ibid.*, p. 163, $_{21-22}$: τούτου κυριεῦσαι; p. 357, $_{15-16}$: διὰ τὸ πάντη κυριεύειν αὐτοὺς καὶ ἑτέρῳ μὴ δουλωθῆναι ἔθνει. — J. Malalas, ed. Bonn, I, p. 150, $_{9}$: ἐκυρίευσαν αὐτῶν. — G. Cedrenus, ed. Bonn, I, p. 634, $_{23}$.

[7]) Pendant ce temps là ἡ κλεισοῦρα Βερεγάβων avait une importance très grande pour l'État protobulgare, parce que c'est précisément à travers ce passage que les Byzantins esseyèrent quelquefois de pénétrer en Bulgarie. Ainsi, en 759, l'empereur Constantin V Copronyme arriva jusque εἰς Βερέγαβαν εἰς τὴν κλεισοῦραν, mais ici il fut rencontré par les Bulgares et défait; v. Theophanes, p. 431, $_{6}$ sqq.; cf. V. N. Zlatarski, *op. c.*, I, 1, pp. 206—208. En 765 le même empereur entreprit une nouvelle expédition et παραγίνεται... ἐγγύτατα τῆς Βουλγάρων γῆς καὶ σκηνοῦται παρὰ τὴν λεγομένην ἐμβολὴν Βεριγάβων; v. Nicephorus, p. 73, $_{10}$ sqq. — Theophanes, p. 437,$_{19}$ sqq.; cf. Zlatarski, *op. c.*, I, 1, p. 216 sqq. D'après Zlatarski, *op. c.*, II (Sofia 1934), pp. 191 sqq., 441, 448, 454, note 1, ce passage fut identique avec l'ainsi dit „Чалжкавашки проходъ". — Cf. aussi A. Iširkov, *Чалъкавакски проходъ въ Стара-планина* (Annuaire de l'Univ. de Sofia, fac. hist.-phil., VII. 1910—1911, pp. 1—25). — Quelques indications, chez P. Mutafčiev, *Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays danubiens* (Sofia 1932), p. 157.

[8]) On trouve une notice curieuse chez K. Petkanov, *Изъ новаго списка географіи, приписываемой Моисею Хоренскому* (ЖМНПр. 1883. № CCXXVI. pp. 21—32) p. 26:... На этомъ островѣ [Пюки (Peuce)] живетъ Аспаръ-Хрукъ, сынъ Хубраата, бѣжавшій отъ Хазаръ изъ горъ Булгарскихъ и прогнавшій Аваръ на западъ. Онъ поселился на этомъ мѣстѣ... — Voir chez Zlatarski, *op. c.*, I, 1, pp. 152 sqq., 155 sur la lutte de Isperih contre les Avares aussi que de la frontière de l'État bulgare vers l'ouest. Sur les Avares et les Slaves voir aussi I. I. Mikkola dans Archiv f. slav. Phil., XLII. 1929, p. 80 sqq. — St. Stanojević, *Византија и Срби*, I (Novi Sad 1903), p. 133 sqq.; II (Novi Sad 1906), pp. 97 sqq., 165 sqq. et passim. — L. Hauptmann, *Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avares pendant la seconde moitié du VIe siècle* (Byzantion, IV. 1927—1928, pp. 137—170).

[9]) Quelquefois les savants tel M. Drinov, *Съчинения*, I (Sofia 1909), pp. 26, 33, 294, 295, parlent de *sept* tribus slaves, d'autrefois de *huit*. D'après le texte de Théophane, toutes les tribus slaves étaient

τυνθέντων αὐτῶν) sur ces populations slaves (ἐν τούτοις), s'enorgueillissent (ἐγαυρίασαν) et commencèrent d'attaquer et réduire en servitude (ἐπιρρίπτειν καὶ αἰχμαλωτίζειν) les citadelles (κάστρα) et villages (χωρία) qui se trouvaient sous le pouvoir des Byzantins. Cela força l'empereur de faire la paix avec eux (εἰρήνευσε μετ' αὐτῶν) en convenant[10] de leur payer des tributs annuels (ἐτήσια αὐτοῖς... πάκτα παρέχειν).

Les mots de Théophane ὑπὸ πάκτον ὄντας ont été interprétés toujours dans le sens que les Slaves étaient en rapport „contractuels" avec les Protobulgares, c'est-à-dire qu'entre les deux peuplades fut conclu un pacte. En effet, le mot grec πάκτον dérive du lat. pactum,[11] et il avait conservé aussi dans la littérature byzantine la même signification. Du Cange, Glossarium med. et infim. graec., s. v., a indiqué: πάκτον = pactum, foedus, avec les exemples relatifs, aussi que les formes: πακτοῦν, πακτεύειν = pacisci, pactum inire. Mais le mot avait acquis aussi une autre signification, et le lexicographe l'a indiqué: πάκτον = tributum ex pacto indictum, quaevis pensitatio; — πακτώνειν = tributum imponere; πακτιώτης = tributarius, etc. En somme, le mot πάκτον venait d'être employé chez les auteurs byzantins au sens de pactum ainsi que de tributum en général. Chez certains auteurs byzantins on trouve le mot πάκτον employé dans les deux sens,[12] tandis que chez d'autres, comme, par ex., Constantin le Porphyrogénète,[13] il a seulement le sens de tributum. Théophane lui-même

huit: les Severi et les sept tribus que les Protobulgares avaient subjuguées. — L. Niederle, *Manuel de l'antiquité slave*, I (Paris 1923), p. 103, range aussi les Severi parmi les sept tribus slaves.

[10]) Le texte porte: συμφωνήσας πάκτα παρέχειν; on a l'idée donc d'une convention (συμφώνησις) bilatérale.

[11]) Cf. M. A. Triandaphyllidis, *Die Lehnwörter der mittelgriechischen Vulgärliteratur* (Strassburg 1909), p. 130: „πάκτον pactum, Vertrag, dann, Tribut, Verpachtung".

[12]) Dans le sens de πάκτον = foedus le mot a été employé chez Io. Malalas, ed. B., I: πάκτα εἰρήνης, pp. 232, $_{15}$; 271, $_{5}$; 292, $_{22}$; 298, $_{11-12}$; 317, $_{17-18}$; 326, $_{5}$; 335, $_{12-13}$; 335, $_{17}$; (cfr. 336, $_{5}$); 337, $_{7}$; 338, $_{11}$; 338, $_{16-17}$; 338, $_{17}$: ἐποίησει τὰ πάκτα; 364, $_{9, 18}$: πάκτα τῆς εἰρήνης; 415, $_{20}$; 466, $_{22}$; 454, $_{12-13}$: ποιήσαντες πάκτα; 454, $_{14}$: τὰ γράμματα τῶν πάκτων; 455, $_{20}$: ποιῆσαι τὰ πάκτα; 456, $_{8}$; 471, $_{13, 19}$; 477, $_{5-6, 14-15, 20}$; 271, $_{2}$: κατὰ σύνταξιν φιλικὴν καὶ πάκτα; 286, $_{11}$: ἀγράφῳ πάκτῳ. — G. Monachus (Cont., ap. Theoph. Cont., ed. B.), p. 907, $_{6-8}$: πάκτα (tributum) παρέχοντες. — Le mot a été employé dans les deux sens dans le Chronicon Paschale, ed. Bonn, I, p. 720, $_{10}$ sqq.: λαβεῖν... τὰ πάκτα αὐτοῦ; p. 723, $_{13}$: πάκτα πεποιηκώς; p. 553, $_{13, 18}$: εἰρήνης πάκτα; p. 554, $_{22}$; p. 616, $_{7}$; p. 726, $_{7}$: τοῦ... πακτεῦσαι μετὰ σοῦ. Dans le sens de tributum v. chez G. Cedrenus, ed. B., I, p. 710, $_{12}$: τῷ χαγάνῳ τὸ πάκτον ἐπαυξήσας; p. 715, $_{3}$: λαμβάνειν πάκτα... — G. Codinus, *De origin. Constant.*, ed. B., p. 21, $_{3-4}$: ἀναλαβόμενοι καὶ πάκτα κεντηνάρια τριακόσια ἑξήκοντα πέντε; p. 66, $_{9-13}$. — Petri fragmenta (in: HGM, ed. L. Dindorfius, I) p. 431, $_{9-10}$: πακτεύσας πρὸς αὐτοὺς ἀνεχώρησεν... — Quand le prince bulgare Krum mit le siège, en 813, à la ville de Constantinople, il ἤρξατο ζητεῖν πάκτα χρυσίου καὶ ἱματισμοῦ ἀριθμὸν πολὺν καὶ κοράσια ἐπίλεκτα ποσότητα τινά...; v. (Pseudo-)Symeon Mag. (ed. Bonn, apud Theoph. Contin.), p. 612, $_{14-16}$. Le feu Zlatarski, *op. c.*, I, 1, p. 270, en avait donné une interprétation fausse. On ne doit pas comprendre le témoignage de la source byzantine dans le sens que Krum avait fait une „proposition de paix"; il exigait simplement de recevoir un payement, un tribut en or (πάκτα χρυσίου). — Sur le mot πάκτον v. aussi les indications chez Fr. Preisigke, *Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden mit Einschluss der griech. Inschriften* etc..., II (Berlin 1927), col. 223. — Du Cange, *Glossarium graec.*, s. v.: πακτώνειν, πακτεύειν, praedia elocare, ἐκμισθοῦν τὰ κτήματα. — πάκτωμα, πάκτωσις, possessionum elocatio, ἐκμίσθωσις τῶν κτημάτων, avec les exemples relatifs. — Quelques indications aussi chez Fr. Dölger, *Beiträge zur Geschichte der byz. Finanzverwaltung besonders des 10. u. 11. Ihrt.* (Leipzig—Berlin 1927), pp. 123, $_{2}$ sqq.; 143; 155; cf. 116, $_{16}$; 57; 62, n. 3, et pass.

[13]) Constantinus Porphyr., *De admin. imperio*, ed. B., p. 119, $_{6}$: τὰ εἰσκομιζόμενα πάκτα; p. 124, $_{22}$ sqq.: τοῦ παρέχειν αὐτῷ πλεῖστα πάκτα. ἔκτοτε δὲ καθ' ἕκαστον χρόνον ἠλάττωτο τὸ πάκτον...; p. 147, $_{7}$

— et son témoignage est le plus important dans ce cas — emploie le mot πάκτον presque exclusivement dans le sens de tributum.[14]

On peut conclure, par conséquent, que l'expression ὑπὸ πάκτον ὄντας peut signifier non uniquement sub pactum, mais aussi sub tributum. Dans notre texte il faut admettre plutôt l'interprétation du mot πάκτον dans le sens de tributum. Il faut lire le contexte pour se persuader qu'il est inadmissible de lui donner une autre interprétation. En lisant le texte de Théophane il est évident que les Protobulgares avaient subjugué d'une manière violente les peuplades slaves: tandis que Théophane nous dit κυριευσάντων δὲ αὐτῶν [sc. τῶν Βουλγάρων] καὶ τῶν παρακειμένων Σκλαυινῶν ἐθνῶν τὰς λεγομένας ἑπτὰ γενεάς, le patriarche Nicéphore se sert presque des mêmes mots:

sqq.: ἔκτοτε ἐγένοντο πάντα τὰ τοιαῦτα κάστρα ὑπόφορα τῶν Σκλάβων, καὶ τελοῦσιν αὐτοῖς πάκτα, τὸ μὲν κάστρον ἡ 'Ασπάλαθος νομίσματα σ', τὸ... κτλ.; p. 188, $_{10}$: μὴ δύνασθαι παρέχειν τὸ τοιοῦτον πάκτον; p. 192, $_{23-24}$: παρέχοντος... καὶ πάκτα; p. 193, $_{5}$: ἐλάμβανεν ἐξ αὐτῶν πάκτα; p. 193, $_{11-12}$: διδόντες καὶ πάκτα; p. 194, $_{4}$: ἐγένοντο ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν αὐτοῦ καὶ παρεῖχον καὶ πάκτα; p. 194, $_{10}$: ἐδίδου πάκτα; p. 195, $_{13}$: ἐδίδου τὰ ὑπὲρ αὐτῶν πάκτα; idem, p. 195, $_{15}$; p. 196, $_{16-17}$: παρέχων... πάκτα; p. 197, $_{5}$ ἐδουλώθησαν καὶ ἐπακτώθησαν καὶ ἐγένοντο ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῶν βασιλέων 'Ρωμαίων; p. 220, $_{19, 21}$: περὶ τῶν τελουμένων... πάκτων... v. tout le chap. 50; p. 223, $_{1-2}$: ἐξέθετο αὐτοῖς πάκτα πλείονα ὧν ἐτέλουν...; p. 223, $_{3}$ sqq.: ὡς εἶναι τὸ πᾶν πάκτον αὐτῶν νομίσματα χ'...; p. 223, $_{6, 19}$: τὰς προσθήκας τῶν πάκτων; p. 223, $_{24}$: ἵνα τελῶσι τὰ πάκτα ὡς καὶ πρότερον; p. 224, $_{3}$; p. 224, $_{16-17}$: παρέχουσι πάκτον... νομίσματα υ'; p. 270, $_{13-15}$: τὰς δέκα λίτρας τὰς διδομένας ἀπὸ τοῦ δημοσίου εἰς τὸ κάστρον Χερσῶνος καὶ τὰς δύο τοῦ πάκτου. — *Idem, De cerimon. aul. byz.*, ed. B., p. 684, $_{8}$: ὑποταγέντες... καὶ πάκτα ἀποστέλλοντες.. Sur la guerre entre Bulgares et Serbes vers 853—854 [cf. Zlatarski, *op. c.*, I, 2 (Sofia 1927) p. 8] Const. Porph., *De admin. imp.*, pp. 150, $_{24}$—151, $_{3}$: ὀυδὲ πώποτε οἱ Χρωβάτοι οὗτοι τοῖς Βουλγάροις πάκτον δεδώκασιν, εἰ μὴ πολλάκις ἀμφότεροι ξένιά τινα πρὸς ἀλλήλους παρέσχον φιλοφρονήσεως ἕνεκα.. Plus loin le même auteur, *De adm. imp.*, pp. 154—155, nous raconte d'une autre guerre entre Bulgares et Serbes et de sa fin: p. 155, $_{1}$ sqq.: καὶ ὑπὲρ τῆς τοιαύτης χάριτος δέδωκεν αὐτοῖς Μιχαὴλ ὁ Βορίσης δωρεὰς μεγάλας· καὶ ἐκεῖνοι ἀντέδωκαν αὐτῷ χάριν ξενίων ψυχάρια δύο, φαλκώνια δύο, σκυλία δύο καὶ γούνας ἐννενήκοντα· ὅπερ λέγουσιν οἱ Βούλγαροι εἶναι πάκτον... Le feu Zlatarski, ibid., I, 2, p. 9 sqq., interprétait le mot πάκτον comme „договоренъ знакъ". L'auteur a voulu cependant indiquer qu'on n'avait fait d'autre chose qu'échanger de cadeaux (δωρεάς), comme il l'a dit ailleurs (*ibid.*, p. 150, $_{24}$ sqq.), et non donner un tribut (πάκτον), comme prétendaient évidemment les Bulgares. — Chez les auteurs byzantins le mot πάκτον = foedus est substitué très souvent par σπονδαί, et le mot πάκτον = tributum par φόρος.

[14]) Dans le sens de foedus le mot est employé chez Theoph., p. 181, $_{11}$: εἰρήνης πάκτα κατατυπώσαντες; p. 181, $_{20}$: εἰρήνης πάκτα στοιχήσας; p. 181, $_{22}$; p. 239, $_{19}$: ποιήσας πάκτα εἰρήνης. Le plus souvent le même auteur a employé πάκτον = tributum, φόρος. Voir: *ibid.*, p. 292, $_{12-13}$: τῷ χαγάνῳ τὰ πάκτα ἐπαυξήσας; p. 300, $_{23}$: ὁρίσαι φόρους καὶ λαμβάνειν πάκτα; p. 302, $_{20}$: στοιχήσαντες πάκτα; p. 338, $_{14-16}$: φοβούμενος τὴν πλεονεξίαν αὐτῶν [sc. τῶν Σαρακηνῶν] πάκτα στοιχήσας ὑπισχνεῖται ὅτι ιβ' μυριάδας δηναρίων κατ'ἔτος παρέξει αὐτοῖς..; p. 253, $_{13}$: ὁ βάρβαρος ἐπὶ ταῖς τῶν πάκτων συνθήκαις εἰρήνην ἄγειν καθωμολόγησεν..; p. 304, $_{14}$: τῶν δὲ Σαρακηνῶν τότε ὑπὸ πάκτων ὄντων τῶν Περσῶν..; p. 355, $_{14}$: ἐτήσια τῷ βασιλεῖ παρέχειν πάκτα; p. 355, $_{22-26}$:... ἐτησίου πάκτου...; p. 470, $_{10}$ sqq.: Κάρδαμος δέ, ὁ κῦρις Βουλγαρίας, ἐδήλωσε τῷ βασιλεῖ, ὅτι "ἢ τέλεσόν μοι πάκτα, ἢ ἔρχομαι ἕως τῆς Χρυσῆς πόρτης..". ὁ δὲ βασιλεὺς βαλὼν καβαλλίνας ἀλόγου, εἰς μανδῆλιν ἔπεμψεν αὐτῷ εἰπών, ὅτι " οἷα μέν σοι πρέπει πάκτα, ἀπέστειλά σοι..."; le feu Zlatarski, *op. c.*, I, 1, p. 243, avait interprété πάκτα comme „данъкъ споредъ договора" („tribut d'après le pacte") et avait conclu qu'il existait un pacte entre ces deux pays; il faut observer cependant que πάκτον signifie ici „tribut" en général, „payement". Voir aussi la traduction slave chez V. Sreznevskij, *Симеона Метафраста и Логоѳета списаніе міра отъ Бытіѧ и лѣтовникъ собранъ отъ различнихъ лѣтописецъ*... (St. Pétersbourg 1905), p. 87: Кардам... писа къ царєви: или ми даже дань или..., et la réponse de l'empereur: ѩкова ти подобаѥ дань, посла ти... — Voir encore: Theoph., p. 429, $_{25-28}$: τῷ δ'αὐτῷ χρόνῳ ἐζήτησαν οἱ Βούλγαροι πάκτα διὰ τὰ κτισθέντα κάστρα...; cf. aussi Niceph. p. 66, $_{15-16}$: οἱ Βούλγαροι... φόρους ᾔτουν παρὰ βασιλεῖ δέξασθαι...

κρατοῦσι δὲ καὶ τῶν [ἐγγιζόντων] παρῳκημένων Σκλαβηνῶν ἐθνῶν...; le même auteur nous dit plus loin que les Protobulgares ordonnèrent (ἐπιτάττουσιν) à certaines tribus slaves τὰ πρὸς Ἀβάρους πλησιάζοντα φρουρεῖν, et à d'autres τὰ πρὸς Ῥωμαίους ἐγγίζοντα τηρεῖν... Il est clair, d'autre part, qu'un pacte ne pouvait être conclu entre vainqueurs et vaincus. Les Slaves, étant vaincus, se trouvaient subordinés aux Protobulgares.

Il faut aussi noter que dans le texte de Théophane les mots ὑπὸ πάκτον ὄντας ne concernent pas toutes les peuplades slaves avec lesquelles les Protobulgares avaient des rapports. Il nous dit que les Severi furent obligés de se transférer ἐπὶ τὰ πρὸς ἀνατολὴν μέρη, en ajoutant après cela que les autres sept tribus (τὰς ὑπολοίπους ἑπτὰ γενεάς) — c'est-à-dire, celles qu'ils avaient subjuguées — se trouvaient ὑπὸ πάκτον ὄντας.

Le mot πάκτον a été employé par Théophane deux fois dans le même passage: ὑπὸ πάκτον ὄντας,[15] et plus loin quand il nous dit que l'empereur byzantin fut obligé ἐτήσια αὐτοῖς... πάκτα παρέχειν. Il est donc évident que le mot a été employé deux fois, toujours dans le sens de tributum.[16]

Quelques particularités de l'histoire bulgare à l'époque de la fondation de l'État bulgare peuvent être éclaircies et mieux comprises quand on les met en comparaison avec ce qu'on connaît de l'histoire de certains autres peuples slaves. Déjà le feu M. Drinov[17] avait tenté d'établir quelques parallèles avec l'histoire russe. On sait, par exemple, que les tribus slaves qui furent englobées dans l'Etat des princes russes à l'époque primitive, furent obligées de leur payer, à ce qu'il semble en nature, un certain tribut.[18] Constantin Porphyrogénète (De admin. imp., ed. Bonn, p. 75, 1 sqq.) appelle ces peuplades slaves οἱ δὲ Σκλάβοι οἱ πακτιῶται αὐτῶν... Le même auteur ajoute ailleurs[19] que pendant le mois de novembre les Russes ἀπέρχονται εἰς τὰ πολύδια ἃ λέγεται Γύρα[20] ἤγουν εἰς τὰς Σκλαβινίας τῶν τε Βερβιάνων καὶ τῶν Δρουγουβιτῶν καὶ Κριβιτζῶν καὶ τῶν Σερβίων καὶ λοιπῶν Σκλάβων, οἵτινές εἰσι πακτιῶται τῶν Ῥῶς. δι' ὅλου δὲ τοῦ χειμῶνος ἐκεῖσε διατρεφόμενοι, πάλιν ἀπὸ μηνὸς Ἀπριλλίου... κατέρχονται πρὸς τὸν Κίαβον. Les Russes passaient donc l'hiver sur le territoire de leurs tributaires (πακτιῶται) les Slaves, où ils étaient nourris (ἐκεῖσε διατρεφόμενοι).[21]

---

15) Chez Theoph., ed. Bonn, I, p. 549,$_{14}$: ὑπὸ πάκτων ὄντας, in pluralis. Voir aussi les variae lectiones dans l'édition de C. de Boor, I, p. 359: ὑπὸ πάκτων, suivant le cod. Vat. Pal. 395, cod. Coisl. 133, cod. Mon. gr. 391.

16) Dans l'édition de Bonn on a traduit bien ὑπὸ πάκτων ὄντας par: reliquas gentes septem sibi *vectigales* factas.

17) M. Drinov, *Съчинения*, I, p. 34 sqq.

18) Voir, par ex.: *Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку* (Изданiе Археограф. коммисiи, StP. 1871), pp. 8, 12, 13—14, 16—17 et passim. — S. Solovjev, *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, I³ (Moscou 1857), p. 91 sqq., p. 109. — K. Bestuzev-Rjumin, *Русская исторія*, I (StP. 1872), pp. 97, 100, 110 sqq. — V. Ključevskij, *Курс русской истории*, I (Moscou-Pétrograd 1925), p. 165 sqq., 183 sqq. — V. Mjakotin (dans: P. Milioukov, *Histoire de Russie*, I, Paris 1932), p. 90 sqq. — Voir surtout l'étude, très riche en indications bibliographiques, de V. A. Mošin, *Начало Руси. Норманы в Восточной Европе* (Byzantinoslavica, III. 1. 1931, pp. 33—58; III. 2. 1931, pp. 285—307); — *idem*, *Варяго-русский вопрос* (Slavia, X. 1931, pp. 109—136, 343—379, 501—537).

19) Const. Porphyrog., *De adm. imp.*, p. 79, $_{18}$ sqq.

20) Voir l'interprétation de N. Popov, *Спорное место в cap. IX De administrando imperio Константина Багрянородного* (Byzantinoslavica, III, 1. 1931, pp. 92—96).

21) Quant à l'interprétation des textes de Constantin Porphyrogénète concernant les rapports entre

On connaît aussi quelques particularités de l'histoire des Wénèdes et du royaume de Samo.[22] D'après le témoignage de Frédégaire, „les Wénèdes Befulci appartenaient depuis longtemps aux Huns... Tous les ans les Huns venaient passer l'hiver chez les Esclavons; ils prenaient pour leur lit leurs femmes et leurs filles, et les Esclavons subissaient en outre des tributs et bien d'autres vexations..." Samo réussit à créer un État slave, mais son existence ne fut pas très longue. Presque à la même époque de l'établissement des Protobulgares de Isperih dans les plaines du Danube, dans les régions de la Macédoine un autre chef de tribu, notamment le Bulgare Kuber (Κούβερ) tenta de fonder un autre État protobulgare.[23] Il voulait ἄρχοντα καὶ χάγανον γενέσθαι du peuple qu'il avait sous son pouvoir. Il demanda à l'empereur byzantin la permission (ἔστειλε πρὸς τὸν κύριον τῶν σκήπτρων πρεσβεύσων αὐτῷ) de rester avec son peuple dans la région de Bitolja[24] (μεῖναι μετὰ τοῦ σὺν αὐτῷ ὑπάρχοντος λαοῦ ἐκεῖσε) et d'ordonner aux tribus slaves voisines de Dragoviči (κελευσθῆναι τὰ παρακείμενα... τῶν Δρογουβιτῶν ἔθνη) de leur procurer (αὐτοῖς ἐπιχορηγῆσαι) les dépenses (δαπάνας, c'est-à-dire un tribut en nature) en quantité suffisante (κατὰ τὸ ἱκανόν). En effet, tout cela fut fait (ὃ δὲ καὶ γεγένηται). De cette manière la plupart des gens de Kuber se nourrissaient (allaient ἐπὶ σιτισμοῦ) dans les cabanes des Slaves (εἰς τὰς Σκλάβων σκηνάς). Il faut souligner ici que l'établissement des gens de Kuber parmi les Slaves s'était opéré avec la permission de l'empereur de Byzance; les Slaves furent obligés de leur procurer un tribut en nature. L'affirmation de notre texte que les gens de Kuber allaient parmi les Slaves ἐπὶ σιτισμοῦ rappelle exactement ce qu'on lit chez Constantin Porphyrogénète, notamment que les Russes allaient parmi leurs tributaires, les Slaves, pour être διατρεφόμενοι pendant l'hiver.

Il faut noter quelques facteurs favorables qui avaient facilité d'une manière spéciale le processus de la formation de l'État bulgare. Les Protobulgares et les Slaves se connaissaient déjà depuis longtemps: dans le passé ils avaient fait quelquefois ensemble leurs incursions dans les territoires byzantins.[25] La formation de l'État bulgare s'était

---

les varjags et les tribus slaves on ne peut pas consentir avec A. Eck, *En relisant le Porphyrogénète* (Annuaire de l'Institut de Phil. et d'Hist. Orient., II, Bruxelles 1934: Mélanges Bidez, pp. 343—349).

[22]) Voir les indications dans: *Histoire des Francs.* Grégoire de Tours et Frédégaire. Traduction par M. Guizot..., I, II (Paris 1874); II, p. 208 sqq. — cf. I. I. Mikkola, *Samo und sein Reich* (Archiv für slav. Phil., XLII. 1929, pp. 77—97).

[23]) Voir les indications dans Miracula sancti Demetrii martyris, chez A. Tougard, *De l'histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes* (Paris 1874), p. 186 sqq.: Περὶ τοῦ μελετηθέντος κρυπτῶς ἐμφυλίου πολέμου κατὰ τῆς πόλεως παρὰ τοῦ Μαύρου καὶ Κούβερ τῶν Βουλγάρων. — cf. aussi N. Milev, *Кубратъ отъ историята и Куберъ въ „Чудесата" на св. Димитрия Солунски* (Periodičesko spisanie, LXXI. 1910, pp. 557—586).

[24]) Cf. Milev, *op. c.*, p. 576. — V. N. Zlatarski, *История*, I, 1, p. 149 et n. 2.

[25]) Pour le règne de Justinien I, v. Io. Malalas, *Chronographia*, ed. B., p. 490, $_{6-8}$: ἐπανέστησαν οἱ Οὖννοι [=Bulgares] καὶ οἱ Σκλάβοι τῇ Θρᾴκῃ· καὶ πολεμήσαντες πολλοὺς ἀπέκτειναν καί τινας ἐπραίδευσαν... De l'alliance des Avares, Slaves et Bulgares, v. chez A. Tougard, *op. c.*, pp. 130, 132, 186 sqq. Sur les incursions pendant les premières années du règne de Justinien I v. Procopius, *Anecdota*, ed. Haury, p. 114, $_{15}$ sqq.: Ἰλλυριοὺς δὲ καὶ Θρᾴκην ὅλην... Οὖννοί τε καὶ Σκλαβηνοὶ καὶ Ἄνται σχεδόν τι ἀνὰ πᾶν καταθέοντες ἔτος...; cf. St. Stanojević, *Византија и срби*, I (Novi Sad 1903), p. 225 sqq. Sur le siège de Constantinople en 626, Theophanes, p. 315, $_{1}$ sqq., nous dit que le roi perse envoya une armée κατὰ Κωνσταντινουπόλεως..., ὅπως τοὺς ἐκ δύσεως Οὔννους, οὓς Ἀβάρους καλοῦσιν, Βουλγάροις τε καὶ Σκλάβοις καὶ Γηπαίδαις συμφωνήσας, κατὰ τῆς πόλεως χωρήσωσι καὶ ταύτην πολιορκή-

accomplie dans le processus de la lutte contre l'Empire de Byzance. L'intérêt commun — la défense des attaques byzantines — pouvait servir de trait d'union entre les deux éléments ethniques. Les Protobulgares avaient sauvé les peuplades slaves du joug byzantin, en les soumettant à leur propre domination, certes, mais il faut supposer que cette dernière leur offrait des avantages plus grands.[26] L'affirmation que les Protobulgares avaient subjugué d'une manière violente certaines tribus slaves nous fait admettre que les Protobulgares représentaient à cette époque une tribu non seulement très guerrière, mais aussi assez nombreuse.[27] Les rapports entre les Protobulgares et les Slaves n'étaient pas réglés d'une manière uniforme pour toutes les tribus. La tribu des Severi a été transportée du pas de Beregava à l'est, évidemment vers la mer Noire. Cette frontière pouvait être défendue plus facilement, tandis que le pas de Beregava pouvait être occupé par les Byzantins et sa défense exigeait une surveillance plus grande. D'après Théophane, les Severi n'étaient pas ὑπὸ πάκτον envers les Bulgares. Probablement cette tribu avait obtenu une certaine indépendance intérieure. Le même auteur byzantin nous dit[28] qu'en 767 l'empereur Constantin V Copronyme ἀποστείλας... λάθρα εἰς Βουλγαρίαν ἐπίασε τὸν Σεβέρων ἄρχοντα Σκλαβοῦνον, τὸν πολλὰ κακὰ ἐν τῇ Θρᾴκῃ ποιήσαντα. Donc, un siècle après la fondation de l'Etat bulgare, la tribu des

σωσιν...; cf. G. Pisidae *Bellum avaricum*, ed. Bonn, p. 55, v. 197 sqq.: Σθλάβος γὰρ Οὔννῳ καὶ Σκύθης τῷ Βουλγάρῳ, αὖθίς τε Μῆδος συμφρονήσας τῷ Σκύθῃ...; p. 63, v. 409: Σθλάβων τε πλήθη Βουλγάροις μεμιγμένα... Cf. aussi Stanojević, *op. c.*, II (Novi Sad 1906), p. 210 sqq., p. 229 sqq.; Hauptmann, *op. c.*, p. 147.

[26]) On sait, par exemple, que les premiers princes russes avaient sauvé une partie de la population slave du joug des Khasars, en lui imposant un tribut plus léger en comparaison à celui qu'elle payait aux Khasars. Cf. Solovjev, *op. c.*, I, p. 110 sqq.; Mjakotin, *op. c.*, p. 84; cf. *Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку*, p. 17 et pass. On peut se poser donc la question est-ce que les mêmes relations n'existaient pas entre les Protobulgares, les Slaves et les Byzantins lesquels dans ce cas auraient joué le rôle des Khasars? On sait que certaines tribus slaves payèrent d'impôt aux byzantins. Cf. Théophanes, p. 456, $_{25}$ sqq.; Constant. Porphyrog., *De admin. imperio*, p. 220 sqq. Les slaves au VIe s. payaient d'impôt aussi aux Avares; cf. Hauptmann, *op. c.*, p. 156.

[27]) Dans la littérature scientifique il y a eu une longue discussion sur le nombre des Protobulgares de Isperih. Déjà M. Drinov, *Съчинения*, I, p. 31 sqq., p. 44 sqq., pensait que les Protobulgares devaient être peu nombreux; d'après lui, une preuve on pouvait en voir dans le fait qu'ils n'avaient laissé d'eux, à son avis, aucune trace. D'après Zlatarski, *op. c.*, I, 1, p. 133, les Protobulgares ne pouvaient pas être „стотини хиляди души, а само десетки, и то не твърдѣ високи..." Une preuve il voyait dans le fait que Ὄγλος, où ils s'étaient établis d'après Theoph., p. 357, $_{23}$ sqq. et Niceph., p. 34, $_{7}$ sqq., et lequel il identifiait avec l'île de Peuce (ibid., I, 1, p. 127 sqq.), n'était pas très grand. Il faut observer cependant qu'on ne peut pas juger d'après la grandeur d'une place fortifiée, ou d'une citadelle, par ex., du nombre de la population qui habitait dans ce lieu: cette place fortifiée servait plutôt de donner d'abri à la population dans le cas de danger, et non pour lui servir de demeure. — Sur le nombre des Protobulgares voir aussi chez L. Niederle, *Manuel de l'antiquité slave*, I (Paris 1923), p. 102, nota 2. Dernièrement K. Škorpil, *Материали към въпроса за „сждбата на прабългаритѣ и на северитѣ" и към въпроса за „произхода на днешнитѣ българи"* (Byzantinoslavica, V. 1933/34, pp. 162—182), p. 166, a soutenu la thèse que les Protobulgares n'étaient pas si peu nombreux. Il est curieux d'indiquer aussi un témoignage des inscriptions protobulgares: dans la célèbre inscription de Čatalar, le khan Omurtag est mentionné comme τοὺς πολοὺς Βούλγαρις ἐπέχον[τα]; v. V. Beševliev, *Първобългарски надписи, Уводъ, текстъ и коментаръ* (Annuaire de l'Univ. de Sofia, fac. hist.-phil., XXXI. n. 1, 1934), p. 43, N° 11; il faut admettre qu'il s'agit ici uniquement des Protobulgares. Cf. aussi l'inscription de Filipi: [το]ν πολῶν Βου[λ]γάρο[ν ὁ] ἐκ Θεοῦ ἄρχον ὁ Περσιάνος...; chez Beševliev, *ibid.*, p. 46, N° 19.

[28]) Theophanes, *ibid.*, p. 436, $_{14}$ sqq. — cf. V. N. Zlatarski, *op. c.*, I, 1, pp. 221—222.

Severi en Bulgarie (εἰς Βουλγαρίαν) avait un prince, du nom Σκλαβοῦνος, qui entreprenait des incursions en territoires byzantins ἐν τῇ Θρᾴκῃ. La différence dans les rapports entre les Protobulgares et les diverses tribus slaves peut nous suggérer une idée sur la manière de l'établissement des Protobulgares dans les terres balcaniques. On peut admettre qu'il y avait eu, encore au commencement, une certaine entente entre les Protobulgares et les Severi, et qu'elle visait probablement la lutte contre les autres tribus slaves ainsi que la défense des attaques byzantines ou les incursions communes sur les territoires de l'Empire de Byzance. A la suite de cette alliance entre Protobulgares et Severi furent conquis successivement les autres tribus slaves, qui opposaient évidemment une certaine résistance. Quand ces tribus étaient englobées dans l'État protobulgare, on leur imposait un certain tribut (πάκτον), probablement en nature.

En relisant le texte de l'auteur byzantin on voit que l'établissement des Protobulgares parmi les peuplades slaves s'accomplit dans un délai plus long. Après s'être établis dans la région de Varna, les Protobulgares imposèrent leur pouvoir aux sept tribus slaves; ayant agrandi ainsi leur force militaire, ils prirent le courage d'attaquer les territoires byzantins. En vue de cela l'empereur byzantin fut amené de conclure la paix avec eux. La même conclusion peut être tirée du texte de Nicéphore: ἐν τούτοις ὀχυρωθέντων καὶ αὐξηθέντων τὰ ἐπὶ Θρᾴκης χωρία τε καὶ πολίσματα καταδηοῦν ἐπεχείρουν. On peut donc distinguer quelques moments différents: l'établissement dans la région de Varna, la soumission des sept tribus slaves, les invasions dans les territoires byzantins et la paix avec Byzance. On ne peut pas admettre que tous ces événements se soient accomplis au printemps de 681. On a supposé déjà que la paix fut conclue vers la fin de l'année 681,[29] sinon même plus tard.

Nous avons très peu de renseignements sur l'expansion ultérieure de l'État protobulgare dans les territoires des autres tribus slaves. Dans certains cas ce fut fait après des guerres: les tribus vaincues étaient englobées dans l'État.[30] Quelquefois l'expansion s'accomplissait d'une manière pacifique. Les succès militaires des souverains protobulgares dans les guerres contre Byzance attiraient à eux les tribus slaves.[31] La slavi-

---

[29]) Cfr. I. Trifonov, *op. c.*, p. 209 sqq.

[30]) Pour l'année 773, Theophanes, *ibid.*, p. 447, $_{10}$ sqq., nous dit du khan bulgare Telerig: ... ἀποστέλλει ὁ κῦρις Βουλγαρίας ιβ' χιλιάδας λαὸν καὶ βοϊλάδας πρὸς τὸ αἰχμαλωτίσαι τὴν Βερζιτίαν καὶ μεταστῆσαι αὐτοὺς εἰς Βουλγαρίαν... Cf. l'interprétation de V. N. Zlatarski, *op. c.*, I, 1, p. 230 sqq.; cf. aussi la supposition de V. A. Mošin, *Начало Руси*, p. 54, nota 75. Pour l'année 799 Theophanes, ibid., p. 473, $_{32}$ sqq. a mentionné Ἀκάμηρος ὁ τῶν Σκλαυινῶν τῆς Βελζητίας ἄρχων...; cf. aussi l'interprétation de Zlatarski, *op. c.*, I, 1, p. 241 et n. 2. — Peut-être il faut lire ici ὁ τῶν Σκλαυινῶν τῆς Βερζιτίας (ou: Βερζητίας) ἄρχων... Dans ce cas on voit que cette tribu slave même après l'expédition de 773 avait conservé une certaine autonomie, en ayant un ἄρχων. — Sur la pénétration des Bulgares, vers 789, dans la région de Strymon, v. Theophanes, p. 463, $_{28}$ sqq.; cf. Zlatarski, *op. c.* I, 1, p. 242. L'inscription de Philippi, du temps du prince Presijan (836—852), nous donne des renseignements d'une autre incursion des Bulgares dans la région de la tribu de Smoljani (ἐπὶ τοὺς Σμολεάνους); v. Beševliev, *Първобългарски надписи*, p. 46, № 19. Cf. Zlatarski, *op. c.*, I, 1, p. 350.

[31]) Ainsi, après la grande victoire du khan Krum sur l'armée de Nicéphore I, en 811, le souverain bulgare τὴν δὲ Νικηφόρου κεφαλὴν ἐκκόψας... ἐκρέμασεν ἐπὶ ξύλου ἡμέρας ἱκανάς, εἰς ἐπίδειξιν τῶν ἐρχομένων εἰς αὐτὸν ἐθνῶν..., et, plus tard, πίνειν εἰς αὐτὴν τοὺς τῶν Σκλαυινῶν ἄρχοντας ἐποίησεν ἐγκαυχώμενος; v. Theophanes, p. 491, $_{17}$ sqq. L'ambassadeur de prince Krum en 812,

sation de l'État protobulgare s'effectuait, semble-t-il, assez lentement, en comparaison, par exemple, avec le même processus dans l'Etat russe.[32] Les auteurs byzantins distinguaient assez longtemps les deux éléments ethniques: Bulgares (Protobulgares) et Slaves.[33] On sait que les Slaves, dans certains cas, avaient quitté l'Etat bulgare pour aller ailleurs.[34] On peut suivre les traces de l'élément protobulgare pendant une période assez longue, même après l'époque de la conversion au christianisme. On trouve des traces dans les noms de personnes,[35] dans la chronologie,[36] dans les titres et dignités d'Etat[37]

---

envoyé chez les Byzantins, fut Δαργαμηρὸς, évidemment Dragomir, probablement un des οἱ τῶν Σκλαυινῶν ἄρχοντες; cf. Theophanes, p. 497,$_{16}$ sqq.; Zlatarski, *op. c.*, I, 1, p. 262. — On peut supposer aussi que les tribus slaves tendaient d'une manière naturelle vers l'État protobulgare, et c'est par cette raison précisément qu'on peut s'expliquer l'expansion pacifique au temps du prince Presijan dans certaines régions de la Macédoine. Cf. Zlatarski, *op. c.*, I, 1, p. 338 sqq.; Fr. Dvorník, *La vie de St. Grégoire le Décapolite et les Slaves macédoniens au IXe siècle* (Paris 1926), p. 39; P. Mutafčiev, dans Македонски Прегледъ, IV. fasc. 2, 1928, p. 141 sqq.

[32]) Cf. Solovjev, *op. c.*, I, p. 112 sqq. — Mošin, *Начало Руси*, p. 44 et passim; *idem*, *Варяго-русский вопрос*, p. 536; A. Eck, *Le moyen âge russe* (Paris 1933), p. 6.

[33]) En 705 le khan bulgare Tervel, pour aider Justinien II, συγκινεῖ πάντα τὸν ὑποκείμενον αὐτῷ λαὸν τῶν Βουλγάρων καὶ Σκλάβων; v. Theophanes, *op. c.*, p. 374,$_{2}$ sqq. Le même auteur byzantin, *ibidem*, p. 433,$_{1-4}$, nous dit qu'en 763 le khan bulgare Τελέτζης... λαβὼν εἰς συμμαχίαν ἐκ τῶν προσπαρακειμένων ἐθνῶν χιλιάδας κ'..., fit la guerre aux Byzantins; Nicephorus, p. 69,$_{14-15}$: Τελέσσιος ἐξέρχεται ἔχων εἰς συμμαχίαν καὶ Σκλαβηνῶν οὐκ ὀλίγα πλήθη...; cf. Zlatarski, *op. c.*, I, 1, p. 214 sqq. — D'après Theophanes, p. 364,$_{8-9}$, l'empereur Justinien II était βουλόμενος τούς τε Βουλγάρους καὶ τὰς Σκλαυινίας αἰχμαλωτίσαι; cf. aussi *ibidem*, pp. 364,$_{11}$ sqq.; 347,$_{6}$ sqq.; 430,$_{21}$ sqq.; Nicephorus, pp. 36,$_{16}$ sqq.; 69,$_{3}$ sqq.; 76,$_{23}$. Pendant son expédition contre Byzance en 814 le khan Krum ἐστράτευσεν λαὸν πολὺν συναθροίσας καὶ τοὺς Ἀβάρεις καὶ πάσας τὰς Σκλαβινίας; Scriptor Incertus, ed. *B.*, p. 347,$_{13}$. Voir aussi le texte publié par Iv. Dujčev, *Нови житийни данни за похода на Никифора I въ България презъ 811 год.* (Spisanie na bâlgar. Akademija na Nauk., LIV. 1936, pp. 147—188), p. 150,$_{104-105}$: μισθωσάμενοι Ἀβάρους καὶ τὰς πέριξ Σκλαβινίας...; cf. aussi p. 162. — On a voulu souligner l'origine protobulgare du khan Toktu; cf. Nicephorus, p. 70,$_{28}$ sqq.

[34]) Cf. Theophanes, *ibid.*, p. 432,$_{27-29}$: au commencement du règne de Telec, Σκλάβων δὲ πολλῶν ἐκφυγόντων, προσερρύησαν τῷ βασιλεῖ... D'après Nicephorus, *ibid.*, p. 68,$_{27}$ sqq.: Σκλαβηνῶν γένη τῆς ἑαυτῶν μεταναστάντα γῆς φυγάδες διαπερῶσι τὸν Εὔξεινον. συνετέλει δὲ αὐτῶν τὸ πλῆθος ἄχρι καὶ εἰς ἀριθμὸν ὀκτὼ καὶ διακοσίας χιλιάδας... Il est très curieux de noter que même les princes bulgares ont souligné quelquefois la différence entre les deux éléments ethniques dans l'Etat. Ainsi, semble-t-il, le khan Omurtag considérait comme ses ennemis [τοὺς] Γρικοὺς κὲ Σκλάβους; l'inscription de Čatalar, chez Beševliev, *op. c.*, p. 43, n. 11; cf. aussi l'inscription de Sjuleiman-kjoj, *ibid.*, p. 47, n. 21.

[35]) Outre les noms des khans bulgares païens, on connaît aussi quelques autres noms propres d'origine protobulgare, par exemple, Baianus, le fils de roi Siméon, Sursubulos, etc. Quelques noms protobulgares sont conservés dans les inscriptions protobulgares. Voir aussi l'étude de Gy. Moravcsik, *Die Namenliste der bulgarischen Gesandten am Konzil vom J. 869/70* (Bulletin de la société historique à Sofia, XIII. 1933, pp. 8—23).

[36]) Sur la chronologie protobulgare voir l'étude de I. I. Mikkola, *Die Chronologie der türkischen Donaubulgaren* (Journal de la société finno-ougrienne, XXX, 33, 1914). — Sur la pénétration des indications chronologiques byzantines dans la chronologie bulgare voir Iv. Dujčev, *Una pagina della civiltà bulgara nel medioevo. La cronologia bulgara* (L'Europa orientale, N. S., XIV. fasc. V—VI, 1934, pp. 334—342). Une datation à la manière chrétienne, dans une inscription protobulgare du temps du khan Omurtag (814—831), v. chez V. Beševliev, *Първобългарски надписи*, p. 48, No 23.

[37]) Le plus grand nombre de titres protobulgares sont indiqués dans les inscriptions protobulgares; v. le texte chez Beševliev, *Първобългарски надписи*, pp. 41—52; cf. l'index, p. 150. On connaît aussi quelques autres titres, comme, par exemple, de κανάρτι κεῖνος; cf. I. I. Mikkola, *Was ist kanartigin*

et dans les mœurs.[38] L'introduction de la religion chrétienne imposait une réforme profonde: les noms deviennent chrétiens, la chronologie byzantine ainsi que les mœurs.[39] Pendant le second royaume les titres et les dignités bulgares reproduisent ceux de Byzance.[40]

Dans la langue bulgare contemporaine il n'y a même pas dix mots d'origine sûrement protobulgare.[41] En dehors du nom ethnique „Bulgar", on a indiqué seulement douze mots probablement d'origine protobulgare („вѣроятни остатъци").[42] Il y a des mots en rapport avec la religion (капище, кумиръ), avec l'organisation de l'Etat (болѧринъ, санъ[сановникъ]), avec les armes (? тояга, белегъ), les rapports familiers (пашеногъ), l'habitation, le vêtement et les ornements (чертогъ, чипагъ, бисеръ, белчугъ), la vie pastorale (? бъбрегъ).

Il faut donc admettre que les Protobulgares restèrent comme élément ethnique assez longtemps, sans cependant laisser beaucoup de traces. On peut s'expliquer le fait par la supposition qu'ils formaient dans l'Etat une classe dirigeante plus ou moins fermée, qui précisément pour cette raison a pu se maintenir assez longtemps, et a disparu sans laisser de traces notables dans la population slave.

Iv. Dujčev.

Sofia.

(Сборникъ въ честь на В. Н. Златарски [Sofia 1925], pp. 131—133); V. Beševliev, dans Byz. Z., XXXII. 1932, pp. 13—15. On trouve mentionnés, chez Const. Porphyr., *De adm. imp.*, p. 158, $_6$ sqq.; les titres de κνῆνος, ἡμνῆκος et ἠτζβόκλια; cf. Zlatarski, *op. c.*, I. 2, p. 475, note I; p. 314, note 3. On connaît aussi le titre de τζιγάτον = σπαθάριος; Theophanes, p. 447, $_8$; cf. I. Trifonov, *Къмъ въпроса за старобългарското болярство* (Spisanie na bâlgar. Akad. na Nauk., XXVI, 1923) p. 16; cf. aussi là sur d'autres titres protobulgares; Mutafčiev, *op. c.*, p. 170 sqq. — Le titre de καυχάνος fut conservé jusqu'à le XIe siècle; G. Cedrenus, II, p. 462 $_{1, 18}$; I. Skylitzes, p. 715, $_{20}$; cf. Mutafčiev, *op. c.*, pp. 205—206.

38) Sur le vêtement bulgare cf. la notice de Liutprandi *Legatio ad Nic. Phocam* (ed. Bonn, apud L. Diac.), p. 351: ungarico more tonsum; cela rappelle l'indication de la liste des premiers princes bulgares sur la manière bulgare de porter les cheveux; v. chez I. Mikkola, *Die Chronologie*..., p. 6. — Sur l'usage, au Xe siècle, d'une βουλγαρικὴ στολὴ par deux fils de roi Siméon, v. Theophanes Contin., ed. B., p. 412, $_{6-8}$; cf. aussi Suidae Lexicon, ed. A. Adler, I, p. 483, s. v. Βούλγαροι.

39) Sur la pénétration de l'influence byzantine en Bulgarie, après l'époque de la conversion au christianisme, v. l'étude de P. Mutafčiev dans Byz. Z., XXX, 1929/30, pp. 387—394.

40) Un riche matériel pour une étude dans ce sens donnent les diplômes des rois bulgares de seconde royaume; v. la dernière édition, par I. Ivanov, *Български старини изъ Македония* (2 éd., Sofia 1931), p. 575 sqq. Voir aussi, par ex., chez M. G. Popruženko, *Синодикъ царя Борила* (Sofia 1928), p. 77 sqq., p. 87 sqq.

41) Voir principalement l'étude du prof. St. Mladenov, *Вероятни и мними остатѫци от езика на Аспаруховите бѫлгари в новобѫлгарската реч* (Annuaire de l'Université de Sofia, fac. hist.-philol., XVII. 1920—1921, pp. 201—287). D'après lui (*ibid.*, p. 206), „в днешния бѫлгарски народен език няма нито едно сѫществително нарицателно име, нито един глагол, нито една дума, за която да е всеобщо прието, че е прякъ остатѫк от езика на Аспаруховите бѫлгари..."

42) Mladenov, *ibid.*, p. 207 sqq.

ПОЛОВЦЫ

III.

ПРЕДѢЛЫ „ПОЛЯ ПОЛОВЕЦКАГО".

V.[1]

Большинство русскихъ историковъ отрицало существованіе половецкихъ кочевій на западъ отъ Днѣпра и, въ особенности, въ придунайской равнинѣ. Тѣ же изъ изслѣдователей, которые признавали кочеваніе Половцевъ у Дуная, считали, что они здѣсь появились лишь въ началѣ XIII ст.[2]

Противники взгляда на пребываніе Половцевъ къ западу отъ Днѣпра считали, что на днѣпровское побережье и къ Дунаю Половцы заходили лишь во время набѣговъ на Кіевскую Русь или Византію, и что затѣмъ они снова возвращались къ своимъ приазовскимъ вежамъ. Въ доказательство этого М. Грушевскій[3] *приводилъ слова лѣтописи подъ* 1152 *годомъ:* „вся Половецькая земля что же ихъ межи Волгою и Днѣпромъ."[4] Однако эта фраза еще не исключаетъ возможности, что „половецкая земля" была и внѣ этихъ предѣловъ. Вѣдь простирались же половецкія кочевья на востокъ за Волгу, до средне-азіатскихъ степей. Молчаніе кіевской лѣтописи до конца XII в. о Половцахъ дунайскихъ и праваго берега Днѣпра еще не можетъ служить доказательствомъ тому, что Половцевъ здѣсь не было вовсе: кіевская лѣтопись XII в. интересуется событіями, разыгрывавшимися преимущественно вокругъ Кіева и почти совсѣмъ не слѣдитъ за жизнью Галицкаго и Волынскаго княжествъ, которыя должны были имѣть дѣло именно съ Половцами дунайскими и праваго берега Днѣпра. Но галицко-волынскія лѣтописи этого времени до насъ не дошли.

О томъ, что Половцы разбивали свои станы и на правомъ берегу Днѣпра, у насъ есть цѣлый рядъ лѣтописныхъ извѣстій конца XII в. Въ 1190 г. князь Ростиславъ Рюриковичъ напалъ съ Черными Клобуками на половецкія зимовища у Протолчи (рукавъ Днѣпра около о-ва Хортицы) „въ лоузѣ в Днѣпрескомъ".[5] Въ 1193 г. тотъ же Ростиславъ снова беретъ „вежа и стада" половецкія „по сеи сторонѣ

---

1) Начало этой главы см. въ Анналахъ Института имени Н. П. Кондакова, т. IX, 1937.

2) В. Г. Ляскоронскій, *Русскіе походы въ степи въ удѣльно-вѣчевое время*, Ж. М. Н. П. 1907, IV, с. 299; С. М. Середонинъ, *Историческая географія*, П. 1916, с. 171—2.

3) *Історія Украіни-Руси*, II², с. 530.

4) П. С. Р. Л. II², 1908, ст. 455.

5) П. С. Р. Л. II, ст. 670—672; ср. М. Грушевскій, *Исторія кіевской земли*, К. 1891, с. 251.

Днѣпра, по Роускои" (т. е. кіевской, правобережной). Что князья считали себя здѣсь въ половецкой землѣ, видно изъ словъ лѣтописи, что одна изъ стычекъ съ Половцами произошла „на Ивлѣ на рѣцѣ на Половѣцкои"; а Ивля находилась въ трехъ дняхъ пути къ западу отъ о-ва Хортицы.[6] Въ 1183 г. русскіе князья застигли Половцевъ у р. Хыріи (Хиріи), въ имени которой видятъ половецкую передѣлку р. Хортицы, праваго притока Днѣпра.[7]

О кочеваніи Половцевъ къ западу отъ Буга сообщаетъ кіевская лѣтопись подъ 1173 г. Въ этомъ году они совершили набѣгъ на Кіевское княжество съ правобережной стороны Днѣпра и ушли, преслѣдуемые Русскими, въ юго-западномъ направленіи; лишь за Бугомъ Половцы были настигнуты и разбиты Русскими.[8] Смутный намекъ на кочеваніе Половцевъ по Бугу даетъ мадьярскій миссіонеръ, упоминающій въ XIII в. половецкаго князя Urech (варіантъ Gureg) [Юрій Кончаковичъ?] de flumine Buchs (вар. Buc).[9] Около 1182 г. волынскіе и бѣльскіе князья въ усобицѣ за городъ Берестье (Брестъ) привели себѣ на помощь большое количество Половцевъ.[10] Врядъ ли это были Половцы съ лѣваго берега Днѣпра. Естественнѣе видѣть въ нихъ болѣе близкихъ сосѣдей Волынскаго и Галицкаго княжества, кочевавшихъ по Бугу, Днѣстру или Пруту. Наконецъ, правобережными Половцами были Половцы лукоморскіе, кочевавшіе у Чернаго моря и по правомъ берегу Днѣпра. О нихъ рѣчь будетъ ниже.[11]

VI.

Въ 70-ыхъ и 80-ыхъ годахъ XI ст. Половцы впервые начинаютъ появляться на дунайской границѣ Византіи. Хозяевами придунайскихъ степей были тогда Печенѣги, поэтому Половцы не могли здѣсь кочевать постоянно, но являлись сюда изъ придонскихъ степей лишь изрѣдка, по призыву — то своихъ собратьевъ Печенѣговъ,

[6]) П. С. Р. Л. II, ст. 676—678. Ивля упоминается и въ описаніи похода 1190 г. Барсовъ (*Очерки русской исторической географіи*, Варш. 1885, с. 276, пр. 162 и с. 299), повторяя Арцыбашева, считалъ Ивлю Бузулукомъ. По смыслу лѣтописнаго разсказа 1190 г. Ивля находилась въ трехъ дняхъ пути отъ Днѣпра, очевидно, къ западу отъ него. За три дня Русскіе, обремененные плѣнными, врядъ ли ушли далѣе верховьевъ Бузулука или Ингульца. Поэтому мы присоединяемся къ мнѣнію Пл. Бурачкова (*Замѣтки по исторической географіи южно-русскихъ степей*, Кіевск. Старина, 1886, апрѣль, с. 676—7), что лѣтописная Ивля — это современный Ингулецъ.

[7]) П. С. Р. Л. II, ст. 628—9. Пл. Бурачковъ, ц. с. с. 662.

[8]) П. С. Р. Л. II, ст. 562—3, М. Грушевскій, ц. с. с. 230 и пр. 2.

[9]) Wenzel, *Codex Arpadianus*, vol. XII, Supplementa № 2 A и B (с. 550—1 и 556). Ср. П. Голубовскій, *Печенѣги, Торки, Половцы до нашествія Татаръ*, Кіевск. Унив. Изв. 1883, № 12, с. 729, пр. 3.

[10]) Magistri Vincenti *Chronicon Polonorum*, lib. IV, cap. 14 въ Monum. Poloniae Historia, t. II, Lw. 1872, с. 409—410 и 533: „Adest namque dux Belsiae Wsewlodus cum principibus Loodimiriensium cum Galiciensium praecipuis, cum electis tibianeorum turmis, cum Parthorum millibus, urbis (Брестъ) subsidio." Parthi — обычное названіе Половцевъ въ польскихъ хроникахъ.

[11]) Не принимаю въ расчетъ цѣлый рядъ доводовъ Пл. Бурачкова, *Замѣтки по историч. географіи южно-русскихъ степей*, с. 675—8 о кочеваніи Половцевъ на лѣвомъ Приднѣпровьи, такъ какъ онъ ошибочно считалъ „ратною стороною" — правый берегъ Днѣпра, вмѣсто лѣваго, отчего и рядъ событій изъ русско-половецкихъ отношеній, совершавшихся на лѣвобережьи, относилъ къ правобережью. О „ратной сторонѣ" см. П. С. Р. Л. II, ст. 631, 1183 г., ср. М. Грушевскій, *Іст. Укр.-Руси*, II, с. 211—212.

то ихъ враговъ — Ромеевъ. О томъ, что Половцы въ XI в. были лишь случайными гостями на Дунаѣ, наглядно свидѣтельствуютъ событія 1088 года: Половцы въ этомъ году были призваны Печенѣгами противъ Византіи, но пришли они слишкомъ поздно, уже послѣ того, какъ Печенѣги разбили Византійцевъ и захватили огромную добычу. Печенѣги отказали Половцамъ изъ-за ихъ опозданія въ части этой добычи; тогда послѣдніе, по словамъ Анны Комненъ, такъ возразили Печенѣгамъ: „мы оставили свои вежи, совершили далекій путь, чтобы поспѣшить вамъ на помощь. Мы готовы были раздѣлить всѣ опасности, слѣдовательно, имѣемъ право расчитывать на всѣ выгоды счастливой побѣды...“[12]

Послѣ сокрушенія силы Печенѣговъ Алексѣемъ Комненомъ въ 1091 г., Половцы не сразу заняли придунайскія степи. На дунайской границѣ имперіи водворилось относительное спокойствіе, что дало возможность — именно въ это время, т. е. въ концѣ XI в. и въ перв. пол. XII в., — усилиться здѣсь русскому элементу.[13] Это время какъ разъ совпадаетъ съ послѣдними десятилѣтіями мощи Кіевскаго великаго княжества, когда Русскими въ причерноморскихъ степяхъ были разгромлены Половцы и даже на время изгнаны изъ степей за Дарьяльскія „Желѣзныя ворота“. Но со смертью Мстислава Великаго (1132 г.) и съ началомъ усобицъ между Ольговичами и Мономаховичами, Русь теряетъ свое преобладаніе въ степяхъ; Половцы изъ-за Желѣзныхъ воротъ Кавказа возвращаются въ Причерноморье и кіевская лѣтопись съ 1146 г. отмѣчаетъ появленіе какихъ-то новыхъ „дикихъ“ Половцевъ.[14]

---

[12]) Anna Comnena, Alexiadis, I (ed. Bonn., т. 36), с. 353: ἡμεῖς μὲν τὰ οἴκοι καταλιπόντες, εἰς ὑμετέραν ἤλθομεν βοήθειαν, τὴν τοσαύτην ὁδὸν διηνυκότες“... Ср. В. Г. Васильевскій, *Византія и Печенѣги*, Труды, т. I, СПБ 1908 с. 56—57.

[13]) В. Г. Васильевскій, *Византія и Печенѣги*, приложеніе II: *Русскіе на Дунаѣ въ XI в.*, Труды, т. I, с. 122—134, особ. с. 130; его же рецензія на Ѳ. Успенскаго, Образованіе второго болг. царства, въ Ж. М. Н. Пр. 1879, іюль, с. 333—335; Ю. Кулаковскій, *Гдѣ находилась вичинская епархія константинопольскаго патріархата?* Визант. Врем. IV, 1897, с. 327—336; Ср. М. Грушевскій, *Історія України-Руси*, II², с. 519—523. Послѣ Васильевскаго изслѣдователи не разъ возвращались къ вопросу о существованіи русскаго населенія на Дунаѣ, внося различныя измѣненія въ выводы Васильевскаго. Такъ В. Златарски, нѣкоторыя извѣстія, которыя Васильевскій считалъ относящимися къ Русскимъ, связывалъ съ Болгарами и Торками (*История на българската държава*, т. II, 1, 1934, с. 182—4; *Какъвъ народъ се разбира у Анна Камнина подъ израза γένος τι Σκυθικόν*, Изв. на Истор. Друж. кн. XI—XII, 1931—2, с. 71—83). А. Л. Петровъ предостерегалъ отъ слишкомъ поспѣшнаго отождествленія всѣхъ топонимическихъ названій въ Трансильваніи и въ Карпатахъ, имѣющихъ корень ros-, rus- съ именемъ Русь, Русскій (*Когда возникли русскія поселенія на угорской „Дольней землѣ“?* Изв. отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Наукъ, XVI, 1, 1911, с. 23—24 и подробнѣе по-чешски: *Kdy vznikly ruské osady na Uherské Dolní Zemi a vůbec za Karpaty?* Český Časopis Historický, XXIX, 1923). П. Мутафчіевъ значительно расширилъ доказательства Васильевскаго о русскомъ элементѣ на Дунаѣ въ спеціальной работѣ *Произходътъ на Асѣневци*, Македонски Прегледъ, IV, 4, Соф. 1928. N. Banescu, въ рядѣ статей, изъ коихъ отмѣчу двѣ: *Les premiers témoignages byzantins sur les Roumains du Bas-Danube*, Byz.-Neugr. Jahrb. III, 1922, с. 287—310, особ. с. 303 и *Ein ethnographisches Problem am Unterlauf der Donau aus XI. Jahrhundert*, Byzantion, VI, 1, 1931, с. 297—307, совершенно отрицалъ существованіе русскаго населенія на нижнемъ Дунаѣ, утверждая, что тамъ жили только Валахи. Такой упрощенный взглядъ Н. Банеску встрѣтилъ возраженіе со стороны В. Златарскаго (въ *Какъвъ народъ се разбира у Анна Комнина...*, с. 81—82) и спеціальную отповѣдъ П. Мутафчіева (P. Mutafčiev, *Bulgares et Romains dans l'histoire des pays danubiens*, Sofia, 1932, с. 333—366, особ. с. 363).

[14]) П. С. Р. Л., т. II, ст. 334, 1146 г. Далѣе „дикіе Половцы“ упом. подъ 1149, 1159, 1172, 1195, 1196 г. г. (II, ст. 377, 379, 386, 500, 548, 549, 690, 694, 695, 698, 700). Грушевскій, *Іст. Укр.-Руси.*

Именно въ это время, съ середины XII ст., Половцы проникаютъ къ Дунаю и начинаютъ все чаще тревожить сосѣднія осѣдлыя государства. Въ 1148, 1154, 1160 г. г. они нападаютъ на дунайское пограничье Имперіи;[15] въ это же время Угрія приступаетъ къ укрѣпленію своей трансильванской границы со спеціальною цѣлью обороны государства отъ Половцевъ.[16] Изъ одной грамоты 1211 года короля Андрея узнаемъ, что изъ-за половецкихъ нападеній даже въ самой Трансильваніи, на верховьяхъ Ольты, страна была превращена въ пустыню.[17] Въ 1211—1212 г. г. угорскіе короли въ грамотахъ нѣмецкимъ рыцарямъ, поселяемымъ на трансильванской границѣ, прямо указываютъ на цѣль ихъ поселенія: „...для огражденія королевства... отъ Куманъ", совершавшихъ на Угрію „безпрестанные набѣги".[18] Писавшій въ серединѣ XII в. Оттонъ Фризингенскій указываетъ, что на востокъ отъ Угріи, за Трансильваніей, кочуютъ Половцы и Печенѣги.[19] Тоже можно заключить и изъ разсказа русской лѣтописи подъ 1159 г.: когда галицкій князь-изгой Иванъ Ростиславичъ бѣжалъ „в поле к Половцемъ", то вокругъ него тотчасъ же образовался многотысячный отрядъ изъ Русскихъ и Половцевъ, съ которымъ онъ сталъ грабить подунайскіе города, принадлежавшіе галицкому князю Ярославу.[20] Это показываетъ, что Половцы были собраны Иваномъ гдѣ-то здѣсь же, въ придунайской области. Тридцатью однимъ годомъ позже та же лѣтопись еще болѣе опредѣленно сообщаетъ о существованіи подунайскихъ Половцевъ: въ 1190 г. „лѣпшии моужии в Черныхъ Клобоучехъ" жаловались князю Ростиславу Рюриковичу: „се Половцѣ сеѣ зимы воюють ны часто, а не вѣдаемь, Подоунаици ли есмъ что ли?"[21] На кочеваніе Половцевъ вблизи дунайскаго побережья указываютъ и обстоятельства возстанія Асѣней въ 1186 г.: въ іюнѣ или іюлѣ Асѣни бѣгутъ за Дунай, къ Половцамъ, и Никита Хоніатъ разсказываетъ, какъ Петръ Асѣнь

II, с. 534 понималъ выраженіе „дикіе Половцы" въ томъ смыслѣ, что лѣтописецъ противупоставлялъ „дикимъ", т. е. степнымъ Половцамъ, — „своихъ", т. е. не дикихъ, оселенныхъ съ 1140-хъ г.г. на Руси. Мнѣ такое объясненіе представляется невозможнымъ: 1) лѣтописцы въ большинствѣ случаевъ продолжаютъ степныхъ Половцевъ называть просто Половцами, безъ эпитета „дикихъ", 2) нѣтъ свѣдѣній о поселеніи Половцевъ на границахъ, подобно Чернымъ Клобукамъ, да они и не могли бы быть, т. к. поселять Половцевъ на пограничьѣ для охраны Руси отъ другихъ, степныхъ Половцевъ, было бы слишкомъ рисковано.

[15]) В. Васильевскій, *Изъ исторіи Византіи въ XII в.*, Славянскій Сборникъ, т. II, СПБ, 1877, с. 221; К. Я. Гротъ, *Изъ исторіи Угріи и Славянства въ XII в.*, Варш. 1889, с. 130 и сл.; F. Chalandon, *Jean II Comnène et Manuel I Comnène*, Paris, 1912, с. 323—5, 413—14, 474; В. Златарски, *История на българската държава*, II, 1, с. 384—6, 394—6. На Дунаѣ былъ извѣстенъ „Куманскій бродъ" — мѣсто постоянныхъ переправъ Половцевъ на правый, византійскій берегъ — см. P. Mutafčiev, *Bulgares et Romains*, с. 310 и пр. 1.

[16]) П. Голубовскій, *Половцы въ Венгріи*, Кіевск. Унив. Извѣстія, 1889, XII, с. 47; К. Гротъ, ц. с. с. 45—6.

[17]) Gyárfás István, *A Jász-Kúnok Története*, т. II, Kecskemét, 1873, с. 204—5.

[18]) R. Roesler, *Romänische Studien*, Leipz. 1871, с. 332; I. Gyárfás, ц. с. с. 204—5; Ѳ. Успенскій, *Образованіе второго болгарскаго царства*, Зап. И. Новоросс. Унив. т. 27, 1879, с. 227 (с. 100 отд. изданія); K. Kadlec, *Valaši a valašské právo v zemích sloaanských a uherských*, v Praze, 1916, с. 84, 105.

[19]) Ottonis Frisingensis, Gesta Friderici Imperatoris, M. G. S. S. XX, с. 368; ср. К. Гротъ, ц. с. с. 56—7.

[20]) П. С. Р. Л. II, ст. 497.

[21]) П. С. Р. Л. II, ст. 670.

уговаривалъ Половцевъ придти къ нему на помощь противъ Византійцевъ еще до жатвы, то-есть въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ.[22] Изъ этихъ словъ мы видимъ, что у Асѣней не оставалось времени на далекое путешествіе къ Половцамъ заднѣпровскимъ (тѣмъ болѣе, что въ лѣтнее время Половцы откочевывали отъ Причерноморья еще дальше на сѣверъ) и, слѣдовательно, Половцы, съ которыми сговаривался Асѣнь, были гдѣ-то совсѣмъ недалеко отъ Дуная. Наконецъ, на сосѣдство Болгаръ съ Половцами указываетъ тотъ же Никита Хоніатъ, говоря о „сопредѣльныхъ" съ Болгарами „Скиѳахъ", какъ онъ называетъ Половцевъ;[23] Роберъ де Клари въ нач. XIII в. еще болѣе опредѣленно говоритъ, что за Болгаріей начинается Куманія.[24]

Итакъ, къ серединѣ XII в. Половцы окончательно обосновываются въ придунайской области.[25] Какъ далеко они распространились на западъ — мы не знаемъ, но, вѣроятно, — до самыхъ дунайскихъ „Желѣзныхъ воротъ". Извѣстно только, что еще въ 1114 году они уже достигали Видина.[26] Что же касается южныхъ предѣловъ кочеванія Половцевъ, то, въ силу обще-кочевнической тенденціи, они стремились предѣльно расширить діапозонъ кочеванія съ сѣвера на югъ такъ, чтобы въ жаркое время года уйти возможно сѣвернѣе, въ холодное же время — возможно

---

[22]) C. Sathas, Bibl. medii aevi I (1872), c. 78. Ср. В. Златарски, *История на българската държава*, II, 1, с. 448, 451, 453, 455 и пр. 1.

[23]) Ѳ. Успенскій, *Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ*, СПБ, 1874, с. 182.

[24]) Robert de Clary, La prise de Constantinople, гл. LXV у Ch. Hopf, *Chroniques gréco-romanes*, Berlin 1873, с. 52: „Or est Commaine une terre qui marchist a Blakie". Ср. Ѳ. Успенскій, *Образованіе второго болгарскаго царства*, с. 211. О наименованіи Болгаріи Валахіей византійскими писателями, а за ними и латинскими („Blakie" Робера де Клари) см. у В. Златарскаго, *Потекло на Петра и Асѣня, водачъ на възстанието въ 1185 годъ*, Списание на Бълг. Акад. на Науките, кн. XLV, 1933.

[25]) Въ началѣ этой главы (Анналы Института им. Н. П. Кондакова, т. IX, с. 73 или 43 отд. отт.) я уже упоминалъ, что цѣлый рядъ изслѣдователей — Roesler, Jireček, Gyárfás, Успенскій, Мутафчіевъ защищали мысль о сравнительно раннемъ проникновеніи Половцевъ въ придунайскую область — т. е. въ XI—нач. XII в. в. Однако, нельзя признать убѣдительными большинство аргументовъ, приводимыхъ въ пользу этого мнѣнія перечисленными историками. Roesler, *Romänische Studien*, с. 334 опирался на такіе источники, какъ Miserabile Carmen Рожера и путешествіе Рубрука, — по которымъ еще нельзя судить о положеніи въ придунайской области въ XI—нач. XII вв. Въ годы, когда писали Рожеръ и Рубрукъ (вторая полов. XIII в.) Половцы были изгнаны Татарами изъ Причерноморья и часть ихъ поселилась близъ угорской и болгарской границъ, на Дунаѣ; однако, жили ли они тамъ и въ концѣ XI и въ нач. XII вв. — у насъ нѣтъ свѣдѣній; набѣги Половцевъ на Византію въ это время — еще не указываютъ на наличіе ихъ кочевій у Дуная, какъ то хотѣли видѣть Gyárfás, *A Jász-Kúnok története*, II, с. 211 и Успенскій, *Образованіе втор. болгарск. царства*, с. 208, 211. И данныя топонимики, на которыя опирались C. Jireček, *Einige Bemerkung über die Überreste der Petschenegen und Kumanen...*, Sitz. d. K. Böhmischen Ges. d. Wiss., Classe f. Philos. 1889, с. 11 и P. Mutafčiev *Bulgares et Romains*, с. 156—7, 231, 310 (названія мѣстностей, происходящихъ отъ имени Куманъ или изъ половецкаго языка), не могутъ еще служить доказательствомъ ранняго проникновенія Половцевъ въ придунайскую область, такъ какъ время возникновенія этихъ названій намъ неизвѣстно и большинство ихъ, вѣроятно, относятся къ татарской эпохѣ. Вотъ почему мною остался неиспользованнымъ обильный топонимическій матеріалъ, собранный у L. Rásonyi-Nagy, *Valacho-Turcica*, Forschungsarb. d. Mitgl. d. Ung. Inst. u. des Colleg. Hungar. in Berlin, 1927 и у G. Lükó, *Havaselve és Moldva népei a X.—XII. sz.* [Населеніе Валахіи и Молдавіи въ X—XII вв.], Ethnographia, 1935.

[26]) Anna Comnena, Alexiadis, ed. Bonn, II, с. 302; F. Chalandon, *Essai sur le règne d'Alexis Ier Commène*, Paris, 1900, с. 267; P. Mutafčiev, *Bulgares et Romains*, с. 309.

южнѣе; вотъ почему мы видимъ, что Половцы охотно переходили на осеннiе, зимнiе и весеннiе мѣсяцы на югъ, за Дунай, въ болгаро-византiйскiе предѣлы и почти никогда не встрѣчаемъ ихъ здѣсь лѣтомъ; на лѣтовища кочевники уходили въ южно-карпатскiя предгорья. Вѣроятно именно въ эти лѣтнiе мѣсяцы Половцы особенно безпокоили Мадьяръ, даже проникая за горы, въ Трансильванiю. Очевидно, сюда, въ эти предгорья, приходили Асѣни лѣтомъ 1186 г. подымать Половцевъ противъ византiйскаго императора.

Далѣе на сѣверъ, вдоль предгорiй Карпатъ, Половцы доходили до нынѣшней Буковины.[27] Какъ далеко простирались ихъ кочевья въ направленiи къ Руси мы не знаемъ; знаемъ только, что русскiе предѣлы простирались здѣсь приблизительно до той же широты, что и на лѣвомъ берегу Днѣпра. Рѣчка „Висемь" (вѣроятно, нынѣшняя Высь или Виска), притокъ Южнаго Буга,[28] куда Половцы заходили „сторожно", была въ концѣ XII в. у самой границы кiевской земли;[29] а эта рѣчка находилась на широтѣ низовьевъ Сулы и Псла, т. е. переяславскаго пограничья. По той же широтѣ проходила и южная граница Галицкаго княжества (р. Ушица, лѣвый притокъ Днѣстра, верховье Прута).[30] Повидимому, все пространство на югъ отъ Галицкаго и Кiевскаго княжества было уже „половецкимъ полемъ".

VII.

Къ западу отъ Дуная, южными предѣлами половецкихъ кочевiй было сѣверное побережье Чернаго и Азовскаго морей. Кiевская лѣтопись и Слово о полку Игоревѣ не разъ упоминаютъ Половцевъ „лукоморскихъ", т. е. кочевавшихъ у „луки моря", какъ называли Русскiе вообще всякiй заливъ, а здѣсь, въ частности, днѣпровскiй лиманъ или сѣверный берегъ Азовскаго моря.[31]

[27]) Такъ считалъ Roesler, *Romänische Studien*, с. 339 на основанiи свидѣтельства Carmen Misirabile, cap. XX (M. G. S. S. XIX, с. 555) о томъ, что за верховьемъ Самоша и за горами Родны была граница Руси и Куманiи: „Rex Cadan inter Rusciam et Comaniam per silvas trium dierum habens iter, sire viam, pervenit ad divitem Rudanam".

[28]) Р. Высь, протекаетъ вдоль прежней границы Херсонской и Кiевской губернiй (см. *Россiя*, подъ ред. В. П. Семенова, *Новороссiя и Крымъ*, карта). Объ этой рѣкѣ см. также у Бурачкова, *Замѣтки по ист. географiи южно-русскихъ степей*, с. 675.

[29]) П. С. Р. Л. II, ст. 669, 1190 г. Ср. М. Грушевскiй, *Очеркъ исторiи Кiевской земли*, К. 1891, с. 13—14; его же *Iст. Укр.-Руси*, II, с. 261.

[30]) М. Грушевскiй, *Iст. Укр.-Руси* II, с. 460—1.

[31]) „Лукоморье" и „лукоморскiе Половцы" четыре раза упоминаются въ лѣтописи и разъ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Въ 1169 г., по поводу одной битвы кн. Михаила Юрьевича съ Половцами лѣтописецъ вспоминаетъ другую, прежде бывшую битву, когда тотъ же князь также счастливо спасся отъ смерти: „Богъ ѡтца ѥго молитвою избави ѥго отъ смерти, ꙗкоже и преже в луцѣ морѧ и ꙗкоже бьꙗхутьсѧ крѣпко" (П. С. Р. Л. I², 1926, ст. 360). Игорь Святославовичъ говоритъ дружинѣ во время своего знаменитаго похода 1185 г.: „идемъ по нихъ (за Половцами) у луку морѧ гдѣ же не ходили ни дѣди наши" (П. С. Р. Л. I, ст. 397, 1186 г.). Въ 1193 г. кiевскiй князь велъ переговоры о мирѣ „с Половци с Лоукоморьскими", пришедшими изъ степей въ Каневъ (П. С. Р. Л. II, ст. 675). Въ 1223 г. Татары гнали Половцевъ „по Дону и в луку морѧ" (П. С. Р. Л. I, ст. 504). Авторъ Слова о полку Игоревѣ вспоминаетъ, какъ Святославъ „поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великыхъ плъковъ Половецкыхъ яко вихръ выторже..." (В. Перетц, *Слово о полку Iгоревiм*,

Кочевали Половцы и на Крымскомъ полуостровѣ, въ его сѣверной, степной части. Рубрукъ пишетъ, что „на этой равнинѣ („...которая тянется [отъ южнаго, горнаго Крыма] на пять дневныхъ переходовъ до конца этой области къ сѣверу“) до прихода Татаръ, обычно жили Команы“.[32] Арабскій же географъ Идризи (середины XII в.) сообщаетъ, что и путь изъ Херсона въ Ялту пролегалъ по странѣ Командовъ,[33] изъ чего слѣдовало бы, что Половцамъ принадлежалъ и южный Крымъ. Однако достовѣрность этого свидѣтельства была заподозрѣна еще Бурачковымъ,[34] справедливо указавшимъ, что южный, горный Крымъ, совершенно не пригоденъ для жизни кочевниковъ. Тотъ же Рубрукъ, отличавшійся несравненно большей точностью въ своихъ показаніяхъ, чѣмъ Идризи, говоритъ лишь о томъ, что сорокъ городовъ и крѣпостей, расположенныхъ въ горномъ Крыму между Херсонесомъ и Судакомъ и населенныхъ различными народностями, въ томъ числѣ и Готами, — платили дань Половцамъ.[35] Такое сообщеніе гораздо правдоподобнѣе;[36] оно указываетъ лишь на „сферу вліянія“ Половцевъ въ областяхъ, прилегавшихъ къ степямъ; это „вліяніе“ выражалось въ платежѣ крымскими городами дани Половцамъ. Послѣднимъ было очень важно держать въ зависимости прибрежные города Крыма, т. к. эти города были мѣстомъ сбыта половецкаго сырья и мѣстомъ покупки городскихъ издѣлій. Ибнъ-аль-Атиръ говоритъ о Судакѣ: „это городъ Кипчаковъ, изъ котораго они получаютъ свои товары, потому что онъ лежитъ на берегу Хазарскаго (Чернаго) моря и къ нему пристаютъ корабли съ одеждами; послѣднія продаются, а на нихъ покупаются (мусульманскими купцами) дѣвушки и невольники, буртасскіе мѣха, бобры, бѣлки и другіе предметы, находящіеся

1926, с. 109). Барсовъ, *Очерки русск. ист. географіи*, с. 275 и Грушевскій, *Іст. Укр.-Руси*, II, с. 214 считали Лукоморьемъ лишь низовья Днѣпра; Новицкій въ спеціальной статьѣ *„Давні Лукомор'я“* (Зап. Іст.-Філ. Відд. Всеукр. Акад. Наук, XXIV, 1929, с. 1—53) опредѣлялъ Лукоморье между нижн. Днѣпромъ и западнымъ берегомъ Азовскаго моря (с. 51). Но еще Брунъ, *Слѣды древняго рѣчного пути изъ Днѣпра въ Азовское море*, Зап. И. Новоросс. Унив. т. 28, 1879, с. 178—9, понималъ подъ этимъ словомъ вообще берегъ Азовскаго моря, а не только его западную часть. Слова Игоря Святославича и направленіе его похода подтверждаютъ мнѣніе о томъ, что въ данномъ случаѣ подъ „лукою моря“ надо подразумѣвать скорѣе сѣверо-восточное побережье Азовскаго моря, чѣмъ западное.

[32]) Вильгельмъ де Рубрукъ, *Путешествіе въ восточныя страны*, перев. Малеина, СПБ, 1910, с. 68. Пл. Бурачковъ, *Опытъ изслѣдованія о Куманахъ или Половцахъ*, Записки И. Одесск. Общ. Ист. и Древн. X, Од. 1877, с. 117, неправильно понявшій это мѣсто Рубрука, считалъ, что Половцы совсѣмъ не заходили въ Крымъ, а кочевали лишь сѣвернѣе Перекопа.

[33]) Géographie d'Edrisi, trad. A. Jaubert, т. II, Paris 1840, с. 395: „De Cherson à Djalta dans le pays des Comans, — 30 milles.“

[34]) Пл. Бурачковъ, *Опытъ изслѣд. о Куманахъ*, с. 114 и 117.

[35]) Вильгельмъ де Рубрукъ, цит. изд. с. 68. Ф. Брунъ, *Матеріалы для исторіи Сугдеи. Черноморье*, т. II, од. 1880, с. 135—6, считалъ, что подъ „сорока крѣпостями“ (quaraginta castella) Рубрука надо видѣть непонятое Рубрукомъ названіе города Киркъ-ера („Сорокъ мѣстъ“), стоявшаго на мѣстѣ нын. Чуфутъ-кале.

[36]) Принято А. А. Васильевымъ, *Готы в Крыму*, Изв. Гос. Акад. Ист. Мат. Культ. т. V, Л. 1927, с. 255—6; ср. англійское изданіе *The Goths in the Crimea*, Cambridge, Mass. 1936, с. 136. В. Д. Смирновъ, *Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты до нач. XVIII в.*, СПБ, 1887, с. 3, считалъ почему-то сомнительнымъ извѣстіе Рубрука о платежѣ крѣпостями горнаго Крыма дани Половцамъ. J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, с. 140, принялъ извѣстіе Идризи о томъ, что Ялта принадлежала Половцамъ.

въ землѣ ихъ" (т.-е. Кипчаковъ).[37] Очевидно, Судакъ, находившійся только въ „сферѣ вліянія" Половцевъ, куда они являлись по своимъ торговымъ дѣламъ, былъ принятъ арабскимъ историкомъ за собственно-половецкій городъ.[38]

Характерно, что Рубрукъ, выѣхавъ изъ Судака на сѣверъ, лишь на третій день своего пути встрѣтилъ въ крымскихъ степяхъ Татаръ и только съ этого времени считалъ, что онъ попалъ „въ какой-то другой міръ".[39] Вѣроятно, нѣчто подобное было и при половецкомъ господствѣ, то-есть, что и Половцы кочевали много сѣвернѣе Судака, въ степяхъ, а не жили возлѣ самаго города. Іосафатъ Барбаро, проведшій 16 лѣтъ въ Крыму (въ 1436—1452 г. г), сообщаетъ, что Половцы жили въ Крыму лишь въ сѣверо-восточной его части.[40] Какъ разъ только въ сѣверо-западныхъ и сѣверо-восточныхъ частяхъ Крыма встрѣчаются селенія, свидѣтельствующія о пребываніи здѣсь нѣкогда Половцевъ: Кара-Кипчакъ (въ с.-з. части Крыма) и Кипчакъ (на р. Біюкъ-Карасу, на сѣв.-востокѣ).[41]

Впрочемъ, Ибнъ-Саидъ, писавшій въ серединѣ XIII в., зналъ, хотя и смутно, о какой-то высокой горѣ у Азовскаго моря, гдѣ находился замокъ Манія; „нѣкогда", сообщаетъ Ибнъ-Саидъ, „онъ служилъ хранилищемъ для сокровищъ султана Туманіевъ. Нынѣ же въ немъ хранятся сокровища преемниковъ Берке".[42] Подъ именами „Маніи" и „Туманіи" нетрудно узнать латинское наименованіе Половцевъ Куманами, а ихъ страну — Куманіей. Но гдѣ надо искать эту высокую гору — остается неяснымъ.

Наконецъ, на пребываніи Половцевъ въ Крымскомъ полуостровѣ и на значительное вліяніе ихъ на мѣстное населеніе можетъ указывать то обстоятельство, что Армяне и Караимы, жившіе нѣкогда въ Крыму и въ XIV ст. выселившіеся въ Галицію, Волынь, Литву и Польшу, полностью переняли половецкій языкъ, на которомъ кое-гдѣ говорятъ еще и по-нынѣ.[43] О томъ, что въ половецкой землѣ жили Караимы, сообщаетъ еврейскій путешественникъ XII в. Раби Петахія.[44]

[37]) В. Тизенгаузенъ, *Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды*, СПБ, 1884, с. 26. До Судака подобнымъ же мѣстомъ сбыта и закупки товаровъ для Половцевъ былъ Херсонесъ. См. Anna Comnena, Alexiadis, II, с. 7 (ed. Bonn); ср. А. Васильевъ, *Проблема средневекового Крыма* Новый Востокъ, № 3, 1923, с. 382—3.

[38]) Извѣстіе Ибнъ-аль-Атира безоговорочно принялъ J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, с. 140.

[39]) Рубрукъ, цит. изд., с. 69.

[40]) Библіот. иностранныхъ писат. о Россіи, подъ ред. В. Семенова, СПБ, 1836, с. 90 и пр. 17.

[41]) Большой всемірный настольный атласъ Маркса, СПБ, 1905, табл. 28.

[42]) Aboulféda, *Geographie*, ed. Reinand, т. II, Paris, 1883, с. 322. Азовское море названо Ибнъ-Саидомъ озеромъ Тума и соотвѣтствуетъ озеру Терми Идризи (Geographie d'Edrisi, цит. изд. т. II, с. 434), на это указалъ еще Ф. Брунъ, *Черноморье. Слѣды древняго рѣчного пути изъ Днѣпра въ Азовское море*, цит. изд. с. 199—202. O. J. Tuulio (Tallgren) читаетъ озеро Идризи какъ Tyrambe (*Du nouveau sur Idrīzī*, Studia Orientalia, VI, Helsinki, 1936, с. 29, 163, 195), что, вѣроятно, правильнѣе, т. к. это названіе восходитъ къ Птоломею, къ городу Τυράμβη и народу Τυράμβαι, жившихъ на берегу Азовскаго моря (H. v. Mžik, *Osteuropa nach der arabischen Bearbeitung der Γεωγραφικὴ ὑφήγησις des Klaudios Ptolemaios von Muhammad ibn Mūsā al-Ḫuwārizmī*, Wiener Zeitschr. f. d. Kunde des Mergenlandes, Bd. XLIII, 1936, с. 193; ср. Tuulio (Tallgrenn), ц. с. с. 195).

[43]) T. Kowalski, *Karaimische Texte im Dialekt von Troki*, Prace Komisji Orientalistycznej Polskiej Akademji Umiejętności, Nr. 11, 1929, с. XVII, XXV, LIX, LXV—LXVII.

[44]) Elkan Nathan Adler, *Jewish travellers*, Lond. 1930, с. 66.

Остается неяснымъ, жили ли Половцы по восточному побережью Азовскаго моря, то-есть между устьемъ Дона и Керченскимъ проливомъ. Идризи опредѣленно говоритъ о зависимости отъ Половцевъ именно восточнаго побережья Азовскаго моря: „la majeure partie de ce lac (озеро Терми, какъ зоветъ Идризи Азовское море, см. выше, прим. 42) du côté de l'Orient, dépend de la Comanie.“[45] Если правильна догадка Банга о томъ, что Половцы въ перв. пол. XII в. называли Азовское море „домашнимъ,“[46] то это также подтверждало бы, что они чувствовали себя хозяевами всего Азовскаго моря. Однако, Рабби Петахія, лично посѣтившій эти мѣста въ серединѣ XII в., сообщаетъ, что „на разстояніи одного дня (пути) за землей Кедаръ (Половцевъ) есть заливъ между страной Кедаръ и страной Хазаріей“[47] Если подъ страной Хазаръ здѣсь подразумѣвается не Крымъ, а область на востокъ отъ Азовскаго моря, то изъ этого свидѣтельства вытекало бы, что Хазары жили гдѣ-то у самаго Азовскаго моря, отдѣленные отъ земли Половцевъ однимъ изъ лимановъ восточнаго побережья (Ейскимъ? Бейсугскимъ?). Доминиканецъ Юліанъ, проѣзжавшій въ 1237 г. по этимъ же мѣстамъ, ничего не сообщаетъ о Половцахъ: онъ, приплывъ изъ Константинополя въ городъ Матрику (Матарка, Керчь), который находился по его словамъ въ странѣ Зихіи, нашелъ тамъ населеніе по описанію ничѣмъ не напоминающее Половцевъ, а затѣмъ степью отправился далѣе, пока не попалъ на 13-ый день пути въ страну Аланъ. Описаніе Юліана оставляетъ впечатлѣніе, что на юго-восточномъ берегу Азовскаго моря Половцевъ не было.[48]

Далѣе на востокъ отъ Азовскаго моря граница „поля половецкаго“ шла предкавказскими степями къ низовьямъ Волги и сѣверному побережью Каспійскаго моря. Изъ-за полнаго отсутствія источниковъ нѣтъ возможности точнѣе обозначить предѣлы половецкихъ кочевій между Азовскимъ и Каспійскимъ морями. Можно лишь утверждать, что Половцы не достигали ни предгорій Кавказа ни устья Волги: предкавказскія степи занимали Аланы и рядъ другихъ мелкихъ кавказскихъ народовъ, а также остатки Хазаръ, которые, впрочемъ, были сосредоточены, главнымъ образомъ, въ низовьи Волги, гдѣ у нихъ былъ городъ Саксинъ.

Плано Карпини пишетъ: „съ юга же къ Команіи прилегаютъ Аланы, Чиркассы, Хазары...“[49] а Ибнъ-аль-Атиръ также свидѣтельствуетъ, что въ эпоху татарскаго

[45]) Géographie d'Edrisi, цит. изд. т. II, с. 434; ср. Ф. Брунъ, *Слѣды древняго рѣчного пути*, с. 200.

[46]) W. Bang, *Beiträge zur Kritik des Codex Cumanicus*. II. *Über den komanischen Namen der Maiotis*, Bull. d. l. Classe des Lettres. Académie R. de Belgique, 1911, nº 1, с. 39—40 (о Половцахъ у Азовскаго моря упоминается въ одномъ письмѣ визант. писателя перв. полов. XII в. Іоанна Цеца).

[47]) E. N. Adler, *Jewish travellers*, с. 65.

[48]) A. Theiner, Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram, I, 1859, № CCLXXI, 1237 г. Ср. русск. перев. В. Юргевича въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. V, Од. 1863, с. 999—1000. Схоже съ Юліаномъ пишетъ и Рубрукъ, что выше „устья моря Танаидскаго“ (т. е. Керченскаго пролива) „находится Зихія, которая не повинуется Татарамъ, а къ востоку Свевы и Иверы, которые [также] не повинуются Татарамъ“ (пер. Малеина, с. 66—7). Такимъ образомъ и по Юліану и по Рубруку Половцамъ на юго-вост. побережьи Азовскаго моря не остается мѣста.

[49]) Полностью это мѣсто у Плано Карнини читается такъ: „съ юга же къ Команіи прилегаютъ Аланы, Чиркассы, Хозары, Греція и Константинополь, также земля Иберовъ, Кахи, Брутахіи, которые слывутъ іудеями, — они бреютъ голову, — также земля Цикковъ, Георгіановъ и Арменовъ и земля Турокъ“ (пер. А. Малеина, с. 50). Изъ этого перечня не слѣдуетъ считать, что всѣ перечисленные народы были непосредственными сосѣдями Половцевъ; это мѣсто, вѣроятно, надо

нашествія у сѣверныхъ кавказскихъ предгорій жило „много народовъ, въ томъ числѣ Аланы, Лезгины и [разные] тюркскія племена“ (не включая въ число послѣднихъ Половцевъ, о которыхъ Ибнъ-аль-Атиръ говоритъ затѣмъ отдѣльно).[50] Аланы были здѣсь настолько сильны, что Половцы не могли проходить сквозь ихъ землю, чтобы достичь Дарьяльскаго ущелья: это явствуетъ изъ разсказа грузинской лѣтописи „Картлисъ-Цховреба“ подъ 1118 годомъ. Въ этомъ году грузинскій царь Давидъ II принялъ къ себѣ на службу большое количество Половцевъ изъ Причерноморскихъ степей. Половцы, прежде чѣмъ придти въ Грузію, попросили у Давида обезпечить имъ возможность пройти сквозъ землю предкавказскихъ Аланъ. Давиду пришлось лично выйти навстрѣчу Половцамъ, взять заложниковъ и отъ Половцевъ, и отъ Аланъ и, только послѣ этого, провести Половцевъ Дарьяльскимъ ущельемъ въ Грузію.[51] То, что Половцы въ предкавказскихъ степяхъ жили отдѣльно отъ Аланъ и сѣвернѣе послѣднихъ, видно изъ разсказа Ибнъ-аль-Атира о нашествіи Татаръ: Татары, придя изъ Закавказья въ землю Аланъ, смогли одолѣть ихъ лишь послѣ того, какъ Половцы, соединившіеся было съ Аланами противъ Татаръ, подъ вліяніемъ татарской дипломатіи, оставили Аланъ: слѣдовательно оба народа не жили здѣсь вмѣстѣ; а то обстоятельство, что только разбивъ Аланъ, Татары вторглись въ землю Половцевъ, показываетъ, что Половцы жили сѣвернѣе Аланъ.[52]

Какъ уже упоминалось выше, устье Волги не принадлежало Половцамъ, такъ какъ тамъ продолжали жить Хазары, имѣвшіе свой центръ въ городѣ Саксинѣ.[53]

понимать такъ, что за дѣйствительно сосѣдившими съ Половцами Аланами, Черкассами и Хазарами, еще южнѣе жили Иберы, Кахи, Грузины, Армяне. Послѣдняя группа народовъ жила уже въ Закавказьи и поэтому не могла соприкасаться съ Половцами, никогда въ Закавказьи не кочевавшими.

[50]) В. Тизенгаузенъ, ц. с. с. 25.

[51]) Histoire de la Géorgie, tr. par. M. Brosset, Iᵉ partie, S. Pet. 1849, с. 362; ср. русскій переводъ М. Джанашвили, *Извѣстія грузинскихъ лѣтописей и историковъ о Сѣверномъ Кавказѣ и Россіи*, въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. 22, Тифлисъ, 1897, с. 35—36.

[52]) В. Тизенгаузенъ, ц. с. с. 25. В. Ляскоронскій, *Русскіе походы въ степи въ удѣльно-вѣчевое время*, Ж. М. Н. Пр. 1907, IV, с. 307—309, не представлявшій себѣ кочеванія Половцевъ въ иныхъ мѣстахъ кромѣ какъ между Дономъ и Днѣпромъ, для того, чтобы объяснить ихъ пребываніе въ предкавказскихъ степяхъ въ эпоху татарскаго нашествія, вынужденъ былъ предположить, что здѣсь были не сами Половцы, а нѣкіе „полудикіе народы“, которыхъ Половцы поселяли въ Предкавказіи для обороны своихъ границъ и что „такимъ образомъ, Половцы, повидимому, примѣняли и у себя тѣ же пріемы для охраны своей страны, какіе практиковались въ то время въ предѣлахъ южной Руси“. Ляскоронскому такъ было трудно отрѣшиться отъ представленія, что Половцы могли кочевать и восточнѣе Дона, что онъ предпочелъ создать столь искусственную теорію объ охранѣ половецкой „границы“. Замѣтимъ, что созданіе подобнаго рода пограничной охраны изъ кочевыхъ или полукочевыхъ народовъ принадлежитъ исключительно осѣдлымъ государствамъ и, насколько мнѣ извѣстно, никогда не практиковалось кочевниками.

[53]) Послѣ разгрома въ X в. Хазаріи Святославомъ, Хазары не исчезли окончательно, но продолжали жить въ разныхъ мѣстахъ нѣкогда обширнаго своего государства (въ Крыму, а если вѣрить Петахію, — то и у восточнаго побережья Азовскаго моря, см. предыдущ. стр.), а въ низовьяхъ Волги они, повидимому, даже сохранили свою политическую самостоятельность, съ центромъ въ городѣ Саксинѣ, находившемся на мѣстѣ прежней столицы Хазаріи — Итилѣ. Поэтому, въ XIII в. Хазары даже слыли подъ именемъ Саксинцевъ. Такъ они названы русской лѣтописью подъ 1229 г., такъ они извѣстны и Плано Карпини. Саксинъ былъ до монгольскаго нашествія большимъ торговымъ горо-

Однако, Половцы кочевали вблизи этого города и сѣвернѣе его, вверхъ по теченію Волги. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1229 г. находимъ такое извѣстіе: „тогож лѣта Саксини и Половци възбѣгоша из низу к Болгаромъ передъ Татары и сторожеве Болгарьскыи прибѣгоша бьени отъ Татаръ близь рѣкы, еиже имѧ, Яикъ;“[54] мусульманскій писатель Ахмедъ Тусскій, писавшій въ послѣдней четверти XII в., сообщаетъ, что Саксинцы „много терпятъ отъ кыпчакскихъ ордъ.“[55]

Такимъ образомъ, въ своемъ обзорѣ предѣловъ „поля половецкаго“ мы возвращаемся къ Туркестану, откуда начали этотъ обзоръ. Съ востока на западъ, отъ среднеазіатскихъ степей до степей придунайскихъ половецкое „поле“ простиралось на $3^1/_2$—4 тысячи километровъ; съ юга на сѣверъ, отъ черноморскаго побережья до границы лѣсостепи діапазонъ половецкихъ кочевій могъ достигать 700 километровъ. Вотъ почему армянскій царевичъ Гетумъ былъ пораженъ размѣрами половецкой земли и былъ правъ, считая, что „Команія — одно изъ величайшихъ государствъ, существовавшихъ на землѣ.“[56]

VIII.

Изслѣдователи, писавшіе о Половцахъ, обычно считали, что „центромъ“ Половцевъ было сѣверное побережье Азовскаго моря и низовья Дона. Прежде всего необходимо отказаться отъ выраженія „центръ“, которое болѣе подходитъ въ примѣненіи къ осѣдлому міру, чѣмъ къ кочевническому, потому что такихъ центровъ у всякой кочевой орды будетъ два: зимній и лѣтній, въ мѣстѣ ея зимовій и въ мѣстѣ ея лѣтовищъ. Но, кромѣ того, можно утверждать, что Половцы не концентрировались только между Днѣпромъ и Дономъ, и что одновременно существовала не одна, а цѣлый рядъ половецкихъ группъ съ самостоятельными лѣтовищами и зимови-

домъ и настолько укрѣпленнымъ, что, вопреки мусульманскимъ извѣстіямъ о взятіи его Татарами, Плано Карпини записалъ легенду объ успѣшной оборонѣ саксинцами своего города отъ Татаръ. Не удивительно, что Половцы не владѣли низовьемъ Волги: оно находилось въ рукахъ сильныхъ еще въ XII—XIII вв. Хазаръ-Саксинцевъ. О Хазарахъ XI—XIII в. и Саксинѣ, см. гл. обр. F. Westberg, *Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa*, глава 15 „Stadt und Volk Saksin“, Извѣстія И. Акад. Наукъ, т. XI, 1899, ноябрь, с. 288—292 и по-русски *Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ*, Ж. М. Н. Пр., 1908, мартъ, с. 37—41; J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, с. 56—7, 102, 146; А. И. Соболевский, *Славяно-скифские этюды*, XV, Известия по русскому яз. и слов. т. II, кн. 1, Л. 1929, с. 166—7; А. Якубовский, *Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой*, Мат. по ист. Узбек., Таджик. и Туркменен ССР, ч. I, Л. 1933, с. 29—30; W. Barthold, *Khazar*, Enz. d. Islam, II, с. 1003—1005; V. F. Büchner, *Saksīn*, ibid. IV, с. 88—89; V. Minorsky, *Hudūd al-'Ālam*, London 1937, с. 453.

[54]) П. С. Р. Л. I, ст. 453. Я уже упоминалъ (въ началѣ этой главы, Анналы Института им. Н. П. Кондакова, т. IX, с. 71 пр. 2, с. 41 отд. отт.), что подъ 1140 г. лѣтопись сообщаетъ о томъ, какъ Мстиславъ Владиміровичъ Кіевскій (1125—1132) загналъ Половцевъ „за Донъ и за Волгоу, за Гиикъ“ (П. С. Р. Л. II, ст. 303—4) и что упоминаніе здѣсь Волги и Яика является скорѣе поэтическимъ преувеличеніемъ, чѣмъ исторической дѣйствительностью.

[55]) F. Westberg, *Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa*, с. 288 со ссылкой на Дорна, Mélanges Asiatiques, VI, St. Pet. 1873, с. 371—2.

[56]) Hayton, *La flor des estoires de la terre d'Orient*, livr. 1, chap. V, въ Recueil des historiens des croisades. Documents arméniens, t. II, p. 124.

щами. Изъ-за того, что наши свѣдѣнія о различныхъ группахъ Половцевъ очень неравномѣрны, мы до сихъ поръ находимся въ нѣкоторомъ зрительномъ обманѣ: большинство источниковъ сообщаетъ намъ лишь о приазовской группѣ (вѣрнѣе называть ее — донецко-донской), объ остальныхъ же у насъ неизмѣримо меньше свѣдѣній, почему эти группы и не выступаютъ также рельефно, какъ первая. Всего же можно насчитать до пяти такихъ группъ.

Первой и самой древней группой Половцевъ была средне-азіатская, которая въ XI—XIII вв. оставалась на тѣхъ же мѣстахъ, откуда пошло разселеніе Половцевъ въ Европу. Въ эту группу входили: одно изъ древнѣйшихъ половецкихъ объединеній — Емекъ и Половцы-Канглы, болѣе новое образованіе XII вѣка. Зимовища и тѣхъ и другихъ, какъ и у среднеазіатскихъ Половцевъ XI в. были, вѣроятно, у предгорій Тянъ-Шаня и Алтая и у низовьевъ Сыръ-Дарьи, а лѣтовища — на много сотенъ километровъ сѣвернѣе и сѣверо-западнѣе: у лѣсостепного пограничья западной Сибири и за Ураломъ, у низовьевъ Камы.[57]

Остальныя группы были въ прикаспійскихъ и причерноморскихъ степяхъ. Здѣсь условія кочеванія были почти тѣ же, что и въ Азіи: большая жара и выгораніе травы въ южныхъ частяхъ степей въ лѣтніе мѣсяцы вынуждали Половцевъ откочевывать на это время на сѣверъ, къ границѣ лѣсостепи или въ предгорья. Въ зимніе мѣсяцы, наоборотъ, морозы и обиліе снѣга на сѣверѣ вынуждали кочевниковъ держаться южныхъ предѣловъ степей. Объ этихъ перекочевкахъ Половцевъ сообщаютъ намъ современники. Арабскій историкъ Ибнъ-аль-Атиръ, описывая Половцевъ эпохи татарскаго нашествія, опредѣленно говоритъ о двухъ различныхъ областяхъ пастбищъ въ землѣ Кипчакъ: „это земля, обильная пастбищами зимою и лѣтомъ; есть въ ней мѣста прохладныя лѣтомъ со множествомъ пастбищъ и [есть въ ней] мѣста теплыя зимою [также] со множествомъ пастбищъ, то-есть низменныхъ мѣстъ на берегу моря".[58] Плано Карпини, который видѣлъ Татаръ въ первые годы завоеванія ими половецкихъ степей и въ тѣхъ же условіяхъ кочеванія, что и во времена Половцевъ, пишетъ: „всѣ они (кочующіе Татары) зимою спускаются къ морю, а лѣтомъ по берегу этихъ самыхъ рѣкъ (рѣчь идетъ о Днѣпрѣ, Донѣ, Волгѣ и Яикѣ) поднимаются въ горы"[59] (очевидно, Карпаты, Приволжскія возвышенности, Общій Сыртъ и Уралъ). Эннувейри, жившій въ концѣ XIII и началѣ XIV в., описывая покореніе Татарами Половцевъ, говоритъ о нихъ: „это (Кыпчаки) обитатели шатровъ, которые не живутъ въ домахъ и не селятся въ строеніяхъ, но проводятъ лѣто въ одной землѣ, а зиму въ другой.[60]

---

[57]) Объ этой группѣ Половцевъ см. въ IX т. Анналовъ, с. 73—76 (с. 43—46 отд. отт.).

[58]) В. Тизенгаузенъ, ц. с. с. 26.

[59]) А. Малеинъ, цит. изд. с. 48. Рубрукъ (тамъ же, с. 87 и 96) сообщаетъ и о времени этихъ перекочевокъ: „съ января до августа онъ самъ (Батый) и всѣ другіе (Татары) поднимаются къ холоднымъ странамъ, а въ августѣ начинаютъ возвращаться". Время перекочевки на югъ не возбуждаетъ сомнѣнія, но трудно повѣрить, чтобы Татары уже въ январѣ начинали подниматься на сѣверъ. Ср. П.Ваденюкъ, *Гдѣ нужно искать ту рѣку, на берегахъ которой 5-го мая 1185 г. былъ разбитъ Игорь Святославичъ Новгородсѣверскій и которая названа Кáялой*, Труды VIII Археол. съѣзда, т. II, с. 56, который считалъ, что Половцы лишь къ маю приходили съ побережья Чернаго моря на лѣтовища у Донца, на высоту устьевъ Оскола и Тора.

[60]) В. Тизегаузенъ, ц. с. с. 540.

Перейдемъ къ обозрѣнію отдѣльныхъ половецкихъ группъ въ каспійско-черноморскихъ степяхъ.

На границѣ Европы и Азіи, вѣроятно, существовала небольшая, самостоятельная волжско-яицкая группа, занимавшая пространство между хазарскимъ Саксиномъ и Болгарскимъ каганатомъ, по Волгѣ и Яику, и кочевавшая отъ низовьевъ этихъ рѣкъ до Общаго Сырта и южнаго Урала. Какъ я уже указывалъ въ началѣ этой главы (Анналы, т. IX, с. 71—2; с. 41—2 отд. оттиска), мусульманскіе писатели, зная преимущественно лишь восточную часть Половецкой земли, этой частью ея и ограничивали свои представленія о протяженности всей территоріи Половцевъ: Рашидъ-Эддинъ,[61] напримѣръ, зналъ племя Кыпчаковъ только „между страною Итъ-Бараковъ (подъ которой подразумѣваютъ Волжскую Болгарію)[62] и Яикомъ", гдѣ и находилось „лѣтнее и зимнее кочевье Кыпчаковъ." Въ дѣйствительности же это относилось, очевидно, лишь къ волжско-яицкой группѣ, а не ко всѣмъ Половцамъ. Въ Юань-ши, китайской исторіи о татарскихъ завоеваніяхъ, а также у Рашидъ-Эддина разсказывается о томъ, какъ Татары въ 1237 г. въ приволжскихъ степяхъ разбили половецкаго хана Бачмака и какъ этотъ ханъ тщетно пытался спастись отъ Татаръ на „морскомъ островѣ", т. е., на одномъ изъ острововъ волжской дельты.[63] Это извѣстіе, слѣдовательно, также относится къ волжско-яицкой группѣ Половцевъ. Къ Половцамъ этой же группы относится приводимое выше мѣсто русской лѣтописи о кочевании Половцевъ „по низу", т.-е. по нижнему Поволжью, откуда въ 1229 г. они „взбѣгоша" передъ Татарами,[64] а также и извѣстіе XII в. Ахмеда Тусскаго о набѣгахъ „кыпчакскихъ ордъ" на саксинцевъ,[65] и, наконецъ, — воспоминаніе писателя XIV в. Фадлъ-Аллахъ-алъ-Умари о томъ, что до Татаръ лѣтовища „царей Турана", (въ которыхъ надо видѣть Половцевъ), были у Уральскихъ горъ.[66]

Степныя пространства отъ низовьевъ Волги и Яика, вверхъ по теченію этихъ рѣкъ, до широтъ Укека, Общаго Сырта и Южнаго Урала издревле извѣстны какъ мѣста пребыванія кочевниковъ. Здѣсь жили и Скиѳы и Сарматы,[67] и Печенѣги

---

[61]) И. Березинъ, *Первое нашествіе Монголовъ на Россію*, Ж. М. Н. П. 1853, IX, с. 235, пр. 29. Ср. J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, с. 145, пр. 1.

[62]) J. Marquart, ц. с. с. 145, пр. 1 и с. 161.

[63]) J. Marquart, ц. с. с. 115—116, 145 пр. 1. Ср. И. Березинъ, *Нашествіе Батыя на Россію*, Ж. М. Н. П. 1853, IV, с. 92—95 и пр. 46.

[64]) См. выше, с. 165.

[65]) См. выше, с. 165.

[66]) Анналы, IX, с. 76 (с. 46 отд. отт.) Маркварть, основываясь на одномъ китайскомъ источникѣ, предполагалъ, что предгорья Урала были „центромъ" кочеванія Кукчута, того кыпчакскаго хана, который по теоріи Маркварта, и далъ свое имя всѣмъ Кыпчакамъ (*Über das Volkstum des Komanen*, с. 138). На шаткость и хронологическую неточность этой теоріи я уже указывалъ въ I-ой главѣ (Seminarium Kondakovianum, VII, с. 255—6, с. 11—12 отд. отт.). — Не менѣе спорно утвержденіе А. Якубовскаго, *Феодальное общество Средней Азии*, с. 29, о томъ, что волжскій судоходный путь въ XI—XIII вв. находился въ рукахъ Половцевъ. Вѣроятнѣе, что онъ былъ въ рукахъ Саксинцевъ и Камскихъ Болгаръ, чѣмъ у кочевниковъ.

[67]) М. И. Ростовцевъ, *Курганныя находки Оренбургской области эпохи ранняго и поздняго эллинизма* Мат. по арх. Россіи, № 37, П. 1918, см. особ. карту на стр. 102; его же Skythien und der Bosporus, Bd. I, Berlin, 1931, с. 477—483, 586 и слѣд.

и Торки,[68] это было мѣсто ханскихъ кочевій Татаръ съ зимовками въ знаменитомъ Сараѣ,[69] и, наконецъ, здѣсь жили Калмыки, уже сильно ограниченные русскимъ правительствомъ въ діапазонѣ своего кочеванія.[70]

Третьей группой Половцевъ была донецко-донская, кочевавшая между Волгою и Днѣпромъ, въ бассейнѣ Дона и Донца и по лѣвымъ притокамъ нижняго Днѣпра. Это была наиболѣе сильная группа, съ которой больше всего приходилось имѣть дѣло южно-русскимъ княжествамъ. Она дѣлилась на цѣлый рядъ родовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ Токсоба, Бурджоглы были не только хорошо извѣстны Русскимъ („Токсобичи", „Бурчевичи"), но и мусульманскимъ писателямъ. Среди этихъ родовъ былъ и тотъ, который далъ знаменитую династію половецкихъ хановъ: Шаруканя, Отрока, Кончака, Юрія Кончаковича. Донецко-донская группа лучше другихъ освѣщена и русскими и мусульманскими источниками, поэтому на ней мы можемъ остановиться подробнѣе, чѣмъ на остальныхъ половецкихъ группахъ.

Зимовища этой группы были, какъ по низовью Дона и по побережью Азовскаго моря, такъ и сѣвернѣе, по Днѣпру, у острова Хортицы, въ затонахъ Днѣпра — „в лоузѣ в Днѣпрескомъ" по выраженію лѣтописи; затѣмъ — въ бассейнѣ Донца — на среднемъ Осколѣ и, наконецъ, — по среднему теченію Дона, на той же широтѣ, что и Осколъ: между устьями Калитвы и Хопра.

Свои большіе зимніе походы въ степи въ эпоху Мономаха и его сына Мстислава, Русскіе совершали къ низовьямъ Дона, чтобы здѣсь сокрушить силу приазовскихъ Половцевъ. Хотя лѣтопись часто смѣшивала Донъ съ Донцомъ и обѣ рѣки называла Дономъ, тѣмъ не менѣе походъ подъ начальствомъ Димитрія Иворовича, посланнаго Мономахомъ 2 декабря 1109 г. „къ Дону", гдѣ онъ захватилъ до тысячи половецкихъ вежъ, скорѣе можно относить къ дѣйствительному Дону, а не Донцу;[71] тоже надо сказать и о другомъ походѣ, 1116 года, подъ начальствомъ сына Мономаха — Ярополка, который по приказу отца „ходи на Половечьскую землю к рѣцѣ зовомѣи Донъ";[72] тотъ же Ярополкъ ходилъ еще разъ „за Донъ"

---

[68]) А. З. Валидов, *Мешхедская рукопись Ибну-ль-Факиха*, Изв. Росс. Акад. Наук, 1924, с. 244—6; V. Minorsky, *Ḥudūd al-Ālam*, с. 313—314; О. А. Кривцова-Гракова, *Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском у. летом 1927 г.* РАНИОН, Труды Секции Археологии, IV, М. 1928, с. 288—299.

[69]) О кочеваніи въ XV—XVII вв. Ногайскихъ Татаръ между Волгою и Яикомъ, Каспійскимъ побережьемъ и Камою см. у Г. Перетятковича, *Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ*, М. 1877, с. 128—9, 132—8, 282—3.

[70]) Г. Перетятковичъ, *Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка*, Од. 1882 с. 125—130; Н. Н. Пальмов, *Этюды по истории приволжских Калмыков*, ч. 1., Астрахань, 1926.

[71]) П. С. Р. Л. I, 284, ср. варіанты Ипат. и Хлѣбн. списковъ (ПСРЛ II, ст. 260). Обычно изслѣдователи, безъ особыхъ основаній, считали этотъ походъ совершеннымъ къ Донцу (Барсовъ, *Очерки русск. историч. географіи*, с. 149 и сл., 303 и сл.; М Грушевскій, *Іст. Укр.-Руси*, II, с. 104). Однако, такое большое количество взятыхъ вежъ говоритъ за то, что Русскіе проникли въ расположеніе главной массы донецко-донской группы Половцевъ, т.-е. въ ихъ приазовскія зимовища.

[72]) П. С. Р. Л. I, ст. 291, II, ст. 284. Грушевскій, *Іст. Укр.-Руси*, II, с. 107 и Середонинъ, *Историческая географія*, с. 172—3 и этотъ походъ относили къ Донцу. Но то обстоятельство, что Ярополкъ при этомъ „приведе с собою Ѩсы и жену полони собѣ Ѩсыню" говоритъ скорѣе за то,

въ 1120 г.[73] и сюда же посылалъ своихъ мужей и Мстиславъ Владимировичъ († 1132 г.), о которомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ „загна Половци за Донъ и за Волгоу за Гиикъ (Яикъ)“.[74] Къ низовьямъ Дона, къ берегу Азовскаго моря, на „конець поля Половецкого“ стремился и Игорь Святославичъ Новгородъ-Сѣверскій, но, выйдя въ походъ слишкомъ поздно, въ маѣ мѣсяцѣ, когда Половцы уже вышли изъ мѣстъ своихъ зимовокъ и шли „отъ Дона и отъ моря“ на сѣверъ, Игорь встрѣтился съ Половцами почти у самыхъ ихъ лѣтовищъ — на р. р. Сальницѣ и Суюрліи.[75]

На пребываніе Половцевъ у Азовскаго моря намъ намекаетъ то же Слово о полку Игоревѣ: „се бо Готьскыя красныя дѣвы воспѣша на брезѣ синему морю, звонячи рускымъ златомъ: поють время Бусово, лелѣють месть Шароканю...“.[76] Сопоставленіе этого мѣста Слова съ другими, гдѣ упоминается тоже Синее море, привело еще Куника къ заключенію, что подъ Синимъ моремъ надо понимать Азовское.[77] О жизни Половцевъ у Азовскаго моря говоритъ и другое мѣсто Слова: Святославъ Кіевскій „поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великыхъ плъковъ Половецкихъ яко вихръ выторже“.[78] А мы знаемъ, что Кобякъ былъ ханомъ одной изъ донецко-донскихъ ордъ; слѣдовательно, подъ „лукою моря“ въ данномъ случаѣ надо подразумѣвать именно сѣверный берегъ Азовскаго моря, а не днѣпровскій лиманъ, который, какъ мы видѣли выше (с. 160), носилъ, повидимому, тоже названіе „луки моря“. Замѣтимъ, что какъ-разъ у устья Дона, на правомъ его берегу, нѣсколько сѣвернѣе г. Ростова находится Кобяково городище со слѣдами поселеній XI—XIII вв.[79] Очень возможно, что въ названіи этого городища сохранилась память о половецкомъ ханѣ Кобякѣ. Я уже упоминалъ выше[80] о догадкѣ Банга, что Половцы сами называли Азовское море „домашнимъ“. Какъ ни неясны свѣдѣнія о Половцахъ у Идризи и Ибнъ-Саида, все же несомнѣнно, что ихъ „Куманія“ или

что походъ былъ не къ Донцу, а Дону и Азовскому морю, гдѣ поблизости (въ Предкавказьи, отчасти въ сѣв. Крыму) жили Ясы-Аланы; на Сѣверномъ же Донцѣ, судя по даннымъ археологіи, Аланы въ XI в. уже больше не жили (ср. Ю. В. Готье, *Кто был обитателем Верхнего Салтова*, Изв. Гос. Акад. Ист. Мат. Культ. т. V, 1927, с. 84). Города же Шарукань, Сугровъ, Балинъ, взятые Ярополкомъ во время этого похода, могли быть на Донцѣ и лежали, очевидно, на пути Ярополка къ Дону. Текстъ лѣтописи позволяетъ считать, что Ярополкъ взялъ себѣ жену Аланку не изъ упомянутыхъ городовъ, а вообще во время этого похода, который былъ направленъ къ Дону.

73) П. С. Р. Л. I, ст. 292.

74) П. С. Р. Л. II, ст. 303—4, 1140 г. Захожденіе Русскихъ „за Гиикъ“ вызвало справедливое сомнѣніе М. Грушевскаго, *Ист. Укр.-Руси*, II, 107. Думаю, что и упоминаніе Волги — такое же риторическое преувеличеніе. Ср. выше прим. 54.

75) Барсовъ, *Очеркъ русск. ист. географіи*, с. 304, Новицькій, *Давне Лукомор'я*, с. 43, Ваденюкъ, *Гдѣ нужно искать рѣку...*, с. 56.

76) В. Перетц, *Слово о полку Ігоревім*, с. 112.

77) Куникъ, *О запискѣ готскаго топарха*, Зап. И. Акад. Наукъ, т. 24, СПБ, 1874, с. 141. Ср. А. Васильев, *Готы в Крыму*, с. 258.

78) В. Перетц, ц. с. с. 109.

79) А. А. Миллер, *Кратк. отчет о робатах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г.* Изв. Рос. Акад. Ист. Мат. Культ., т. IV, Л. 1925, с. 4—13 и 25; его же *Краткий отчет...* за *1924 и 25 гг.* въ Сообщениях Гос. Ак. Ист. Мат. Культ. т. I, Л. 1926, с. 105 и слѣд., особ. с. 117—118.

80) Стр. 163.

„Туманія" находилась у Азовскаго моря.[81] Гдѣ-то здѣсь же, вблизи этого моря, надо искать и „Черную" и „Бѣлую" Куманіи.[82]

Сѣвернѣе зимовища разсматриваемой группы Половцевъ извѣстны по Днѣпру, у острова Хортицы. Сюда зимой „на вежа половецькии" ходилъ въ 1190 г. князь Ростиславъ Рюриковичъ,[83] тамъ же три года спустя тотъ же Ростиславъ опять захватываетъ половецкія вежи, которыя въ обоихъ случаяхъ находились на правомъ („русскомъ") берегу Днѣпра.[84] Сюда же, только глубже въ степи, на лѣвый берегъ Днѣпра, былъ направленъ и знаменитый походъ 1103 г. Святополка II и Владиміра Мономаха. Ополченія русскихъ спѣшили застигнуть Половцевъ еще въ ихъ зимо-

[81]) Géographie d'Edrisi, tr. A. Jaubert, II, c. 400 и 404; Ибнъ-Саидъ въ извлеченіяхъ у Абульфеды — Aboulféda, Geographie, ed. Reinand, II, 1, c. 291—2, 322, II, 2, c. 143. Ф. Брунъ, *Слѣды древняго рѣчного пути изъ Днѣпра въ Азовское море*, c. 197—202. Ср. выше, с. 162 и прим. 42.

[82]) О Бѣлой и Черной Куманіи говорятъ Идризи и Эль-Варди. Идризи Черную Куманію (Comania la Noire — въ переводѣ Jaubert) помѣщаетъ на разстояніи одного дня плаванія отъ Матраки Тмутаракани (т. II, с. 400), а Бѣлую Куманію (Comania la Blanche) тоже гдѣ-то у Азовскаго или Чернаго моря (т. II, с. 404). Эль-Варди о Куманіи говоритъ какъ о городѣ, расположенномъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря, причемъ Бѣлую Куманію отождествляетъ съ Матлукой, т. е. съ Матаркой Идризи (Frähn, *Ibn-Faszlaus und andere araber Berichte über die Russen älterer Zeit*, SPb, 1823, c. 32—3). J. Lelewel, *Géographie du Moyen Age*, т. III—IV, Breslau, 1852, c. 198, помѣщалъ Бѣлую Куманію по р. Молочной и у Молочнаго озера, и здѣсь же, вблизи нея, искалъ и Черную Куманію; O. Blau, *Ueber Volksthum und Sprache der Komanen*, ZDMG, XXIX, 1875, c. 560, искалъ Бѣлую Куманію около нын. Мелитополя, Черную Куманію — въ 80 верстахъ восточнѣе, около г. Ногайска. Съ критикой опредѣленій Лелевеля и Блау выступилъ Пл. Бурачковъ, *Опытъ изслѣдованія о Куманахъ или Половцахъ*, c. 121—3, 124—30, въ свою очередь считавшій, что Бѣлая Куманія была въ области прежней Бѣлой Вежи (Саркеля), у низовья Дона, а Черная Куманія — на пространствѣ между р. Самарою, Кальміусомъ, Азовскимъ моремъ и Днѣпромъ. Кромѣ какъ въ арабскихъ источникахъ, упоминаніе о Niger и Alba Cumania находимъ у мадьярскаго средневѣковаго историка Кезаи, писавшаго во второй полов. XIII вѣка. Кезаи, повѣствуя о переселеніи Гунновъ съ Востока въ Паннонію, такъ описываетъ ихъ путь: „...Bessorum (Bessi — обычное наименованіе мадьярскими источниками Печенѣговъ) et Comanorum Alborum terras transierunt, deinde Sosdaliam, Rutheniam et Nigrorum Cumanorum terras ingressi, tandem usque Tize flumen salvis rebus, invitis gentibus prefatis pervenerunt"; въ другомъ мѣстѣ того же труда Кезаи описываетъ переселеніе Мадьяръ: „Huni sive Hungari denuo ingressi in Pannoniam transierunt per regna Bessorum, Alborum Comanorum et civitatem Kyo (Кіевъ) et deinde in fluvia Hung vocato, ubi castrum fundarere, resederunt" (Simon de Keza, Gesta Hungarorum, Lib. I, cap. 2, MGSS XXIX, c. 527 и 532). Изъ этихъ полулегендарныхъ, страдающихъ анахронизмами свѣдѣній, можно лишь заключить, что обѣ Куманіи находились гдѣ-то въ Причерноморскихъ степяхъ. Мадьярскій историкъ Бела Кошаньи на основаніи Кезаи такъ локализуетъ Бѣлую и Черную Куманію: Alba Comania — это земля собственно Половцевъ, которые, какъ извѣстно, были свѣтловолосы, почему и ихъ земля могла называться Бѣлой Команіей; подъ Nigra Comania же надо видѣть землю Черныхъ Клобуковъ Поросья (Kossányi Bela, *Az úzok es kománok történetéhez a XI—XII. sz.*, Századok, 1924, c. 534—7). Однако, свѣдѣнія Кезаи еще не даютъ основаній переносить Черную Куманію, помѣщаемую арабскими источниками близъ Матраки, такъ далеко на сѣверо-западъ, тѣмъ болѣе, что поросскія черноклобукскія поселенія состояли изъ Торковъ, Печенѣговъ и Берендѣевъ, а не Половцевъ-Кумановъ (объ этомъ см. *Печенѣги, Торки и Берендѣи на Руси и въ Угріи* въ Seminarium Kondakovianum, VI, 1933).

[83]) П. С. Р. Л. II, ст. 670—2.

[84]) П. С. Р. Л. II, ст. 676—8, 1193 г. Вѣроятно, въ этотъ же районъ, но не на правый, а на лѣвый берегъ Днѣпра, ходили зимою 1187 г., полки Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича и захватили вежи Половцевъ („взяша вѣжа за Днепромъ..."). Лѣтопись не сообщаетъ опредѣленнее — гдѣ именно находились эти вежи (П. С. Р. Л. II, ст. 659).

вищахъ, для чего вышли раннею весною, въ началѣ марта. Русскіе шли берегомъ Днѣпра до острова Хортицы, а отсюда четыре дня — степью, пока не встрѣтили Половцевъ у рѣки Сутѣнь, гдѣ и одержали надъ ними полную побѣду. Что здѣсь находились и вежи Половцевъ поясняетъ намъ лѣтопись: „взѧша бо тогда скоты и ѡвцѣ и конѣ и вельблуды и вежѣ с добыткомъ и с челѧдью".[85] Рѣка же Сутѣнь, вѣроятно, русское искаженіе турецкаго названія рѣки Молочной — Суть-су.[86]

Зимовали Половцы и еще сѣвернѣе, между Орелью и Самарою (объ этомъ — ниже) и, повидимому, даже по среднему Осколу, судя по походу къ Осколу черниговскихъ и новгородъ-сѣверскихъ князей зимою 1191 г.[87]

Наконецъ, зимовища Половцевъ были и по среднему Дону, по нашему расчету — нѣсколько южнѣе гор. Воронежа, но не южнѣе границы бывш. воронежской губерніи, т. е. между устьями Калитвы и Хопра. Въ 1199 г. князь Всеволодъ Юрьевичъ Суздальскій „ходивъ по зимовищемъ (варіантъ: становищемъ) ихъ (Половцевъ)... възлѣ Донъ".[88]

Вѣроятно, въ соотвѣтствіи съ разными географическими широтами зимовищъ у донецко-донской группы были и разныя широты для лѣтовищъ. Главныя лѣтовища, протяженностью километровъ въ триста съ востока на западъ, были между Донцомъ и Днѣпромъ на широтѣ устьевъ Торца и Оскола и западнѣе въ пространствѣ между теченіями рѣкъ Самары и Орели. Это было исконное мѣсто лѣтовищъ всѣхъ кочевниковъ причерноморскихъ степей отъ Скиѳовъ до Татаръ, оставившихъ здѣсь огромное количество кургановъ. Изслѣдователь степныхъ древностей Д. И. Эварницкій такъ характеризуетъ эту мѣстность: „стоитъ только бѣгло взглянуть на обширнѣйшія, необозримыя и цвѣтущія долины всѣхъ трехъ рѣкъ (Эварницкій включаетъ въ свой обзоръ кромѣ Самары и Орели еще и р. Конскія Воды или Конскую), чтобы сразу понять какое неисчерпаемое богатство всѣ онѣ представляли для человѣка въ доисторическія и историческія времена. Обиліе воды, рыбы, звѣря, птицы, а также вѣчно зеленой и вѣчно сочной травы, большого вѣковѣчнаго высокаго строевого лѣса, низкорослыхъ густыхъ и непролазныхъ чащъ и всякаго рода чагарниковъ, все это такіе Божьи дары, которые далеко не вездѣ можно найти въ открытыхъ и знойныхъ степяхъ".[89] Еще Бопланъ въ XVII в. писалъ о р. Самарѣ, что она „со своими окрестностями весьма замѣчательна не только обиліемъ рыбы, но также медомъ, воскомъ, дичью и строевымъ лѣсомъ".[90] Лѣса и непроходимыя чащи имѣли для Половцевъ не меньшее значеніе, чѣмъ остальныя блага природы: они служили имъ защитою отъ нападеній Русскихъ. Самарскіе лѣса были послѣдними на пути съ сѣвера на югъ: за ними разстилалась уже без-

[85]) П. С. Р. Л. I, ст. 279.

[86]) Пл. Бурачковъ, *Замѣтки по ист. географіи южно-русскихъ степей*, с. 662. Барсовъ, *Очерки русск. ист. геогр.*, с. 149 неправильно представлялъ себѣ этотъ походъ въ направленіи къ Сѣв. Донцу. Грушевскій, *Іст. Укр.-Руси*, II, с. 103 мѣсто встрѣчи Русскихъ съ Половцами искалъ „гдѣ-то въ бассейнѣ Самары."

[87]) Анналы, т. IX, с. 82, пр. 78 и с. 83 пр. 84 (стр. 52—53 отд. оттиска).

[88]) П. С. Р. Л. I, ст. 414—415. Ср. т. VII, с. 106. Подробнѣе объ этомъ въ IX томѣ Анналовъ, с. 78—79 (с. 48—9 отд. отт.).

[89]) Д. И. Эварницкій, *Раскопки кургановъ въ предѣлахъ Екатеринославской губерніи*, Труды XIII Археолог. съѣзда I, М. 1907, с. 108—9.

[90]) Бопланъ, *Описаніе Украйны*, цит. по Эварницкому, с. 108.

лѣсная степь.[91] Повидимому, эти-то лѣса и упоминаются лѣтописцами подъ именемъ Голубого и Чернаго.[92] Если эти лѣса защищали Половцевъ съ сѣвера, то зато, когда Русскіе застигали Половцевъ сѣвернѣе этихъ лѣсовъ, то непроходимость ихъ была губительна для самихъ Половцевъ. Въ 1170 г. Половцы были прижаты Русскими къ Черному лѣсу и всѣ были здѣсь изсѣчены или взяты въ плѣнъ: „а самѣхъ (Половцевъ) постигоша оу Черного лѣса и ту притиснувше я к лѣсу и избиша я а ины руками изоимаша". Лѣсистыми были и берега Тора и берега Донца у устья Оскола.

Обратимся къ извѣстіямъ о лѣтнихъ кочеваніяхъ Половцевъ въ этой области.

Въ 30-ти верстахъ южнѣе устья Оскола, на рѣкахъ Сальницѣ и Суюрліи, которыя отождествляются съ Сухимъ Торцомъ и Торомъ,[93] 3—5 мая 1185 г. произошла встрѣча Половцевъ съ Русскими во время знаменитаго похода Игоря Святославича. По объясненію Ваденюка, Половцы въ это время подходили къ мѣсту своихъ лѣтнихъ кочевій.[94] Именно здѣсь оставался Игорь въ теченіе послѣдующихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ плѣну у Половцевъ; отсюда, съ береговъ Тора, онъ и бѣжалъ осенью въ Русь.[95] Въ этихъ же мѣстахъ семьюдесятью годами раньше, 24—27 марта 1111 г. встрѣтились съ Половцами русскія войска во главѣ съ Святополкомъ II Кіевскимъ и Владиміромъ Мономахомъ: лѣтопись упоминаетъ ту же р. Сальницу и потокъ Дегей, въ которомъ видятъ притокъ Сальницы — Дегель.[96] Хотя о вежахъ при этомъ въ лѣтописи не говорится, но богатый полонъ, захваченный Русскими, краснорѣчиво указываетъ на то, что они встрѣтились здѣсь не только съ войскомъ Половцевъ, но и съ ихъ вежами.[97] Археологи отмѣчаютъ въ этомъ районѣ большое

---

[91]) Е. Замысловскій, *Историко-географическія извѣстія Герберштейна о Восточной Европѣ*, ЖМНП, 1881, май, с. 60.

[92]) П. С. Р. Л. II, ст. 540, 1170 г.; ст. 653—4, 1187 г. Большинство изслѣдователей (Арцыбашевъ, Погодинъ, Иловайскій, Голубовскій) считало, что эти лѣса находились близъ р. Самары. Иного мнѣнія держался Бурачковъ, *Замѣтки по ист. географіи южно-русск. степей*, с. 674—7, искавшій Голубой и Черный лѣсъ на правомъ берегу Днѣпра, на границѣ прежнихъ Херсонской и Кіевской губерній.

[93]) Ваденюкъ, *Гдѣ нужно искать ту рѣку*... с. 54—57.

[94]) П. С. Р. Л. II, ст. 639, 1185 г., описаніе перваго сраженія Игоря съ Половцами: „заоутра же пѧтькоу наставшоу . во ѡбѣднее веремѧ оусрѣтоша полкы Половѣцькиѣ . бѧхоуть бо до нихъ доспѣлѣ вежѣ своѣ поустили за сѧ . а сами собравшесѧ ѡтъ мала и до велика . стоꙗхоуть . на ѡнои сторонѣ рѣкы Сюоурлиꙗ..."; „Половцѣ же пробѣгоша вежѣ . и Роусь же дошедше вежь . и ѡполонишасѧ..." (ст. 640). Половцы въ это время шли съ юга, съ зимовокъ у Азовскаго моря и низовьевъ Дона: „Половци идуть отъ Дона и отъ моря" (Слово о полку Игоревѣ, изд. В. Перетца, с. 102). Ср. Ваденюкъ, *Гдѣ нужно искать ту рѣку*... с. 56. Аристовъ, *О землѣ Половецкой*, рѣку Каялу Слова о полку Игоревѣ отождествлялъ съ Кальміусомъ. Это принялъ и Грушевскій, *Іст. Укр.-Руси*, II, с. 212. Но Каяла, очевидно, эпитетъ, происходящій изъ русскаго „каяти" или турецкаго „каанлы', — кровавый.

[95]) П. С. Р. Л. II, ст. 651: „и посла Игорь к Лаврови конюшого своего. река ѥмоу переѣди на ѡноу стороноу . Тора с конемь . поводнымъ . бѧшеть бо съвещалъ с Лавромъ бѣжати в Роусь." Ср. Ваденюкъ, ц. с. с. 56.

[96]) Такъ считалъ Арцыбашевъ и принялъ Барсовъ, *Очеркъ русск. ист. географіи* с. 304.

[97]) П. С. Р. Л. II, ст. 264—73: „И взѧша полона много и скоты и кони и ѡвцѣ и колодниковъ много изоимаша рукама" (ст. 268). Ср. Барсовъ, ц. с. с. 149—152, 302—304; Грушевскій, ц. с. II, с. 105; Середонинъ, ц. с. с. 172—3. Аристовъ, *О землѣ Половецкой*, с. 6—7 почему-то считалъ,

скучиваніе кочевническихъ кургановъ — по низовьямъ Бахмута, Тора (правые притоки Донца), по Сухому и Черному Жеребцу (лѣвые притоки Донца) и по теченію самого Донца между устьями этихъ рѣкъ. Это типичные кочевническіе курганы (съ погребеніемъ съ конемъ), изъ которыхъ археологи еще не могутъ выдѣлить безусловно половецкихъ.[98]

Такимъ же излюбленнымъ мѣстомъ лѣтовищъ кочевниковъ было и междурѣчье Орели и Самары. О кочеваніи здѣсь большихъ силъ Половцевъ лѣтомъ говоритъ лѣтописная запись 1183 г., когда „на мѣстѣ нарѣцаємемь Єрель єго же Роусь зоветь Оуголъ" было изсѣчено и взято въ плѣнъ огромное количество Половцевъ и ихъ хановъ. Это случилось 30 іюля. И хотя лѣтописецъ не говоритъ ничего о вежахъ, но изъ самаго лѣтописнаго разсказа мы можемъ заключить, что Русскіе напали на половецкія кочевья, которыя они долго разыскивали: „перебродисѧ на ратьноую (лѣвобережную) сторону Днѣпра и є҃ (5) дни искаша ихъ (Половцевъ)".[99]

Междурѣчье Орели и Самары представляло для кочевниковъ столько удобствъ, что, повидимому, нѣкоторыя орды, быть можетъ тѣ, что на лѣто уходили еще сѣвернѣе, проводили здѣсь и зиму. На это указываетъ зимній походъ 1187 г. Святослава и Рюрика Кіевскихъ къ Снопороду и Голубому лѣсу[100] и два другихъ похода Русскихъ въ эти же мѣста на самомъ разграньи зимы и весны — въ февралѣ-мартѣ, когда Половцы врядъ ли успѣли бы прикочевать сюда съ юга. Въ 1152 г. еще до

что Русскіе хотѣли застать Половцевъ въ ихъ зимовищахъ (!) и все кочеваніе представлялъ себѣ наоборотъ: „обыкновенно кочевые степняки съ весны на лѣто переходили съ Донца и Дона на югъ (!) въ широкія степи на Кальміусъ, на Орель (!) къ низовьямъ Дона и къ Азовскому морю (но Орель почти на 200 в сѣвернѣе Кальміуса и побережья Азовскаго моря!), гдѣ имѣли *лѣтовища* (курсивъ мой, Д. Р.), а на зиму опять шли обратно. Тоже дословно повторилъ Д. Багалѣй, *Исторія Сѣверской земли до пол. XIV ст.* К. 1882, с. 181.

98) А. А. Городцовъ относилъ эти курганы къ VIII—XIII вв. и считалъ ихъ „торкскими или половецкими" (*Результаты археологич. изслѣд. въ Изюмск. у. Харковск. губ. въ 1901* г., Труды XII Археол. съѣзда, т. I, 1905, с. 213—15; *Матерьялы археологич. изслѣдованій на берегахъ р. Донца Изюмск. у. Харьковск. губ.*, тамъ же, т. I, с. 228—31, 234—6, 247—8, 261—3, 264 и слѣд.). Д. И. Анучинъ (*О черепахъ изъ кургановъ и могильниковъ Изюмск. у. Харьковск. губ. Изъ раскопокъ Городцова лѣтомъ 1901 г.*, Труды XII Арх. съѣзда, т. I, с. 506—514), такъ опредѣляетъ типъ похороненныхъ здѣсь кочевниковъ: „высокій ростъ, брахицефальность, сильное сложеніе, малая скуластость, значительная узконосость". Все это вполнѣ согласуется съ типомъ Половцевъ, извѣстнаго намъ по письменнымъ памятникамъ, см. I главу настоящей работы, Seminarium Kondakovianum, VII, с. 258—261 (с. 14—17 отд. отт.). О кочевническихъ курганахъ въ районѣ средняго Донца см. еще Е. П. Трефильевъ, *Курганы съ каменными бабами Купянскаго у. Харьковск. губ.*, Труды XII Арх. с. I, с. 141—4; о. Спѣсивцевъ, *Находки въ Райгородѣ*, тамъ же, с. 153—6.

99) П. С. Р. Л. II, ст. 630—635, 1183 г.

100) П. С. Р. Л. II, ст. 653—4, 1187 г. „и тако совокоупившесѧ вси кнѧзи Роускиѣ поидоша по Днѣпроу . не лзѣ бо бѧшеть индѣ ити бѣ бо снѣгъ великъ и доидоша до Снепорода и тоу изъимаша сторожы половѣцкыѣ и повѣдаша вѣжа и стада половѣцкаꙗ оу Голоубого лѣса...". Статья эта стоитъ въ лѣтописи явно не на своемъ мѣстѣ, т. к. начинается со словъ: „Тоѣ же зимы Святославъ сославъсѧ с Рюрикомъ сватомъ своимъ и сдоумаста ити на Половцѣ", тогда какъ предыдущія статьи касаются весеннихъ событій, а послѣдующія — осеннихъ. О р. Сне(о)породѣ, которую обычно отождествляютъ то съ р. Самарой, то съ однимъ изъ ея притоковъ, см. Д. Багалѣй, *Исторія Сѣверской земли*, К. 1882, с. 235—6, М. Грушевскій, *Іст. Укр.-Руси*, II, с. 195, М. К. Любавскій, *Историч. географія въ связи съ колонизаціей*, М. 1909, с. 47.

1-го марта,[101] но когда „оуже бѣ к веснѣ“, князь Мстиславъ Изяславичъ разбилъ Половцевъ „на Оуглѣ и на Самарѣ. и полонъ многъ взѧлъ самѣхъ прогна а вежѣ ихъ поима. кони и скоты ихъ заѧ...“,[102] а въ 1170 г. цѣлая коалиція русскихъ князей, по иниціативѣ того же Мстислава Изяславича, 2 марта выступила изъ Кіева и произвела страшный погромъ половецкихъ вежъ на Орели, Снопороду и преслѣдовала Половцевъ до самаго Оскола.[103]

Кромѣ главныхъ лѣтовищъ въ области Самары, Орели и средняго Донца у Половцевъ донецко-донской группы были лѣтовища и много сѣвернѣе, близъ Псла, на среднемъ и, можетъ быть, верхнемъ Осколѣ, въ бассейнѣ Быстрой Сосны, по верховьямъ Дона, по Воронежу, Цнѣ, Воронѣ и Хопру — докуда позволяли лѣса и русское и финское сплошное населеніе. Выше мы уже опредѣляли подробнѣе предѣлъ проникновенія Половцевъ на сѣверъ, предѣлъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ и границей ихъ крайнихъ сѣверныхъ лѣтовищъ.[104]

Четвертой половецкой группой была лукоморская, кочевавшая на правомъ берегу Днѣпра. Это была, видимо, небольшая группа, быть можетъ только обособившаяся часть рода Бурджъ-Оглы, одного изъ сильнѣйшихъ родовъ донецко-донской группы Половцевъ. Лукоморской называлась она, очевидно, по своимъ зимовищамъ у днѣпровскаго лимана, слывшаго, подобно Азовскому морю, подъ названіемъ Лукоморья. Лукоморскіе Половцы самими лѣтописцами выдѣлялись какъ бы въ особую группу и даже противупоставлялись лѣвобережнымъ Половцамъ.

„Въ лѣто 6701 (1193) — сообщаетъ кіевская лѣтопись — посла Святославъ (сидѣвшій тогда въ Кіевѣ) к Рюрикови (державшему всѣ кіевскіе пригороды) река емоу. се ты снималсѧ с Половци с Лоукоморьскиѣ. а нынѣ послемь по Половци по всѧ. по Боурчевича.“ Далѣе разсказывается, какъ лукоморскіе Половцы пришли правымъ берегомъ Днѣпра въ Каневъ на свиданіе съ русскими князьями, а Бурчевичи пришли лѣвымъ берегомъ и не захотѣли переходить на правый, въ Каневъ.[105] Упоми-

[101]) Считаю такъ потому, что эта лѣтописная замѣтка включена еще въ конецъ событій 1152 года, который оканчивался тогда 1 марта. Ср. о времени смерти Владимірки Галицкаго, случившейся тогда же: Грушевскій датируетъ её самимъ концомъ 1152 г. или началомъ 1153 г. (*Іст. Укр.-Руси*, II, с. 432).

[102]) П. С. Р. Л. II, ст. 460, 1152 г. Ср. М. Грушевскій, *Іст. Укр.-Руси*, II, с. 173.

[103]) П. С. Р. Л. II, ст. 538—540, 1170 г. Д. Багалѣй, *Історія сѣверской земли*, с. 235—6 датируетъ походъ 1168 годомъ и считаетъ, что онъ совершился между 2 и 31 мартомъ. Пл. Бурачковъ, *Замѣтки по историч. географіи южно-русск. степей*, с. 674—8 считалъ, что упоминаемая здѣсь р. Орель не тождественна съ мѣстомъ „нарѣцаемемь Єрель юже Роусь зоветь Оуголъ“, о которомъ говоритъ лѣтопись подъ 1183 г. (П. С. Р. Л. II, ст. 631—2), но что р. Уголъ надо искать на правомъ берегу Днѣпра; Снопородъ же Бурачковъ отождествлялъ съ р. Синюхой, также на правобережьѣ.

[104]) Объ этомъ см. Анналы, т. IX, с. 77—85 (с. 47—55 отд. отт.) Въ добавленіе къ собраннымъ мною свѣдѣніямъ о сѣверныхъ предѣлахъ кочеванія Половцевъ между Дономъ и Днѣпромъ приведу еще одно, хотя и позднее, но очень любопытное указаніе Казанскаго лѣтописца о томъ, что Половцы кочевали на правомъ берегу р. Красивой Мечы (правый притокъ Дона): „Поле же то великое зело велико, конца мало ходячи до дву мор(ю), на востокъ до Хвалынского, а полудніе до Черная, на немъ же Русти гради и веси и села мнози стояху древле, и мнози бяху людіе живущи въ нихъ, имѣюще селеніе и водвареніе, и за полѣ Куликово по Мечю реку, на онои же странѣ реки тоя тако же мнози Срацыни, Половцы живяху, въ вежахъ своихъ кочюющи“ (П. С. Р. Л., XIX, СПБ, 1903, ст. 114).

[105]) П. С. Р. Л. II, ст. 675, 1193 г.; М. Грушевскій, *Іст. Укр.-Руси*, II, с. 214, 531. В. Новицькій *Давне Лукомор'я*, с. 45, считавшій, что подъ Лукоморьемъ надо видѣть лишь побережье Чернаго

нающихся при этомъ лукоморскихъ хановъ мы встрѣчаемъ въ это же время именно на Правобережьи, вблизи кіевскаго порубежья.[106] Очевидно кочеваніе лукоморскихъ Половцевъ простиралось отъ Черноморскаго побережья до границъ Кіевской Руси, т.-е. до верховьевъ Буга и до водораздѣла Выси и Роси.[107]

Наконецъ, послѣдней группой Половцевъ была дунайская, кочевавшая отъ низовьевъ Дуная до южныхъ Карпатъ и русскаго, галицкаго, порубежья.[108]

Таковы пять группъ Половцевъ, которыя мы можемъ намѣтить на основаніи нашихъ источниковъ. Не надо думать, что это были совсѣмъ изолированныя другъ отъ друга группы. При подвижности кочевого міра онѣ легко объединялись для общихъ цѣлей. Такъ, ханъ донецко-донскихъ Половцевъ умираетъ гдѣ-то на Волгѣ, въ Болгарскомъ каганатѣ, отравленный Болгарами вмѣстѣ съ рядомъ другихъ хановъ. Лукоморскіе, а можетъ быть и донецко-донскіе Половцы отправляются на помощь дунайскимъ и т. под. Однако, отдѣльныя группы вели и самостоятельную политику, и, не учитывая самостоятельности этихъ группъ, мы многаго не поймемъ и въ русско-половецкихъ отношеніяхъ XI—XIII вв. и въ исторіи завоеванія половецкихъ степей Татарами. Кажущіяся намъ сейчасъ противорѣчивыми извѣстія мусульманскихъ писателей о различныхъ причинахъ проникновенія Татаръ въ Причерноморье, будутъ легко объяснены, когда мы будемъ знать, что эти противорѣчивыя извѣстія просто относятся къ различнымъ группамъ Половцевъ, ханы которыхъ по разному относились въ татарской силѣ.

Въ заключеніе, для полноты обзора „поля половецкаго" надо отмѣтить, что какъ въ другіе періоды, такъ и во времена господства въ причерноморскихъ и средне-азіатскихъ степяхъ Половцевъ, послѣдніе отнюдь не были единственными обитателями этого огромнаго пространства. На ряду съ господствовавшимъ въ данное время кочевымъ народомъ искони жили въ степяхъ и другіе, какъ кочевыя, такъ и осѣдлыя народности, находясь въ подчиненномъ состояніи у главенствовавшей орды. Такъ было при Скиѳахъ въ VI—IV вв. до Р. Х., такъ было и при Татарахъ въ XIII—XV вв. по Р. Х. Тоже было и въ XI—XIII вв. при Половцахъ.

Прежде всего, какъ результатъ борьбы за степи съ другими кочевниками, которыхъ Половцы частью вытѣснили, а частью подчинили себѣ, мы видимъ въ причерноморскихъ степяхъ въ первые полвѣка господства Половцевъ осколки прежнихъ властителей этихъ степей — Печенѣговъ, Торковъ, Берендѣевъ, которые находились въ положеніи зависимыхъ, ограбленныхъ и обнищавшихъ. Такъ было при Торкахъ съ Печенѣгами на Волгѣ и Яикѣ,[109] тоже произошло и съ самими Половцами при Тата-

моря между Днѣпромъ и Крымомъ, не допускалъ возможности кочеванія лукоморскихъ Половцевъ на правомъ берегу Днѣпра и предполагалъ, что въ 1193 г. лукоморскіе Половцы пришли въ Каневъ съ лѣваго берега, перейдя на правый берегъ Днѣпра еще много ниже Канева.

[106]) Лукоморскіе ханы Акуша и Итоглый, за которыми посылали Святославъ и Рюрикъ въ 1193 г. упоминаются еще и въ 1190 г. (П. С. Р. Л. II, ст. 668 — Тоглый; ст. 672 — Итогды, Акоушь). Къ нимъ бѣжалъ изъ Поросья и вмѣстѣ съ ними совершалъ нападанія на Кіевскую Русь черноклобукскій ханъ Кунтувдѣй. Изъ описаній этихъ событій лѣтописью, вытекаетъ, что Кунтувдѣй ушелъ изъ Руси къ тѣмъ Половцамъ, которые кочевали недалеко отъ кіевскаго порубежья.

[107]) Объ этомъ выше, прим. 31.

[108]) О дунайской группѣ см. выше, с. 158—160.

[109]) А. З. Валиди, *Мешхедская рукопись Ибну-ль-Факиха*, Извѣстия Росс. Акад. Наук, 1924, с. 246 и пр. 1.

рахъ.[110] Части Печенѣговъ, Торковъ и Берендѣевъ, оставшейся подъ властью Половцевъ, удалось послѣ возстанія 1116 года уйти изъ степей на Русь,[111] остальная же, очевидно, постепенно ассимилировалась. Кромѣ этихъ, вскорѣ исчезнувшихъ турецкихъ кочевниковъ, жило въ „половецкомъ полѣ“ и болѣе постоянное кочевое населеніе — Аланы;[112] вѣроятно, оставались въ степяхъ (главнымъ образомъ въ приволжскихъ и крымскихъ) кочевники-Хазары; наконецъ, кочевниками стала и во все время господства Половцевъ жила съ ними вмѣстѣ часть прежняго русскаго населенія степей, — извѣстные „бродники“.

Кромѣ этого подвижного кочевого населенія, жило въ „половецкомъ полѣ“ и осѣдлое населеніе. Это были прежде всего Русскіе, вѣрнѣе — потомки тѣхъ восточныхъ Славянъ, которые въ короткій періодъ роздыха отъ нашествій кочевниковъ — между уходомъ Гунновъ и Аваръ и до прихода Печенѣговъ, въ VII—IX вв. колонизировали степи до самаго черноморскаго берега.[113] Не прекращался притокъ Русскихъ и въ XI—XII вв., гл. обр. въ Дунайскую область, а кромѣ того всегда жило въ степяхъ огромное количество русскихъ плѣнныхъ, приводимыхъ Половцами послѣ ихъ набѣговъ на Русь. Часть этихъ плѣнныхъ продавалась въ причерноморскихъ портахъ, часть же навсегда оставалась при вежахъ, въ качествѣ рабовъ. Въ Придунайской области, кромѣ Русскихъ, жили также Болгары и Валахи, удержавшіеся на своихъ мѣстахъ и при Половцахъ. На другой периферіи половецкаго поля, въ Крыму и у береговъ Азовскаго моря, жили Армяне, Караимы и Аланы,[114] а на

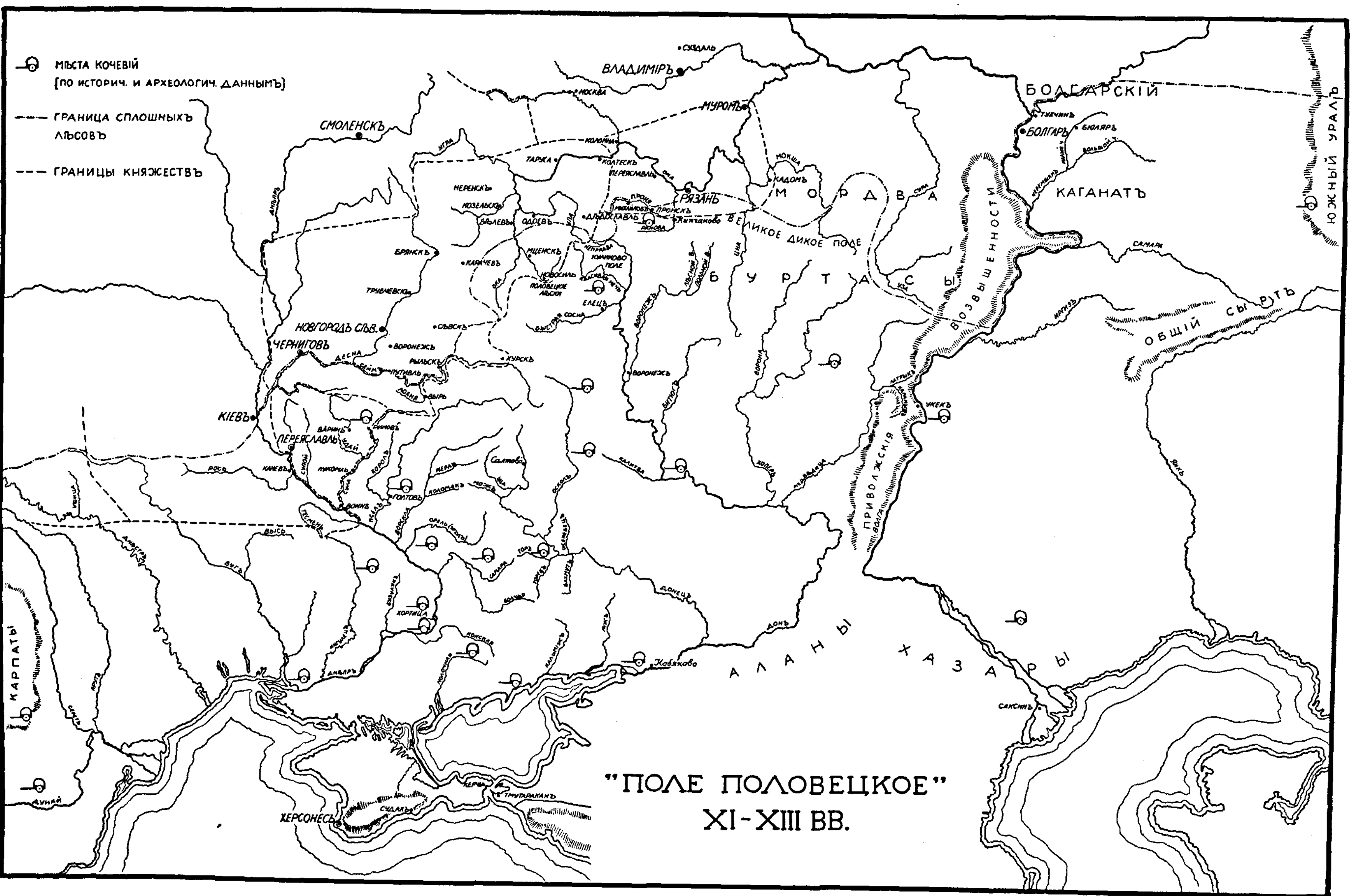
[110]) Печальную судьбу Половцевъ подъ властью Татаръ краснорѣчиво описываютъ Плано Карпини, Рубрукъ, Эль-Омари и рядъ другихъ мусульманскихъ источниковъ.

[111]) Д. А. Расовскій, *Печенѣги, Торки и Берендѣи на Руси и въ Угріи*, Seminarium Kondakovianum VI, 1933, с. 13.

[112]) Ю. Кулаковскій, *Гдѣ находилась вичинская епархія константинопольскаго патріархата?* Византійскій Временникъ, IV, 1897, с. 325—6; его же, *Аланы по свѣдѣніямъ классич. и визант. историковъ*, отд. отт. изъ Чтеній въ Общ. Нестора-лѣтописца, т. XIII, 1899, с. 60—61.

[113]) И. Срезневскій, *Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв.*, Изв. II отд. И. Акад. Наукъ, т. VIII, 1859; М. Грушевскій, *Іст. Укр.-Руси*, I³, 171, 195, 231, 295—6, II², 503 и слѣд. L. Niederle, *Slovanské starožitnosti I, IV: Původ a počátky Slovanů východních.* V Praze, 1925, с. 132—139.

[114]) О поселеніяхъ осѣдлыхъ Аланъ какъ въ Крыму, такъ и въ придонскихъ степяхъ см. Ю. Кулаковскій, *Аланы по свѣдѣніямъ классич. и визант. историковъ*, с. 61. Около 1240 г. епископъ аланскій такъ характеризуетъ разселеніе своей паствы: „они (Аланы) возлюбили посылать нѣкіе многолюдные выселки, такъ что наполнили всю Скиѳію и Сарматію“. Большинство историковъ Причерноморскихъ степей (Ляскоронскій, Спицынъ, Кулаковскій и др.) считало, что Аланы населяли и тѣ „придонскіе“ города (Шарукань, Сугровъ, Балинъ), которые упоминаются лѣтописью при описаніи походовъ Русскихъ въ степи въ 1111 и 1116 г. г. (П. С. Р. Л. I², ст. 289, 291; II², ст. 266, 284 [подъ 1117 г.]). Эти города, какъ мы уже разбирали выше (прим. 72) были не на Дону, но на Донцѣ, а на основаніи археологическаго матеріала мы знаемъ, что уже съ сер. IX в. больше не существовало поселеній Аланъ на Сѣверномъ Донцѣ (Ю. В. Готье, *Кто были обитатели Верхнего Салтова*, с. 84). Вѣроятно, въ упомянутыхъ городахъ жило смѣшанное населеніе, состоявшее изъ осколковъ тѣхъ народностей, которыя послѣдовательно смѣнялись въ степяхъ: Иранцевъ, Русскихъ, Турокъ. Примѣромъ такого искони населеннаго пункта можетъ служить расположенное близъ устья Дона Кобяково городище, раскопки котораго показали, что населеніе здѣсь жило непрерывно съ до-скифскихъ временъ и до XIII в. по Р. Х. включительно (см. отчеты раскопокъ А. Миллера въ I [1926 г.] и II [1929 г.] томахъ „Сообщеній“ Гос. Академіи Исторіи Мат. Культуры и въ IV т. [1925 г.] „Извѣстій“ той же Академіи). Извѣстно насколько ремесленное населеніе подобныхъ городовъ, находившихся въ зонѣ кочевниковъ, было необходимо послѣднимъ для

МѢСТА КОЧЕВІЙ
[ПО ИСТОРИЧ. И АРХЕОЛОГИЧ. ДАННЫМЪ]
ГРАНИЦА СПЛОШНЫХЪ ЛѢСОВЪ
ГРАНИЦЫ КНЯЖЕСТВЪ
СУЗДАЛЬ
ВЛАДИМІРЪ
МОСКВА
МУРОМЪ
СМОЛЕНСКЪ
БОЛГАРСКІЙ
БОЛГАРЪ
КАГАНАТЪ
ЮЖНЫЙ УРАЛЪ
РЯЗАНЬ
МОРДВА
ВЕЛИКОЕ ДИКОЕ ПОЛЕ
БУРТАСЫ
ВОЗВЫШЕННОСТИ
ОБЩІЙ СЫРТЪ
ПРИВОЛЖСКІЯ
ВОЛГА
НОВГОРОДЪ СѢВ.
ЧЕРНИГОВЪ
ДЕСНА
КІЕВЪ
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ
КУРСКЪ
ЕЛЕЦЪ
ВОРОНЕЖЪ
ДОНЕЦЪ
ДОНЪ
Кобяково
АЛАНЫ
ХАЗАРЫ
САКСИНЪ
ХОРТИЦА
ТМУТАРАКАНЪ
СУДАКЪ
ХЕРСОНЕСЪ
КАРПАТЫ
ДУНАЙ
ДНѢПРЪ
"ПОЛЕ ПОЛОВЕЦКОЕ"
XI-XIII ВВ.

лѣсо-степной границѣ между Дономъ и Волгой — Буртасы и, можетъ быть, часть Мордвы.

Существованіе осѣдлыхъ поселеній въ зонѣ кочевниковъ — явленіе обычное въ исторіи. Мы наблюдаемъ его также въ Туркестанѣ при Сельджукахъ и Караханидахъ, гдѣ подъ властью Турокъ оставалось на прежнихъ мѣстахъ старое иранское населеніе; тоже, повидимому, было въ Камской Болгаріи, гдѣ кочевники-Болгары жили среди осѣдлыхъ аборигеновъ края — Финновъ; извѣстны, наконецъ, многочисленныя поселенія Русскихъ, Аланъ и другихъ народностей въ Причерноморскихъ степяхъ подъ властью Татаръ.

Д. Расовскій.

Прага.

LES COMANS

par

D. RASSOVSKY

Le troisième chapitre du présent ouvrage (voir la première partie du chapitre dans le IXe vol. des „Annales de l'Institut Kondakov") étudie les territoires occupés par les Comans nomades au XI–XIIIe siècles.

A l'Est ces territoires s'étendaient jusqu'au Lac Balkhach, les contreforts du Tiaň-Chaň et de l'Altaï et le cours supérieur et moyen de l'Irtych. Dans cette contrée les limites septentrionales des Comans s'arrêtaient aux pieds des forêts impraticables pour les nomades, soit au 56—57° de latitude. Vers l'Ouest la frontière Nord de ce qui était appelé alors „le camp coman" ou „Dešt-i-Qypčaq" selon l'expression employée par les musulmans, débordait l'Oural méridional et s'étendait jusu'au cours inférieur de la Kama. Ici les Comans poussaient jusqu'aux confins du Khanat Bulgare. Sur les rives droites du Volga, dans leurs campements d'été, les Comans étaient également arrêtés par les forêts infranchissables qui s'étendaient sur les rives du haut Khoper (affluent du Don), de la Vorona (affluent du Khoper), de la Mokcha (affluent de l'Oka) et de la Tsna (affluent de la Mokcha) où ils voisinaient avec les tribus Mordva et Bourtas. Plus loin, vers l'Ouest, les Comans poussaient jusqu'aux rives droites de la Pronia (affluent de l'Oka) et le cours supérieur du Don, en parvenant ainsi aux limites de la principauté russe de Riazaň. Là la frontière septentrionale du „camp coman" s'infléchissait vers le Sud-Est jusqu'en amont de la Soula (affluent de la Desna, qui, à son tour, se jette dans le Dniepr) et, en suivant la Soula se rapprochait, sans les atteindre, des limites des principautés de Novgorod-Sévérsky et de Péréyaslav. A l'embouchure de la Soula les frontières du domaine des Comans s'étendaient à l'Ouest jusqu'aux Carpathes septentrionaux qui formaient la limite extrême du territoire des Comans. Après avoir contourné cette chaîne de montagnes dans le Sud, les Comans se réversaient dans la plaine danubienne et parvenaient probablement aux Portes de Fer sur le Danube. C'est Byzance d'abord et la Bulgarie ensuite qui se trouvaient dans leur voisinage immédiat. La limite méridionale du territoire des Comans à l'Est du Danube était formée par la côte septentrionale de la Mer Noire. En Crimée les Comans ne peuplaient vraisemblablement que le centre et le Nord de la péninsule, c'est-à-dire dans les régions des steppes.

обслуживанія ихъ потребностей въ кожевничествѣ, металлическихъ издѣліяхъ и т. д. Подобное же смѣшанное населеніе „μιξοβαρβάρον" существовало въ эту же эпоху и въ придунайскихъ городахъ, о чемъ намъ сообщаетъ Михаилъ Атталіота (204, $_{19}$, Bonn.).

Un certain nombre de villes maritimes de la Crimée (Soudak, Yalta), se trouvaient dans la sphère d'influence politique des Comans et étaient astreintes à leur payer un tribut. Plus loin, vers l'Est, la frontière méridionale des Comans poussait jusqu'à la côte septentrionale de la Mer d'Azov; leur domaine arrivait à l'embouchure du Don et le cours inférieur du Volga, allant ensuite jusqu'aux côtes septentrionales de la Mer Caspienne et de la Mer d'Aral. Au Turkestan ils erraient dans la région qui s'étendait jusqu'au cours inférieur de la Sir-Derya, le cours du Talas et du Tschou et voisinaient ici avec le territoire Kharezm.

Les Comans n'occupaient pas cet immense territoire simultanément: pendant l'hiver ils erraient dans les parties méridionales, où le climat était moins rigoureux et la neige moins abondante, ce qui facilitait la pâture des troupeaux. En été, par contre, lorsque le soleil avait brûlé l'herbe des pâturages, ils gravissaient les pentes de l'Oural méridional, les hauteurs qui accompagnent les rives droites du Volga et les contreforts des Carpathes, ou bien ils remontaient jusqu'aux limites septentrionales de leurs domaines et les grands bois du Nord. Ces migrations périodiques des Comans, correspondantes aux saisons de l'année étaient signalées par les historiens et les géographes arabes de l'époque qui parlaient à ce propos de régions d'hiver et régions d'été.Les chroniques russes confirment ces données.

Lorsque, en été, les Comans se rapprochaient des frontières russes, ils y contournaient des postes avancés, situés isolément dans la steppe établis par les principautés russes. Il arrivait même parfois que les nomades se glissaient à l'arrière de ces postes, vu que la population russe de cette région était extrêmement disséminée à cette époque. La véritable barrière qui s'opposait à la pénétration des Comans vers le Nord était constituée par les forêts infranchissables. Ce n'est que sur les rives de la Soula, affluent du Dniepr, qu'une puissante ligne de fortifications avait été érigée par les princes de Péréyaslav: elle faisait face à la steppe et empêchait l'infiltration des tribus nomades.

Sur l'immense étendue, allant de l'Altaï au Danube, les Comans ne constituaient pas une masse politique unie: il y avait là 5 groupes indépendants. Chaque groupe possédait ses propres régions pour l'hivernage et les établissements d'été. Voici ces groupes: 1. de l'Asie Centrale; 2. du Volga-Yaïk (entre le Volga et l'Oural, ce dernier fleuve étant désigné anciennement par le nom de Yaïk); 3. du Donets-Don (entre le Volga et le Dniepr, en descendant le Don et son affluent Donets); 4. du Dniepr inférieur, dit aussi „Loukomorski" (sur les rives droites du Dniepr) et, finalement, 5. du Danube.

Pendant l'époque entière où les Comans furent maîtres des steppes ils n'en furent cependant pas les seuls habitants. A leur périphérie habitaient les restes de différentes peuplades sédentaires qu'ils avaient assujetties. C'était: Valaques, Bulgares, Russes, Alans, Khazars, Bourtas, Mordviens, Arméniens, Karaïmes. Quant à la mer mouvante des Comans elle était interrompue çà et là par ce qui restait des anciens maîtres de la contrée, les Torks-Uzes, les Pétchénègues, ainsi que par les tribus nomades des Alans et les Russes devenus nomades à leur tour, connus sous le nom de Brodniki.

ILLUSTRATIONS.

Pl. II. Carte de la région européenne faisant partie des territoires occupés au XIe—XIIe siècles, par les Comans. Les dessins schématiques représentant des yourtes marquent les localités à propos desquelles, en nous appuyant sur les données historiques, géographiques et toponymique que nous possédons, nous pouvons affirmer qu'elles ont constitué des établissements Comans.

AUTOKRATOR JOHANNES II. UND BASILEUS ALEXIOS

Die Darstellungen der Kaiserkrönung, die Christus als Vollzieher des Krönungsaktes zeigen, bilden eine wichtige Gruppe der byzantinischen „Kaiserkunst".[1] In symbolischer Weise bringen sie die Auffassung zum Ausdruck, daß der Kaiser seine Würde von Gott erhält. Zu den schönsten Darstellungen dieser Art gehört die bekannte Miniatur des griechischen Evangeliars im cod. Vatic. Urbin. gr. 2 aus dem 12. Jahrhundert (Taf. III).[2] Sie zeigt zwei Kaiser, die, in feierlicher Tracht, mit kaiserlichen Insignien geschmückt, von dem über ihnen thronenden Heiland gekrönt werden. Dem älteren Herrscher legt Christus die rechte, dem jüngeren die linke Hand auf. Zwei zu den beiden Seiten des Heilands erscheinende allegorische Gestalten — die Gnade (ἡ ἐλεημοσύνη) und die Gerechtigkeit (ἡ δικαιοσύνη) — versinnbildlichen die Herrschertugenden, die den Empfängern der Kaiserkrone von Gott eingegeben werden. Aus den Inschriften läßt sich erkennen, daß der ältere Kaiser, der mit einem Bart dargestellt ist und zur Rechten des Heilands steht, Johannes II. Komnenos (1118—1143), der jüngere sein Sohn Alexios Komnenos ist.

Als ältester Sohn Johannes'II. wurde Alexios um 1106 im makedonischen Balabista geboren.[3] Etwa im J. 1122 wurde er als präsumptiver Thronfolger zum Mitkaiser gekrönt[4] und heiratete damals eine Tochter des russischen Fürsten Mstislav, eine Enkelin Vladimir Monomachs.[5] Die Herrschaft zu übernehmen war ihm jedoch nicht beschieden. Nachdem er zwanzig Jahre lang die Mitkaiserkrone getragen hatte, ist Alexios noch zu Lebzeiten seines Vaters im J. 1142 in Attaleia gestorben.[6] Offenbar bietet die Vatikanminiatur eine symbolische Darstellung der Krönung des jungen Alexios zum Mitkaiser und ist demnach etwa in das Jahr 1122 zu verlegen.[7]

---

1) Vgl. A. Grabar, *L'empereur dans l'art byzantin*, Paris 1936.

2) Cosino Stornajolo, *Miniature delle omilie di Giacomo Monaco (Vatic. gr. 1162) e dell' evangeliario greco urbinate* (*Vatic. Urbin. gr. 2*), Roma 1910, Taf. 83. Die Miniatur ist mehrfach abgebildet worden: vgl. F. Chalandon, *Jean II. Comnène et Manuel I. Comnène*, Paris 1912, S. 10. Σ. Λάμπρος, *Λεύκωμα βυζαντινῶν αὐτοκρατόρων*, Athen 1930, Taf. 68. Grabar a. a. O. Taf. XXIV.

3) Anna Komnena, *Alexias II*, 149.

4) Th. Prodromos, Migne, P. G. 133, col. 1339 ff. Du Cange, *Familiae byzantinae*, 179 f. Chalandon, a. a. O. 12.

5) Vgl. S. Papadimitriu, *Brak russkoj knjažny Mstislavny Dobroděi s grečeskim carevičem Aleksěem Komninym*, Viz Vrem. 11 (1904), 73 ff., wonach die Ausführungen von Chr. Loparev, *Brak Mstislavny*, ibid. 9 (1902), 418 ff. zu berichtigen sind.

6) Niketas Choniates 51 (s. auch 66). Kinnamos 24. Vgl. Chalandon a. a. O. 12.

7) Daß der Hauptkaiser mit abgebildet ist, kann nicht wundernehmen und läßt sich auch aus dem Zeremoniell erklären, das bei der Krönung der Mitkaiser befolgt wurde: in der Regel setzte der Patriarch die Krone zunächst dem Hauptkaiser auf und dann krönte dieser den Mitkaiser. Vgl. *De caerim.* 194.

Den Gegenstand der nachstehenden Bemerkungen bilden jedoch nicht die figürlichen Darstellungen dieser Miniatur, die von kunsthistorischer Seite bereits häufig untersucht worden sind,[8] sondern ihre bisher nicht genügend beachteten Inschriften, die die Namen und Titel der dargestellten Herrscher angeben und folgenden Wortlaut haben:

+Ἰωάννης ἐν Χ(ριστ)ῷ τῷ Θ(ε)ῷ πιστὸ(ς) βα(σιλεὺς) πορφυρογέννητο(ς) κ(αὶ) αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων ὁ Κομνηνός +

+Ἀλέξιος ἐν Χ(ριστ)ῷ τῷ Θ(ε)ῷ πιστὸ(ς) βα(σιλεὺς) πορφυρογέννητο(ς) ὁ Κομνηνό(ς) +

Wir möchten die Aufmerksamkeit auf diese Inschriften lenken, weil ihre Betrachtung eine in den letzten Jahren von den Byzanzhistorikern besonders lebhaft diskutierte Frage der endgültigen Lösung entgegenzuführen vermag. Die Geschichte der Titulatur der byzantinischen regierenden Kaiser steht heute in großem und ganzem fest; hinsichtlich der Titulatur der Mitkaiser herrscht dagegen bei der Forschung eine Uneinigkeit über die grundsätzlich wichtigste Frage, ob zwischen der Titulatur des Haupt- und des Mitkaisers ein Unterschied bestand, mit anderen Worten: ob der Mitkaiser gleich dem regierenden Herrscher nicht nur Basileus, sondern auch Autokrator genannt wurde.

Bekanntlich geht aus Pseudo-Kodinos hervor, daß in der Palaiologenzeit der Mitkaiser und präsumptive Thronfolger von dem regierenden Herrscher die Erlaubnis erhalten konnte, neben dem Basileustitel auch den Autokratortitel zu führen.[9] In der Regel ist diese Erlaubnis den Mitkaisern unter den Palaiologen auch tatsächlich gegeben worden, allerdings wurde sie aber jeweils nur dem ersten Mitkaiser, d. i. dem nächsten präsumptiven Thronfolger erteilt. Aus der früheren Zeit besitzen wir dagegen kein einziges Beispiel dafür, daß ein Mitkaiser einzeln als Autokrator bezeichnet worden wäre. Wohl aber sind auch in den älteren Jahrhunderten die Fälle sehr zahlreich, in denen der regierende Herrscher und dessen Mitregenten zusammen als βασιλεῖς und αὐτοκράτορες (wie auch als μεγάλοι βασιλεῖς) bezeichnet wurden. E. Stein nimmt an, daß in allen diesen Fällen die Mitkaiser tatsächlich das Recht des Autokratortitels besaßen.[10] Dem gegenüber vertritt F. Dölger die Ansicht, daß die pluralische Bezeichnung βασιλεῖς καὶ αὐτοκράτορες für den regierenden Herrscher und dessen Mitregenten lediglich aus sprachlichen Gründen gebraucht wurde und „eine Breviloquenz für eine sonst schwerfällige Ausdrucksweise“ darstellte, in Wirklichkeit aber der Autokratortitel — abgesehen von der Palaiologenzeit — dem Hauptkaiser allein zustand.[11] Als Bestätigung dafür, daß ein βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ und ein einfacher βασιλεύς zusammen als βασιλεῖς καὶ αὐτοκράτορες bezeichnet werden konnten, verweist Dölger mit Recht auf die Parallelerscheinung im Prostagma von 1338, wo ein βασιλεύς und ein δεσπότης zusammen als βασιλεῖς auftreten.[12] In einer unlängst veröffent-

[8]) Zuletzt von A. Grabar a. a. O. 119 f., der aber zu Unrecht annimmt, daß die Miniatur Alexios I (1081—1118) und Johannes II. darstelle, und sie demgemäß irrtümlich in das J. 1092, das Krönungsjahr des Johannes Komnenos, verlegt.

[9]) Kodinos 86 (Bonn).

[10]) E. Stein, *Post-consulat et αὐτοκρατορία*, Annuaire de l'Institut de Philol. et d'Hist. Orientales 2 (Mélanges Bidez) (1933/1934), 869 ff.

[11]) F. Dölger, Byz. Z. 33 (1933), 141 und 36 (1936), 134 ff.

[12]) F. Dölger, *Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden* (1931), Nr. 53. Dazu F. Dölger, Archiv für Urkundenf. 13 (1933), 64 f. und Byz. Z. 36 (1936), 135, wo auch weitere Beispiele ähnlicher Breviloquenz angeführt sind.

lichten Abnandlung über den Autokratortitel in Byzanz und in den slavischen Ländern habe ich mich der Ansicht Dölgers angeschlossen, da meine Untersuchung ergab, daß der Ausdruck Autokrator spätestens seit der Mitte des 7. Jahrhunderts die eigentliche Bezeichnung für den regierenden Herrscher (den Allein- oder Hauptkaiser im Gegensatz zum Mitkaiser) darstellte und daß den Herrschern, die schon als Mitkaiser zusammen mit dem Hauptkaiser αὐτοκράτορες genannt wurden, die Bezeichnung αὐτοκράτωρ in Wirklichkeit erst vom Tage des faktischen Regierungsantritts beigelegt und erst von da an auch offiziell die Zeit ihrer αὐτοκρατορεία gezählt wurde.[13] Die Beispiele dafür sind sehr zahlreich: man findet sie in meiner soeben angeführten Abhandlung. Hier sei nur an den besonders lehrreichen Fall der Söhne Basileios'I. erinnert: schon zu Lebzeiten Basileios'I. wurden seine Mitkaiser zusammen mit ihm αὐτοκράτορες genannt; dennoch heben die berichtenden Quellen ausdrücklich hervor, daß Leon VI. erst nach dem Tode Basileios'I. Autokrator wurde, während Alexander auch weiterhin in der Stellung eines titularen Basileus verblieb und erst nach dem Ableben Leons zum Autokrator aufrückte.[14] Die sich aus diesem und aus anderen ähnlichen Beispielen ergebende Annahme, daß — immer mit Ausnahme der Palaiologenzeit — stets nur ein Herrscher, und zwar der regierende Kaiser den Autokratortitel führte, wird zur Gewißheit, wenn wir uns den eingangs zitierten Inschriften der Vatikanminiatur zuwenden.

Wie genau diese Inschriften die Titulaturen wiedergeben, lehrt ein Vergleich mit der Beglaubigungsunterschrift Johannes' II. unter dem Typikon des Pantokratorklosters in Konstantinopel vom Oktober 1136. Diese einzige bekannte Namenunterschrift Johannes' II. stimmt wörtlich überein mit der Titulatur, die er auf der Vatikanminiatur trägt. Sie lautet: Ἰω(άννης) ἐν Χ(ριστ)ῷ τῷ θ(ε)ῷ πιστὸ(ς) βασιλ(εὺς πορφυρογέννητος καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμ(αίων) ὁ Κομνηνός.[15] Die große Bedeutung der Vatikaninschriften liegt aber darin, daß sie neben dem Titel des Hauptkaisers den des Mitregenten einzeln anführen. Machte doch das Problem der Mitkaisertitulatur der Forschung deshalb so große Schwierigkeiten, weil in den uns bekannten byzantinischen Dokumenten die Titel der Mitkaiser neben denen der Hauptkaiser entweder gar nicht angeführt werden, oder aber mit den Titeln der Hauptkaiser in eine Formel zusammengefaßt erscheinen. Nun hat neuerdings Dölger — freilich nur beiläufig in einer Anmerkung — mitgeteilt, daß das Chrysobull des Cod. Laurent. LVII 40 vom J. 1074 nach seinen Aufzeichnungen folgende Unterschriften trägt: Μιχαὴλ ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων ὁ Δούκας, darunter: Ἀνδρόνικος ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς Ῥωμαίων ὁ Δούκας und Κωνσταντῖνος ἐν Χριστῷ τῷ

---

13) G. Ostrogorsky, *Avtokrator i Samodržac*, Glas Srpske Kralj. Akad. 164 (1935), 97 ff.

14) Ibid. 106 ff., wo die Quellenbelege angeführt sind.

15) F. Dölger, *Facsimiles* Nr. 21. Das Prädikat πορφυρογέννητος trägt Johannes II. auch auf den Münzen sehr häufig, vgl. Wroth, *Imp. Byz. Coins* II, 558 ff. Ebenso Manuel I., ibid 566 ff. Von Manuel ist uns keine einzige Originalunterschrift bekannt (Vgl. Dölger, Byz. Z. 28, 342). Es findet sich aber am Schlusse des Chrysobulls vom Nov. 1158 (Dölger, Reg. 1426) der Vermerk: Εἶχε... καὶ ὑπογραφὴν τοῦ βασιλέως ταύτην· μανουὴλ ἐν χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς πορφυρογέννητος καὶ αὐτοκράτωρ ῥωμαίων ὁ κομνηνός (Zepos, Jus I, 387). In dem Vertrag mit Genua vom Okt. 1169 (Dölger, Reg. 1488): „Subscriptio proprie manus Imperatoris: Manuel in Christo deo fideliter Imperator Porfirogenitus et aftocrator Romeon o Cominos" (Zepos, Jus I, 421).

ϑεῷ πιστὸς βασιλεὺς Ῥωμαίων ὁ Δούκας.[16] Den Autokratortitel führt also lediglich der rangältere Herrscher, Michael VII. Dukas, während seine beiden Mitregenten sich mit dem Basileustitel bescheiden. Dasselbe tritt uns aber auch in den Inschriften der Vatikanminiatur entgegen. Bei gleicher Stilisierung und Übereinstimmung aller übrigen Elemente unterscheidet sich die Titulatur des Mitkaisers Alexios von der des Hauptkaisers Johannes' II. durch das Fehlen der Worte αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων, die den regierenden Herrscher kennzeichnen. Eine beachtenswerte Eigentümlichkeit unserer Inschriften ist der Umstand, daß nicht nur der Autokratortitel als solcher, sondern auch die Bezeichnung Ῥωμαίων lediglich in der Titulatur des Hauptkaisers erscheint. Wirklicher Herrscher: Autokrator der Römer ist nur der rangältere Kaiser, sein Mitregent ist ein bloß titularer Basileus.

So liefern die Inschriften der Vatikanminiatur den klarsten Beweis dafür, daß noch im 12. Jahrhundert der Autokratortitel nur dem regierenden Herrscher zustand, von den Mitkaisern aber nicht getragen wurde. Sicherlich wird niemand annehmen, daß Johannes II. ein den Mitkaisern zustehendes Recht seinem Erstling verweigert hätte. Die Konfrontierung unserer Inschriften mit den von Dölger mitgeteilten Kaiserunterschriften des Chrysobulls von 1074 erschwert diese ohnehin unwahrscheinliche Annahme um ein weiteres, denn es müßte dann auch für die Brüder Michaels VII. das gleiche vermutet werden, und jedenfalls ist eine solche Annahme methodisch unzulässig, sofern und solange uns aus der Zeit vor den Palaiologen kein einziger Fall bekannt ist, in welchem ein Mitkaiser einzeln Autokrator genannt wäre.

Daß die Inschriften der Vatikanminiatur dem 12. Jahrhundert angehören, verleiht ihnen einen besonderen Wert, denn gerade für die Komnenenepoche sind die Nachrichten über die Titulatur der Mitkaiser besonders spärlich. Allerdings nahm sowohl Dölger als auch der Verfasser dieses Aufsatzes an, daß es um den Autokratortitel in der Komnenenzeit nicht anders bestellt war als in der vorangehenden Epoche. Mit Gewißheit ließ sich aber über das 12. Jahrhundert nichts aussagen, und Dölger faßte seine Beobachtungen dahin zusammen, „daß bis ans Ende des 11. Jahrh. in allen Denkmälern die Bezeichnung αὐτοκράτωρ und μέγας βασιλεύς (in der Einzahl) ausschließlich auf den Hauptkaiser angewendet wurden und daß αὐτοκράτωρ auch in der Palaiologenzeit nur unter bestimmten Bedingungen, nämlich durch freiwillige Verleihung seitens des Hauptkaisers, auf den ersten Mitkaiser (und nur auf diesen) übertragen werden konnte."[17] Die Inschriften der Vatikanminiatur setzen auch der Unsicherheit hinsichtlich der Komnenenepoche ein Ende. Wir dürfen nunmehr die Frage, ob den Mitkaisern neben dem Basileustitel auch der Autokratortitel zustand, für die gesamte Zeit vom 7. bis zum 12. Jahrhundert in negativem Sinne beantworten und die Diskussion des Problems als abgeschlossen betrachten. Schwerlich haben die Angeloi die bis dahin geltende Regel durchbrochen, in der Zeit der Laskaris-Dynastie wurden aber die Thronfolger bekanntlich nicht zu Mitkaisern erhoben, und so ist es denn kein Zufall, daß Andronikos II. Palaiologos der erste Herrscher ist, von dem feststeht, daß er schon als Mitkaiser den Autokratortitel trug. Was bisher

[16]) F. Dölger, Byz. Z. 36 (1936), 136 f. Anm. 2.

[17]) F. Dölger, Byz. Z. 36, 133 f. Vgl. auch sein Schwanken hinsichtlich der Komnenen und Angeloi in Byz. Z. 33 141.

IC XC

nur als Vermutung geäußert werden konnte,[18] darf nach den obigen Ausführungen mit größerer Bestimmtheit ausgesprochen werden, daß nämlich die Sitte der Verleihung des Autokratortitels an den Mitkaiser von dem bekannten Prostagma Michaels VIII. vom 8. Nov. 1272 an datiert und daß in dem verlorenen Anfang dieser Urkunde, die dem zum Mitkaiser erhobenen Andronikos II. sehr weitgehende Rechte einräumt, wohl auch das Recht des Mitkaisers auf den Autokratortitel erstmalig beurkundet war.

Das System der Samtherrschaft diente in Byzanz der Legalisierung der Thronfolge.[19] Die Herrschergewalt war streng monarchisch und es lag eine gewaltige Distanz zwischen dem eigentlichen Herrscher und seinem Mitregenten, der stets in der Stellung des „Zweiten" (im Sinne Kornemanns) verblieb und nur nominell mitregierte. Dies wirkt sich auch in der Herrschertitulatur aus und darin liegt die Wichtigkeit und der besondere Reiz ihrer Erforschung. Autokrator ist der Titel des „Ersten", des „Selbstherrschers", der selbst herrscht und seine Herrschergewalt lediglich dem göttlichen Willen verdankt, nicht aber einer anderen irrdischen Macht.[20]

Das Schicksal, das den meisten Titeln in Byzanz widerfährt, trifft zuletzt auch die Autokratorwürde: sie erfährt eine gewisse Entwertung. In der Palaiologenzeit wird der Autokratortitel auch dem Zweiten beigelegt und ist nunmehr ein Unterscheidungsmerkmal nicht zwischen dem Ersten und dem Zweiten, sondern zwischen dem Zweiten und dem Dritten[21]: zwischen dem präsumptiven Thronfolger und dem bloß titularen Mitkaiser.

Georg Ostrogorsky.

Beograd.

ABBILDUNGSVERZEICHNIS.

---

[18]) F. Dölger, Byz. Z. 33, 141. G. Ostrogorsky, *Avtokrator i Samodržac,* 118.

[19]) Zum Begriff der Samtherrschaft E. Kornemann, *Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum,* 1930. Vgl. auch ebenda S. 166 ff. meinen Beitrag „*Das Mitkaisertum im mittelalterlichen Byzanz*".

[20]) Denselben Sinn hatte in den slavischen Ländern der aus Byzanz übernommene und eine getreue Übersetzung des Autokratortitels darstellende Begriff Samoderžec-Samodržac, der hier gleichfalls nur dem regierenden Herrscher beigelegt wurde. Vgl. *Avtokrator i Samodržac,* S. 152 (für Serbien), 176 f. und 185 (für Rußland).

[21]) Über die Stellung des „Dritten" in Byzanz: *Avtokrator i Samodržac,* S. 120.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ И ИКОНОПИСЬ XVI ВѢКА

I

Въ духовной грамотѣ 1572 года Іоаннъ Грозный завѣщалъ, между прочимъ, своимъ наслѣдникамъ: „А всякому дѣлу навыкайте, и божественному, и священническому, и иноческому, и ратному, и судейскому, Московскому пребыванію и житейскому всякому обиходу.“[1] Этотъ завѣтъ, насколько можно судить по біографіи Грознаго, вообще весьма неполной,[2] отвѣчалъ образу дѣйствій самого царя. Грозный близко касался самыхъ разнообразныхъ областей жизни Московскаго государства — будь то политическіе акты правительства, законодательныя или административныя его мѣропріятія, земскіе и церковные соборы, военныя и экономическія начинанія, пренія о вѣрѣ, поиски царской генеалогіи или расправы съ „ослушниками“ царской воли.[3]

Возникаетъ вопросъ, спеціально, насколько намъ извѣстно, пока не разсмотрѣнный, объ отношеніи царя къ церковному искусству современной ему Москвы, въ частности, къ иконописи. Какъ разъ въ годы царствованія Грознаго споры объ иконномъ искусствѣ, обсужденіе новыхъ иконописныхъ темъ, попытки упорядоченія иконописанія, а отчасти и защита самой идеи иконопочитанія, особенно упорно волновали различные круги русскаго общества.[4] Что-же царь? Остался ли онъ внѣ этихъ интересовъ, былъ ли только наблюдателемъ или проявилъ себя болѣе лично въ оцѣнкахъ современной ему иконописи?

Попытка отвѣта на эти вопросы можетъ внести нѣкоторыя уточненія въ исторію иконописанія той эпохи и въ представленіе о культурѣ Московскаго государства.

---

1) *Дополненія къ Актамъ историческимъ*, I, № 222, 372.

2) *С. Ф. Платонов, Иван Грозный в русской историографии*, „Русское Прошлое“, № 1, П.—М., 1923, 3.

3) *С. Ф. Платонов, Иван Грозный*, Берлин, „Обелиск“, 1924. Р. Виппер, *Иван Грозный*, Москва, 1922 (начиная съ третьей главы). Нѣкоторыя свидѣтельства приведены у Е. Бѣлова, *Предварительныя замѣчанія къ исторіи царя Іоанна Васильевича Грознаго*, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1891, февраль. Въ частности, литературная дѣятельность царя обнаруживаетъ необыкновенную разносторонность его интересовъ и обширныя богословскія и историческія знанія. См. И. Н. Ждановъ, *Сочиненія царя Ивана Васильевича*, Сочиненія, I, 1904. Ср.: Его-же, *Матеріалы для исторіи Стоглаваго Собора*, тамъ-же, 201—206. Ср. П. В. Безобразовъ, *Византійскій царь на московскомъ престолѣ*, Историческій Вѣстникъ, XXXVI, 1889, 305—306, 309.

4) Ник. Андреевъ, *О дѣлѣ дьяка Висковатаго*, Seminarium Kondakovianum, V, 1932, 191—242. Его-же, *Митрополитъ Макарій, какъ дѣятель религіознаго искусства*, тамъ-же, VII, 1935, 227—244. Его-же, *Инокъ Зиновій Отенскій объ иконопочитаніи и иконописаніи*, тамъ-же, VIII, 1936, 259—278.

II

Факты, на основанiи которыхъ можно судить объ отношенiи Іоанна IV къ церковному искусству, въ частности, къ иконописи, немногочисленны. Оставляемъ въ сторонѣ лѣтописныя упоминанiя о частомъ, почти непремѣнномъ участiи царя въ торжественныхъ встрѣчахъ прославленныхъ иконъ, приносимыхъ въ Москву, риторически-схоластическiя упоминанiя объ иконахъ въ отдѣльныхъ сочиненiяхъ Іоанна, немногiя данныя объ иконахъ, пожертвованныхъ Грознымъ и его семьей въ монастыри.[5] Всё это только типическое бытовое явленiе, бережно соблюдаемая традицiя — матерiалъ, не дающiй права на особенныя заключенiя.

У нѣкоторыхъ историковъ есть глухiя упоминанiя о „мастерскихъ Грознаго", объ иконописной „школѣ Грознаго", такъ называемой царской школѣ иконописцевъ. Однако, это не болѣе, какъ хронологическое прiурочиванiе, естественное соединенiе съ именемъ царя, при которомъ иконописное дѣло въ Москвѣ получило особенное развитiе.[6] Въ организацiи царскихъ мастерскихъ Грозный врядъ ли принималъ личное участiе, хотя, навѣрное, сочувственно относился къ ихъ работѣ. Вѣроятно, онѣ были созданы или преобразованы митрополитомъ Макарiемъ, у котораго уже былъ опытъ по Новгороду, гдѣ мастерскiя существовали при архiепископскомъ дворѣ,[7] и который въ Москвѣ продолжалъ и расширялъ дѣло, начатое въ Новгородѣ, какъ продолжалъ и расширялъ, напримѣръ, составленiе свода житiй святыхъ, иллюстрированiе рукописей.[8]

[5]) О пожертвованныхъ иконахъ см., напримѣръ, В. Т. Георгiевскiй, *Иконы Іоанна Грознаго и его семьи въ Суздалѣ*. Старые Годы, 1910, ноябрь, 3—21. Въ работѣ П. Заринскаго, *Очерки древней Казани преимущественно XVI вѣка*, Казань, 1887, 86—87, 109, 128, указаны, на основанiи писцовой книги 1566—68 годовъ, иконы, подаренныя царемъ въ церкви Казани. В. Арсеньевъ въ „Извѣстiяхъ Русскаго Генеалогическаго Общества", IV, 1911, СПБ, 397—409, публикуетъ свѣдѣнiя объ иконныхъ вкладахъ царя въ Брянскiй Свѣнскiй монастырь, при этомъ обнаруживается небезынтересная подробность: „пожаловалъ благочестивый же Государь царь, по опальныхъ 66 образовъ окладныхъ... да по опальныхъ же благочестивый Государь царь пожаловал въ домъ Пречистыя Богородицы 11 образовъ окладныхъ". Есть глухое упоминанiе о пожертвованiи царемъ иконъ и въ Печерскiй монастырь „у Ливонскаго рубежа" (нынѣ въ Эстонiи) — „Повѣсть о началѣ и основанiи Печерскаго монастыря, взята изъ древнихъ лѣтописцевъ, обрѣтающихся въ книгохранительницѣ онаго монастыря", Москва, 1831, 7. Сохранились любопытныя свѣдѣнiя, что Грозный, любившiй и знавшiй церковное пѣнiе, сложилъ стихиру въ честь Владимiрской иконы Божiей Матери. И. Н. Ждановъ, *Сочиненiя царя Ивана Васильевича*, Сочиненiя, I, 83—101. Царь особенно чтилъ этотъ образъ. Въ его завѣщанiи 1572 года есть фраза: „Буди съ вами молитвы преблагой и преблагословенной Владычицы наши Богородицы, заступницы христiанской и милость честнаго ея образа Владимiрскiя, державы Рускiя заступленiя". *Дополненiя къ актамъ историческимъ*, I, 378.

[6]) M. Alpatov—N. Brunov, *Geschichte der altrussischen Kunst*, 1932, 350—363 — см. характеристику иконописи при Грозномъ. В. Н. Щепкинъ, *Московская иконопись*, Москва въ ея прошломъ и настоящемъ, II-2, 235, склоненъ, повидимому, приписывать значенiе въ этихъ вопросахъ самому царю — „въ искусствѣ Грознаго слились два теченiя: нацiонально-православное, внесенное Макарiемъ, и царское, вносимое самимъ Грознымъ" и т. д. Къ сожалѣнiю, авторъ не конкретизировалъ своихъ тезисовъ. Мнѣнiе его о личномъ участiи Грознаго въ созданiи современнаго искусства остается незащищеннымъ.

[7]) Ник. Андреевъ, *Митрополитъ Макарiй*, 232.

[8]) К. Заусцинскiй, *Макарiй, митрополитъ всея Россiи*, Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенiя, 1881,

Обычно связывается съ именемъ Іоанна IV постройка Покровскаго собора (храма Василія Блаженнаго), сооруженнаго царемъ по обѣту въ память взятія Казани. Однако, и этотъ соборъ можетъ быть съ большимъ основаніемъ приписанъ иниціативѣ, вкусамъ и общему руководству Макарія, чѣмъ царя. На мѣстѣ Василія Блаженнаго Грозный поставилъ весной 1553 года обѣтную деревянную церковь. Но уже на слѣдующій годъ на мѣстѣ ея начали строить — Барма и Посникъ — каменную „о девяти престолахъ". Врядъ ли самъ царь вздумалъ бы немедленно, полностью перестраивать храмъ. Можно предполагать, что иниціатива перестройки принадлежала Макарію: въ извѣстіи о построеніи храма прямо сказано, что царь „по совѣту святительску повелѣ имъ (Бармѣ и Поснику) здати церкви каменны".[9] Кромѣ того, одинъ изъ главныхъ придѣловъ перестроеннаго храма былъ посвященъ Входу Господню въ Іерусалимъ, т. е. оказался связаннымъ съ церемоніей конюшаго служенія, которую тогда Макарій вводилъ въ Москвѣ. Повидимому, Макарій намѣренно соединялъ эту церемонію, возносящую іерарха надъ царемъ, съ новымъ храмомъ, перестроеннымъ по замыслу митрополита.[10] Отчасти и самый стиль собора, нѣсколько эклектичный, оказался въ духѣ Макарія. Въ то-же время архитектоническая сложность церкви выражаетъ идею нѣкоего собиранія, какъ и всѣ дѣла митрополита.[11]

Болѣе сложенъ и интересенъ вопросъ о росписяхъ Золотой палаты Кремлевскаго дворца, относимыхъ къ пятидесятымъ годамъ. Какъ будто-бы, и этотъ важный живописный циклъ былъ исполненъ безъ прямого участія царя. Правда, есть основанія думать, что царь могъ интересоваться росписью палаты. Иванъ Васильевичъ только-что, въ 1547 году, вѣнчался на царство. Роспись должна была быть сдѣлана въ залахъ рядомъ съ личными покоями царя,[12] должна была служить фономъ для торжественныхъ пріемовъ молодого государя. Трудно допустить, чтобы Иванъ IV, при его огромной любознательности и заботѣ о престижѣ, отнесся съ равнодушіемъ къ предполагаемой палатной живописи. Понятно при этомъ, что моло-

№ 10 и 11, 229, 21, 32. В. О. Ключевскій, *Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ*, Москва, 1871, 228—230. А. И. Некрасов, *Древнерусское изобразительное искусство*, ОГИЗ, 1937, 298.

[9]) І. Кузнецовъ, *О построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора*, Чтеніе о-ва любителей исторіи и древностей, 1896, I, 19—24. Его-же, *Еще новыя лѣтописныя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора*, тамъ-же, 1896, II, 23—36.

[10]) Ник. Андреевъ, *Митрополитъ Макарій*, 236, прим. 47.

[11]) В. Прохоровъ, *Историческій и археологическій обзоръ древнихъ Московскихъ церквей*, Христіанскія древности, 1878, 20—26; тамъ-же см. изображенія собора, сдѣланныя въ XVII вѣкѣ. В. В. Сусловъ, *Церковь Василія Блаженнаго въ Москвѣ*, СПБ, 1912. Ѳ. Горностаевъ, *Каменное зодчество эпохи расцвѣта Москвы*. Гл. III. *Столпообразные храмы*. Исторія русскаго искусства, подъ редакціей И. Грабаря, II, 38—46. N. Brunov, Geschichte der altrussischen Baukunst, Geschichte der altrussischen Kunst von M. Alpatov — N. Brunov, Textband, 1932, 119—121. Demetrius Ainalov, Geschichte der russischer Monumentalkunst zur Zeit des Grossfürstetums Moskau. Berlin und Leipzig, 1933, 37—40. Между прочимъ, по повелѣнію Грознаго строился соборъ въ Переяславскомъ Никитскомъ монастырѣ, оконченный въ 1564 году. Н. И. Брунов, *Памятник русского зодчества XVI в.*, Труды секции искусствознания, II, РАНИОН, Москва, 1928, 123—132. Съ его же именемъ связана постройка Софійскаго собора въ Вологдѣ. Г. К. Лукомскій, *Вологда въ ея старинѣ*, СПБ, 1914, 25—26, 59—60.

[12]) См. планъ Кремлевскаго дворца въ книгѣ И. Е. Забѣлина, *Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіи*, I, третье изданіе, 1895.

дой царь, находившійся подъ впечатлѣніемъ библейско-византійскихъ представленій о власти,[13] призналъ естественнымъ, чтобы новое стѣнное бытейское письмо носило аллегорически-символическій характеръ на тему о царствѣ. Понятно также, что разработку росписи молодой царь отдалъ въ руки своихъ сотрудниковъ, а отчасти и руководителей, митрополита Макарія и протопопа Сильвестра, которые, строго выдержавъ изображенія въ вѣрности библейскимъ текстамъ, внесли свою тенденцію въ общій смыслъ палатной живописи. Повидимому, надо признать, что главнымъ вдохновителемъ росписи явился Сильвестръ.[14] Недаромъ и дьякъ Висковатый, столь рѣшительный противникъ благовѣщенскаго протопопа, въ своей „запискѣ" 1553 года рѣзко обличалъ аллегорическую живопись Золотой палаты — вся полемика Висковатаго направлялась, въ первую очередь, противъ Сильвестра.[15]

Изъ описанія росписей, которое составили по распоряженію царя Алексѣя Михайловича въ 1672 году „подьячей Никита Клементьевъ да иконописецъ Симанъ Ушаковъ"[16] и которое подробно разобралъ И. С. Забѣлинъ,[17] выясняется, что роспись палаты была подчинена строгому плану. Композиціи указывали на связь идеи царства съ царствомъ древняго Израиля; чисто религіозныя традиціонныя изображенія смѣнялись циклами о нравственныхъ достоинствахъ молодого правителя, аллегоріями человѣческихъ качествъ, страстей, состояній; аллегорически-символическій характеръ обнаруживался во всѣхъ библейскихъ сценахъ, подобранныхъ все на ту же тему о царствѣ.[18]

Важно отмѣтить отдѣльныя частности. Такъ въ сводѣ сѣней Золотой палаты былъ изображенъ „Господь Саваоѳъ на престолѣ сѣдящъ, въ нѣдрахъ Сынъ, сверху Сына — Духъ Святый", т. е. композиція „Сынъ въ лонѣ Отчѣ", аналогичная той, какую — съ согласія Сильвестра — писали псковскіе иконники въ Благовѣщенскомъ соборѣ.[19] Въ самой палатѣ находилась и еще одна композиція новаго характера — „Отечество".[20] Наличіе въ росписи этихъ новыхъ для русскаго живописнаго искусства темъ утверждаетъ въ мысли, что руководилъ работой Сильвестръ. Кромѣ того, возникаетъ вопросъ о мастерахъ, расписывавшихъ Золотую палату. Прямыхъ данныхъ для отвѣта нѣтъ. Но, очевидно, были это мастера изъ искуснѣйшихъ, лучшихъ, такъ какъ украшалась важнѣйшая изъ царскихъ палатъ. По аналогіи съ работой въ Благовѣщенскомъ соборѣ можно думать, что это были иногородніе мастера, собранные тогда въ Москву „со всей земли". Наличіе въ росписи мистико-дидактическихъ сюжетовъ и аллегорическихъ изображеній поз-

---

[13]) *Посланіе царя и великаго князя Іоанна къ князю Андрею Курбскому. Сказанія князя Курбскаго*, подъ редакціей Н. Устрялова, III изданіе, 143 и сл. И. Н. Ждановъ, *Сочиненія царя Ивана Васильевича. Д) Идеалъ царской власти у Грознаго*, Сочиненія, I, 150—154.

[14]) И. Е. Забѣлинъ, ук. соч., 149.

[15]) Ник. Андреевъ, *О дѣлѣ дьяка Висковатого*, 200—218, 223.

[16]) *Опись стѣнописныхъ изображеній (притчей) въ Золотой Палатѣ Государева Дворца, составленная въ 1672 году*. И. Е. Забѣлинъ, *Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы*, I, Москва, 1884, ст. 1238—1255.

[17]) И. Е. Забѣлинъ, ук. соч., 149—170.

[18]) И. Е. Забѣлинъ, ук. соч., 151—156, 161—165 и сл.

[19]) Ѳ. И. Буслаевъ, *Для исторіи русской живописи XVI вѣка*, Сочиненія, II, 1910, 295—296.

[20]) И. Е. Забѣлинъ, ук. соч., 169.

воляетъ предполагать, что работали здѣсь мастера съ западныхъ окраинъ государства, всего вѣроятнѣе, опять-таки по аналогіи съ Благовѣщенскимъ соборомъ, псковичи.[21]

Для пониманія тенденціи росписи и для опредѣленія времени ея созданія существененъ циклъ изъ десяти картинъ, представляющихъ однѣ лишь битвы и побѣды Іисуса Навина, истребляющаго въ покоренныхъ городахъ „всё дышущее". Забѣлинъ считалъ, что здѣсь иносказательно представлена „только что совершившаяся (1552—1554) исторія покоренія татарскихъ царствъ": „если вверху, въ сводахъ или въ небѣ сѣней, частью открыто, частью иносказательно были изображены идеалы царскаго достоинства и царской чести, то есть идеалы нравственныхъ и государственныхъ обязанностей царя, то здѣсь на стѣнахъ представлялись уже исполненныя царскія дѣла и славныя царскія дѣянія".[22] Однако, по нашему мнѣнію, это утвержденіе не вѣрно. Изображенія воинственныхъ подвиговъ представляютъ собой тоже дидактическія композиціи, тоже „идеалы", внушаемые царю. Образъ Іисуса Навина, истребителя иновѣрныхъ враговъ, былъ въ духѣ окруженія Іоанна, былъ въ духѣ эпохи.[23] Позднѣе, въ перепискѣ съ Курбскимъ, царь косвенно подтвердилъ эту нѣкоторую воинственность своего окруженія: онъ жаловался, что во время казанскаго похода его держали „аки плѣнника" монахи и попы, что чуть ли не силой везли подъ Казань и подвергали опасности.[24] Одновременно Іоаннъ упоминаетъ въ той же перепискѣ имя Іисуса Навина, какъ идеальный образъ „судіи Израиля": повидимому, и для царя характеръ дѣятельности Навина былъ полонъ назидательнаго смысла.[25] Кромѣ того, если соглашаться съ Забѣлинымъ, получается хронологическая путаница. Очевидно, роспись Золотой палаты начата была въ 1547 году, послѣ вѣнчанія Іоанна на царство и послѣ страшнаго пожара Москвы. Въ 1553 году Висковатый уже подвергалъ роспись критикѣ и ему отвѣчалъ на соборѣ 1553—54 года митрополитъ Макарій, толкуя аллегорическій смыслъ нѣкоторыхъ изображеній,[26] т. е., значитъ, роспись была уже готова. Казань пала 2 октября 1552 года. Невозможно допустить, чтобы въ теченіе столь короткаго времени, нѣсколько больше года, могли сочинить и приготовить десять новыхъ сценъ, иллюстрирующихъ Казанскую побѣду. Надо думать, что трудно было-бы

[21]) А. И. Некрасов, ук. соч., 292, считаетъ, что были это, безъ сомнѣнія, тѣ самые псковскіе мастера, которые написали мистико-дидактическія иконы въ Благовѣщенскій соборъ. Добавимъ, что именно псковичи были первыми носителями новыхъ темъ въ русской иконописи, см. ниже, гл. IV.

[22]) И. Е. Забѣлинъ, ук. соч., 156.

[23]) Таковы были представленія объ идеальномъ царѣ въ самыхъ различныхъ слояхъ московскаго общества. См., напримѣръ, В. Ѳ. Ржига, *И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI вѣка*, Москва, 1908, 32—33. Въ частности, Макарій усиленно призывалъ царя къ безпощадной борьбѣ съ татарами. К. Заусцинскій, *Митрополитъ Макарій*, 238, 241—243. Любопытная композиція „Церковь Воинствующая" въ Мvроваренной палатѣ, описанная П. П. Муратовымъ, *Два открытія*, Софія, 1914, № 2, 11—17, если вѣрить толкованію А. Прѣснякова, *Эпоха Грозного в общем историческом освещении*, Анналы, № 2, П., 1922, 197, принятому и А. И. Некрасовымъ, ук. соч., 294, 295, изображаетъ торжественное возвращеніе послѣ побѣдъ надъ татарами молодого царя. Побѣда запечатлѣна здѣсь безъ библейскихъ аналогій.

[24]) *Сказанія князя Курбскаго*, 165.

[25]) Тамъ-же, 150.

[26]) Ник. Андреевъ, *О дѣлѣ дьяка Висковатаго*, 223, 230.

и помѣстить внезапно этотъ циклъ среди композицій, обдуманныхъ и, конечно, распредѣленныхъ по стѣнамъ заранѣе. Наконецъ, вовсе не попадаетъ въ хронологическія рамки Забѣлина Астрахань, взятая московскими ратями только въ 1554 году и присоединенная къ Московскому царству въ 1556 году.

Циклъ объ Іисусѣ Навинѣ несомнѣнно входилъ, вопреки мнѣнію Забѣлина, въ систему дидактическихъ, аллегорическо-символическихъ картинъ объ идеальномъ царѣ — правителѣ и военачальникѣ. Вся роспись была тщательно обдумана ея создателями. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и включеніе картинъ на темы исторіи Руси: Крещеніе Руси, принятіе Владиміромъ Мономахомъ царскаго вѣнца, — послѣдняя картина помѣщена явно для разъясненія вѣнчанія на царство Іоанна.[27] Такая тщательность выбора темъ росписи заставляетъ думать, что неслучайно былъ помѣщенъ руководителями работъ и сюжетъ объ индійскомъ царевичѣ Іосафѣ и пустынникѣ Варлаамѣ, который носилъ священническій санъ и наставлялъ на правый путь молодого царя.[28] Забѣлинъ предполагаетъ, что подъ видомъ пустынника изображенъ священникъ Сильвестръ и принимаетъ при этомъ легендарную, во всякомъ случаѣ сильно Курбскимъ стилизованную, версію о чудесномъ обращеніи Іоанна на правый путь Сильвестромъ во время пожара 1547 года.[29] Но, если даже и отбросить эту версію и не видѣть въ пустынникѣ Варлаамѣ портрета благовѣщенскаго протопопа, то смыслъ композиціи всё-же не измѣнится. Какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ сценахъ здѣсь изображено наставленіе царя духовными лицами.

Назидательный духъ сохраненъ и въ рядѣ иныхъ композицій — исторія израильскаго судіи Гедеона, исторія благочестиваго царя Езекіи и грѣховнаго Анастасія.[30] Эти исторіи о царяхъ, вмѣстѣ съ изображеніями притчи о заблудшей овцѣ и второй притчи о нѣкоей женѣ, потерявшей драхму, находились прямо противъ государева мѣста, откуда молодой царь могъ созерцать эти изображенія „въ наученіе своему царскому нраву“.[31]

Такимъ образомъ, въ росписи очень послѣдовательно выражена тенденція поученія царя священствомъ. Конечно, нельзя думать, что проводилъ ее самъ царь. Участіе въ работѣ Сильвестра, въ качествѣ ближайшаго руководителя росписью, весьма правдоподобно. Хорошо былъ освѣдомленъ о ней и митрополитъ Макарій, насколько можно судить по его отвѣтамъ на сомнѣнія Висковатаго.[32] Царь, повиди-

---

[27]) И. Е. Забѣлинъ, ук. соч., 161, 167—169.

[28]) Сюжетъ этотъ, какъ извѣстно, связывался съ авторствомъ св. Іоанна Дамаскина. Въ изданіяхъ Импер. Общества любителей древней письменности, LXXXVIII, 1887, напечатано *Житіе Варлаама и Іоасафа... твореніе преподобнаго отца нашего Іоанна Дамаскина* по списку первой половины XVII вѣка, сдѣланному въ Самарѣ. Какъ и въ другихъ странахъ, въ Московской Руси сказаніе это пользовалось популярностью и, вѣроятно, отчасти благодаря имени своего предполагаемаго автора. На самомъ-же дѣлѣ редакторомъ этой повѣсти, повидимому, былъ въ VII вѣкѣ нѣкій Іоаннъ, монахъ лавры св. Саввы около Іерусалима, а корни сказанія уходятъ на востокъ. H. Zotenberg, Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph, Paris 1886. Ср. рецензію бар. В. Р. Розенъ, Записки Восточнаго отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества, II, 1887, 166—174.

[29]) И. Е. Забѣлинъ, ук. соч., 161, 167.

[30]) Тамъ-же, 165—166.

[31]) Тамъ-же, 166.

[32]) Ник. Андреевъ, *О дѣлѣ дьяка Висковатаго*, 230.

мому, остался въ данномъ случаѣ только въ роли заказчика, отдавъ иниціативу въ разработкѣ сюжетовъ своимъ приближеннымъ.[33] Формально все исходило отъ царя, все дѣлалось его именемъ, съ его согласія. Фактически-же царь выступалъ лишь въ роли мецената и государственнаго дѣятеля. Подтвержденіе этому находимъ, кромѣ, какъ въ вышеизложенномъ, еще въ текстѣ „жалобницы" Сильвестра 1553—1554 года, когда, защищаясь противъ обвиненій Висковатаго въ „негораздомъ мудрованіи" благовѣщенскій протопопъ объяснялъ, что заказалъ иконы, „доложа царю".[34] Между тѣмъ, такой „докладъ" являлся пустой внѣшностью: дѣйствительнымъ руководителемъ иконниковъ былъ самъ Сильвестръ.[35] Ссылки на волю царя были необходимы въ каждомъ начинаніи. Такъ, повидимому, производился въ тѣ годы усиленный свозъ въ Москву прославленныхъ иконъ, но неизвѣстно доподлинно, кто являлся авторомъ этой мысли, — ее возможно приписать, учитывая характеръ его дѣятельности, и митрополиту Макарію. Если же считать, что исходила она все-же отъ царя,[36] то въ основаніе ея легли мотивы въ первую очередь политическіе, имперскіе: возвеличеніе стольнаго града Москвы, вселенскаго средоточія православія, „третьяго Рима".

III

Вступленіе русской церкви при митрополитѣ Макаріи на путь реформъ, упорядоченіе ея жизни, опредѣляло неизбѣжность, постановки вопроса о духѣ и содержаніи русской иконописи, уже — въ отдѣльныхъ случаяхъ — и раньше возбуждавшагося.[37] Поэтому естественно встрѣтить среди такъ наз. „царскихъ вопросовъ", предложенныхъ Стоглавому Собору въ 1551 году, запросъ объ иконописи: „А святыя и честныя иконы по божественнымъ правиламъ по образу и по подобію и по всякому существу образъ Божій написати и пречистыя Богородицы и всякого святаго угод-

[33]) Черта эта была въ характерѣ царя, который, „увлекаясь мыслью", исполненіе, „подробности охотно отдавалъ другимъ". К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, *Русская исторія*, II, в. I, СПБ, 1885, 256.

[34]) *Московскіе Соборы на еретиковъ XVI вѣка*, Чтенія О-ва Исторіи и древностей Россійскихъ, 1847, III, 92.

[35]) Ник. Андреевъ, *О дѣлѣ дьяка Висковатаго*, 206.

[36]) Нѣкоторыя основанія для этого даютъ поступки Ивана въ 1546 году, когда, при поѣздкѣ въ Новгородъ и Псковъ онъ, по мѣстному извѣстію, ограбилъ новгородскій Софійскій соборъ и увезъ драгоцѣнности въ Москву. С. Ф. Платонов, *Иван Грозный*, 39. Производились подобныя акты и позднѣе, въ отношеніи той же св. Софіи Новгородской. П. Соловьевъ, *Описаніе новгородскаго Софійскаго собора* СПБ, 1858. Вообще же Грозный любилъ подчеркивать свое царское величіе соотвѣтствующей обстановкой, аттрибутами сана. Въ частности, замѣчательный царскій тронъ Грознаго въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, сооруженный въ 1551 году, показываетъ, насколько царя занимала обстановка даже молельнаго мѣста. И. Е. Забѣлинъ и В. Н. Щепкинъ, *Тронъ или царское мѣсто Грознаго въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ*. Отчетъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея Импер. Александра III за 1907 годъ. Характерно, что стоило царю задержаться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородѣ, какъ и здѣсь, по сообщенію лѣтописи отъ 26 октября 1571 года, въ Св. Софіи поставили „мѣсто новое, царское, все позолочено и рѣзано и святые писаны". Гр. П. Шереметевъ, *Дворы Грознаго въ Новгородѣ*, Извѣстія Русскаго Генеалогическаго Общества, в. IV, СПБ, 1911, 118.

[37]) Ник. Андреевъ, Инокъ Зиновій Отенскій, 272—273.

никъ Божиихъ. и о семъ свидѣтельство въ божественномъ писании у васъ есть. и о семъ великое попечение достоитъ имѣти чтобы иконописцы были во всякомъ чювствіи и въ добродѣлехъ живуще и учениковъ бы учили по существу совершенно образы Божии писати."[38] Можно ли приписать этотъ вопросъ самому царю? Намъ кажется, что для этого есть достаточныя основанія.

Царь всегда интересовался дѣлами церкви. Такъ соборъ 1547 года — о канонизаціи святыхъ — первый изъ соборовъ, начавшихъ церковныя реформы, былъ созванъ, повидимому, по мысли самого царя.[39] Извѣстно, что именно по почину царя епархіальные архіереи произвели послѣ собора 1547 года въ епархіяхъ „обыскъ" о новыхъ чудотворцахъ — слѣдствіемъ этой мѣры явился соборъ 1549 года.[40] Принималъ участіе царь и въ работахъ собора 1553—54 года, когда онъ сталъ лично „испытывать премудре" Башкина.[41] Интересовался царь и соборомъ 1555 года, когда шла рѣчь объ учрежденіи Казанской архіепископіи.[42] По словамъ Курбскаго, выступалъ царь „вкупе съ ласкатели" и на соборѣ 1560 года, когда осудили Сильвестра и Адашева.[43] На соборѣ 1564 года царь касался вопроса объ изображеніи на иконахъ московскихъ митрополитовъ въ бѣломъ клобукѣ.[44] По желанію царя были организованы также соборы 1567 и 1568 годовъ — выборы митрополита Филиппа и судъ надъ нимъ,[45] соборъ 1572 года о выборѣ преемника митрополита Кирилла, соборъ 1578 года объ установленіи празднованія Іосифу Волоколамскому, 1580 г. — о церковныхъ вотчинахъ и 1582 г. — о еретическихъ заблужденіяхъ ростовского архіепископа Давида.[46] Изъ „Стоглава" извѣстно, что на соборѣ 1551 года участіе царя было особенно близкимъ съ самаго начала.[47] Но кромѣ этого общаго доказательства можно найти и болѣе частные признаки. Царь уже и въ тѣ годы слылъ начетчикомъ.[48] Ему были извѣстны византійскіе апологеты иконопочитанія.[49] Стало быть, тема объ иконахъ не была чужда царю. Въ то-же время въ

[38]) *Стоглавъ*, Казань, 1862, 51—52.

[39]) И. Н. Ждановъ, *Сочиненія царя Ивана Васильевича*, 102. В. О. Ключевскій, *Древне русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ*, 460—462.

[40]) И. Н. Ждановъ, ук. соч., 102. В. О. Ключевскій, ук. соч., 225.

[41]) Акты Историческіе, I, №№ 161, 239. Ср. И. Н. Ждановъ, ук. соч., 103.

[42]) Тамъ-же.

[43]) Тамъ-же.

[44]) *Соборная грамота о бѣломъ клобукѣ*, Акты Историческіе, I, 332—333.

[45]) Г. П. Федотовъ, *Святой Филиппъ, митрополитъ московскій*, Paris, 1928, 104—109, 153—159. Вообще избранія митрополитовъ опредѣлялись всецѣло волею царя. Мы упоминаемъ, однако, только тѣ случаи избранія, о которыхъ намъ извѣстны документальныя данныя.

[46]) И. Н. Ждановъ, ук. соч., 105—106.

[47]) Д. Стефановичъ, *О Стоглавѣ*, СПБ, 1909, 47—55.

[48]) П. В. Безобразовъ, ук. соч., 305—306. И. Н. Ждановъ, *Матеріалы для исторіи Стоглаваго Собора*, 205. Огромная начитанность Грознаго не подлежитъ сомнѣнію. И. Н. Ждановъ, тамъ-же, тенденціозно толкуетъ слова игумена Артемія, обращенныя къ царю о томъ, какъ надлежитъ читать книги: „Ни единаго сію, ниже дважды, но множицею и не мимошественне прочтеши, и аще чего не можеши разумѣти молися Богу, да вразумитъ тя, не срамляйся неведжіемъ, съ всяцѣлотщаніемъ въпроси вѣдущаго, подобаетъ убо учитися безъ стыденія, ниже учити безъ зависти, никто же бо не учився можетъ что разумѣти". Рѣчь идетъ, какъ видимъ, только о методѣ чтенія. Наставленіе дается въ обычномъ тонѣ московскихъ церковныхъ людей.

[49]) *Посланіе царя Ивана Васильевича Максиму Греку о ереси Матвѣя Башкина*, Акты Историческіе, I,

Москвѣ производились усиленныя иконописныя работы. Вниманіе царя могло быть возбуждено также уже начинавшимся „вопленіемъ на народѣ" Висковатаго, открыто протестовавшаго позднѣе передъ царемъ противъ новой иконописи.[50] Врядъ ли самъ Макарій, довольно равнодушно относившійся къ смыслу иконныхъ изображеній, подвергъ бы вопросъ объ иконахъ обсужденію на соборѣ.[51] Затѣмъ и самый текстъ вопроса очень общаго въ сущности, обнаруживаетъ знаніе авторомъ византійскихъ апологетическихъ формулъ — „по образу, по подобію и по всякому существу" и присутствіе любимаго требованія Іоанна о „добродѣлехъ".[52]

Въ процессѣ работы собора появилась потребность уточнить или дополнить заданные вопросы. Часть дополненій была сдѣлана епархіальнымъ духовенствомъ, часть царемъ и его приближенными.[53] Объ иконахъ поставили собору еще два вопроса. Первый вопросъ былъ: „У святѣй Троицы пишутъ перекрестие ови у среднего а иные у всѣхъ трехъ. а в старых письмах и в греческих подписывают святая Троица а перекрестия не пишутъ ни у единого. А ныни подписывают у среднего І͞С Христос да святая Троица. и о том разсудити от божественных правилъ како нынѣ то писати."[54] Изслѣдователи приписываютъ этотъ вопросъ Грозному, не объясняя, почему именно.[55] Намъ кажется, что объяснить можно слѣдующимъ образомъ. Какъ извѣстно, Андрей Рублевъ ввелъ новый типъ композиціи Троицы, изобразивъ ангеловъ такъ, что средній ангелъ, хотя и выше боковыхъ, но „не подавляетъ ихъ, не господствуетъ надъ ними, но какъ-бы соединяетъ ихъ". Не видно у средняго рублевскаго ангела и признаковъ крестчатаго нимба, — всѣ три ангела были какъ-бы уравнены въ своемъ достоинствѣ.[56] Грозный, очевидно, хорошо зналъ Троицу Рублева, будучи частымъ гостемъ Троице-Сергіевой лавры. Повидимому, онъ внимательно разсматривалъ знаменитый образъ, а, можетъ быть, и бесѣдовалъ о немъ съ кѣмъ-либо, — возможно, съ самимъ Максимомъ Грекомъ, съ которымъ царь какъ разъ въ 1551 году встрѣчался въ лаврѣ, послѣ освобожденія Максима изъ заточенія.[57] Между тѣмъ, русская иконописная практика была разно-

№ 161. Позднѣе царь самъ выступилъ, какъ апологетъ. А. Поповъ, *Древне-русскія полемическія сочиненія противъ протестантовъ. I. Отвѣтъ царя Іоанна Васильевича Грознаго Яну Рокитѣ.* Чтенія О-ва исторіи и древностей Россійкихъ, 1878, 2. Мы предполагаемъ остановиться на этой темѣ спеціально.

[50]) Царь съ большимъ вниманіемъ отнесся къ замѣчаніямъ Висковатаго, велѣлъ обсудить его „записку" на соборѣ и никакъ не реагировалъ на постановленіе собора о виновности Висковатаго. Ник. Андреевъ, „*О дѣлѣ дьяка Висковатаго*", 201.

[51]) Замѣчательно, что въ своихъ отвѣтахъ на вопросы объ иконописи Макарій главное вниманіе сосредотачиваетъ на вопросахъ нравственности иконниковъ и административныхъ. Существо темы объ иконописаніи имъ затрагивается неглубоко. Ник. Андреевъ, *Митрополитъ Макарій*, 238—243.

[52]) Ср. Д. Цвѣтаевъ, *Литературная борьба съ протестанствомъ въ Московскомъ государствѣ*, Москва 1887, 47 и сл.

[53]) Д. Стефановичъ, ук. соч., 65—71.

[54]) *Стоглавъ*, 165.

[55]) Н. В. Малицкій, *Къ исторіи композиціи ветхозавѣтной Троицы*, Seminarium Kondakovianum, II, 43. Н. Покровскій, *Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства*, СПБ, 1900, 359.

[56]) Н. В. Малицкій, ук. соч., 40.

[57]) В. С. Иконниковъ, *Максимъ Грекъ и его время*, II-е изданіе, Кіевъ, 1915, 513, 537—538. И. Н. Ждановъ, ук. соч., 92. А. С. Орлов, *К вопросу о начале печатания в Москве*, Сборникъ „Иванъ Федоров — первопечатник, Академия Наук СССР, 1935, 14—15.

образна, какъ и говорится въ текстѣ вопроса. Естественно, что царь заинтересовался надлежащимъ написаніемъ Троицы. Надо добавить, что Іоаннъ вообще чрезвычайно чтилъ икону Троицы: извѣстно, что царь богато украсилъ икону Троицы, писанную по преданію діакономъ Никифоромъ Грабленымъ въ 1567 году.[58]

Второй дополнительный вопросъ собору былъ таковъ:

„На иконах пишут: приидѣте людие трисоставному божеству поклонимся. и в исподнемъ ряду пишут цари и князи и светители и народи, которые живи суще. и о том поразсудити. Такоже пишут и пречистыя Богородица образ в дѣяніи иже есть на Тихѳинѣ и цари и князи и народи предстоят молящеся которыи живи суть и о том разсудити от святых отецъ писаний, достоитъ ли писати живых и мертвых на святых иконах молящихся."[59] Какъ будто-бы, и этотъ отвѣтъ можно приписать царю. Какъ разъ начинались упомянутыя „вопленія" Висковатаго; шла роспись Золотой палаты; Сильвестръ готовилъ, „доложа царю", иконы съ мистико-дидактическими сюжетами. Среди нихъ была икона на тему, упомянутую въ вопросѣ — „Пріидите, людіе, трисоставному Божеству поклонимся."[60] Значитъ, композиція могла быть царю извѣстна. Бывалъ царь незадолго до собора, въ 1546 году, и въ Тихвинѣ[61] и, по всей вѣроятности могъ видѣть тамъ спорныя изображенія. Кромѣ того, самый обычай изображенія живыхъ людей на иконахъ, бытовавшій въ иконописной практикѣ,[62] казался, очевидно, царю спорнымъ. Онъ искалъ точности въ подобныхъ вопросахъ, стремясь къ сохраненію необходимаго престижа. Поэтому царь и интересовался проблемой, ставя ее передъ Стоглавымъ соборомъ.[63] Позднѣе, въ 1564 году, онъ также по государственнымъ соображеніямъ возбудитъ вопросъ о бѣломъ клобукѣ у русскихъ іерарховъ и будетъ ссылаться на иконописную практику.[64] Царь, очевидно, понималъ все значеніе традиціи, когда пытался

---

[58]) В. П. Гурьяновъ, *Двѣ мѣстныя иконы св. Троицы въ Троицкомъ соборѣ Св.-Троицко Сергіевой Лавры и ихъ реставрація*, Москва, 1906, 4.

[59]) *Стоглавъ*, 169—170.

[60]) Ѳ. И. Буслаевъ, ук. соч., 287.

[61]) *Царственная книга*, ПСРЛ, XIII, 449. Тихвинскій образъ Богоматери пользовался большой извѣстностью въ Московской Руси. Съ нимъ связывались разнообразныя преданія, — о происхожденіи его изъ Царьграда, о чудесахъ. Ѳ. И. Буслаевъ, *Новгородъ и Москва*, Сочиненія, II, 278—281. Вполнѣ естественно, что царь могъ отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ прославленной иконѣ.

[62]) Филимоновъ, *Иконные портреты русскихъ царей*, Вѣстникъ Общества древне-русскаго искусства, 1875, № 6—10. Н. Покровскій, *Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства*, 357—360.

[63]) Ср. Н. Покровскій, тамъ-же. Обратимъ вниманіе, что нѣкоторое время спустя царь освѣдомится у митрополита, какимъ образомъ и насколько удачно исполняются постановленія собора объ иконописи. Тамъ-же, 362—363.

[64]) Въ соборной грамотѣ 2 февраля 1564 года царь говорилъ: „...Отецъ нашъ и богомолецъ Митрополитъ носитъ черной клобукъ, а прежніе Русскіе первопрестолницы, Митрополиты и Чюдотворцы Петръ и Алексій, и Иванъ Архіепископъ Навогородскій, и Леонтій и Игнатій и Исаія Ростовстіи Чюдотворцы носили бѣлые клобуки, и тому бы отцу нашему и богомолцу Митрополиту высокопрестолная древняя почесть учинити и носити бы ему бѣлый клобукъ съ рясами, потому что прежніе Русскіе первопрестолницы и Чюдотворцы, Петръ и Алексій Митрополиты, писаны на образѣхъ въ бѣлыхъ клобуцѣхъ, да и Ивана Архіепископа Ноугородскаго, и Леонтіа и Исаія и Игнатіа Ростовскыхъ Чюдотворцевъ, пишутъ въ бѣлыхъ клобукахъ... А того въ писаніи не обрѣли есмя, чего для бѣлые клобуки отставлены..."

выяснить спорные, для него недоумѣнные, вопросы русскаго иконнаго искусства. При этомъ, какъ и въ вопросѣ росписи Золотой палаты, Іоаннъ проявилъ себя не только вдумчивымъ цѣнителемъ искусства, но и государственнымъ мужемъ, заботящимся объ иконописи подъ угломъ зрѣнія интересовъ царя и державы. Потокъ новыхъ темъ въ иконописной практикѣ, разнобой въ детализаціи, отходъ отъ традиціи былъ царемъ отмѣченъ. Но, поднявъ нѣкоторые изъ спорныхъ вопросовъ, Грозный предоставилъ ихъ разрѣшеніе своимъ приближеннымъ, оставшись фактически непричастнымъ къ практикѣ московскаго иконописанія.

IV.

Возможно ли въ настоящее время опредѣлить истоки и намѣтить первоначальное распространеніе на Руси мистико-дидактическихъ темъ въ иконописи? Работы историковъ искусства постепенно выясняютъ вопросъ о содержаніи мистико-дидактическихъ иконъ, обнаруживаютъ происхожденіе новыхъ для XVI вѣка сюжетовъ, возникновеніе отдѣльныхъ иконографическихъ деталей и частностей композицій.[65] Намъ представляется, что можно уточнить и другую сторону вопроса — хронологію и локализацію фактовъ, очень, правда, немногочисленныхъ, но тѣмъ болѣе, поэтому, важныхъ. Вмѣсто общихъ ссылокъ на западные окраины Московской Руси, какъ на естественные районы развитія новыхъ иконныхъ темъ, несомнѣнно находившихся подъ вліяніемъ Запада, можно утверждать, что Псковъ оказался первымъ очагомъ новой иконописи.

Къ сожалѣнію, псковская иконопись, какъ областное своеобразное явленіе, вовсе не изучена.[66] Между тѣмъ, нельзя упускать изъ вида, что областническія раздѣленія, разница въ культурномъ психологическо-бытовомъ укладѣ въ XV—XVI вѣкахъ, несомнѣнно существовали и отражались также въ области искусства, въ частности, въ литературѣ, въ зодчествѣ.[67]

Благодаря наступательной политикѣ Москвы краевые антагонизмы обострялись. Погромъ Москвою Новгорода въ концѣ XV столѣтія отбросилъ отъ Пскова его

...„писанія тому нѣтъ же, котораго для случая Архіепископы Ноугородскіе бѣлые клобуки носятъ." *Акты Историческіе* I, 332—333.

[65]) Н. П. Кондаковъ, *Русская икона*, IV, текстъ, часть вторая, Прага, 1933, 268—298. Л. Мацулевич, *Хронология рельефов Дмитровского собора во Владимире Залесском*, Ежегодник Российского Института Истории Искусств, I, в. II, П.-М., 1922. J. Myslivec, *Liturgické hymny jako náměty ruských ikon*, Byzantinoslavica, III, 2 (1931) 1932.

[66]) Г. В. Жидков, *Живопись Новгорода, Пскова и Москвы на рубеже XV и XVI вв.* Труды секции искусствознания, II, РАНИОН, Москва, 1928, 113—122. А. Грищенко, *Русская икона, как искусство живописи*, Москва, 1917, 70 и сл. Н. П. Кондаковъ, ук. соч., 315—316.

[67]) Ѳ. И. Буслаевъ, *Новгородъ и Москва*, Сочиненія К. К. Романова, *К вопросу о влиянии взаимоотношений между строителями и заказчиками на формы зодчества в Новгороде в XV—XVI веке.* Изобразительное Искусство, 1927. Н. Л. Окуневъ, *Архитектура Пскова и нѣкоторыя ея особенности.* Conférence des Historiens des États de l'Europe Orientale et du Monde Slave, Varsovie, le 26—29 juin 1927, IIme partie Compte-Rendu et Communications, Varsovie, 1928, 147—156. О псковской иконописи см. M. Alpatov — N. Brunov, ук. соч., 341—342. Demetrius Ainalov, ук. соч., 82—84. См. также прим. 66.

„старшаго брата", который, политически и культурно ослабленный, пересталъ быть угрозой для Пскова. Въ то же время Москва, занявшись Новгородомъ, продлила тѣмъ самымъ самобытное существованіе Пскова на нѣсколько лѣтъ.[68]

Уничтоженіе Москвою независимости Пскова не обезкровило города. Связи съ Москвою довольно быстро упрочились. Однако, въ Псковѣ всегда чувствовалась оппозиція къ московской централизаціи.[69] Эти факты — ослабленіе связи Пскова съ Новгородомъ и недружелюбное отношеніе псковичей къ представителямъ офиціальной Москвы — надо припомнить, говоря о появленіи мистико-дидактическихъ темъ. Уже архіепископъ Геннадій на самомъ рубежѣ XVI вѣка возбуждалъ вопросъ о необычныхъ иконныхъ изображеніяхъ въ Псковѣ, какъ теперь намъ извѣстно, мистико-дидактическихъ по трактовкѣ и „латинствующихъ" въ отдѣльныхъ деталяхъ. Однако, псковичи „паче послушали иконниковъ, а не архіепископа". Въ 1518—1519 году подобную же композицію обнаружилъ въ Псковѣ дьякъ Мисюрь-Мунехинъ, человѣкъ, повидимому, высоко просвѣщенный и освѣдомленный. Онъ призналъ, что это „образъ необыченъ, его-же опроче одного града (т. е. Пскова) во всей русской землѣ не описуютъ". Максимъ Грекъ, разсматривавшій икону, указалъ, что композиція эта, очевидно, сочинена русскими иконниками.[70] Всѣ эти свидѣтельства показываютъ, что, начало новыхъ иконныхъ композицій, дѣйствительно, должно относиться къ Пскову. Послѣдующіе факты это подтверждаютъ.

Иконы, возбудившія протестъ Висковатаго, были написаны для Благовѣщенскаго собора псковскими мастерами: — Останей, Яковомъ, Михайломъ, Якушкой и Семеномъ Высокій Глаголь.[71] Заказъ иконъ производилъ Сильвестръ, самъ выходецъ изъ тѣхъ же сѣверо-западныхъ русскихъ областей.[72]

Такимъ образомъ, и внесеніе новыхъ темъ въ центрально-русскія области шло съ помощью псковскихъ мастеровъ и псковскихъ образцовъ. Правда, Сильвестръ, защищаясь отъ критики Висковатаго, указывалъ, будто писали по образцамъ отъ Троицы и Симонова монастыря.[73] Но извѣстно, что вся самозащита Сильвестра была легковѣсна.[74] Повидимому, и роспись Золотой палаты, содержащая характерные образцы новыхъ темъ, исполнялась при помощи псковскихъ мастеровъ. Если-же даже и не настаивать, что работали именно псковичи, фактъ проникновенія въ царскую живопись новыхъ иконныхъ мотивовъ, появившихся сначала въ Псковѣ, очень

---

[68]) А. Никитскій, *Очеркъ внутренней исторіи Пскова*, 276. И. Бѣляевъ, *Исторія города Пскова и псковской земли*, Разсказы изъ русской исторіи, III, Москва, 1867, 328—381. Н. Костомаровъ, *Сѣверно-русскія народоправства*, I, СПБ, 1863, с. 301—326.

[69]) А. Никитскій, ук. соч., 290—299, 307—311. Н. Серебрянскій, *Очерки по исторіи монастырской жизни въ псковской землѣ*, Чтенія въ Обществѣ Исторіи и древностей россійскихъ, 1908, кн. 4, 337 и сл.

[70]) Ник. Андреевъ, *Инокъ Зиновій Отенскій*, 272—273.

[71]) Ѳ. И. Буслаевъ, ук. соч., 287.

[72]) *Царственная книга*, ПСРЛ, XIII, 524.

[73]) См. „Жалобницу" Сильвестра, поданную на Висковатого въ 1554 году на соборѣ: *Розыскъ*, Чтенія въ О-вѣ исторіи и древностей Россійскихъ, 1858, II, 41 и сл.; *Московскіе Соборы на еретиковъ XVI вѣка*, тамъ же, 1847, III, 18—21.

[74]) Ник. Андреевъ, *О дѣлѣ дьяка Висковатаго*, 205—207, 216.

характеренъ. Наконецъ, въ 1558 году, при вѣроятномъ участіи псковичей, создаются въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ сложные циклы фресокъ на мистико-дидактическіе сюжеты.[75]

Что касается Новгорода, который могъ бы быть естественнымъ соперникомъ Пскова въ этомъ вопросѣ, то конецъ XV — нач. XVI вѣка былъ въ его жизни эпохой затишья: цвѣтъ новгородцевъ выброшенъ изъ новгородской земли, затихаетъ культурная дѣятельность, падаетъ строительство.[76] Оживленіе начнется съ укрѣпленіемъ связи съ Москвой, т. е. когда усилятся прямыя вліянія Москвы. Можно думать, что новгородская иконопись какъ разъ въ эти десятилѣтія испытывала нѣкоторый періодъ инерціи. Характерно, что за это время нѣтъ упоминаній объ отдѣльныхъ новгородскихъ мастерахъ (кромѣ одного раза въ 1509 году).[77] Въ то же время въ Псковѣ, значительно менѣе затронутомъ Москвою, повидимому, происходятъ творческіе процессы въ иконописаніи. Есть указанія, что пишутся большія сложныя иконы, работаютъ артели мастеровъ.[78] Наконецъ, иконописныя работы послѣ пожара Москвы въ 1547 году, порученные именно псковичамъ, подтверждаютъ, что слава иконописныхъ мастеровъ была у нихъ прочная. Царь и митрополитъ Макарій искали мастеровъ „зѣло чудныхъ“.

Въ Псковѣ, между тѣмъ, была достаточно богатая умственная жизнь, духовная почва, чтобы могли развиваться идейные богословскіе поиски. Не говоря о такихъ сложныхъ явленіяхъ, какъ движеніе стригольниковъ, XV вѣкъ былъ полонъ въ Псковѣ оживленныхъ церковныхъ споровъ.[79] Шла борьба съ владыкой, обсуждались „безчинія“ въ средѣ псковскаго духовенства. Митрополиты упрекали псковскихъ игуменовъ, священниковъ и простыхъ монаховъ въ неприличномъ занятіи торговлей и ростовщичествомъ, а мірянъ въ суевѣріяхъ, въ языческихъ обычаяхъ. Міряне возставали противъ церковныхъ порядковъ. Черное духовенство спорило съ бѣлымъ. Къ этому присоединялись пренія съ латинянами. Богословскія страсти возбуждалъ споръ о сугубой и трегубой аллилуія.[80]

Въ эту среду, далеко не равнодушную къ вопросамъ религіи, новшества могли

---

[75]) Несомнѣнно, что въ Свіяжскѣ работали псковскіе строители. Н. Н. Воронин, *Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв.*, М.-Л., 1934, 27—28. Неизвѣстно, работали ли тамъ псковскіе иконники. Никакихъ указаній о происхожденіи мастеровъ не сохранилось. Однако, сложный мистико-дидактическій характеръ росписи и фактъ работы въ Свіяжскѣ псковскихъ строителей позволяетъ думать, что псковичи могли и, вѣроятно, участвовали въ росписи. Ср. описанія росписи Золотой палаты у И. Е. Забѣлина, ук. соч., и у Д. В. Айналова, *Фресковая роспись храма Успенія Богородицы въ Свіяжскомъ мужскомъ Богородицкомъ монастырѣ*, Древности, XXI, 1, 1906. Въ сосѣдней Казани существовали цѣлыя улицы, заселенныя переселенцами изъ Пскова въ большинствѣ различными спеціалистами, мастерами. П. Заринскій, ук. соч., 38. Извѣстно подъ 1555 годомъ распоряженіе царя о переселеніи такихъ спеціалистовъ изъ Пскова въ Казань. *Дополненія къ актамъ историческимъ*, I, № 82. Все это показываетъ, что участіе псковичей въ росписи 1558 года въ Свіяжскѣ могло быть вполнѣ стественнымъ явленіемъ.

[76]) Ник. Андреевъ, *Митрополитъ Макарій*, 229—230.

[77]) ПСРЛ, IV, 136, 282.

[78]) Ник. Андреевъ, ук. соч., 232. Ср. упоминанія о „большомъ Переплавѣ съ прочими иконники“. Его-же, *Инокъ Зиновій*, 272.

[79]) В. О. Ключевскій, *Псковскіе споры*, *Опыты и изслѣдованія*. Изданіе второе.

[80]) Тамъ-же.

попадать путемъ безсознательнаго воспріятія. Псковъ былъ недовѣрчивъ къ инославному. Извѣстенъ случай съ рѣзными иконами, въ которыхъ псковичи заподозрили языческихъ идоловъ.[81] Но частое общеніе съ латинянами, позднѣе съ лютеранами,[82] интенсивность религіозныхъ настроеній, близость къ западнорусскимъ землямъ въ Литвѣ наложили все-же на Псковъ свой отпечатокъ. Сознаніе псковича реформировалось. Новыя сложныя темы отвѣчали, надо думать, духовнымъ запросамъ псковскаго общества. Оппозиція московскому правительству, представители котораго не одобряли новой иконописи, тоже играла роль. Въ силу этихъ причинъ псковичи не вняли критикѣ новой иконописи. Впрочемъ, въ оправданіе псковичей, не воспринялъ ея и самъ знаменитѣйшій Макарій, митрополитъ Московскій и всея Руси, и съ нимъ весь освященный соборъ.[83]

Новая иконопись связана съ эпохой Грознаго. Самъ царь не опредѣлялъ характера современнаго ему иконописнаго искусства, какъ, повидимому, опредѣляли мастерство, манеру, стиль своихъ иконописцевъ Строгановы, какъ несомнѣнно опредѣлялъ направленіе иконописи въ XVII вѣкѣ Алексѣй Михайловичъ. Но, благодаря имперскому характеру политики Грознаго, новыя иконныя темы перешли въ Москву, здѣсь утвердились и отсюда, уже какъ искусство стольнаго града, быстро распространились по всему Московскому государству.[84] Въ этомъ и заключается главная нерасторжимая связь между именемъ царя Ивана IV Васильевича и той главой исторіи русской культуры, которая строится на матеріалѣ иконописныхъ памятниковъ.

Ник. Андреевъ.

Прага.

---

[81]) Ник. Андреевъ, *Митрополитъ Макарій*, 237.

[82]) Такъ знаменитый Артемій, въ бытность свою въ Псково-Печерскомъ монастырѣ, ѣздилъ въ Нейшлосъ для преній съ протестантами изъ Ливоніи. Е. Пѣтуховъ, *Русская литература*, Юрьевъ, 1911, 298.

[83]) Надо указать, отчасти въ дополненіе къ прим. 28, что, какъ показываетъ Н. П. Поповъ, *Афанасиевский извод повести о Варлааме и Иосафе*, Известия Отделения Русского Языка и Словесности Академии Наук СССР, 1926, XXXI, 189—230, іерархи и дѣятели церкви въ Московской Руси находились въ концѣ XV — началѣ XVI вѣка подъ сильнымъ вліяніемъ идеи превосходства духовной власти надъ свѣтской. Это обстоятельство сыграло свою роль въ отношеніи духовенства къ новымъ живописнымъ цикламъ, а попутно и къ иконописи. Въ частности, это проявилось въ вопросѣ о живописныхъ циклахъ въ Золотой палатѣ и въ разборѣ „записки" дьяка Висковатаго.

[84]) Отмѣтимъ интересную подробность, что въ *Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискамъ и книгамъ 90 и 91 годовъ*, Временникъ Имп. Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, VII, 1850, 4, упоминается только одна икона съ новыми деталями, и эта икона принесена была царю изъ Костромы: „Образъ Богоявленіе Господне, на верхнемъ полѣ въ облацѣ Саваоѳъ; вѣнцы и окладъ серебряны басмяны золочены, подъ верхнимъ полемъ надъ Предотечею народы, а подъ Предотечею въ горѣ печера; и тотъ образъ принесъ Царю и Великому Князю Богоявленскаго монастыря игуменъ Еуфимей съ Костромы".

IVAN IV. DER GESTRENGE UND DIE IKONENMALEREI DES 16. JAHRHUNDERTS

Mit dem Namen Ivan IV. des Gestrengen verbindet man gewöhnlich die Errichtung der Pokrovskij-Kathedrale zu Moskau (Kirche des Vasilij Blažennyj), die Wandmalerei des Goldenen Gemaches im Kremel-Palast wie auch die der Stoglav-Synode (Hundertkapitel-Konzil) von 1551 vorgelegten Fragen zur Ikonenmalerei (Die Angaben über die vom Zaren an verschiedene Klöster gestifteten Heiligenbilder bieten dagegen keine Anhaltspunkte für die Beurteilung seiner Einstellung zum Ikonenproblem; bisweilen schenkte der Zar den Klöstern einfach die zurückgebliebenen Heiligenbilder der in Ungunst gefallenen Personen).

Es liegt kein Grund vor, die Organisierung der sog. „Werkstätten des Zaren für Ikonenmaler" dem Zaren selbst zuzuschreiben. Sie ist wohl am ehesten als ein Werk des Metropoliten Makarij anzusehen, dem auch an der Errichtung der Kirche des Vasilij Blažennyj die entscheidende Rolle zuzuteilen ist.

Sehr kompliziert ist die Frage der Wandmalerei im Goldenen Gemache, mit der offenbar 1547 begonnen und die schon 1553 vollendet wurde. Es ist kein Zweifel, daß Ivan IV., der sich damals soeben hatte zum Zaren krönen lassen, der auf das Zarenansehen stets besonders großes Gewicht legte und in die verschiedensten Gebiet des Staatslebens persönlich eingriff, sich für die Ausgestattung seines Thronsaales interessierte, zumal sich dieser neben den Privatgemächern des Zaren befand. Dennoch war die eigentliche Ausführung der Wandmalerei anscheinend ein Werk des Priesters Silvester, der in die Gemäldereihe des Goldenen Gemaches eine besondere Tendenz hineintrug: die Belehrung des Zaren durch die Priesterschaft. Die Malerei war größtenteils der Idee des Zartums gewidmet und hatte einen allegorisch-symbolischen Charakter. Sie betonte die Verbindung der Zarenwürde mit dem Königtum des alten Israel; rein religiöse Darstellungen wechselten ab mit Bilderreihen, die die moralischen Eigenschaften des jungen Herrschers veranschaulichten, und mit allegorischen Darstellungen der menschlichen Tugenden und Leidenschaften.

Mit Unrecht glaubte Zabelin, daß der Zyklus, der in zehn Bildern die Kämpfe und Siege Josuas vorführte, auf die Eroberung der Tatarenreiche von Kazan und Astrachan anspielte: diese Interpretation läßt sich in den chronoligischen Rahmen schwer einfügen. Zudem hatte auch die Gestalt Josuas große belehrende Bedeutung: ebenso wie die Bilder aus der russischen Geschichte gehörte sie zum System der didaktischen und allegorisch-symbolischen Darstellungen, die das Idealbild des Zaren als Herrscher und Heeresführer zum Gegenstand hatten.

Die der Stoglav-Synode vorgelegten Fragen über die Ikonenmalerei sind dem Zaren selbst zuzuschreiben. Ivan IV. war unterrichtet über die damals durch das Aufkommen der mystisch-didaktischen Ikonen hervorgerufenen Streitigkeiten, er nahm auch regen Anteil an der Reorganisation der russischen Kirche (mehrere Kirchensynoden traten auf seinen Antrieb zusammen und haben unter seiner Mitwirkung getagt.) Es lag ihm an der Hebung des Ansehens der moskauer Kirche und daraus erklärt sich sein Bestreben, Ordnung in die Ikonenmalerei zu bringen. Wie der Wortlaut der ersten Frage zeigt, kannte der Zar die Formulierung der byzantinischen Apologeten der Bilderverehrung („nach dem Vorbild, der Ähnlichkeit und jedwedem Wesen"); er war in der byzantinischen Literatur sehr belesen und trat später als Verteidiger der Bilderverehrung auf. Als häufiger Gast der Troice-Sergievskaja Lavra und Verehrer des Bildes der heiligen Dreifaltigkeit ist er natürlich auf das in der Lavra aufbewahrte berühmte Bild der Dreifaltigkeit von Andrej Rublev, das einen neuen Darstellungstypus bot, aufmerksam geworden. Deshalb ist nicht Wunder zu nehmen, daß die zweite Frage, die er der Synode vorlegte, das Problem der sachgemäßen Darstellung der Dreifaltigkeit betrifft: in der damaligen russischen Ikonenmalerei herrschte darüber keine Einhelligkeit. Desgleichen kannte der Zar das Bild der Mutter Gottes in Tichvin und die komplizierte moskauer mystisch-didaktische Ikone „Kommet alle und grüßet die dreifaltige Gottheit", welche die dritte Frage erwähnt. Das Problem der Zuläßigkeit einer Darstellung lebender Personen auf den Heiligenbildern war gleichfalls eine Frage des Ansehens der moskauer Orthodoxie.

Wie man sieht, betrachtete Ivan IV. die Ikonenfrage in erster Linie als Staatsmann und Herrscher. Er war aufmerksam geworden auf den Strom neuer Bilderarten in der russischen Ikonenmalerei, auf die Unstimmigkeit in den Einzelheiten der Darstellungen und die Abweichungen von der Tradition. Aber indem er auf einige strittige Fragen hinwies, überließ er ihre Lösung seinen Vertrauensmännern, die den Traditionen der moskauer Ikonenmalerei faktisch fremd geblieben waren.

Mit dem Namen Ivans des Gestrengen ist die rasche Verbreitung der neuen mystisch-didaktischen Darstellungen im moskauer Reich zu verbinden. Sie steht im Zusammenhang mit dem imperialen Charakter seiner Politik.

Die Anfänge der mystisch-didaktischen Darstellungen im moskauer Reich sind nach Pskov zu verlegen. Diese Darstellungen erscheinen schon zu Beginn des 16. Jahrh. unter dem Erzbischof Gennadij. Im J. 1518—1519 hat Maximos der Grieche eine aus Pskov zugeschickte mystisch-didaktische Ikone einer Prüfung unterzogen und verurteilt. Die in der Blagoveščenskij-Kathedrale zu Moskau nach dem Brand von 1547 erscheinenden mystisch-didaktischen Bilder wurden von pskovschen Ikonenmalern angefertigt. Anscheinend war auch die Wandmalerei des Goldenen Gemaches ein Werk der Meister von Pskov. Den Pskovitanern ist wohl auch die Wandmalerei des Klosters der Mutters Gottes in Svijažsk von 1558 zuzuschreiben.

Pskov war ein günstiger Boden für die Aufnahme und Entwicklung neuer theologischer Motive. Der „ältere Bruder“ Novgorod war Ende des 15. bis Anfang des 16. Jahrh. kulturell geschwächt. Von Moskau fühlte sich Pskov stets abgestoßen: moskauer Warnungen vor Neuerungen in der Ikonenmalerei blieben unbeachtet.

Ivan IV. und seine Helfer haben durch ihre praktischen Maßnahmen das Eindringen neuer ikonographischer Motive in Moskau gefördert und ihre Verbreitung im moskauer Reich beschleunigt.

ОГЛАВЛЕНІЕ — TABLE DES MATIÈRES

PUBLICATIONS
DE L'INSTITUT KONDAKOV

SLUNNÁ 10, PRAHA XVIII.

TCHÉCOSLOVAQUIE

	Prix
N. P. KONDAKOV. L'Icone Russe. Complet I—IV, 1928—1932.	$ 100·—
I. Premier Album, 65 pl. en couleurs. 1928. Description des planches en français ou en allemand	$ 50·—
II. Second Album, 136 pl. en phototypie, 1929. Description des planches en russe, en français ou en allemand	$ 30·—
III. Texte, t. I, pp. 192, pl. 9, 1931. En russe, avec résumé français . . .	$ 10·—
IV. Texte, t. II, pp. 200, pl. 6, 1933. En russe, avec résumé français . . .	$ 10·—
Н. П. КОНДАКОВЪ. Воспоминанія и думы (Mémoires de N. P. Kondakov; en russe) 1927, pp. 79, pl. I	$ 1·—
Н. П. ТОЛЛЬ. Коптскія ткани Художественно-Промышленнаго Музея въ Прагѣ (N. P. Toll, Tissus coptes. Collection du Musée des Arts et Métiers du Praha, en russe), 1928, pp. 44, pl. 11	$ 3·—
Кн. М. К. ТЕНИШЕВА. Эмаль и инкрустація (P^sse^ M. C. Tenicheva. Émaux et incrustations, œuvre posthume, en russe), 1930, pp. 116, pl. 40.	$ 8·—
The Byzantine Enamels on the Záviš Cross at Vyšší Brod. English edition, 1930, pp. 40, 10 pl. en couleurs et 2 pl. en phototypie	$ 15·—
Byzantské emaily Závišova kříže ve Vyšším Brodě (Émaux byzantins de la croix dite de Záviš au couvent de Vyšší Brod; édition tchèque), 1930, pp. 40, 10 pl. en couleurs et 2 pl. en phototypie	$ 15·—

ΖΩΓΡΑΦΙΚΑ. Série consacrée à l'étude des icones.

Prix

Α'. A. J. ANISIMOV. Our Lady of Vladimir. English edition, 1928, 40 pp., 6 pl. phototyp. et 2 en couleurs . . . . $ 8·—

Α'. А. И. АНИСИМОВЪ. Владимірская икона Божіей Матери. Русское изданіе, 1928, 48 стр., 6 черн. табл. и 2 въ краскахъ . . . . $ 5·—

Β'. N. M. BÊLAEV. The Icon of our Lady's "Umilenie" from the Soldatenkov collection. Text Russian and English. 1932, 20 pp., 2 pl. et 2 pl. en couleurs . . . . $ 4·—
Н. М. БѢЛЯЕВЪ. Икона Божіей Матери Умиленія изъ собранія Солдатенковыхъ. Русскій и англійскій тексты. 1932, 20 стр., 2 табл. черн. и 2 въ краскахъ.

Γ'. А. Н. ГРАБАРЪ. Нерукотворенный образъ Ланскаго собора. Русское изданіе. 1930. 40 стр., 6 табл. черныхъ и 2 въ краскахъ . . . . $ 6·—

Γ'. A. N. GRABAR. La Sainte Face de Laon. Le Mandylion dans l'art orthodoxe. Edition française, 1931, 40 pp., 6 pl. phototyp. et 2 en couleurs $ 8·—

ΣΚΥΘΙΚΑ. Séries consacrée à l'archéologie, l'histoire et l'ethnographie des nomades.

1. M. I. ROSTOVTZEFF. Le centre de l'Asie, la Russie, la Chine et le style animal. Texte français et russe. 1929, 48 pp., 11 pl. . . . . $ 3·—
М. И. РОСТОВЦЕВЪ. Срединная Азія, Россія, Китай и звѣриный стиль. Текстъ на французскомъ и русскомъ языкахъ. 1929, 48 стр., 11 табл.

2. N. FETTICH. Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler; mit einem Anhang von L. BARTUCZ, Über die antropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. 1929. S. 96, mit 17 Tafeln, 16 Textabbildungen . . . . $ 6·—

3. J. N. ROERICH. The animal style among the nomad tribes at Northern Tibet. Text English and Russian. 1930, 48 pp., 5 pl. . . . . $ 3·—
Ю. Н. РЕРИХЪ. Звѣриный стиль у кочевниковъ сѣвернаго Тибета. Текстъ русскій и англійскій, 1930, 48 стр. и 5 таблицъ.

4. GY. RHE und N. FETTICH. Jutas und Öskü, Zwei Gräberfelder aus der Völkerwanderungszeit in Ungarn mit einem antropologischen Anhang von L. BARTUCZ. 1931. S. 92, mit 20 Tafeln und 30 Textabbildungen . . . $ 6·—

RECUEIL-KONDAKOV. Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. 1926, XLIV + 300 pp. 30 pl. hors texte. Prix $ 12.—

Vernadsky G. V. N. P. Kondakov. Bibliographie de N. P. Kondakov. Francev V. A. Souvenirs détachés: N. P. Kondakov (en russe). Gébélev S. A. Les types iconographiques de l'Ascension de Jésus-Christ et les sources de leurs origines (en russe). Zlatarsky V. N. Première campagne du tsar Syméon de Bulgarie contre Constantinople (en russe). Jorga N. Les variations de type de la Dormition de la Vierge dans le vieil art roumain. Niederle L. La céramique des sépultures scythes occidentales (en tchèque). Kalitinsky A. P. Contributions à l'histoire de la fibule au Caucase (en russe, avec résumé français). Hopfner Th. Die Kindermedien in den griechisch-ägyptischen Zauberpapyri. Bănescu N. Un fragment inédit du „Poème à Spanéas". Fettich F. Die Tierkampfscene in der Nomadenkunst. Toll N. P. Un tissu sassanido-égyptien d'Antinoé (en russe). Protitch A. Un modèle des maîtres bulgares du XVe et du XVIe siècle. Ostrogorsky G. A. Un traité byzantin sur la perception des impôts (en russe). Σωτηρίου Γ. Α. Βυζαντιναὶ ἀνάγλυφοι εἰκόνες. Muñoz A. Le εκφρασεις nella letteratura bizantina e i loro rapporti con l'arte figurata. Vernadsky G. V. Les doctrines byzantines concernant le pouvoir du basileus et du patriarche (en russe). Belaiew N. T. „Bulat" et „Karalugh". Essai sur l'histoire de l'acier en Russie. Andrejeva M. A. Une ambassade tatare à la cour de Nicée (en russe). Bêlaev N. M. Les ornements du costume au Bas-Empire et en Byzance (en russe). Cibulka J. Les enluminateurs des Grandes Chroniques de France. Bibliothèque Nationale, Ms. Fr. 2813 (en tchèque, avec résumé en français). Rostovtzeff M. I. Les antiquités sarmates et les antiquités indoscythes (en russe, avec résumé français). Whittemore Th. A statuette of Akhenaten. Puig i Cadafalch J. La transmission de la coupole orientale à la basilique romane du XIe siècle. Dalton O. M. An enamelled gold reliquary. Millet G. Les noms des auriges dans les acclamations de l'hippodrome. Étude critique sur le Livre des Cérémonies.

SEMINARIUM KONDAKOVIANUM.

Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études byzantines.

Vol. I, 1927 (341 pages, 26 planches). Prix $ 6.—

Gébélev S. A. Orante. A propos de l'origine du type. Orechnikov A. V. Argenterie de Moldavie au Musée d'armes à Moscou. Uspensky Th. I. Les origines de l'empire de Trébizonde. Ostrogorsky G. A. La doctrine des saintes icones et le dogme christologique. Malitzky N. V. Traits d'iconographie palestinienne dans le psautier byzantin à illustrations marginales du type Chloudoff. Benechevitch V. N. Notes aux textes Notitiae Episcopatuum. Vernadsky G. V. Le Khanat de Kiptchak, d'Égypte et Byzance pendant le règne de Michel Paléologue. Toll N. P. Notes sur la soie chinoise dans la Russie Méridionale. Rassovsky D. A. Le rôle historique des „bonnets noirs" (černye klobuki) en Russie. Kubé A. N. Bois d'élan sculpté du IXe siècle. Maximova M. I. Le conte du Naufragé et un scarabé grec du VIe siècle (résumé français). Izmaïlova N. V. Chapiteau byzantin au Musée de Chersonèse. Matzulévich L. A. Grande boucle du trésor de Perechtépina et les pseudo-boucles. Rostovtzeff M. I. Le dieu equestre dans la Russie Méridionale, en Indo-Scythie et en Chine. Smirnov A. P. Base de croix en bois sculpté. Andréeva M. A. De la cérémonie „prokypsis". Florovsky A. V. Les données d'un écrivain arabe de X^e—XIe ss. sur la Russie. Aïnalov D. V. Le groupe en marbre de l'immolation d'Isaac. Kalitinsky A. P. Quelques types de la fibule dans la Russie Méridionale (résumé français). Bêlaev N. M. L'Annonciation. Monument nouveau de peinture grecque sur bois (résumé français). Okunev N. L. Piliers de Saint Georges. Les ruines d'une église du XIIe s. près de Novy Pazar (résumé français). Belaiew N. T. The history and development of Russian weights and measures (résumé anglais). Kondakov N. P. Sur le manichéisme et les „bogoumils" (fragments). Personalia. Chronique. Bibliographie. Compte rendu du Séminaire. Tous les articles sont en russe.

Vol. II, 1928 (382 pages, 43 planches). Prix $ 8.—

Gébélev S. A. J. J. Smirnov (en russe). Aïnalov D. V. Nouveau type iconographique du Christ (en russe, avec résumé français). Kubé A. N. Croix-reliquaire de l'Ermitage (en russe, avec résumé français). Malitzky A. N. Remarques sur l'histoire de la composition de la Trinité (en russe, avec résumé français). Ostrogorsky G. A. Die erkenntnistheoretischen Grundlagen des byzantinischen Bilderstreites (en russe, avec résumé allemand). Strzygowski J. Die mit Flechtbändern verzierte Platte vom Wawel. Kosteckaja E. O. L'iconographie de la Résurrection d'après les miniatures du psautier Chloudov (en russe, avec résumé français). Trojnicky S. N. Coffret de Hédvige Jagellone à l'Ermitage (en russe, avec résumé français). Spicyn A. A. L'âge de bronze en Russie (en russe, avec résumé français). Bartold V. V. Ambassade de Rome à Bagdad au début du Xe siècle (en russe, avec résumé français). Syčev N. P. Le plus ancien fragment de la peinture byzantine en Russie (en russe, avec résumé français). Fettich N. Eine gotische Silberschnalle im ungarischen Nationalmuseum. Kračkovsky J. J. La coupe sassanide dans les vers du poète abbaside Abū-Nuwās (en russe, avec résumé français). Tschubinaschwili G. Die Kirche von Samtzevrissi in Georgien. Rostovtzeff M. I. Le roman „scythe" (en russe, avec résumé français). Maculevič L. A. Un relief représentant des jeux de cirque (en russe, avec résumé français). Romanov K. K. Sur la question de la technique des reliefs de la cathédrale St. George à Juriev Polskoy (en russe, avec résumé français). Andréeva M. A. Sur la question de la composition du Klêtorologion de Philothé (en russe, avec résumé français). Orěšnikov A. V. La bague de St. Alexis Métropolite de Moscou (en russe, avec resumé français). Belaiew N. T. On the Sumerian mina its origin and numerical value (en russe, avec résumé anglais). Grabar A. N. Le schéma iconographique de la Pentecôte (en russe, avec résumé français). Perdrizet P. L'archange Ouriel. Kalitinsky A. P. Quelques types de la fibule à deux pelles en Russie (en russe, avec résumé français). Personalia. Chronique. Bibliographie. Compte rendu du Séminaire.

Vol. III, 1929 (330 pages, 30 planches). Prix $ 8.—

Anastasijević D. Leon Diacre sur la date de la reconquête de la Bulgarie par Tzimiscès (en russe). Okunev N. L. L'iconostase du XIIe s. à Nérèz (en russe, avec résumé français). Wulff O. Der Ursprung des kontinuirenden Stils in der russischen Ikonenmalerei. Niederle L. Parure provenant de la nécropole de Staré Město en Moravie (en russe, avec résumé français). Martinovitch N. N. The tomb of Mihri in Amasia (en russe, avec résumé anglais). Bêlaev N. M. Études d'archéologie byzantine. I. Die Fibel in Byzanz (en russe, avec résumé allemand); II. Le reliquaire de Chersonèse (en russe, avec résumé français). Lossky V. N. La théologie apophatique dans la doctrine de Dénys l'Aréopagite (en russe). Vernadsky G. V. Were the Mongol envoys of 1223 christians? (en russe, avec résumé anglais). Rutkovsky N. P. Les scholies latines dans les recueils canoniques orthodoxes (en russe). Toll N. P. Les tissus sassanides avec la représentation de la chasse de Bahrâm-gour (en russe). Rassovsky D. A. Sur la question de l'origine du Codex Cumanicus (en russe). Belaiew N. T. Rorik de Jutland et Rurik des annales russes (en russe). Personalia. Chronique. Bibliographie. Compte rendu du Séminaire.

Vol. IV, 1931 (313 pages, 21 planches). Prix $ 8.—

Masaryk Alice. Souvenirs sur les conférences de N. P. Kondakov (en tchèque). Kondakov N. P. Conférences sur la civilisation antique (édition posthume, en russe). Diehl Ch. La légende de l'empereur Théophile. Tallgren A. M. Zur westsibirischen Gruppe der „Schamanlstischen Figuren". Zlatarsky V. N. Organisation de la Bulgarie et situation du peuple bulgare, après la conquête du pays par l'empereur Basil II (en russe, avec résumé français). Moravcsik Gy. Die Herkunft des Wortes TZITZAKION (en russe, avec résumé allemand). Mutafčiev P. Relations russo-bulgares au temps de Sviatoslav (en russe, avec résumé français). de Baumgarten N. Sophie de Russie, reine de Danemark, puis comtesse de Thuringe (en russe, avec résumé français). Zieliński Th. La Sibylle Étrusque (en russe, avec résumé français). Blochet E. L'origine byzantine des cartons des écoles de peinture persane, à Hérat, au XVe et au XVIe siècles. Ostrogorsky G. A. Das Verhältnis von Staat und Kirche in Byzanz (en russe, avec résumé français). Hopfner Th. Apollonis von Tyana und Philostratos. Ostro-

gorsky G. und Schweinfurth Ph. Das Reliquiar der Despoten von Epirus. Bellinger A. R. The temples at Dura-Europas, and certain early churches. Belaiew N. T. The Daric and the Zolotnik (en russe, avec résumé anglais) W. L. Westermann. Four doubel receipts from the estate of Apollonius. Bêlaev N. M. (†) Croix en argent de la collection N. G. Soldatenkov (en russe, avec résumé français). Grabar A. Miniatures gréco-orientales. I. Le tétraévangile Vaticanus Graecus 354. Toll N. P. Notes sur l'iconographie des tissus sassanides (en russe, avec résumé français). Przeworski St. Kaukasische Bronzenfiguren in polnischen Sammlungen und ihre syrischen Paralellen. Personalia. Chronique. Bibliographie.

Vol. V, 1932 (348 pages, 26 planches). Prix $ 8.—

Perdrizet P. De la Véronique et de Sainte Véronique. Ostrogorsky G. A. Die slavische Übersetzung des Symeon Logothetes (en russe, avec résumé allemand). Miatev Kr. Relief en bronze de la Vierge du Musée de Plovdiv (en russe, avec résumé français). Mošin V. A. Nicolas, évêque de Tmutorokaň (en russe, avec résumé français). Born W. Das Tiergeflecht in der nordrussischen Buchmalerei. 1. Teil. Myslivec J. L'acatiste de la Sainte Vierge. Étude iconographique (en tchèque, avec résumé français). Vámos F. Attilas Hauptlager und Holzpaläste. Vasiliev A. Harun-ibn-Yahya and his description of Constantinople. Belaiew N. T. On a sumerian capper-bar in the British Museum (en russe, avec résumé anglais). Toll N. P. L'icone de la S. Vierge „Tikhvinskaïa" (en russe, avec résumé français). Myslivec J. Die Abgaros-Legende auf einer Ikone des XVII Jhdts (en russe, avec résumé allemand). Andreev N. E. Die Akten des Djak Viskovatyj (en russe, avec résumé allemand). Pokrovsky S. I. Une mosaïque nouvellement découverte dans la basilique Sainte Sophie à Sofia (en russe, avec résumé français). Ostrogorsky G. Zum Reisebericht des Harun-ibn-Yahya. Grabar A. Miniatures gréco-orientales. II. Toll N. P. Notes sur l'iconographie des tissus sassanides II-III. Personalia. Bibliographie.

Vol. VI, 1933 (252 pages, 17 planches). Prix $ 6.—

Rassovsky D. A. Pétchénègues, Torks et Béréndés en Russie et en Hongrie (en russe, avec résumé français). Perdrizet P. D'une gravure relative à la légende de S. Jude Phaddée. Ostrogorsky G. Rom und Byzanz im Kampfe um die Bilderverehrung. Born W. Das Tiergeflecht in der nordrussischen Buchmalerei (II. Teil). Asakawa K. The founding of the Shogunate by Minamoto-No-Yoritomo. Salmony A. Der wagerechte Stangenabschluß an der nordchinesischen Grenze und in China. Belaiew N. T. On bismar in India (en russe, avec résumé anglais). Bošković G. La restauration récente de l'iconostase à l'église de Nerezi. Rostovtzeff M. Some new aspects of Iranian Art. Mošin V. A. La Russie et les Khazares au temps du Sviatoslav (en russe). Toll N. P. The icon of our Saviour in the Soldatenkov collection (en russe, avec résumé anglais). Rásonyi Nagy L. Der Volksname Berendĕj. Myslivec J. Ikone des „Ioannes in der Wüste" aus der Sammlung Zolotnickij (en russe, avec résumé allemand). Personalia. Bibliographie.

Vol. VII, 1935 (280 pages, 10 planches). Prix $ 8.—

Pfister R. Teinture et alchimie dans l'Orient Hellénistique. Born W. Das Tiergeflecht in der nordrussischen Buchmalerei (III. Teil). Brutzkus J. Die „Warjager" und „Kolbjager" (en russe, avec résumé allemand). Grabar A. N. Les fresques des escaliers à Sainte-Sophie de Kiev et l'iconographie impériale byzantine. Solovjev A. V. Les emblèmes héraldiques de Byzance et les Slaves. Bratianu G. I. Anciennes modes orientales à la fin du Moyen Âge. Belaiew N. T. On the "Wodan-Monster" or the "Dragon" series of the Anglo-Saxon sceattas (avec résumé russe). Ostrogorsky G. A. Zum Stratordienst des Herrschers in der byzantinisch-slavischen Welt. Okuneva I. N. L'icone de St. Nicétas frappant le diable (en russe, avec résumé français). Myslivec J. Deux icones italo-grecques de la collection Soldatenkov. Andreev N. E. Der Mitropolite Makarij als Förderer der russischen religiösen Kunst (en russe, avec résumé allemand). Rassovsky D. A. Les Comans. I. L'origine des Comans (en russe, avec résumé français). Personalia. Bibliographie.

Vol. VIII, 1936 (316 pages, 12 planches). Prix $ 8.—

Vasiliev A. A. Expositio totius mundi. Ostrogorsky G. A. Die byzantinische Staatenhierarchie. Darkó E. Die ursprüngliche Bedeutung des unteren Teiles der ungarischen heiligen Krone. Vernadsky G. V. A Japanese drawing of the Russian settlement in Aniva Bay, Karafuto (1854). Weitzmann K. Das Evangelion im Skevaphylakion zu Lawra. Moine Basile Krivochéine. La doctrine ascétique et théologique de Saint Grégoire Palamas (en russe, avec résumé français). Loukianoff G. I. La châsse d'argent de la grande martyre Ste Catherine—offrande des tzars russes au couvent de Sinaï en 1688 (en russe, avec résumé français). Rassovsky D. A. Les Comans. II. L'expansion des Comans (en russe, avec résumé français). Werner J. Zwei byzantinische Pektoralkreuze aus Ägypten. Okuneva I. N. L'icone en stéatite du XVI s. (en russe, avec résumé français). Belaiew N. T. On the geographical distribution of the sceattas (en russe, avec résumé anglais). Okunev N. L. Un monument de l'art serbe du XIIIe s. (en russe, avec résumé français). Andreev N. E. Mönch Zinovius vom Kloster Oten über die Verehrung und das Malen von Ikonen (en russe, avec résumé allemand). Personalia. Bibliographie. Supplément I: Notes sur la „Chanson d'Igor". Rásonyi L. Les noms de tribus dans le Slovo o polku Igorově. Toll N. P. O žemčugě v sně Sviatoslava. Rassovsky D. A. Chinova. Rassovsky D. A. Tlъkoviny.

ANNALES DE L'INSTITUT KONDAKOV (Suite de la série SEMINARIUM KONDAKOVIANUM).

Vol. IX, 1937 (110 pages, 12 planches). Prix $ 3.—

Brown F. E. A recently discovered compound bow. Toll N. P. The necropolis of Halebie-Zenobia. Anderson W. Nordische Bildkunst der ersten Jahrtausends. Vasiliev A. A. The opening stages of the Anglo-Saxon immigration to Byzantium in the eleventh century. Rassovsky D. A. Les Comans. III. Le territoire des Comans (en russe). Personalia. Bibliographie.

Vol. X, 1938 (Mélanges A. A. Vasiliev). 201 pages, 3 planches. Prix $ 6.—

Vernadsky G. V. A. A. Vasiliev (en russe). Dölger F. Johannes VI. Kantakuzenos als dynastischer Legitimist. Solovjev A. V. Un inventaire de documents byzantins de Chilandar. Bees N. A. Berliner Quellen zu den Lebensumständen des Metropoliten Arsenios von Tiberiopolis und des Bischofs Seraphim von Tzerbenos. Anastasijević D. Actes d'Esphigménou du tsar Dušan (en russe). Dvornik F. L'affaire de Photios dans la littérature latine du Moyen Âge. Stanojević S. Jacob, métropolite de Ser (en russe, avec résumé français). Rostovtzeff M. I. The foundation of Dura-Europos on the Euphrates. Grégoire H. L'empereur Maurice s'appuyait-il sur les Verts ou sur les Bleus? Mošin V. A. Δουλικὸν ζευγάριον. Sur la question du servage à Byzance (en russe, avec résumé français). Andreeva M. A. A propos de l'écloge de l'empereur Jean III Batatzès par son fils Théodore II Lascaris. Dujčev I. Protobulgares et Slaves. Rassovsky D. A. Les Comans III. Le territoire des Comans (en russe, avec résumé français). Ostrogorsky G. A. Autokrator Johannes II. and Basileus Alexios. Andreev N. E. Ivan IV. der Gestrenge und die Ikonenmalerei des XVI. Jahrhunderts (en russe, avec résumé allemand).

